

СЕМЕН ФЕДОСЕЕВ

«ПУШЕЧНОЕ МЯСО»

ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

ПЕХОТА В БОЮ

◀ СЕМЕН ФЕДОСЕЕВ ▶

«ПУШЕЧНОЕ МЯСО»

ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

ПЕХОТА В БОЮ

ЭКСМО
МОСКВА
2009

Предисловие

Первая мировая война заложила основы коренных преобразований в системе вооружения, тактике, оперативном искусстве армий, значение которых сказывается до сих пор. И в первую очередь это относится к пехоте — самому массовому и самому «универсальному» роду войск, вынесшему на себе главную тяжесть войны.

Книга, предлагаемая вниманию читателей, представляет собой популярный очерк тех изменений, которые происходили в вооружении, техническом оснащении и тактике пехоты русской армии с 1914 по 1917 год. Рассказано, как видоизменялась система ее вооружения, боевые приемы, какие происходили организационные изменения, как складывалось взаимодействие пехоты с другими родами войск. Рассмотрены связанные с этим вопросы снабжения армии стрелковым оружием и средствами ближнего боя (винтовки, пулеметы, револьверы, ручные и ружейные гранаты, минометы и бомбометы), средствами индивидуальной защиты (стальные шлемы, бронешиты, противогазы), инженерными средствами, средствами связи, вопросы подготовки и обучения солдат и офицеров, обеспечения фронтового быта. История подготовки и проведения операций Первой мировой войны или исследование истории пехотных и стрелковых полков русской армии не входит в задачу данной книги. Однако для наглядности, разумеется, приводятся боевые примеры из различных операций на Русском театре мировой войны.

Пехоту Первой мировой войны принято именовать «пушечным мясом». Но пехота не только гибла, но и воевала. Мужественно и, насколько удавалось, умело.

Революция, положившая конец существованию старой русской армии, и последовавшая за ней гражданская война отнюдь не отодвинули опыт мировой войны на задний план, и он сыграл важную роль в дальнейшем развитии пехоты Красной Армии.

При подготовке книги широко использованы архивные документы из фондов Главного артиллерийского, Главного военно-технического (инженерного) управлений военного министерства, Главного управления Генерального штаба, Управления генерал-инспектора артиллерии, Офицерской стрелковой школы, Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам, Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, Центрального военно-промышленного комитета, уставы и наставления Русской армии, книги и статьи видных военных специалистов России, исследования советских и российских историков, статистические сборники, а также мемуары участников Первой мировой войны.

Часть 1

Вооружение, снаряжение, технические средства пехоты

От сопок Маньчжурии до Галицийских полей

Организация русских пехотных соединений и частей к началу войны строилась по своего рода «двоичной» системе. Пехотная дивизия включала две бригады, каждая — по 2 полка. Полк, в свою очередь, включал 4 батальона, батальон — 4 пехотных роты, а рота — 4 взвода из 2 — 4 звеньев по 2 — 4 ряда в звене (ряд — 2 человека, стоящих в затылок друг другу).

Рота была в пехоте основной единицей, способной самостоятельно решать тактические задачи и имевшей самостоятельное хозяйство. По штатам военного времени рота должна была иметь 235 человек нижних чинов (включая 180 рядовых и 15 безоружных нестроевых, для выполнения хозяйственных работ) и 3 — 4 офицера. Батальон был расчетной единицей при планировании боевых действий (дивизия, таким образом, считалась 16-батальонной), а полк — административной единицей, имеющей самостоятельное управление и свое хозяйство. В состав пехотной (стрелковой) дивизии или отдельной стрелковой бригады к началу войны входила легкая артиллерийская бригада (6 батарей по 8 легких полевых 76-мм пушек) или легкий артиллерийский дивизион (3 батареи по 8 орудий) со своими артиллерийскими парками. 76-мм (3-дм) пушки обр.1900 и 1902 гг. составляли

основу артиллерии дивизий. Кроме них, легкая полевая артиллерия располагала 122-мм (48-лин.) гаубицами обр.1909 и 1910 гг. — 12 гаубиц, то есть две батареи входили в «мортирный» дивизион корпуса. В этом отношении русская пехотная дивизия заметно уступала германской, имевшей 9 батарей 77-мм полевых пушек и 3 батареи легких 105-мм гаубиц плюс в составе артиллерии корпуса имелось по две батареи тяжелых 150-мм гаубиц на каждую пехотную дивизию. То есть командир германской пе-

Бойцы 11-го гренадерского Фанагорийского полка проходят парадным строем. Снаряжением и тактикой гренадеры практически не отличались от остальной пехоты

хотной дивизии мог рассчитывать на 14 батарей, русской пехотной или стрелковой дивизии — 7 батарей. Тот факт, что русская легкая полевая батарея была 8-орудийной, а германская 6-орудийной, немногим менял ситуацию, поскольку 6-орудийная батарея была мобильнее и лучше управляемой и в боевых условиях ее огонь использовался полнее, чем громоздкой 8-орудийной. Поэтому уже накануне войны русское военное ведомство намеревалось перейти в легкой полевой артиллерии к 6-орудийным батареям, но эта реорганизация задерживалась из-за отказа в отпуске соответствующих средств (даже «сокращение» требует дополнительных расходов) и была проведена уже во время войны.

При менее сильной артиллерии по численному составу русские пехотные соединения превосходили противника: русский пехотный корпус (32 батальона) включал 48 000 человек, пехотная дивизия (16 батальонов) — 21 000 человек личного состава; германский корпус (24 батальона) — 45 000 человек, дивизия — 16 600 человек.

Полковой артиллерии, которая могла бы играть роль «артиллерии сопровождения» пехоты, не было. Хотя к таковой можно отнести имевшиеся при каждом полку пулеметные команды по 8 пулеметов (4 взвода по 2 пулемета) — тем более что пулеметы считались пока «специальным артиллерийским» средством, а их организация и тактика, хотя и привязанные тесно к пехоте, больше напоминали артиллерийскую. Кроме пулеметной, в штат полка также включались команда разведчиков и команда связи (телеграфисты, самокатчики и конные ординарцы).

Гвардейские и гренадерские полки и дивизии имели такую же организацию, что и армейские, но традиционно комплектовались наиболее рослыми и выносливыми новобранцами. Гренадерские части и соединения не отличались от остальной пехоты также по вооружению и способам действий, название «гренадерские» сохранялось как почетное, отражавшее воинские традиции. Новым «гренадерам» предстояло появиться уже в ходе войны и не в виде отдельных частей.

Отдельные стрелковые бригады, не входившие в состав дивизий, также состояли из 4 полков, но, в отличие от пехотных, в стрелковых полках этих бригад было по 2 батальона. Исключение при этом составляли только полки сибирских стрелковых дивизий, которые имели по 4 батальона. Артиллерийский дивизион стрелковой бригады имел три батареи вместо шести.

Определяющим для подготовки русской армии к «большой европейской войне» был собственный опыт Русско-японской войны и оценка опыта Балканских войн. Под таким влиянием реорганизовывалась пехота русской армии, менялась ее подготовка, готовилось перевооружение. Начали проводить в жизнь расчлененные

боевые порядки и их «эластичность», совершенствовали подготовку одиночного бойца и подразделений, обучение младшего командного, особенно офицерского состава. Обращалось внимание на воспитание личного состава в духе активных решительных действий. Последний перед войной «Устав полевой службы» 1912 г. давал ряд новых положений по организации боя и взаимодействию в нем различных родов войск — прежде всего пехоты и артиллерии. Однако положения этого устава, по мнению ряда исследователей, были слишком общи, «разница в обучении боевым действиям войск в двух смежных округах была больше, чем у Германии и Франции» (а последние придерживались весьма различавшихся концепций). Столь же различен был уровень стрелковой подготовки. Бывший профессор военной академии А. А. Незнамов писал: «Мы учили отдельного стрелка метко стрелять в мишень на стрельбище, но совершенно игнорировали подготовку его в боевом отношении. Мы, верные заветам предков по школе, изучили «элементы», рассчитывая, что на поле сражения из отличных элементов автоматически получится и отличное целое». Офицеры слабо готовились к организации огня и управлению им в бою. Впрочем, огневые задачи в ходе войны настолько усложнились и изменились, что пехоте все равно пришлось учиться этому в бою. И «Устав полевой службы», и «Наставление для действий пехоты в бою» (1914 г.) требовали энергичного, смелого и согласованного продвижения пехоты и пулеметов в наступательном бою, но при этом не учитывался уничтожающий огонь современной артиллерии и пулеметов противника.

В отношении полевой фортификации и применения ее пехотой накануне войны также не было выработано четкого взгляда, что и сказывалось на подготовке пехоты и пехотных командиров (тем более что последние считали любые фортификационные работы задачей исключительно инженеров). С одной стороны, признавалась роль окопов в обороне. С другой — в наставлениях по саперному делу все еще присутствовал отживший свое руд — земляное укрепление в виде многоугольника. Оно

обеспечивало стрелкам хороший обстрел, но в условиях развития тяжелой полевой артиллерии превратилось бы для них в смертельную ловушку. Редут, или группа окопов, составлял опорный пункт позиции. С началом войны от редутов совершенно отказываются, а к земляным насыпям прибегают только там, где грунт не позволял рыть глубокие окопы. Впрочем, редуты нашли себе применение на Кавказском фронте — просто в силу специфики самого фронта. Предвидеть формы боев грядущей мировой войны тогда не мог никто.

Явно возросшая потребность в предметах артиллерийского снабжения потребовала расширения военных заводов: оружейных — Тульского, Ижевского и Сестрорецкого, патронных — Петербургского и Луганского; трубочных — Петербургского и Самарского; Петербургского орудийного и Казанского порохового, а также арсеналов — Петербургского, Киевского и Брянского. Реформы, которые успел жестко провести П. А. Столыпин, дали России средства на увеличение военного бюджета, хотя значительная его часть уходила на восстановление и перевооружение флота.

При подготовке армии к боевым действиям не были достаточно учтены ни громадный расход боеприпасов, ни общее значение техники в будущей войне — тем более что для накопления необходимых запасов не хватало средств, и планы военного ведомства (даже теоретические построения будущей войны) приходилось подгонять под бюджет.

24 июня 1914 г. после обсуждения в правительстве и Государственной думе была утверждена и получила силу закона «Большая программа по усилению армии», рассчитанная на срок с 1914 по 1917 г. Хотя некоторые мероприятия начали осуществляться военным министерством еще в 1913 г. (благо, царь одобрил положения «Большой программы» еще 6 марта 1913 г.), это была очень небольшая часть от масштабной программы. Тем не менее стоит взглянуть на положения этой программы хотя бы потому, что они отражают часть тех проблем, которые стояли перед армией к началу мировой войны и которые не удалось

разрешить. В отношении пехоты интересны следующие мероприятия. Армия мирного времени увеличивалась на 468 200 нижних чинов и 11 772 офицера, из них 266 239 нижних чинов и 4080 офицеров приходилось на пехоту. После проведенной в 1910 г. реорганизации армии из 1252 пехотных батальонов лишь 372 содержались в усиленном составе — от 60 до 80 рядов в роте, — большинство же имело по 48 рядов в роте. Специалисты Генерального штаба указывали, что при мобилизации полки с такими батальонами, выделив часть солдат для тыловых формирований и оставив на местах квартирования слабых и больных, выступали в поход, имея в ротах до 65 — 70 % личного состава, призванного из запаса, и только 30 — 35 % состоящих на действительной службе. При этом в мирное время значительное число людей находилось в нарядах и командировках, что отрицательно сказывалось на боевой подготовке войск. «Большая программа» устанавливала три состава пехотной роты: нормальный — 60 рядов, усиленный — 84 и полный — 100 рядов. Это, с одной стороны, упрощало и ускоряло мобилизацию, с другой — создавало более благоприятные условия для проведения боевой подготовки в мирное время. Согласно «Большой программе» должны были формироваться вновь: 4-я Финляндская стрелковая бригада, 26 и 27-й армейские корпуса, 12-я Сибирская стрелковая дивизия для Омского военного округа, третьи бригады в составе 26 и 28-й дивизий Виленского округа, 2, 16 и 38-й дивизий Варшавского округа (для постоянных гарнизонов крепостей Гродно, Ковно, Новогеоргиевск, Осовец, Брест-Литовск), отдельная бригада в Приамурском округе — всего 32 четырехбатальонных и 6 двухбатальонных пехотных полков.

Пехотные объединения русской армии в мирное время не имели в своем составе войсковой конницы, предназначенной для разведывательной и сторожевой служб, боевых действий в составе пехотных дивизий и армейских корпусов. Ее роль должны были играть казачьи части 2-й очереди, но мобилизация их грозила затянуться. Поэтому намечалось увеличить число полков в кавалерийских дивизиях до 5 — 6, чтобы при выступлении пятые

и шестые полки образовывали бы корпусную конницу, а стратегическая конница состояла бы из дивизий 4-полкового состава.

«Наибольшее место» программа отводила улучшению артиллерии. В частности, предполагалось создание 2-го «мортирного» корпусного дивизиона и включение этих дивизионов в состав артиллерийских бригад, то есть легкие гаубицы должны были «спуститься» в пехотные дивизии.

«Ничего существенного из этой программы осуществить не удалось, — писал генерал А. И. Деникин в воспоминаниях «Путь русского офицера», — корпуса вышли на войну, имея от 108 до 124 орудий против 160 немецких и почти не имея тяжелой артиллерии и запаса ружей. Что же касается снабжения патронами, была восстановлена лишь старая, далеко недостаточная норма в одну тысячу патронов против трех тысяч у немцев».

Генерал А. А. Брусилов довольно резко оценил проведенные реформы: «Реформы военного ведомства свелись по преимуществу к новому обмундированию, более красивому и элегантному, в особенности в гвардии и в кавалерии, которые в японской войне вовсе не участвовали, и начали строить новый флот, так как предыдущий был погребен в Японском море». Состояние русских пехотных соединений накануне войны он оценивал так: «Пехота была хорошо вооружена соответствующей винтовкой, но пулеметов было у нее чрезмерно мало, всего по 8 на полк, тогда как минимально необходимо было иметь на каждый батальон не менее 8 пулеметов, считая по 2 на роту, и затем хотя бы одну 8-пулеметную команду в распоряжении командира полка. Итого — не менее 40 пулеметов на 4-батальонный полк, а на дивизию, следовательно, 160 пулеметов; в дивизии же было всего 32 пулемета. Не было, конечно, бомбометов, минометов и ручных гранат, но, в расчете на полевую войну, их в начале войны ни в одной армии не было, и отсутствие их в этот период войны военному министерству в вину ставить нельзя. Ограниченность огнестрельных припасов была ужасающей, крупнейшей бедой, которая меня чрезвычайно озабочивала с самого начала, но я уповал, что военное

*Стрелки 5-го Сибирского
стрелкового полка.
24 июля 1915 г.
В руках у стрелков —
3-лин. пехотные
винтовки обр. 1891 г.
с примкнутым штыком*

министерство спешно займется этим главнейшим делом и сделает нечеловеческие усилия, чтобы развить нашу военную промышленность.

Что касается организации пехоты, то я считал — и это оправдалось на деле, — что 4-батальонный полк и, следовательно, 16-батальонная дивизия — части слишком громоздкие для удобного управления. Использовать их в боевом отношении достаточно целесообразно — чрезвычайно трудно. Я считал, да и теперь считаю, что нормально полк должен быть 3-батальонный, 12-ротного состава, в дивизии — 12 батальонов, а в корпусе — не две, а три дивизии. Таким образом, в корпусе было бы 36 батальонов вместо 32, а троечная система значительно облегчала бы начальству возможность использовать их наиболее продуктивно в бою. Что касается артиллерии, то в ее организации были крупные дефекты, и мы в этом отношении значительно отставали от наших врагов...

На каждый армейский корпус было по одному саперному батальону, составленному из одной телеграфной роты и трех рот саперов».

В связи с планировавшимся увеличением офицерского корпуса и необходимостью улучшения подготовки офицеров Главное управление военно-учебных заведений разработало четырехлетний план, предусматривавший: увеличение ежегодного выпуска в 10 военных пехотных училищах, расширение с 1914/15 учебного года штата Иркутского военного училища, создание новых пехотных училищ в Киеве и Ташкенте, образование в 1917/18 году трех временных военных училищ в Петербурге, Казани и Одессе. В первый год офицерский корпус должен был увеличиться на 1693 человека.

«Большая программа» явно предусматривала начало войны не ранее 1917 г.

Характерно, что главное внимание уделялось увеличению численности и оснащенности армии мирного времени и размерам перволинейных войск. Так, в 1914 г. контингент новобранцев увеличился до 580 000 человек (даже в 1905 г. — во время Русско-японской войны — он составлял 475 000 человек). В «Известиях Императорской Николаевской академии» № 39 приводились данные о наличии военно-обученных людей, которые могут быть призваны в армию: Россия — 7 668 000, Германия — 5 252 000, Австро-Венгрия — 2 243 000 человек. Правда, такое количество людей нужно было перевезти, экипировать, вооружить, снабжать.

Это соответствовало взглядам на грядущую большую войну как на скоротечную, когда решающий успех должен быть достигнут в начальный период. Это отвечало и требованиям основного союзника, Франции, ожидавшей, что «русский паровой каток» с первых недель войны на широком фронте двинется на центральные державы, значительно облегчая ведение войны западным союзникам. В вопросах организации тыла дело ограничивалось планами строительства дорог, не было уделено достаточного внимания формированию пополнений для армии. Хотя некоторые меры, конечно, принимались. Так,

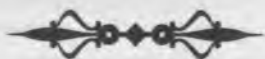
с 1912г. было принято задерживать старый набор в частях с ноября по апрель — на время обучения новобранцев. В 1909, 1911, 1912гг. проводились в больших масштабах учебные сборы запасных, отмененные в предшествующие годы. Модернизировали методы подготовки и совершенствования командного состава. Это усилило кадровый состав армии и улучшило качество запасных первого призыва, то есть обеспечило армию необходимым «кадром» на самое начало войны. Но ни распорядиться этим «кадром» достаточно эффективно, ни обеспечить обученным пополнением продолжение войны уже не могли.

«Перед войной, — писал генерал Деникин, — не поднимался вовсе вопрос о способах усиленного военного снабжения после истощения запасов мирного времени и о мобилизации военной промышленности!»

По мнению исследователя и публициста М. Павловича (Вельтмана), «организация и вооружение резервов представляли собой ахиллесову пяту и в доктрине, и в системе национальной обороны Франции и России, и, наоборот, самое сильное место, самый грозный таран в военном оборонительно-наступательном аппарате Германии». Последовательным развитием кадров в количественном и качественном отношении и поддержанием запасных в плане их обучения и воспитания в сочетании с хорошим развитием транспортной сети Германия обеспечила себе ряд преимуществ. Россия в ходе войны увеличила состав своих вооруженных сил со 108 до 238 дивизий, не исчерпав при этом всех людских контингентов; возможности развертывания ограничивались не только недостаточно продуманным военным законодательством и мобилизационной системой, но и слабой технической базой. Германия в ходе войны увеличила число своих дивизий с 94 до 236, добившись этого ценой колоссального напряжения (к концу войны призывались запасные в возрасте от 17 до 45 лет) и максимального использования мужского населения страны. К тому же в Германии неплохо была поставлена «патриотическая» пропаганда, пресловутая «муштра» сочеталась с достаточно сознательной дисциплиной. Австро-венгерская армия, хотя

и имела уставы и программы обучения по образцу германского рейхсвера, была гораздо слабее в плане запаса обученных людей, уровня подготовки многих офицеров и крайней «неоднородности» личного состава — здесь были неплохо подготовленные и сплоченные венгерские части, и малонадежные чешские или словацкие.

Первую мировую войну можно назвать еще и первой «войной заводов». Пожалуй, никогда ранее воюющие армии не ощущали так явно своей зависимости от военной промышленности, а возможности промышленности по производству вооружений и боеприпасов, способности транспорта обеспечить снабжение и способность государственных структур быстро реагировать на потребности фронта, организовать производство и поставки не оказывали такого влияния на ход операций. Поэтому разговор о состоянии и действиях пехоты невозможен без внимательного взгляда на ход снабжения ее вооружением, боеприпасами, предметами снаряжения, средствами индивидуальной защиты, связи и т. д. В целом русская армия вступила в войну, незначительно уступая своим противникам по насыщенности армии современным вооружением и практически не уступая по характеристикам этого вооружения. Зато Россия сильно уступала им по своим промышленным возможностям, что сказалось в ходе войны самым драматическим образом. При самой большой действующей армии Россия имела наименьший «промышленный резерв».

Производство, закупки, поставки

Объемы производства оружия после окончания первой русской революции и до начала мировой войны можно проследить по следующей таблице, составленной по

работам бывшего начальника ГАУ А. А. Маниковского, В. С. Михайлова и Л. Г. Бескровного:

Год	Сестро- рецкий оружей- ный завод	Ижевс- кий ору- жейный завод	Императорский Тульский оружейный завод						
	Винтовки	Винтовки	Винтовки	Револьверы	Пулеметы				Станки Соколова
					тяжелые	облегченные (легкие)	учебные	морские	
1908	12 007	28 348	24 154	25 083	783	-	-	128	-
1909	19 086	69 726	37 045	34 207	283	-	-	101	-
1910	13 949	38 635	22 645	16 443	604	(10)	-	86	430
1911	2530	23 587	10 850	30 290	312	160 (5)	112	7	200
1912	-	35 687	11 470	51 656	-	585	150	-	510
1913	3597	58 609	2838	87 200	-	732	-	56	490

К 1911 г. считалось, что закончено пополнение запасов оружия, израсходованных в Русско-японскую войну, заводы продолжили пополнение установленных в 1910 г. запасов. Об определенной успокоенности в отношении вооружения пехоты военного руководства и специалистов в самом начале войны вспоминал выдающийся русский оружейник В. Г. Федоров, в то время член Артиллерийского комитета ГАУ: «Новый русский пулемет образца 1910 года — куда совершеннее пулеметов, стрелявших на полях Маньчжурии! И по количеству их русская армия шла впереди других государств: у нас на каждую дивизию — тридцать два пулемета, а в иностранных армиях — не более двадцати четырех. Мы могли гордиться также и другими образцами нашего стрелкового оружия. Русская трехлинейная винтовка заслужила всеобщее признание в предшествующих битвах. Револьвер образца 1895 года был также одним из лучших...

Как гордились мы тогда блестящим видом этих частей, уходивших на фронт! Но как беспочвенна и напрасна,

однако, была наша гордость! Мы немногим отличались в этом отношении от толпы обывателей, привлеченных красивой картиной и бодрящей музыкой». Загрузка заводов заказами была крайне невелика. Сестрорецкий завод стоял фактически на консервации (а министерство финансов упорно требовало от военного ведомства избавиться от «лишнего» завода), а основной тогда Императорский Тульский оружейный завод (ИТОЗ) в первую половину 1914 г. выпускал 1—5 винтовок в месяц.

Бывший начальник ГАУ генерал Кузьмин-Караваев заметил: «Если бы накануне войны 1914 г. кем-либо из ответственных чинов военного ведомства была высказана мысль о предстоящей потребности в предметах артиллерийского довольствия, близкой к определившейся к 1916 г., то подобное заявление было бы признано не серьезным, не подлежащим обсуждению».

Реализация планов «расширения» заводов находилась в начальной стадии. К замене станков и расширению производственных площадей приступили только в марте 1914 г., «переустройство» заводов должно было завершиться во второй половине 1916 г.

Самое массовое оружие

Основным оружием русской пехоты была 3-линейная (7,62-мм) магазинная винтовка обр. 1891 г. Ее валовое производство началось в 1893 г. и с переменным темпом велось до начала Первой мировой войны.

Предложения улучшить ее баллистику за счет остроконечной пули поступали давно — такую пулю, позволявшую увеличить скорость полета, настильность траектории и уменьшить массу патрона, еще в 1890-е годы предлагал для трехлинейки полковник Киснемский, но победили опасения, что снижение массы пули снизит убойность.

Опыт этого не подтвердил. В 1904 г. в Германии приняли винтовочный патрон с остроконечной пулей «S» и усиленным пороховым зарядом. В России не замедлили создать комиссию во главе с известным специалистом генералом А. Э. Керном, усилиями которой появилась легкая остроконечная пуля. В 1908 г. на вооружение был принят винтовочный патрон с легкой остроконечной пулей в 9,6 г (у тупоконечной — 13,73 г) и новым сортом пороха. Дальность прямого выстрела увеличилась с 420 до 595 шагов, остроконечная пуля пробивала 6-мм щит пулемета «Мак-

Солдаты пехотной роты сфотографировались после награждения вместе со своим командиром

сим» на дальности до 100 шагов, в то время как тупоконечная — только с самых близких дистанций, почти в упор. Патрон обр.1908 г. принимали как «временный» — для улучшения баллистических характеристик имеющихся образцов оружия до введения в войска нового оружия под новый патрон. Однако этому патрону суждено было стать основой для семейства винтовочных (винтовочно-пулеметных) патронов, применяемого по сию пору. Переделка винтовок под патрон с остроконечной пулей

(переделка патронника, установка нового прицела) затянулась. В конце 1913 г., например, на эту потребность необходим был отпуск 2 826 000 руб., в счет ее отпустили только 200 000 руб. До половины трехлинейных винтовок приходилось доводить уже с началом войны.

Накануне войны планировалось масштабное перевооружение армии новым типом оружия — автоматической винтовкой. Актуальность увеличения огневой мощности пехотных подразделений, которая притом позволила бы применять более гибкие боевые порядки, подтвердил опыт Русско-японской войны. Наиболее радикальным решением проблемы повышения плотности пехотного огня при более редких цепях и возможности вести огонь при движении в атаку казалась «автоматизация» основного и наиболее массового оружия — винтовки. Осенью 1908 г. создается Комиссия по выработке образца автоматической винтовки. По ныне принятой классификации следовало бы говорить о «самозарядной» винтовке. Задача ставилась широко и основательно — кроме «выработки самого механизма», нужно было создать и новый малокалиберный патрон новой конфигурации. С принятием 7,62-мм патрона вопрос о калибре не считался решенным — вскоре началась разработка 6,5-мм патрона. Но «автоматическая винтовка» оживила эти работы — уменьшение калибра позволяло увеличить носимый боезапас — ведь основным аргументом противников автоматической винтовки был «слишком быстрый расход патронов».

До выработки нового патрона винтовки должны были разрабатываться под патрон обр. 1908 г. О результатах работы Комиссии можно судить по ее сообщению от 2 апреля 1914 г.: «В течение ближайшего будущего будет получено для полигонных испытаний три образца автоматической винтовки:

- 1) 12 экземпляров 3-линейной винтовки подъясаула Токарева,
- 2) 10 экземпляров 6,5-мм винтовки полковника Федорова,
- 3) 10 экземпляров 3-линейной винтовки г-на Браунинга.

После полигонных опытов, которые будут окончены в нынешнем лете, необходимо будет перейти к широким войсковым испытаниям... Так как во время произведенных Комиссией опытов ни одна из вышеперечисленных систем решительных преимуществ перед другими не обнаружила, по всей вероятности, придется заказать каждого образца по 150 экземпляров, так как только обширные сравнительные испытания могут дать окончательное решение по этому важнейшему вопросу».

С началом войны прекратили все опытные работы, мощности заводов направили на выпуск штатного оружия, а средства — на усиление «военного фонда». Обоснованность прекращения работ подтвердил сам В. Г. Федоров (уже тогда ведущий русский специалист в области ручного оружия), писавший в начале 1915 г. с фронта, что имеющиеся системы автоматических винтовок просто не выдержали бы реальных фронтовых условий, а эксплуатация их была бы слишком сложна.

Работы Комиссии по выработке образца автоматической винтовки имели большое значение — был выработан ряд систем, отработаны вопросы проектирования, испытания и опытного производства автоматического оружия, приобрели практический опыт многие изобретатели. Но была и оборотная сторона: автоматическая винтовка «съела» большую часть средств на работы по пехотному оружию, ожидание перевооружения ею снизило интерес к усовершенствованию трехлинейки — это сказалось и в недостаточном контроле за переделкой винтовок под остроконечный патрон, и в отказе от модернизации трехлинейной винтовки, предложенной в 1912 г. Н. И. Холодовским. Еще 1 ноября 1907 г. Оружейный отдел Арткома возбудил вопрос об уменьшении на оружейных заводах с 280 до 100 тысяч мобилизационных запасов черновых стволов, которые для автоматической винтовки «могут оказаться непригодными». К тому же происходил переход на изготовление стволов из новой стали — процесс сам по себе необходимый и важный, но затянувшийся.

Нормы запасов оружия были выработаны в 1910 г. особой комиссией военного министерства. Мобилизацион-

ный запас винтовок складывался из шести категорий: 1) 10 % и 5 % — для пополнения убыли винтовок во время войны, 2) для второго комплекта запасных батальонов, 3) крепостной, 4) учреждений, формируемых в военное время, 5) для государственного ополчения. Пулеметов полагалось содержать в запасе 10 % от числа состоящих в войсках. Общее количество оружия, которое должно было находиться в запасах по нормам 1910 г., и наличный запас были:

Наименование оружия	Положено содер- жать в войсках и запасах	Состояло в войсках и запасах к началу войны в 1914 г.	Избыток (+), недостаток (-)
3-лин. винтовок пехотных	3 270 320	3 427 077	+ 156 757
3-лин. винтовок драгунских	464 405	540 272	+ 76 867
3-лин. винтовок казацких	189 598	204 394	+14 796
<i>Всего 3-лин. винтовок</i>	<i>3 924 323</i>	<i>4 171 743</i>	<i>+247 420</i>
3-лин. карабинов	286 259	118 657	-167 602
4,2-лин. винтовок «Бердан»	348 421	362 019	+ 13 598
<i>Всего винтовок и карабинов</i>	<i>4 559 003</i>	<i>4 652 419</i>	<i>+93 416</i>
Револьверов	436 210	424 434	-11 776
3-лин. пулеметов «Максим»	4 990	4 157	-833

Поскольку выпуск винтовок был начат давно, их наличие оказалось больше штатной потребности. Расчет на маневренную быстротечную войну — от 2 до 6 месяцев, в худшем случае, до года — не предполагал ни больших единовременных потребностей для новых пополнений, ни большую убыль оружия в ходе боевых действий. Но и эти планы военного ведомства не согласовывались с действиями министерств финансов, торговли и промышленности. Хроническое урезание финансирования не позволяло накапливать должных запасов ни оружия,

ни материалов — стали, меди, латуни, порохов, — «непроизводительный запас» обременял казенные заводы («оптимизировать расходы» военного ведомства у нас пытались и тогда).

Исчисленная Главным управлением Генерального штаба норма в 4 210 582 винтовки приходилась на армию, которая после мобилизации должна была иметь 4 900 000 солдат. Положение с винтовками казалось благополучным, так что оружие из запасов еще и передавали за границу: в 1912 г. Болгарии отпустили 50 000 трехлинейек и 50 000 000 патронов к ним плюс 25 000 берданок, в 1913 г. — Монголии 10 000 трехлинейек и 9 миллионов патронов, перед самой войной в 1914 г. передали 120 000 трехлинейек и 200 миллионов патронов Сербии, да еще 21 миллион патронов Черногории.

Хотя «общественное мнение» на долгие годы усвоило словосочетание «снарядный голод», первым «голодом», который пришлось испытать русской армии в мировую войну, стал дефицит винтовок. К концу 1914 г. командование вынуждено было принимать срочные меры, чтобы восполнять недостаток винтовок своими средствами. Организовали сбор винтовок на полях сражений, причем к этому привлекались не только войска, но и гражданское население. Открывались временные ружейные склады, из которых по мере возможности обеспечивались проходившие маршевые команды. Годные винтовки отбирались у тыловых частей, заменяясь устаревшими. Меры эти были недостаточны.

Уже 14 октября 1914 г. в докладе Главного управления Генерального штаба № 526 военному министру сообщалось, что выявился недостаток в 870 тыс. винтовок, из них: 585 тыс. — для новобранцев призыва 1914 г., 170 тыс. — для пополнения по требованиям фронтов, 93 тыс. — для запасных батальонов, 22 тыс. — для вновь формируемых маршевых эскадронов и разрядов казаков. В первые же месяцы войны дело дошло даже до обращения к Абиссинии о возврате 13 800 винтовок, уступленных ей Россией в 1895 г., а также — к Монголии. Предлагалось даже выкупить русские винтовки, растащенные по

рукам в Маньчжурии во время Русско-японской войны, но откомандированные туда лица «нашли их в таком запущенном состоянии, что скупать их у населения не было никакого смысла». Начальник Генерального штаба телеграммой № 11856 вынужден был установить высылку на фронт пополнений с половинным числом винтовок. Но многие маршевые роты имели винтовок не более чем на четверть людей, а на фронте их довооружать было нечем. В. Г. Федоров писал, какое впечатление произвела на него «понурая и недовольная» безоружная маршевая рота и как преобразилась она, едва получив оружие: «Лица стрелков были бодрые, веселые, шаг широкий, часть шла в ногу... Как произошло такое быстрое превращение понурой толпы в молодецкую роту? Причина была ясна! Теперь на плече каждого солдата была винтовка, теперь из безоружного он превратился в бойца». Записал В. Г. Федоров и разговор с армейским офицером в конце февраля 1915 г.: «Пополнения приходят к нам большей частью безоружными, нам девать их некуда, они только развращают личный состав». Солдат без ружья — не солдат. «Винтовок недостает, — писал по результатам проверки действующей армии член Военного совета генерал фон Ашеберг в феврале 1915 г., — необходимо тщательно отбирать винтовки от раненых, собирать их с поля боя и в ближнем тылу, строго соблюдать установленные на это указания».

На Северо-Западном фронте в начале марта числилось 57 пехотных дивизий, а некомплект винтовок на этом фронте достигал 320 000, то есть, по сути, 21 дивизия числилась только на бумаге. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего Янушкевич слал военному министру Сухомлинову такие телеграммы: «Армия 3-я и 8-я растаяли. В корпусах из трех дивизий по 5 тысяч штыков. Кадры тают, а пополнения, получающие винтовки в день боя, наперебой сдают...», «В 12-м корпусе из 7 дивизий — 12 тысяч штыков. Нет винтовок, и 150 тысяч человек стоят без ружей. Час от часу не легче. Ждем от вас манны небесной. Главное, нельзя ли купить винтовок».

Но «купить» было сложно — производительность заводов союзников и нейтральных еще США была в 1915 г. полностью занаряжена. Так что в кампанию 1915 г. русская армия оказалась перед лицом лучше вооруженного противника в условиях «голода» на вооружение и боеприпасы.

В июне 1915 г. из Ставки Верховного Главнокомандующего телеграфировали в Главное артиллерийское управление (ГАУ): «Положение с винтовками становится критическим: совершенно невозможно укомплектовывать части ввиду полного отсутствия винтовок в запасе армии

В окопе первой линии. Окоп пока неглубокий, с высоким бруствером. Обратим внимание, что «бездействующая» пока винтовка обмотана трясницей для защиты от грязи

и прибытия маршевых рот невооруженными». «Вследствие отсутствия винтовок, — писал генерал Данилов, — войсковые части, имея огромный некомплект, в то же время не могли впитывать в себя людей, прибывавших с тыла, где, таким образом, люди без пользы накапливались в запасных частях, затрудняя своим присутствием обучение дальнейших очередей». Из-за недостатка винтовок задерживалось формирование польских, латышских и других дружин. Так что дефицит винтовок приводил сразу ко множеству проблем и на передовой, и в ближнем тылу. Тот же дефицит послужил одной из

причин перевода пехотных полков в апреле 1915г. с четырехбатальонного штата на трехбатальонный.

Иногда задержки в поставках винтовок для новых формирований были связаны не только с их отсутствием в тылу, но и с чисто организационными проблемами. Так, согласно отчета полевого генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича об обследовании Юго-Западного фронта от июля 1915г.: «За отсутствием утвержденных табелей вооружения по новой организации пехотные полки крайне разнообразно считают положенное на полк количество 3-лин. винтовок: 2640, 2666, 2948, 2960, 2904, 3200 и т.д.». В то же время если хоть половина полка имела оружие, то это уже считалось отличным. А осенью 1915г. уже были полки, наличное вооружение которых составляло всего 20% от штата. В прифронтовой полосе число безоружных в запасных батальонах достигало 30 000. К 1 ноября армии не доставало 1 141 062 винтовки, к 1 декабря — 876 097.

Согласно справке о состоянии винтовок на начало февраля 1916г.:

В действующих частях пехоты	Положено винтовок	Состояло к 15.01. 1916 г.	Отпущено по 01.02. 1916 г.	Недостача
Северный фронт	428 000	368 000	50 000	10 000
Западный фронт	841 000	674 000	32 000	135 000
Юго-Западный фронт	652 000	641 000		11 000
Итого	1 921 000	1 683 000	82 000	156 000

К началу войны мощность оружейных заводов по составу их оборудования при 2—2,5-сменной работы оценивалась следующим образом (без учета дальнейшего расширения):

Оружейный завод	Винтовок в год	Винтовок в месяц
Тульский	250 000	21 000
Ижевский	200 000	17 000
Сестрорецкий	75 000	6 000
Итого	525 000	44 000

Но и общее ежемесячное производство в 44 000 винтовок было достигнуто только на 9-й месяц войны, а запланированное по мобилизационному расписанию в 60 000 — лишь в июне 1915г. большим напряжением сил. Но если до июля 1914г. ежемесячную потребность исчисляли в 52 тысячи винтовок и 50 миллионов патронов, то уже с 1 января 1916г. — в 200 тысяч (для восполнения потерь и порчи, не считая единовременных требований) и 200 миллионов, то есть вчетверо больше.

Для решения проблемы было три пути: всемерное наращивание выпуска трехлинейных винтовок и патронов на русских заводах, заказ на их производство за границей и закупки винтовок иностранных образцов с патронами.

Тульский завод с января 1915г. приступил к энергичной «форсировке» производства всеми доступными мерами: переход на круглосуточную работу, сокращение нерабочих дней до двух в месяц, увеличение скорости резания, переход на ручную подачу у станка. Ставились новые станки, так что к концу войны теснота в производственных помещениях была крайней. В начале войны с расчетом на скоротечную войну в армию было призвано много опытных рабочих высокой и средней квалификации.

Начальник Сестрорецкого завода генерал-майор Залубовский 12 марта 1915г. сообщал, что для доведения производительности до 600 винтовок в сутки, как того потребовал Военный совет 11 февраля, требуется 587 станков 30 типов.

Неоднократные ходатайства ГАУ об отзыве на заводы квалифицированных рабочих до поры до времени встречали отказы под различными предлогами («удручающее моральное впечатление на других нижних чинов», необходимость в частях молодых и грамотных солдат), а резерва квалифицированных рабочих-оружейников в России просто не было. Завод получил право набирать рабочих с освобождением их от фронтовой службы (увы, этим не замедлили воспользоваться лица, не имеющие к производству никакого отношения, но не желавшие

идти на фронт). К заводам начали прикомандировывать призванных на военную службу (странная ситуация — необходимые заводам рабочие оказывались на фронте, а люди, не имеющие должной квалификации, занимали их место). Наконец, начали отзывать с фронта рабочих и специалистов. Но тот же Тульский завод постоянно испытывал нехватку рабочих высокой квалификации — инструментальщиков, лекальщиков. Внесенный в Совет министров еще в начале войны доклад ГАУ о переводе всех заводов, работающих на оборону, на особое положение, при котором рабочие считались бы мобилизованными с наложением соответствующих ограничений (прикрепление к заводам, повышенная ответственность как рабочих, так и заводской администрации), встретил отказ. ГАУ пришлось мириться, например, с уходом сразу 3000 рабочих Ижевского завода на полевые работы в летнее время.

ГАУ разрешило ослабить условия приемки. Это обычная практика в военное время, как и неизбежное снижение качества валового оружия из-за увеличения производства в условиях ухудшения снабжения и снижения уровня квалификации работников.

О номенклатуре производства дает представление справка о дневном выходе изделий, данная Управлению полевого генерал-инспектора артиллерии 16 марта 1915 г.:

Наименование	ИТОГ	Сестрорецкий завод	Ижевский завод	Петроградский патронный завод	Луганский патронный завод	Тульский патронный завод	Всего
Винтовки пехотные и драгунские	20	130	800	-	-	-	1830
Пики	-	150	-	-	-	-	150
Патроны винтовочные	-	-	-	1 500 000	1 000 000	1 000 000	3 500 000

Наименование	ИТОГ	Сестрорецкий завод	Ижевский завод	Петроградский патронный завод	Луганский патронный завод	Тульский патронный завод	Всего
Патроны револьверные	-	-	-	100 000	-	-	100 000
Револьверы офицерские	100	-	-	-	-	-	Всего 400
Револьверы солдатские	300	-	-	-	-	-	-

Об изменениях объемов производства Тульского оружейного завода, включая винтовки, можно судить по такой таблице (данные Е. З. Барсукова и Л. Г. Бескровного):

Год	Винтовки новые	Винтовки исправленные	Револьверы	Пулеметы	Пулеметные станки
1914	259 000	45 990	76 000	1300	800
1915	352 500	53 272	120 142	4300	2500
1916	648 800	8 686	180 700	11 100	8000
1917	506 680	3 550	86 200	11 400	5000

Ижевский завод имел несколько лучшие условия, чем два остальных, поскольку перед войной уже имел большую, чем они, загрузку, а также единственный имел собственное производство оружейной стали, которую поставлял и другим заводам. С октября 1916 г. определился ежемесячный выпуск винтовок на ижевских заводах свыше 50 000 в месяц, а выход черновых стволов свыше 125 000 — уже с августа 1916 г. Рабочим заводов было объявлено о премии в размере 3 рублей с винтовки по достижении выхода 5000 в месяц, 4 рублей по достижении 6000 в месяц, 75 копеек со ствола по достижении 125 000 черновых стволов в месяц, 1 рубля со ствола — по достижении 150 000 в месяц. Немалые затраты, на которые приходилось идти для увеличения выхода оружия.

Согласно доклада начальника ижевских заводов генерал-майора Дубницкого, выпуск изделий включал:

Месяц	Винтовок	Черновых стволов	Причины сокращения
Август 1916 г.	менее 50 000	126 600	-
Сентябрь	менее 50 000	132 997	-
Октябрь	50 180	141 477	-
Ноябрь	50 360	134 462	-
Декабрь	53 200	140 895	-
Январь 1917 г.	55 680	148 800	-
Февраль	38 820	92 250	забастовка
Март	55 100	149 390	-
Апрель 1917 г.	52 650	128 550	пасхальные праздники

Ижевские заводы выпустили за годы войны среди прочего:

Годы	1914	1915	1916	1917
Ижевский оружейный завод:				
Изготовлено винтовок	82 121	306 529	504 871	505 863
Исправлено винтовок	97 897	65 936	9 900	4 200
Ижевский сталелитейный завод:				
Стволов винтовочных, шт.	247 500	813 100	1 457 700	1 282 700
Стволов пулеметных, шт.	3 800	30 900	66 400	99 900
Ствольных коробок, шт.	390 300	859 700	1 124 700	1 109 500
Стенок пулеметного короба, шт.	2 600	12 600	16 600	12 400
Щитов стальных Соколова, шт.	1 300	5 900	9 500	4 700

Сестрорецкий завод в 1914 г. выпустил 59 000 винтовок (округленно), в 1915 г. — 73 988, в 1916 г. — 147 762, в 1917 г. — 98 850.

Попытки привлечь к производству оружия частную русскую промышленность в России, в отличие от Гер-

мании или Франции, были обречены на неудачу и не только из-за немногочисленности машиностроительных предприятий. Во-первых, не было ни запасов материалов, ни резерва квалифицированных рабочих. Во-вторых, уровень точности и стандартизации, достигнутый на государственных оружейных заводах, для частной промышленности был просто непонятен — даже инженеры там не понимали порой значения «какой-то тысячной дюйма». Между тем производство образцов стрелкового оружия требовало:

Показатели	Винтовка, шт.	Пулемет, шт.	Пулеметный станок
Отдельные части	106	282	126
Переходы	1 424	2 422	587
Лекала	540	830	234
Обмеры	812	1054	361
Станки, потребные на одно изделие (в смену)	4,3	40	15
Требуемая точность, 0,001 дюйма	От 1 до 5	От 1/2 до 2	От 2 до 5

Суетился Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), создавались некие «акционерные общества», но в лучшем случае им удавалось заказать комплектующие — заводы «Айваз», Баумана (в Финляндии), ремесленные училища и другие мелкие заводы и мастерские делали прицелы, штыки, ложки. Ижевские фабриканты охотничьего оружия Петров, Березин и Евдокимов с конца 1914 г. были привлечены к сверлению и черновой токарной обработке стволов, но «встретили затруднения» при работах с таким «малым» калибром и с требуемой точностью. Невозможность постановки производства винтовок и пулеметов на частных оружейных заводах подтвердил и такой авторитетный эксперт, как директор Московского Императорского технического училища профессор В. И. Гриневецкий, изучив производство оружия на ИТОЗ.

Частное акционерное Русское общество артиллерийских заводов в лице директора правления действительного статского советника инженера П. И. Балинского в феврале 1915 г. предложило построить в Поволжье «частный ружейный завод». За выпуск в течение 7 лет 3 млн винтовок запрашивалось 159 млн рублей при гарантированном заказе. Предложение было вполне основательным, но получить станки высокой точности было очень сложно — единственное производство в Туле с трудом покрывало потребности государственных оружейных заводов, приобретение же станков за границей с началом войны сильно затруднилось. Запасы инструментальной стали государственных заводы исчерпали уже в начале 1916 г., а металлургическое производство только падало, цены на высокосортные стали (как и на цветные металлы) вздувались.

Ратники ополчения, вооруженные винтовками «Бердан» обр. 1870 г.

Общество «Пулемет» планировало постройку оружейного завода в Екатеринославе с производительностью 50 000 винтовок в месяц (при условии заказа обществу 2 000 000 винтовок по цене 35 руб. за винтовку — против 24 рублей на казенных заводах), причем предполагались потом перенос и присоединение к нему Сестрорецкого завода, что увеличило бы производительность на 15—20 тыс. винтовок в месяц. Строительство завода началось в 1916 г., остановлено в 1917-м, а в 1918-м совершенно ликвидировано, полученное для него оборудование передано Тульскому и Ижевскому заводам.

Для сравнения — в Германии к середине 1916 г. за счет привлечения к производству вооружений не только частной оружейной, но и гражданской промышленности, выпуск одних только винтовок увеличили до 250 000 в месяц.

По данным Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, с начала войны до сентября 1915 г. ГАУ отпустило в войска 1 007 041 винтовку, из них в распоряжение начальников артиллерийского снабжения трех основных фронтов — 321 632, Кавказского — 42 510, в запасные батальоны и новые воинские части — 637 194. Поставки 3-лин. винтовок шли следующим образом:

Период	Тульский завод	Ижевский завод	Сестрорецкий завод	Всего
1915 г.				
Январь	13 445	17 455	3160	34 060
Февраль	17 755	18 012	3593	39 360
Март	18 200	18 523	3280	40 003
Апрель	26 050	21 730	3495	51 275
Май	26 400	23 200	5330	54 930
Июнь	27 500	25 550	5730	58 780
Июль	32 900	26 451	6910	66 261
Август	33 850	29 506	8000	71 356
Сентябрь	37 500	29 052	7400	73 952
Октябрь	37 500	32 350	8270	78 120
Ноябрь	40 000	30 800	9285	80 085
Декабрь	41 400	34 000	9535	84 935
1916 г.				
Январь	43 200	36 009	10 205	89 414
Февраль	45 600	33 100	10 000	88 700
Март	52 000	37 700	10 800	100 500
Апрель	52 000	38 000	10 036	100 036
Май	52 000	38 350	12 505	102 855

Период	Тульский завод	Ижевский завод	Сестрорецкий завод	Всего
Июнь	53 000	38 700	12 615	104 315
Июль	65 000	40 820	13 000	118 820
Август	60 650	43 200	13 815	117 665
Сентябрь	58 000	45 250	14 000	117 250
Октябрь	60 164	50 180	14 500	124 844

Заметим, что данные поставок, приводимые различными ведомствами и исследователями, несколько отличаются друг от друга, что естественно. Так, Е. З. Барсуков приводит такие помесечные данные поставок винтовок и пулеметов русскими оружейными заводами:

Период	Винтовки новые	Отремонтировано винтовок	Пулеметы новые
1914 г.			
январь	Всего 41 за январь-июль	-	72
февраль		-	40
март		-	68
апрель		-	48
май		-	48
июнь		-	48
июль		-	32
август	10 296	5695	112
сентябрь	22 689	25 336	176
октябрь	32 416	36 636	176
ноябрь	35 188	41 309	192
декабрь	33 310	34 911	172
Итого за год	133 940	143 887	1184
1915 г.			
январь	34 760	22 797	216
февраль	39 360	17 262	224
март	40 0003	9003	232
апрель	51 275	7754	256

Период	Винтовки новые	Отремонтировано винтовок	Пулеметы новые
май	54 900	11 881	301
июнь	58 840	10 428	340
июль	68 760	6983	366
август	71 356	8350	412
сентябрь	77 152	7650	440
октябрь	78 120	8100	472
ноябрь	80 085	4900	488
декабрь	84 835	4100	504
Итого за год	1 099 446	119 208	4251
1916 г.			
январь	88 414	3 100	560
февраль	88 700	2 600	624
март	100 500	1 900	752
апрель	10 040	700	752
май	102 855	100	800
июнь	104 315	-	904
июль	109 822	-	1000
август	114 015	850	1080
сентябрь	117 250	350	1120
октябрь	124 680	2186	1136
ноябрь	123 662	4700	1144
декабрь	127 200	2100	1200
Итого за год	1 211 453	18 586	11 072
1917 г.			
январь	128 823	2000	1200
февраль	91 980	600	1040
март	120 585	200	1200
апрель	101 718	2 650	1116
май	116 436	-	1 160
июнь	117 850	700	960
июль	95 875	-	740
август	78 590	1600	740

Период	Винтовки новые	Отремонтировано винтовок	Пулеметы новые
сентябрь	78 045	-	880
октябрь	71 330	-	1040
ноябрь	66 490	-	940
декабрь	43 671	-	440
Итого за год	1 111 393	7 750	11 456

Более важно, что за 1916 г. годовая производительность оружейных заводов по винтовкам в 2,5 раза превзошла планировавшуюся до войны, а ежемесячное производство винтовок к началу 1917 г. достигло более чем 120 000, втрое превысив довоенный максимум, но все еще не отвечая потребности действующей армии. Тульский завод оставался ведущим как по номенклатуре (револьверы, винтовки, карабины, станковые пулеметы), так и по объемам производства и темпам их роста.

Рост производства был достигнут перенапряжением сил, износом дефицитного оборудования (по Ижевскому заводу, например, уже к 1914 г. техническое состояние оборудования оценивалось в 30 % износа) и расходом запасов материалов. Резервы наращивания производства были почти исчерпаны. Уже к концу 1916 г. стал сказываться общий промышленно-экономический кризис, осложненный кризисом транспорта и снабжения. Росло забастовочное движение. В стране началась инфляция — к началу 1917 г. рубль на внутреннем рынке обесценился почти в 4 раза, и его покупательная сила составила 26–27 довоенных копеек. Еще быстрее развивалась инфляция после Февральской революции усилиями Временного правительства — к 1 ноября 1917 г. покупательная стоимость рубля равнялась уже 6–7 довоенным копейкам.

С марта 1917 г. производство оружия начинает падать. В годы же Гражданской войны, то есть в 1918–1920 гг., объемы производства оружия были много ниже достигнутых к середине Первой мировой войны, несмотря на все усилия центральной власти (в чьих руках оказались оружейные заводы).

Зарубежные поставки винтовок и винтовочных патронов

Поиски оружия за рубежом начались уже в сентябре 1914 г., то есть вскоре после вступления России в войну. Предложений было в избытке, но в основном — сомнительного или явно мошеннического свойства. Об этом свидетельствуют хотя бы такие документы. Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего уже 14 января 1915 г. писал: «Его Величество повелел купить все винтовки, не стесняясь единством калибров, теперь имеющего второстепенное значение, предлагаемые за границей, имея в виду при больших партиях их на замену в отдельных районах, как, например, Кавказ, 6 и 7-я армии. Поэтому винтовки в Генуе желательно не допустить в руки германцев». С одной стороны, уже принято принципиальное решение пренебречь единством калибра, с другой — некая сомнительная партия винтовок с типичным для спекулянтов намеком на возможность продажи противоборствующей стороне.

Сообщение ГАУ от 24 августа 1915 г.: «На продажу нам в Шанхае ружей с патронами Маузера поступили предложения от следующих лиц: 1) инженера Файнштейна в Петрограде 40 000 с 20 000 000 патронов, 2) г. Дементьева 25 000 и 22 000 000 патронов, 3) г. Серебрянникова в Шанхае 31 000 и 12 500 000 патронов, 4) г-на Андерса Майсра в Шанхае 29 000 и 14 500 000 патронов, 5) Агентства «Роберт доллар компани» на 15 000 <винтовок «Спрингфилд»> и 1 500 000 и... 6) предложение <Китайского правительства> управляющему КВЖД на 23 000 с 8 500 00 патронов. Приемщик полковник Гасельблат для приема, в случае осуществления контракта из Японии, в Шанхай выехал... ГАУ полагает, что речь идет... о ружьях, доставленных в Шанхай контрабандным путем». Китайский князь Палта уже в начале февраля 1916 г. предложил через русского посланника в Пекине подарить России хранящиеся в Шара-Сум «принадлежащие ему 54 винтовки Маузера кавалерийского образца и около 30 000 патронов к ним». «Справка о заказах, сделанных

Особым совещанием», составленная генералами Лукомским и Поливановым в начале сентября 1915г. для представления императору, содержала сведения о таких предложениях:

Предмет заказа	Кому дан заказ	Количество	Сроки поставки		Сумма, руб.
			начальной	конечной	
3-лин. винтовки и патроны к ним	Национальный экспортный синдикат в Лондоне через г. Джонса	1 000 000 винтовок и 1 000 000 000 патронов	Через 3 мес. со дня подписания	Через 10 мес. со дня подписания	136 500 000
-----//-----	Русско-Американская корпорация, торгующая под фирмой Торговый дом Д. Хоф и А. Каменский	2 000 000 винтовок и 2 000 000 000 патронов	Идут переговоры	Декабрь 1916г.	267 150 000
Винтовки Маузера и патроны к ним	Инженер Файнштейн	40 000 винтовок и 20 000 000 патронов	Наличной покупкой в Шанхае		3 560 000
-----//-----	Гг. Миссиюзи и Гинни	500 000 винтовок и 500 000 000 патронов	Авг. 1915	Янв. 1916	34 500 000
-----//-----	Через г. Серебренникова в Шанхае	31 000 винтовок и 12 500 000 патронов	Наличной покупкой		2 966 000
-----//-----	Через г. Здуардс	1 000 000 винтовок и 1 млрд патронов	Выясняется		66 000 000 долларов
-----//-----	Через г. Сементовского	200 000 винтовок и 4 000 000 патронов	Выясняется		100 000 000 франков
3-лин винтовки	Через г. Сементовского от фирмы «Мицуи»	500 000	Еще не определены		32 000 000 долларов

Нетрудно увидеть нереальность объемов и сроков исполнения заказов. О предложениях «представителя фирмы Мицуи и К^о» Сементовского генерал Маниковский позже напишет: «Оба предложения оказались вздорными».

Военный агент во Франции полковник граф Игнатьев получил сообщение, что «должен внести залог в десять миллионов франков для того, чтобы не упустить покупку для России крупной партии «маузеров», предназначенных якобы для Германии. В целях соблюдения тайны ружья погружены на яхты и стоят в ожидании перед входом в порт Бордо». Снова угроза, что винтовки могут «уйти» противнику. Афера была очевидной.

Немало предложений было и из-за океана. В начале августа 1915 г. Торговый дом Банама через Международный банк в Петрограде передал предложение о продаже «500 000 винтовок Маузера калибра 7 мм 1912 г.» по цене 79 долларов за винтовку с 1000 патронов, якобы «уступленных бразильским правительством». Однако президент Бразильской республики, «опасаясь осложнений (внутренних и внешних) политических, высказался против продажи оружия кому бы то ни было». Хотя переговоры велись весьма оживленно, предложение увеличили до 900 000, и генерал Сапожников даже направлял из США в Бразилию браковщика для возможной приемки винтовок, приемка так и не началась. В 1916 г. снова заговорили о возможности «приобрести бразильские винтовки» уже... в Аргентине, в афере участвовал некий «крупный железнодорожный аферист из Буэнос-Айреса» — Родригес. В июне того же года поступило предложение о покупке 78 000 «маузеров» калибра 7 мм уже в Перу. Возможно, эти предложения вкупе с появлением в русской армии винтовок «Арисака» под 7-мм патрон «маузер» и породили слухи о тысячах «маузеров», поступивших из Латинской Америки. Правда, 7-мм винтовки «Маузер» упоминались среди экспонатов одной из выставок военных трофеев — якобы эти винтовки, изготовленные для Мексики, были взяты у германских частей на Русском фронте.

А. А. Маниковский писал: «Несмотря на то что еще в начале января <1915 г. > военный министр Соединенных Штатов официально объявил, что правительство ни под каким видом не продаст в течение войны старых винтовок Краг-Юргенсона, все-таки множество разных личностей являлось как в наше, так и во французское и в английское посольства с предложением доставить им эти винтовки большими партиями и посылали своих агентов в Петроград и другие столицы». Полковнику В. Г. Федо-

Еще одно фото нижних чинов с офицерами. Молодые офицеры не без гордости демонстрируют свои шашки, но куда важнее — винтовки «Арисака» в руках пехотинцев

рову во время командировки в Японию в октябре 1914 г. довелось столкнуться с такими дельцами, предлагавшими 400 тыс. «Краг-Йоргенсенов» модели 1889 г. вообще без патронов.

Сама эта командировка Федорова была прямо связана с поисками винтовок. Первого надежного поставщика Россия нашла в лице японского правительства, предложившего — единственное из всех союзников — поставку современного образца магазинной винтовки «Арисака», состоявшей на вооружении самой японской армии. Заве-

дующий артиллерийскими приемками генерал Э. К. Гермониус срочно заключил договор о поставке 300 000 винтовок «Арисака» — в тех условиях такое количество, да еще по достаточной «низкой» цене было весьма кстати. Потом заказ увеличили вдвое — до 600 000. Уже в начале августа 1914 г. в Японию для получения предметов артиллерийского снабжения прибыла русская комиссия во главе с генералом Гермониусом. Договоренность со вчерашним врагом и новым союзником японцы исполняли аккуратно, но не торопясь, первую партию обещали приготовить в октябре, остальные — не раньше декабря 1914 г. А пока в сентябре русская комиссия согласилась принять 20 350 винтовок и 15 050 карабинов под 7-мм патрон «маузер», изготовленных по заказу Мексики, и 11 400 000 патронов к ним. В своих воспоминаниях Федоров описывает операцию, достойную детектива — винтовки на складе он осматривал в праздничный день, когда члены мексиканской миссии отдыхали, а оружие с опечатанного склада японцы вынесли ночью и спешно перевезли на русский пароход, стоявший в порту Иокогамы. «В условиях военного времени совершают и не такие поступки», — писал Федоров. В России эти винтовки и карабины так и стали известны как «мексиканские».

Затем пошли сдачи 6,5-мм винтовок, которые поставляли со складов и из гарнизонов, частью исправленные. В России их калибр обозначали в соответствии с русской системой — «2,56-лин». На январь 1916 г. Россия получила из Японии 385 000 (по другим данным — 384 736) винтовок и 15 000 карабинов. Оружие поставлялось с полным набором принадлежностей — запасными частями, ножнами к штыку, ружейными ремнями, кожаными сумками для оружия с принадлежностью и подсумками для патронов, передавались и комплекты лекал для осмотра винтовок в частях. Патронов японское артиллерийское управление могло передать не более 100 на винтовку. Но это уже позволяло сразу передавать оружие в войска.

Другие союзники отдавали России по мере высвобождения старое оружие. Великобритания, и особенно Франция, получив за счет России в 1915 г. существенную

передышку и возможность мобилизовать свою военную промышленность, своими ресурсами делились с Россией неохотно. Франция «согласилась» передать 86 000 штук 8-мм винтовок «Лебель» 1886 г., 105 000 штук 11-мм винтовок «Гра» и «Гра-Кропачек». На 1915 г. заказы во Франции включали 102 000 винтовок «Гра-Кропачек», 450 000 «Гра» и 39 000 «Лебель», к 1 января 1916 г. из них прибыло соответственно — 74 996, 169 910 и 39 000. А. А. Игнатъев позднее писал, что винтовки «Гра» и «Гра-Кропачек», давно снятые с вооружения, хранились во Франции на складах в Шартре под охраной сторожей — ветеранов войны 1870 г. «В результате, — писал Игнатъев, — когда спустя тридцать лет я вошел в почерневший от времени барак, передо мной стройными рядами стояли двести пятьдесят тысяч винтовок с открытыми и тщательно смазанными затворами».

Хотя первоначально устаревшие винтовки Гра — как и российские Бердана — планировали передавать тыловым и запасным частям, в январе 1916 г. возник вопрос об использовании винтовок Гра и Гра-Кропачека «в войсках боевого назначения наравне с нашими, японскими и австрийскими ружьями». Запрос о таком использовании Маниковский передал на отзыв полковнику Федорову, который писал 29 февраля 1916 г.: «Для винтовок Гра изготавливаются новые патроны с бездымным порохом и пулей в оболочке, и, следовательно, у этих винтовок не будет такого количества осечек, которые замечаются при стрельбе из винтовок Бердана патронами старого (преимущественно 80-х годов) изготовления... Конечно, винтовка Гра уступает нашей 3-лин. винтовке: 1) в отношении баллистических качеств и 2) в отношении скорострельности...

Считаю необходимым высказать следующее: 1) Винтовка Гра по баллистическим качествам близка к нашей 4,2-лин, она имеет начальную скорость 450 м/с при дальности прямого выстрела в 360 шагов, при большем калибре убойная способность пули Гра должна быть значительней... Стрельба на дальние дистанции, как показал опыт войны, ведется сравнительно редко... При таких обстоятельствах нельзя считать винтовки Гра непригодными

для пехотных частей». Хотя это создавало немаловажную проблему не только в плане боевой скорострельности и снабжения боеприпасами, как писал В. Г. Федоров позже, получалось, что «некоторые русские полки будут теперь иметь оружие с наибольшей дальностью стрельбы всего до 1500—2000 шагов, а другие — до 3200 шагов. У нас окажется богатейшая коллекция, весьма удобная для изучения истории винтовки, но не для ведения войны»,

Еще в октябре 1914 г. русские военные агенты получили предложение о приобретении в Бордо партии старых снятых с вооружения 10,4-мм однозарядных винтовок «Веттерли» и в Риме — магазинных «Веттерли-Витали». ГАУ отклонило эти предложения не только в силу их сомнительности («Веттерли» предлагали сразу миллион штук), но и «вследствие устарелости системы». После вступления в войну на стороне Антанты в 1915 г. Италия уже официально предложила 500 тыс. винтовок «Веттерли-Витали». Военный агент в Италии сообщал: «Стоимость винтовки Веттерли со штыком 62 лиры, а с принадлежностью 64 лиры 85 центезим». Теперь русской армии было не до барства, приходилось заказывать все, что можно было получить быстро. Когда представитель русской Ставки на межсоюзнической конференции в Шантильи генерал Я. Г. Жилинский «высказался о неудовлетворительном качестве уступленных Италианским правительством винтовок Веттерли», военное министерство поспешило сгладить инцидент, принеся итальянцам повторную благодарность. На январь 1916 г. 210 тысяч винтовок со штыками-тесаками уже прибыло в Россию, потом поставлялось в среднем около 20 000 в месяц.

Патроны для итальянских винтовок поставлялись из расчета 250 штук на каждую винтовку разовой поставкой и затем по 100 штук на винтовку в месяц. В Италии через посредство британского правительства несколькими контрактами заказали всего 227 млн патронов, в США — 91 млн, хотя общая потребность оценивалась в 380 млн. К 19 ноября 1916 г. в Россию отправлено 20 322 546 патронов, «уступленных итальянским правительством», и еще 97 284 096, изготовленных на фабрике в Барселоне.

До мая 1917 г. получено 213 129 740 патронов, а 20 июня отправлена последняя партия в 5 692 416. Таким образом, «итальянский» заказ на винтовки и патроны в общем оказался выполнен.

Предлагались России и более современные винтовки «Манлихер-Каркано». 8 октября 1916 г. военный агент в Италии Волконский телеграфировал: «Общество Mida Sbroxu, поставившее Итальянскому правительству 100 тыс. ружей 91-го года, предлагает нам от 200 до 400 тыс. ружей калибров не выше 8,5 мм с апреля 1917 г. и в 1918 г.». 26 декабря он уточнял, что «Общество Мида» готово изготовить винтовки «под наш патрон». Однако заказ выдан не был.

Для представления о состоянии стрелкового вооружения русской армии интересны материалы миссии адмирала А. И. Русина, отправленной в сентябре 1915 г. для переговоров с союзниками в Лондоне и Париже. В «Записке-отчете по вопросам артиллерийского снабжения», подготовленной в начале 1916 г. полковником В. Г. Федоровым по результатам работы миссии, говорилось: «Все производившиеся миссией переговоры и ходатайства как в Англии, так и во Франции выяснили, что английским, французским и итальянским правительствам нам будет передано следующее количество:

1) От французского правительства:

а) винтовок Кропачека — 80 000

Гра — 120 000

Лебеля — 39 000

с 375 патронами на каждую винтовку. Часть этих винтовок и патронов уже отправлена, остальная находится в Бресте и будет отправлена в самом непродолжительном времени.

б) винтовок Гра — 160 000 шт. — уже собраны и будут отправлены;

в) винтовок Гра — 200 000 шт. — распоряжение о сборе уже отдано. Кроме патронов, указанных в п. 1. а, нам обещано:

К винтовкам Лебеля — в январе и феврале по два миллиона, в марте и апреле по шести миллионов и далее еже-

месячно по четыре миллиона, что совершенно удовлетворяет нашу потребность, считая по 100 патронов в месяц на... винтовку.

К винтовкам Гра и Кропачека — по 9 миллионов первый месяц, приблизительно через три-четыре месяца — до 180 миллионов и в непродолжительном времени до 30 миллионов... К маю месяцу будут обеспечены патронами 400 000 винтовок Гра.

2) От английского правительства:

Японские винтовки Арисака 1905 г. в количестве 60 000 с 300 патронами на винтовку. 30 000 винтовок уже отправлено, остальные будут отправлены в непродолжительном времени. Кроме того, британским Военным министерством уступлено нам 30 000 000 японских патронов, которые будут отправлены в Россию в течение ближайшего месяца.

У нас куплено 385 000 японских винтовок и 15 000 карабинов... Британское Военное министерство согласилось уступить часть производительности своих заводов для нужд русской армии, решив немедленно приступить к установке производства и рассчитывая сдать в марте 15 млн, в апреле 25 млн, а к маю увеличить выход до 45 млн патронов, как то ходатайствовала миссия.

3) От итальянского правительства:

Итальянские винтовки системы Веттерли — 500 тыс., из них 300 тыс. уже отправлено... Будет отправлено лишь 14 млн патронов. Кроме того, уже заключен контракт на изготовление: а) 50 млн с началом сдачи в декабре, б) 150 млн с началом сдачи в августе, в) американский на 100 млн с началом сдачи в январе...

Относительно мексиканских винтовок Арисака.

Так как к этим винтовкам подходит испанский патрон, применяемый к винтовкам системы Маузера калибра 7 мм, то миссия ходатайствовала пред английским правительством о покупке в Испании необходимого нам количества патронов (по 1000 на каждую из 35 000 винтовок), хотя бы через посредство производства нейтральной Португалией. Ходатайство, однако, не увенчалось успехом.

Относительно австрийской системы Манлихера обр. 89 и 95 гг.

Миссия ходатайствовала перед Английским правительством о размещении заказа на 200 000 000 таких патронов. Окончательный ответ будет дан после поездки Гермониуса и Эллеригау в Америку.

27. Пистолеты в количестве 1 000 000 шт. с патронами по 250 шт. на каждый. Из справки, данной г.-м. Гермониусом, выяснилось, что 100 000 пистолетов Браунинга с комплектом по 500 патронов на пистолет уже заказаны в Испании, на остальное количество никаких запасов не имеется».

Англичане передавали винтовки «Арисака», заменявшиеся в британском флоте английскими «Ли-Энфилд». Договоренность о производстве в Англии японских патронов была важнее. Если основным поставщиком самих винтовок была Япония, то большую часть 6,5-мм патронов поставляли из Англии.

О разномарочности стрелкового вооружения русской армии можно судить по перечню патронов, числившихся в Московском артиллерийском складе на ноябрь 1916 г.: «боевых 3-лин. винтовочных тупоконечных (в обоймах и без обойм), острых (то же) русского и американского изготовления, 4,2-лин. винтовочных; 7-мм винтовочных японских, 6,5-мм винтовочных японских; винтовочных Маузера; 3-лин. револьверных, то же 4,2-лин.; винтовочных германских; винтовочных австрийских; винтовочных Гра, винтовочных Веттерли, винтовочных Лебея, патронов пулеметных заграничного изготовления». В Петроградском складе огнестрельных припасов на то же время: «3-лин. боевых винтовочных остроконечных с посадкой на 2 линии, то же на 3 линии, то же с тупой пулей; 4,2-лин. винтовочных; 6,5-мм японских, то же из Англии, то же тупоконечных; 3-линейных холостых винтовочных с бумажными пулями, то же с деревянными пулями; 3-лин. винтовочных с уменьшенным зарядом с пулями системы подполковника Тарасова, то же с пулями капитана Марга; 4,2-лин. холостых; боевых французских модель 79—83 с пулями в латунных оболочках, то же без оболо-

чек; боевых к револьверу Кольта; боевых Лебеля, боевых к швейцарским Веттерли; боевых к французским ружьям Маузера; боевых винтовочных германских остроконечных, то же тупоконечных; 3-лин. боевых револьверных; 4,2-лин. боевых револьверных; боевых 7,63-мм к пистолету Маузера; боевых 8-мм винтовочных сторожевых с револьверными пулями; боевых 8-линейных к крепостным ружьям Гана; боевых к винтовкам Крнка; боевых с бронебойными пулями штабс-капитана Кутового; боевых № 4 итальянских модель 70/83; английских калибра 0,303 к пулеметам Льюиса; 3-лин. боевых винтовочных с выступающим капсюлем; 3-лин. боевых зажигательных винтовочных для стрельбы по аэростатам и дирижаблям, 3-лин. боевых американской выделки; боевых к французским автоматическим револьверам 7,65 типа Браунинг; боевых винтовочных французских кал. 0,303; 3-лин. боевых с зажигательными пулями с углубленным капсюлем». Также в документах упоминаются «смиттовские патроны мексиканские».

Заказы винтовок в США

Заказы оружия в США стоят несколько особняком. Опыт заказа на трехлинейные винтовки за рубежом у России уже был — еще в начале перевооружения Русской армии «трехлинейками» 503 359 поставили французские заводы Шательро. Теперь французские заводы были целиком загружены заказами собственного военного ведомства. Хотя не было недостатка в других предложениях.

В январе 1915 г. статский советник А. К. Тимрот предлагал «устроить изготовление за границей трехлинейных винтовок образца генерал-лейтенанта Холодовского», а также с иностранной помощью построить для того же завод в России. Предложение было признано «не имеющим характер серьезного». Военный агент в Лондоне генерал Рубан сообщал 5 февраля 1915 г.: «Группа бельгийских инженеров... предлагает учредить в 6 месяцев...

завод специально для ружей русского образца и затем изготавливать по 3000 в день. Оборудовать завод думают на наш счет». 19 октября «поверенные группы французских заводов» Гуляницкий и Курлянд предлагали поставку 850 000 русских винтовок с 1000 патронов на каждую. Военному агенту в Париже полковнику Игнатьеву пришлось проверять это предложение через французское правительство и отвечать, что «все средства ружейной промышленности страны использованы для изготовления французских ружей». На этом фоне весьма солидно выглядели предложения из США.

Первой фирмой, с которой был заключен контракт на винтовки под русский патрон, оказалась «Винчестер репитинг армз компани». 25 ноября 1914 г. ГАУ непосредственно заключило контракт с «Винчестер» на поставку 100 000 магазинных винтовок модели 1895 г. под русский патрон обр. 1908 г. «Винчестер» могла принять заказ и на винтовки русского образца, но это вызвало бы задержку в несколько месяцев, а винтовки требовались скорее. Фирма оказалась добросовестным исполнителем, сдав к октябрю 1915 г. 47 000 винтовок, а к началу 1916 г. — 92 003. В Офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме было специально организовано «обучение нижних чинов обращению с винтовками «Винчестера» — эти нижние чины должны были стать инструкторами в полках, снабжавшихся «Винчестерами».

Исполнительность фирмы понравилась ГАУ, и 27 августа 1915 г. Британское правительство через банк Моргана заключило с фирмой «Винчестер» новый контракт на 200 000 винтовок для России: к тому времени уже установилась практика выдачи русских заказов в США через Великобританию, а банкирский дом Моргана, взявший на себя посредничество в размещении русских заказов, имел свои интересы в американской военной промышленности. В октябре 1916 г. уже начали поступать винтовки по второму контракту, и на 25 ноября их было сдано 183 073 (вместо оговоренных 180 000), из которых 146 600 уже прибыло в Россию. Контракт был окончен в срок — в декабре 1916 г.

Планировалось выдать «Винчестер» и третий заказ на 300 000 винтовок, но он не состоялся. Генерал-майор Е. З. Барсуков писал о заказе «Винчестер»: «От третьего заказа этот завод отказался, причем в этом отказе было заподозрено германское влияние». Но документы говорят, что от дальнейшей закупки винтовок «Винчестер» отказалась российская сторона. Исправность поставок не могла компенсировать явных недостатков системы. Особенно жаловались войсковые части на «частые задержки в стрельбе при запыленном и загрязненном механизме». Еще 13 июля 1916 г. полевой генерал-инспектор артиллерии особой телеграммой указал, что «новых заказов винтовок Винчестера производить не следует». Оружейный отдел Арткома провел на ружейном полигоне Офицерской стрелковой школы сравнительные стрельбы из «винтовки Винчестера обр. 1895 г.» и трехлинейной обр. 1891 г. Выводы приведены в записке генерала-майора В. Г. Федорова от 2 февраля 1917 г.: «Систему Винчестера безусловно надо признать малосовершенной и уступающей современным образцам, и если эти винтовки и были заказаны в значительном количестве, то это объясняется лишь тем, что при заказе их можно было быстрее получить винтовки».

Это, естественно, не порадовало фирму, потребовавшую повторных испытаний. Американцев поразила суровость требований, предъявляемых вообще к винтовкам в России: представители фирмы признавались, что им не пришло бы в голову проверять работоспособность затвора, предварительно специально забивая его грязью.

У фирмы «Винчестер» были закуплены также 400 9-мм самозарядных карабинов модели 1907 и 800 000 патронов. 351 «винчестер», но они передавались на вооружение авиационных отрядов.

Для заказа трехлинейных винтовок обр. 1891 г. были выбраны компании «Ремингтон армз энд аммунишн» и «Вестингауз электрик энд мэнюфэкчур». Первый заказ — на 1 000 000 винтовок — был выдан ГАУ «Ремингтон» 26 января 1915 г., а 16 июля военный агент в США полковник Голевский передал дополнительный заказ на

200 000 винтовок. 9 сентября через Британское правительство заключен контракт еще на 300 000. Оба контракта с фирмой «Вестингауз» — от 24 мая на 1 000 000 винтовок и от 17 августа на 800 000 — были заключены через британское правительство. Начало сдачи винтовок для «Вестингауз» и «Ремингтон» — в ноябре 1915 г., начало поставок — с января 1916 г., окончание сдачи — в апреле 1917 г. Таким образом, всего в США было заказано 3 300 000 винтовок русского образца. Это был уже очень серьезный заказ: программа выпуска трех миллионов винтовок на русских заводах, принятая в начале 1915 г., рассчитывалась на три года. Стоимость одной винтовки по контрактам с «Ремингтон» — 30 долларов, с «Вестингауз» — 25,75 доллара. Это было в два раза больше, чем стоимость винтовки русского производства (24 рубля) даже без учета расхода на транспортировку — экономия на развитии отечественной военной промышленности в мирное время в годы войны оборачивалась перекачиванием значительно больших средств за рубеж, не говоря уже о кровавой цене такой «бережливости».

«Ремингтон» и «Вестингауз» оказались поставщиками неисправными. Производство ставилось медленно. «Ремингтон» начала сдачу только через полтора года после заключения первого контракта. Сравним: с середины мая по середину июня 1916 г. «Ремингтон» сдала 6300 винтовок, в то время как «Винчестер» — 15 600. К октябрю «Ремингтон» сдала 37 771 винтовку, «Вестингауз» — 35 380, из них в Россию доставлено соответственно 33 140 и 25 580. Тогда же «Вестингауз» поставила вопрос о сдвиге сроков контракта на полгода. Русско-английской комиссии по заказам в Америке пришлось в октябре 1916 г. согласиться на такую отсрочку. Американские фирмы «Ремингтон» и «Вестингауз» изготавливали пехотные винтовки русского образца со ствольной накладкой и без нее. Общая конструкция, насечка прицела, ложка и штык соответствовали русскому образцу. Стволы изготавливались из стали с повышенным пределом упругости.

Только после переноса деятельности русско-английской комиссии из Лондона в Нью-Йорк русские пред-

ставители смогли оказывать на обе фирмы более эффективное давление. Кроме давления здесь имела место и помощь — командированные на заводы в качестве приемщиков офицеры ГАУ оказались в роли «инструкторов», специалистов по установке оружейного производства.

Не удовлетворяло и качество трехлинейных винтовок американского изготовления. На ружейном полигоне были проведены их выборочные испытания. В Журнале V (Оружейного) отдела Арткома от 24 сентября 1916 г. о «винтовках Ремингтона» было отмечено, что «главные причины задержек... слабость пружины подавателя и залегание отсечки-отражателя в своем гнезде». У многих винтовок острая грань ствольной коробки могла привести к порезам руки при работе с затвором, плохо были зачищены боковые поверхности прицельной рамки. В рапорте начальника ружейного полигона от 19 декабря 1916 г. сообщалось о недостатках винтовок «Вестингауза»: прицельная колодка выполнена отдельно от ствола, и крепление ее ослабляет ствол, неправильная закалка курка может привести к его поломкам, слаба посадка штыка, «удовлетворительное действие механизмов... достигнуто путем долгой подборки и отчасти отладки ружейных частей». Затворы винтовок обеих фирм имели предохранительную выемку мельче установленной. При сдаче винтовок у «Ремингтона» 60 % имели «осевшие отсечки», а 75 % — «осевшие шептала». V Отдел рекомендовал «предварительно выдачи винтовок в войска, если только в них нет крайней нужды... пересмотреть их в мастерских тыловых или внутренних округов».

Американские заводы не смогли обеспечить полной взаимозаменяемости деталей, давно уже ставшей обязательным требованием в российской оружейной промышленности. Разобраться в ситуации было поручено начальнику Сестрорецкого оружейного завода генералу А. К. Залюбовскому (в свое время Залюбовский внес немалый вклад в постановку производства винтовки обр. 1891 г.). Посетив американские заводы, выполнявшие русские заказы, он в телеграмме от 25 ноября сообщал: «Оружейный Ремингтона... начал опять подавать бра-

ки... У Вестингауза я наткнулся на целую фабрику, где в собранных уже винтовках выправляют молотками, опиливают, перегибают и таким образом отлаживают все пружины и мелкие части».

Причинами задержек в сдаче винтовок, по мнению Залюбовского, были «плохая организация производства, забастовки, недостаток рабочих рук и опытного технического персонала... отсутствие лекал», а также — брак в образцах, присылаемых из России. Американские оружейники с трудом воспринимали жесткость российских требований к военному оружию, сильно обижались на русских приемщиков. Генерал-майор Сапожников, бывший до Залюбовского председателем русского заготовительного комитета в США, объяснял конфуз именитых американских фирм тем, что американская промышленность, в целом ориентированная на массовый выпуск продукции, не занималась ранее единовременным выпуском больших партий военного оружия. Играла свою роль и «ложно понимаемая коммерческая сторона дела». С этим был вполне солидарен и Залюбовский, писавший о «Вестингауз»: «У нас нет средств заставить заводы, случайно ставшие оружейными и преследующие исключительно коммерческие цели, делать действительно годные ружья и в срок... Получить в Америке своевременно сносные винтовки нельзя». Залюбовский предлагал закупать в США не винтовки, а станки для отечественных оружейных заводов.

К январю 1917 г. «Ремингтон» сдала 131 000 винтовок (то есть 9 % от контрактов), а «Вестингауз» — 226 000 (12,5 %). Все же к февралю «трусами, терпением и уступчивостью» русских представителей удалось наладить производство, но тут «Ремингтон» и «Вестингауз» заявили «нежелание продолжать работу без обеспечения им всех убытков». В то же время на конференции союзников в Петрограде представители Англии потребовали сократить русские заказы на винтовки в США до 1 100 000 штук (то есть втрое), ссылаясь на сложности финансирования. Все это не способствовало увеличению поставок. К апрелю 1917 г., конечному контрактному сроку сдачи вин-

товок, Россия получила только 358 000 винтовок — всего около 10% от заказов. Контракт с «Вестингауз», за который фирма получила 40 907 873 доллара, ликвидировали в декабре 1917 г., с «Ремингтон» — в январе 1918 г. Всего к 1 января 1918 г. «Вестингауз» сдала 1 073 560 винтовок, из которых в Россию было отправлено 769 520, «Ремингтон» — только 840 307 винтовок (то есть около 55% от заказа и с опозданием в 20 месяцев против контрактных сроков). Оставшиеся на руках у «Вестингауз» 304 040 винтовок забрала Великобритания. Оставшиеся у фирм винтовки были в 1918 г. выкуплены правительством США для стрелковой подготовки новобранцев. Вероятно, «русские винтовки» оказались и в числе 100 000, переданных США войскам Деникина.

«Пересмотр» винтовок в России создал новые трудности. Мастерская оружейного отдела Петроградского артиллерийского склада не могла в короткие сроки выполнить все работы по исправлению поступавших винтовок. В марте 1917 г. ГАУ добилося разрешения высылать американские винтовки без исправления тыловым окружным мастерским фронтов: подготовка весеннего наступления требовала срочной отправки оружия. Но мастерские оказались заваленными срочными работами, и американские винтовки передали на Московский артиллерийский склад, где пересматривалось по 500 — 600 винтовок в день. Затем часть винтовок пришлось отправить в Киевский окружной склад. На часть американских винтовок ставили затворы русского производства.

Когда 30 мая 1917 г. пришел запрос от Монгольского правительства о продаже ему трехлинейных винтовок, ГАУ с удовольствием «спланило» Монголии 1200 винтовок американского производства. Американские винтовки более охотно, чем русские, отпускались для производства различных опытов. Войска гораздо больше доверяли русским «трехлинейкам», нежели американским.

Компании «Ремингтон» заказали не только винтовки, но 300 000 черновых ружейных стволов по цене 4,75 доллара за штуку (еще 150 000 было заказано в Шве-

ции заводу Хусварна). Этот заказ также не был выполнен полностью, и в обеспечении производства черновыми стволами основная роль осталась за Ижевским сталелитейным заводом.

Винтовочные патроны

Нормы запаса патронов обсуждались в мобилизационном комитете Главного управления Генерального штаба в 1907 г. на основании расхода патронов в сражениях Русско-японской войны. Мобилизационный комитет установил следующие нормы:

- на каждую винтовку полевой и резервной пехоты — 1000 патронов,
- на каждый войсковой пулемет — 75 000 патронов,
- на винтовку в крепостях — от 1500 до 2500 патронов,
- на крепостной пулемет — от 30 000 до 50 000 патронов,
- на винтовку государственного ополчения — 200 патронов,
- на винтовку местных конвойных команд — 30 патронов.

Всего — около 3 миллиардов патронов на все винтовки и пулеметы. Нормы были утверждены в 1908 г., и в запас вводились остроконечные патроны. Но и установленных запасов создать не успели — к началу войны имелось лишь 2 446 000 050, что не обеспечивало патронами даже имевшиеся винтовки и пулеметы, недостаток составлял около 300 000 штук (11 %).

На декабрь 1914 г. считался необходимым следующий средний запас патронов на полк: возимых — 211 200 винтовочных и 2856 револьверных, возимых в пулеметной команде — 72 000 винтовочных, носимых — 497 400 винтовочных и 2856 револьверных.

Три русских патронных завода — казенные Петербургский (Петроградский) и Луганский, частный Тульский — накануне войны были рассчитаны на общую про-

изводительность 550 000 000 винтовочных патронов в год. В связи с принятием патрона с остроконечной пулей и для пополнения запасов до нормы перед войной — по мере отпуска кредитов — производство патронов развивалось следующим образом:

Год	Петербургский завод	Луганский завод	Тульский завод	Всего
1911	136 221 170	92 472 600	59 086 200	287 779 970
1912	187 232 244	140 884 800	101 496 600	429 613 644
1913	212 881 757	177 115 800	153 721 800	543 719 357
1914	291 597 937	199 536 600	181 757 400	672 891 937

С начала войны попытались «привязать» патронные заводы к фронтам. Так, Луганскому патронному заводу с 25 августа 1914 г. предписано было направлять непосредственно в распоряжение Начальника снабжений Юго-Западного фронта еженедельными партиями по 4 миллиона патронов. Но такой «привязки» не получилось. Уже 12 октября Тульскому отделу Московского артсклада предписано было отправить на тот же Юго-Западный фронт 5 млн патронов с тупоконечной пулей «для 100 тяжелых пулеметов» (то есть для пулеметов обр. 1905 г.).

В первые месяцы войны заявки войск на патроны не выходили за рамки ожидавшегося, и военное ведомство принимало меры для пополнения расходуемых запасов. Так, контрактом от 22 октября 1914 г. частному Обществу тульских меднопрокатных и патронных заводов было заказано 50 000 000 3-лин. винтовочных патронов.

По данным ГАУ, к 15 сентября 1914 г. Юго-Западному фронту было передано 331 921 600 винтовочных патронов, имелось в распоряжении на это число — 189 778 400, и «значительных требований на отпуск не поступало». В то же время на выстрелы к 76-мм пушкам фронт подал требования о пополнении на 1 163 000 шт., к 48-лин. гаубицам — на 172 000, к 42-лин. пушке — на 14 500, к 6-дм гаубицам — на 23 000. Расход артиллерийских снарядов уже в первые месяцы оказался значительно выше ожидавшегося. Только 10 ноября начальник артиллерийских

снабжения Юго-Западного фронта направляет в ГАУ требование «о высылке Киевскому артскладу 100 млн» патронов с остроконечной пулей в связи с резким ростом требований из войск. А 23 января 1915 г. начальник артиллерийских снабжений фронта генерал-лейтенант Голицын телеграфировал в ГАУ: «Еженедельно высылаемых трех миллионов недостаточно. Прошу увеличить еженедельную норму и выслать в Киев единовременно сколько можно» (поневоле вспоминается: «Поручик Голицын, раздайте патроны»).

29 января из Петрограда выслали 15 300 000 патронов. Кроме того, в Киев выслали 2 млн патронов из Кременчуга и столько же из Туркестана. В марте — мае 1915 г. фронт просил уже по 50 млн патронов на месяц, а на июнь — уже 100 млн.

На Северо-Западном фронте суточный расход патронов в ноябре — декабре 1914 г. составлял не более 2—2,5 штуки на винтовку. Но уже 10 февраля 1915 г. главный начальник снабжений Северо-Западного фронта просил высылать ежемесячно «не менее 75 млн винтовочных патронов (или 19 млн в неделю) ввиду того, что количество войск возросло и расход... возрастает». В начале марта генерал-лейтенант Гулевич телеграфировал с этого фронта в Ставку о «большом расходе ружейных патронов» и необходимости отпуска в среднем 20 млн патронов в неделю.

В «Справке о довольствии винтовками и патронами» от середины февраля 1915 г. отмечено: «...В настоящее время началось поступление значительных требований с обоих фронтов на винтовки и патроны... Всеми армиями до 15 февраля израсходовано не менее 942 500 000».

В начале 1915 г. Ставка заявила ежемесячную потребность в 150 млн патронов. А 21 марта начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Янушкевич писал военному министру: «Из всех армий вопль — дайте патронов» (тут имелись в виду как винтовочные патроны, так и выстрелы к полевым пушкам).

На 1 сентября 1915 г. среднемесячный расход патронов составлял примерно 156 млн на 1,5 млн винтовок и значительное количество пулеметов. 15 октября 1915 г. генерал

М. А. Беляев писал: «Общая потребность в винтовочных патронах исчисляется в месяц в 200 миллионов, однако не покрывается в данный момент производительностью трех (Петроградский, Тульский и Луганский) патронных заводов, изготавливающих в месяц 100 — 115 млн патронов». По утверждению генерала Головина, в сентябре 1915 г. командующий 9-й армией отказался развивать наступление после успешного прорыва австрийского фронта, поскольку командующий фронтом Иванов отказался «прислать на грузовиках один миллион ружейных патронов». Это немедленно использовали депутаты Государственной думы, подняв шумиху, что «отсутствие патронов приостанавливает наступление» армий.

В связи с этим начальник ГАУ генерал-майор Петровский извещал помощника военного министра генерала Лукомского: «Удовлетворить требования в мере действительной необходимости не представляется возможным, так как они значительно превышают поступления винтовочных патронов».

В этой связи можно вспомнить такой эпизод. 21 февраля 1912 г. Николай II, посетив лекцию полковника Федорова в Михайловском училище, в беседе с ним высказался против применения в армии автоматической винтовки, поскольку «для нее не хватает патронов». «Августейшее мнение» не остановило тогда работ по новому оружию, но императорский прогноз (явно данный с чужих слов) оправдался с лихвой — имевшихся к началу войны запасов патронов и производительности трех патронных заводов не хватило даже для штатных магазинных винтовок и пулеметов.

С другой стороны, бывший начальник ГАУ Маниковский отчасти упрекал сами войска: «Под впечатлением сокрушительного «завесного» огня, неизменно направляемого немцами в тыл наших позиций при каждой их атаке, у наших войск сложилось убеждение, что на своевременное пополнение патронов сквозь такие завесы даже в ночное время по ходам сообщения рассчитывать нельзя, а поэтому-де, мол, это надо делать заблаговременно, и притом с возможным избытком. Поэтому загодя

забивались патронами не только назначенные для этого ниши и погребки, но самые окопы, блиндажи и ходы сообщения; патроны кучами сваливались за окопами... Полевой генерал-инспектор артиллерии во время одной из своих поездок на фронте нашел на небольшом участке недавно оставленной позиции около 8 миллионов вполне исправных патронов». Генерал-инспектор артиллерии официально писал об этом в отчете от 17 августа 1915 г. о поездке на Юго-Западный фронт. Возможно, тут есть доля преувеличения, но войсковым, а тем более «окопным» командирам как раз казалось, что снабжающие органы не добавляли им патронов, расход которых действительно был очень велик. Тот же Генерал-инспектор, оценив запасы патронов в 8, 9 и 11-й армиях Юго-Западного фронта, признавал, что они «ничтожны для скорострельного оружия и для упорных и длительных боев». Даже в 1916 г. ограниченность в боеприпасах стала одной из причин незавершенности знаменитого Брусиловского наступления. Хотя выпуск винтовочных патронов русскими заводами вырос с 672 949 000 за 1914 г. до 1 481 861 000 за 1916-й.

Производство русских патронных заводов выражается следующими цифрами:

	1914 г. с начала года до августа	1914 г. с августа до конца года	1915	1916	1917
Всего винто- вочных патронов	324 000 000	348 000 000	1 022 000 000	1 483 000 000	1 008 000 000

Выпуск по месяцам, по данным бывшего начальника 2-го отдела ГАУ В. С. Михайлова, составил (в млн штук):

Период	Петроградский завод	Луганский завод	Тульский завод	Всего
1914 г.				
август	23,7	17,2	17,6	58,6
сентябрь	34,99	18,8	15,8	69,4

Период	Петроградский завод	Луганский завод	Тульский завод	Всего
октябрь	39,4	19,8	23,4	82,6
ноябрь	36,0	19,9	21,0	76,9
декабрь	22,8	15,4	15,5	53,8
1915 г.				
январь	16,5	17,6	15,8	49,9
февраль	23,4	21,4	23,0	67,8
март	33,1	22,0	13,9	68,9
апрель	40,7	25,1	25,1	90,8
май	19,9	22,6	21,1	63,6
июнь	29,5	22,3	18,5	70,3
июль	30,2	35,1	25,0	90,3
август	40,1	29,2	23,9	93,1
сентябрь	40,2	26,5	23,1	89,8
октябрь	50,0	34,4	26,2	110,6
ноябрь	59,0	36,8	24,0	119,8
декабрь	53,7	31,7	21,7	107,1
Всего за год	-	-	-	1 015,2
1916 г.				
январь	56,8	34,6	18,2	109,6
февраль	48,4	35,8	28,2	112,4
март	50,2	40,0	32,7	122,9
апрель	54,5	40,0	21,0	115,5
май	39,9	50,1	19,3	109,3
июнь	57,1	50,8	21,6	129,5
июль	50,2	32,1	23,0	105,3
август	50,0	50,1	20,0	120,1
сентябрь	52,3	52,0	25,0	129,3
октябрь	59,3	56,1	29,0	144,4
ноябрь	58,7	60,0	32,0	150,7
декабрь	44,2	55,6	33,0	132,8
Всего за год	-	-	-	1 481,8

Период	Петроградский завод	Луганский завод	Тульский завод	Всего
1917 г.				
январь	48,5	58,9	35,0	142,4
февраль	41,5	45,0	32,0	118,5
март	35,6	25,9	29,8	91,3
апрель	51,1	40,0	24,2	114,3
май	53,5	53,5	16,0	123,0
июнь	43,7	46,9	35,6	126,2
июль	32,4	42,4	29,2	104,0
август	37,0	34,9	23,9	95,8
сентябрь	38,0	37,4	24,5	99,9
октябрь	40,5	29,3	24,1	93,9
ноябрь	16,6	22,7	23,0	62,3
декабрь	4,6	16,9	15,5	37,0
Всего за год	-	-	-	1208,6

Можно увидеть, как росло значение сравнительно «молодого» Луганского завода. Увеличение выпуска в условиях войны неизбежно сказывалось на качестве. В частности, выявились многочисленные осечки винтовочных патронов изготовления 1915 г. — из-за «низких наковалень» гильз. Стоит упомянуть применение для увеличения производства отбракованных трофейных патронов — «из пуль негодных германских патронов», например, выплавливали свинец для собственных пуль.

Максимальная производительность 150 000 000 патронов в месяц (втрое больше средней месячной на начало войны), достигнутая русскими патронными заводами в октябре — ноябре 1916 г. крайним напряжением, далеко не удовлетворяла потребности, заявляемой войсками. В тот же год начато было строительство казенного патронного завода в Симбирске, но его не удалось пустить в строй до 1918 г.

Это заставило заказывать патроны «русского образца» за рубежом — в США и Канаде. В значительном количе-

10,4-мм винтовочные патроны «Веттерли» в сравнении с русским 7,62-мм патроном обр.1908 г.

стве их выдали в США. Первый заказ на 250 млн патронов был передан «Ремингтон» полковником Голевским 16 июля 1915 г. одновременно с заказом винтовок. Британское правительство дало «Ремингтон» заказ на 500 млн 9 сентября, также одновременно с винтовками. Оно же 31 июня передало заказ на 200 млн патронов «Юнайтед стэйтс картридж компани». Однако качество исполнения ею русского заказа и тут оказалось невысоким: из-за отступлений от русского чертежа патроны «Ремингтона» давали выпадение пуль и капсюлей. Об исполнении заказов можно судить по упомянутой уже телеграмме Залюбовского от 25 ноября 1916 г.: «Патронный <Ремингтона> по-прежнему работает наши патроны как бы между прочим и совершенно не желает улучшить низкое качество... Заводу же United States... нахожу даже необходимым дать новый заказ на всю его производительность до 31 июля 1917 г.». «US Cartridge» давала к тому времени до 1,5—2 млн «вполне исправных патронов» в месяц. «Ремингтон» же, даже освободившись в январе 1917 г. от французского за-

каза, исполнение русского не улучшил. Патроны закупались также у компании «Максим Амунишнз».

Всего к июню 1917 г. Россия получила из США 573 539 000 трехлинейных патронов, то есть около 60,4% от контрактов. За рубежом закупали также порох для снаряжения патронов. Патронным заводам требовалось около 35 тыс. пудов бездымного пороха в месяц, отечественные пороховые заводы не могли дать такого количества. Уже 6 августа 1914 г. русские инженеры-пороховщики были командированы в Японию и Америку для размещения крупных заказов на ружейный порох. Кроме размещения заказов, была произведена наличная покупка в США готовой партии пороха, подходившего к русскому патрону, что позволило вскоре увеличить выпуск патронов (благо, за время дефицита пороха на русских заводах накопился запас гильз).

Всего с начала войны до 1 января 1917 г. русская армия получила 2 850 000 000 патронов от русских заводов и 1 078 000 000 — от иностранных. На 1 января 1917 г. имелось всего 1 136 000 000 патронов.

Параллельно с заказами русских патронов за рубежом в самой России пришлось ставить производство патронов иностранного образца. Широкое использование уже в первый год войны японских винтовок «Арисака» и австрийских «Манлихер» потребовало поддержания запасов патронов к ним.

Японские поставки патронов были недостаточны, и пришлось принять ряд мер. На Петроградском патронном заводе организовали собственное производство 6,5-мм патронов в России и сборку из готовых элементов, поставлявшихся из Японии. В рапорте начальника Петроградского патронного завода в ГАУ от 9 августа 1915 г. указывалось, что с 7 июля установлен ежедневный выход японских патронов в 350 000 штук. И все же их не хватало. В связи с рядом запросов — в том числе и от Главного управления кораблестроения — о повторном использовании стреляных гильз начальник Петроградского патронного завода вынужден был в рапорте в ГАУ от 8 декабря 1915 г. специально указать на «невозможность

переснаряжения гильз 3-линейных, австрийских и японских патронов».

Число японских патронов, отправленных в Россию из Англии, к 1 октября 1916 г. достигло 197 135 384, включая 33 192 000 патронов изготовления арсенала в Вулвиче. А 20 декабря военный агент в Лондоне сообщал, что «в скором времени будут высланы в Россию 2 637 000 <японских> патронов с надписью «для учения»... Патроны отличаются от нормальных партий лишь меткостью, пониженной на 10 — 15%». Если к 25 апреля 1916 г., по сведениям Управления полевого генерал-инспектора артиллерии, на одну японскую винтовку имелось 400 патронов, то к 15 сентября 1917 г. — 600.

По поводу австрийских винтовочных патронов, согласно документам ГАУ, к 16 ноября 1915 г. в Киевском артскладе состояло «вычищенных» трофейных 8-мм патронов — 4 300 623 шт. (из них 99 075 «разрывных» и 17 335 «дум-дум»), 11-мм — 24 480, «не вычищенных» — 3 455 413 калибра 8 мм и 6 200 калибра 11 мм. В Варшавском складе числилось 5 000 11-мм и 86 940 8-мм австрийских патронов. В Петроградском складе и на Петроградском патронном заводе имелось соответственно 32 000 и 253 200 патронов 8-мм. Петроградский патронный завод на максимуме своей производительности в октябре — ноябре 1916 г. выпускал в месяц 13,5 млн патронов австрийского образца.

Соответственно количеству винтовок и пулеметов месячная потребность в винтовочных патронах на январь 1917 г. составляла (в млн штук):

Патрон	Ежемесячная	Годовая	Единовременная
3-лин. русский	325	3900	600
Австрийский	25	300	-
Японский	45	540	-
Гра-Корпачек	15	180	-
Лебеля	7	84	-
Веттерли	5	60	-
Английский (для пулеметов)	-	400	400

Уже в начале 1916 г. «винтовочный голод» был сильно ослаблен. На Юго-Западном фронте к ранней весне 1916 г., по свидетельству генерала Брусилова, «в каждой пехотной дивизии было от 18 до 20 тысяч человек, вполне обученных, и от 15 до 18 тысяч винтовок в полном порядке и с избытком патронов». А к 1917 г. вопрос о недостатке винтовок и патронов был в целом снят.

О специальных пулях

Первая мировая война внесла существенные коррективы в номенклатуру пехотных боеприпасов и, в частности, в патроны стрелкового оружия. Как в артиллерии пришлось отказаться от единого — на все случаи жизни — выстрела, так и в стрелковом оружии потребовались различные типы пуль для одного типа патрона. Не то чтобы этот вопрос был совершенно нов — зажигательные пули и пули увеличенного пробивного действия, например, создавались еще в XIX веке для крепостной войны. На новом этапе потребовалось снабжать такими пулями полевые войска в больших количествах. Борьба со стрелками, пулеметчиками и артиллеристами за броневыми щитами, а потом и с бронемашинами потребовала бронебойных пуль, стрельба по самолетам, аэростатам, дирижаблям — зажигательных, корректировка огня — трассирующих со светящимися или дымовыми трассерами.

Заказы на бронебойные пули ГАУ раздало уже в мае 1915 г. — еще до «выяснения полной потребности». С фронтов приходили срочные требования на такие патроны. Так, начальник артснабжения Юго-Западного фронта телеграфировал в ГАУ 20 августа 1915 г.: «Прошу выслать Киевский склад сколько можно ружейных бронебойных винтовочных <так в тексте> патронов». Эти пули именовались также «щитобойными», поскольку предназначались «для стрельбы по бронеавтомобилям и стрелковым щитам».

Бронебойная пуля гвардии штабс-капитана Кутового со стальным каленым сердечником, мельхиоровой оболочкой и медным наконечником на дистанции 300 шагов пробивала

7-мм щит Ижевского завода. Сердечники для бронебойных пуль штабс-капитана Кутового заказывались Сестрорецкому оружейному заводу (так, нарядом от 8 июня 1916 г. было заказано 3 млн сердечников). В июле 1915-го — феврале 1916 г. от ГАУ и «от военного ведомства» были даны заказы на бронебойные пули В. Т. ФEFелову и Северному акционерному обществу железных конструкций — к 1 февраля 1917 г. они должны были поставить 39 365 000 пуль. Но поставили к этому сроку только 12 630 000 штук.

В отношении зажигательных пуль Петроградский патронный завод 8 января 1916 г. сообщал, что «снаряжает патроны с зажигательными пулями двух сортов: 1) с выступающим капсюлем для стрельбы по мягким оболочкам и 2) с углубленным капсюлем — по твердым оболочкам». Первый тип предназначался для стрельбы только из винтовок, и то с заряданием по одному, второй — для стрельбы из пулеметов.

В патронах с уменьшенным зарядом для учебной стрельбы использовались «свинцовые пули системы Тарасова». Вопрос о производстве таких патронов не поднимался до ноября 1915 г., пока запасным батальонам отпускались для учения боевые патроны. Но с сокращением отпуска боевых патронов не более 10 на человека, даны заказы на патроны с уменьшенным зарядом. Петроградский патронный завод к марту 1916 г. выпускал их до 8 000 000 в месяц. Пули полковника Тарасова «без просалки» в соответствии с нарядом 12/1915 г. заказали обществу «Пулемет», поставки — в среднем 150 000 шт. в месяц — начались в мае 1916 г. В Казанском военном округе занялись переснаряжением холостых патронов в патроны с уменьшенным зарядом. Учебные патроны закупались также у Сестрорецкой кустарной артели.

О «разрывных» пулях

Говоря о пехотных боеприпасах Первой мировой войны, нельзя обойти вопрос о «разрывных» пулях и пулях увеличенной убойности типа «дум-дум». Прежде всего

1) Видъ пули. 2) Пуля и патронъ въ разобранномъ видѣ. 3) Снаряженный патронъ съ пулей.

Австрийский
8-мм винтовочный
патрон
с «разрывной»
(пристрелочной)
пулей. Рядом
показаны пуля
отдельно
и разобранная пуля

стоитъ вспомнить, что пули «дум-дум» стали порождением британских колониальных войн — британские войска, получив винтовки под новые патроны с бездымным порохом, отметили малое останавливающее действие оболочечных пуль, «особенно против племен диких или фанатичных». И занялись переделкой пуль, спиливая оболочку в носике. Переделывали пули в мастерских местечка Дум-Дум близ Калькутты. Так пули, изобретателем которых считают капитана Берти-Клей, и получили свое прозвище.

Разрывные пули появились много раньше, в 1860-е годы, и среди первых тут была Россия. «Взрывчатые» пули несли заряд пороха и капсюль и предназначались для стрельбы по зарядным ящикам и поджога предметов, стрелять по людям или лошадям категорически запрещалось. Россия сама обратилась к ряду европейских стран с предложением впредь «взрывчатыми» пулями не пользоваться. Военная международная комиссия в Санкт-Петербурге 11 декабря 1868 г. запретила стрельбу разрывными снарядами легче 400 г. А мирная конференция в Гааге 18 мая — 29 июня 1899 г. своей «третьей декларацией» запретила «употреблять снаряды, легко развора-

чивающиеся и сплюсцивающиеся в человеческом теле». Гаагская конференция 1907 г. приняла постановление «О запрете разрывных пуль», а вместе с ним, кстати, — «О запрете применения удушающих газов», «О запрете сбрасывания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров». Последние, как известно, уже скоро будут нарушены. А что насчет «разрывных пуль»? Положения конвенций трактовались широко и чаще всего оказывались поводом для взаимных обвинений.

Во время мировой войны пули с разрывными зарядами перестали быть экзотикой. В армии Австро-Венгрии, например, лучшим стрелкам и пулеметчикам выдавали для пристрелки разрывную пулю полковника Крейтца с зарядом дымного пороха. Но в боях 1914 г. эти пули полетели в русских солдат, вступивших в Галицию. И русская пресса взорвалась обвинениями австрийцев в «варварстве», русские солдаты, обычно весьма гуманно обращавшиеся с пленными, бывало, зверели, обнаруживая у них в подсумках патроны с пристрелочными пулями.

Однако два года спустя разрывные («зажигательные») винтовочные пули получила уже Русская армия — для стрельбы по аэростатам и самолетам. В марте 1916 г. германские газеты «Vossische Zeitung» и «Frankfurt Zeitung» опубликовали сведения об «использовании русской армией разрывных пуль» (имея в виду пули повышенной убойности) и об исследовании «отобранных от русских военнослужащих разрывных пуль». С этим вопросом специально разбиралась чрезвычайная следственная комиссия во главе с сенатором А. Н. Кравцовым (созданная для «расследования германских зверств в отношении военнопленных»), которая в июне 1916 г. объявила: 1) что в Российской империи ни до войны, ни после ее возникновения патронов с разрывными пулями не выделялось, 2) что во время войны действительно имели место случаи, когда русская пехота пользовалась захваченными ею в большом количестве австрийскими и германскими патронами с разрывными пулями, «возвращая их по принадлежности врагам», о чем специально сообщали противнику.

В то же время в ГАУ передали на исследование «необычные» патроны, взятые у германских частей. 9 июля 1916 г. ГАУ сообщало, что «по исследованию «новые разрывные немецкие патроны» оказались обыкновенными германскими патронами. Ввиду недостатка никеля немцы перешли от оболочки из стали, плакированной мельхиором, к оболочке из стали, покрытой медью».

Любопытная ситуация сложилась с применением 4,2-лин. патронов к винтовкам «Бердан». В начале войны поднимался вопрос о переснаряжении их бездымным порохом и оболочечными пулями, но ГАУ 29 ноября 1914 г. писало в штаб Юго-Западного фронта: «Переснаряжение берданочных патронов бездымным порохом невозможно». Так что использовались старые патроны с дымным («бурым») порохом и свинцовой безоболочечной пулей. Не случайно в упомянутой «Записке» начала 1916 г. В. Г. Федоров упоминает случаи, когда русские войска вынуждены были стрелять из винтовок «Бердан» и «получали заявления от немцев, что при продолжении такой стрельбы они будут стрелять разрывными пулями».

Распределение винтовок

По данным Маниковского, накануне войны, согласно мобилизационному плану, предполагалось достаточным иметь 4 500 000 винтовок плюс по 700 000 шт. в год или, считая на те три года, что шла война — 2 100 000, всего — 6 600 000. Оказалось же необходимым: 5 000 000 по окончании мобилизации, около 5 500 000 для последующих призывов, а для пополнения убыли, считая по 200 000 в месяц, на три года войны — 7 200 000, всего — 17 700 000 винтовок, то есть реальная потребность превысила предвоенные расчеты в 2,7 раза. Поставка новых и исправленных винтовок русскими заводами вместе с запасами, накопленными до войны, покрывали менее ее половины.

Всего за время войны в войска было выдано винтовок:

— 3-лин. русского производства — 3 576 000 (к 20 июня 1915 г. имелось 4 290 000),

*Разведчик 9-го Сибирского стрелкового полка Иван Бараш. 24 июля 1917 г.
Рисунок Г. С. Верейского. В руках молодого стрелка — винтовка «Арисака» со штыком и ручная граната обр. 1914 г.*

- 3-лин. американского производства — 631 000,
- «Манлихер» австрийских — 300 000,
- «Маузер» германских — 50 000,
- «Лебель» — 86 000,
- «Гра» — около 450 000,
- «Гра-Кропачек» — 105 000,
- «Веттерли-Витали» — 400 000,
- «Арисака» — 728 000 (600 000 — из Японии, 128 000 — из Англии),
- «Арисака мексиканских» — 35 000,
- «Бердан» № 2 — 362 000.

При этом японские винтовки и французские «Лебель», предназначенные для выдачи перволинейным войскам,

были обеспечены патронами в достаточном количестве — по 100 патронов на винтовку в месяц. Старые винтовки «Гра», «Гра-Кропачек» и «Веттерли-Витали» снабжались патронами с бездымным порохом и оболочечной пулей.

Размеры поставки винтовок (русских и иностранных) по годам выглядят так: 1914 г. — 278 000, 1915 г. — 1 755 000, 1916 г. — 2 590 000, 1917 г. — 1 390 000. Пик поставок винтовок разных систем пришелся на апрель 1916 г. — за счет иностранных поставок (максимум поставок винтовок от русских заводов, как уже указывалось, пришелся на декабрь 1916 г. — январь 1917 г.).

«Ни одна армия ни в одной войне, — писал В. Г. Федоров, — не имела на вооружении столь значительного числа разнокалиберных систем, сильно отличавшихся друг от друга по конструкции. В этом отношении русские войска до некоторой степени можно было сравнивать лишь с наскоро организованными частями Северных и Южных штатов Америки во время Гражданской войны 1861—1865 г.».

Чтобы не превращать эксплуатацию и ремонт оружия и снабжение частей боеприпасами в сплошной кошмар, иностранные винтовки разделили по назначению. О планировавшемся распределении иностранных винтовок свидетельствует распоряжение ГУГШ (по отделу по устройству войск) от 6 декабря 1915 г. за № 9734 и дополнительное разъяснение начальника штаба Главковерха от 10 марта 1916 г. Согласно им:

1. Японские винтовки «Арисака» постепенно сосредоточивались для выдачи войскам Северного фронта по мере обеспечения их патронами по 100 шт. на винтовку в месяц. Однако эти винтовки использовались и на других фронтах (на Юго-Западном летом 1916 г., например).

2. Трофейные винтовки «Манлихер» — для корпусов Юго-Западного фронта.

3. Итальянские винтовки «Веттерли-Витали» в количестве до 150 000 с запасом патронов по 250 на винтовку с последующей подачей по 100 патронов в месяц предназначались для выдачи одной из армий Западного фронта; остальные — в запасные батальоны.

Это фото сделано уже в июле 1918 г. Красногвардеец И. А. Раснянский у Большого театра после подавления левозсеровского мятежа в Москве. В руках у него — карабин «Арисака» тип 38, на поясе — ручные гранаты обр. 1914 г.

4. Французские винтовки «Лебелъ» с ежемесячной подачей патронов по 100 на винтовку — на Кавказский фронт.

5. Французские винтовки «Гра» и «Гра-Кропачек» — в запасные батальоны.

Тем же распоряжением приказывалось снять с вооружения запасных батальонов 3-лин. русские винтовки, оставив только по 20 штук на роту. Однако действительный «боевой путь» зарубежных винтовок был сложнее.

Японские винтовки поначалу намеревались выдавать тыловым частям, чтобы высвободить для фронта «трехлинейки». Так, телеграмма начальника Генерального штаба № 11856 от 6 ноября 1914 г. гласила: «Все крепостные части подлежат перевооружению японскими винтовками». Многие 7-мм «мексиканские» винтовки заменили «трехлинейки» в частях Корпуса пограничной стражи в Сибири и на Дальнем Востоке. Выдавались «Арисаки» и дружинам ополчения (вместо старых 4,2-лин. винтовок Бердана). С ополчением и частями из внутренних окру-

гов они и начали поступать на фронт. Мексиканскими карабинами, например, были вооружены Заамурские артиллерийские и кавалерийские части, направленные на Юго-Западный фронт. Понятно, почему уже 24 апреля 1915 г. начальник артиллерийского снабжения Юго-Западного фронта генерал Голицын просил ГАУ «передать Киевскому артскладу сколько можно мексиканских патронов». 8 мая он же телеграфировал: «Экстренно нужны японские патроны. Вышлите сколько можете в Казатин сороковому легкому местному парку». Патроны, как указывалось, требовались 105-й дивизии (части дивизии формировались из саратовского ополчения). 26 августа Голицын сообщал, что в партии японских патронов, переданной 8-й армии, «оказалось 160 000 без обойм. Пользование ими ввиду отсутствия обойм затруднительно. Сбор обойм ввиду большой мешкотности почти невозможен. Прошу распоряжения патронов без обойм не высылать».

Относительно снабжения патронами генерал В. И. Гурко, исполнявший обязанности начальника Штаба Главковерха, отмечал: «К справедливой оценке наших колонн снабжения, я должен сказать, что не было ни одного случая, когда наши войска на линии огня получали бы патроны, не подходившие к винтовкам, которыми они пользовались». Хотя случаи таких срывов все же упоминаются и относятся к периоду кризиса лета 1915 г., но вопросы снабжения все же были быстро налажены.

Об укупорке патронов В. Г. Федоров писал: «Каждые триста штук помещались сначала в специальную цинковую коробку, а потом каждые две коробки укладывались в деревянный ящик. При длительном хранении такие цинковые коробки были нужны, так как лучше обеспечивали сохранность патронов. Но в военное время они были совершенно ни к чему, так как ящики немедленно отправлялись на фронт, раскрывались там, и патроны тут же шли в дело. Между тем перетаскивание тяжелых цинковых коробок и особенно раскупорка их представляли трудную работу». В таких условиях деревянные ящики были предпочтительнее.

Период Гражданской войны в России. Вооруженный отряд в Прибалтике. Обратим внимание на ружье-пулемет «Льюис» и винтовку «Винчестер» модели 1895 г. «русского заказа» (в центре)

Для отличия зарубежных патронов ГАУ установило специальные обозначения на патронных ящиках: японскими — «Яп.» зеленой краской, «Гра» — красной «Гра», «Гра-Кропачек» — красной «Гра К», «Лебелъ» — черной «Леб.», «Веттерли» — синей «Вет.».

По мере обеспечения поставленных винтовок патронами их значение на фронте увеличивалось. Не обошлось без драматических недоразумений, не связанных, впрочем, с качествами самих винтовок или патронов. В. Г. Федоров рассказывает о срочном выезде на Северо-Западный фронт в 5-ю армию для установления причин «сплошных осечек» японских винтовок, бывших на вооружении ополченческих бригад. «Причина оказалась очень простой, — пишет Федоров в своих мемуарах. — ...все японские винтовки... были тщательно смазаны густой смазкой, ведь им пришлось совершать длительное путешествие сначала по морю до Владивостока, а потом через всю Сибирь... Когда наступил горячий момент, винтовки из ящиков сразу выдали на руки без осмотра и очистки. Затвердевший слой смазки, естественно, ме-

шал правильной работе механизма. Из-за недостаточно внимательного отношения к оружию бой был проигран, а сотни людей напрасно пролили кровь. Взяв несколько винтовок, я приказал хорошенько их очистить. После этого ни одна не дала осечки». А. А. Керсновский в «Истории Русской армии» пишет: «С сентября месяца началось перевооружение пехоты Северного фронта японскими винтовками, затянувшееся до весны 1916 года (освобождавшиеся трехлинейные передавались Западному фронту).

А это американские интервенты в России, вооруженные 3-лин. винтовками «русского образца»

Наспех изданное наставление для стрельбы из японских винтовок допустило грубейшие погрешности... Прицелы этих винтовок были нарезаны в японских мерах и японскими цифрами... Всю зиму 1915/16 годов наш Северный фронт стрелял в воздух, поверх голов неприятеля». Однако принаравливались к винтовкам солдаты быстро.

В 1917 г. многие «Арисаки» оказались в руках бойцов Красной Гвардии и народной милиции — они упоминаются, в частности, среди вооружения красногвардейских отрядов в Петрограде и Киеве (что вполне соответствует

их распределению по фронтам). Гражданская война раскидала «Арисаки» чуть не по всей стране, они побывали в руках у всех участвующих сторон. А в 1941 г. старые «Арисаки», извлеченные со складов, оказались на вооружении народного ополчения.

Американские винтовки «Винчестер», изготовленные под русский патрон, шли в войска наряду с «трехлинейками». В январе 1916 г. новым формированиям было выдано 990 трехлинейных русских винтовок и 7729 «Винчестеров», а из 45 000 винтовок, отправленных на Западный фронт, «Винчестеры» составили 15 000.

К февралю на Западном фронте имелись «полки, полностью вооруженные «Винчестером», другие полки (189-й Измаильский пехотный, например) имели их наравне с русскими трехлинейными винтовками. На Северном фронте «Винчестеры» выдавали латышским полкам. На 1 января 1917 г. в частях Юго-Западного фронта имелось 18 880 «Винчестеров» (около 7 % от всех наличных винтовок фронта), на Кавказском фронте — 11 396 (около 2 %), а в запасных полках — всего 16 (0,002 %).

Американские винтовки — Винчестера и русского образца — конечно, сыграли определенную роль в снабжении русской армии оружием, однако эта роль на протяжении войны никогда не была решающей. В самом деле: к октябрю 1915 г. американские винтовки («Винчестер») составили лишь 8,2 % от зарубежных и 4,2 % от всех винтовок, поставленных в армию; к январю 1916 г. — соответственно 8,4 % и 4,5 %.

О путях французских винтовок можно судить по таким документам. 11 декабря 1915 г. ГАУ сообщало в отдел по устройству и службе войск ГУГШ, что сделано распоряжение об отправке: «Начальнику артиллерийских снабжений армий Западного фронта 48 000 3-лин. пехотных винтовок, 48 000 винтовок Гра-Кропачек, 24 000 винтовок Гра, 7 200 000 патронов к ним...» А 8 января 1916 г. — об отправке «из Архангельска—Ярославля в Тифлисский артиллерийский склад для Кавказской армии 38 900 винтовок Лебея с 14 000 патронами к ним, а 100 винтовок и 100 000 патронов в Петроградский артиллерийский склад».

Преимущественно «тыловой» характер устаревших французских и итальянских винтовок привел к тому, что во время начавшейся в феврале 1917 г. революции их среди первых стали выдавать со складов в руки «народной милиции». Любопытный эпизод произошел после вступления в войну Румынии в 1916 г. — румыны тут же попросили помощи у России оружием, хотя бы и устаревшим. 11 сентября из Ставки Главковерха военному министру пришла телеграмма: «Румынская Главная квартира... просит отпустить 50 000 винтовок Веттерли с 25 млн патронов. Наштаверх изъявил согласие, но так как винтовки куплены нами по высокой цене, приказал, чтобы передача была произведена через Военное министерство». Впрочем, скоро началась эвакуация Румынского фронта, и передача оружия Румынии потеряла смысл.

Из списка винтовок, поставлявшихся русской действующей армии, видно, какое значение имели для нее трофейные винтовки, особенно австрийские 8-мм «Манлихер». Генерал А. А. Брусилов вспоминал о состоянии войск 8-й армии Юго-Западного фронта во время стояния на Буге в 1915 г.: «Войска несколько пополнились, и, хотя с большим трудом вследствие недостатка ружей, заменив частью наши винтовки австрийскими, удалось довести большую часть дивизий до пяти-семитысячного состава, тогда как в начале нашего стояния на Буге в дивизиях в среднем было по 3000 — 4000 винтовок».

Согласно справке ГАУ, до 1 ноября 1915 г. в Киевский артиллерийский склад поступило 215 646 австрийских винтовок, в Московский склад — 11 285, в Бобруйский — 37. Выдано было «в боевые и тыловые части Юго-Западного фронта» — 162 593 винтовки. В начале 1916 г. количество винтовок «Манлихер», переданных в перволинейные части, достигло 300 000. А. М. Василевский, ставший осенью 1915 г. командиром полуроты в 409-м Новохоперском полку (9-я армия Юго-Западного фронта), вспоминал: «Многие солдаты, в частности весь наш полк, имели на вооружении трофейные австрийские винтовки, благо, патронов к ним было больше, чем к нашим. По той же причине наряду с пулеметами «Максим»

*Видимо,
«милиция» 1917 г.
Видны винтовки
«Веттерли-
Витали»*

сплошь и рядом в царской армии можно было встретить австрийский «Шварцлозе».

На 25 октября 1916 г. в Московском, Курском, Киевском артскладах имелось 43 477 австрийских винтовок, на исправлении в Московском артскладе, в его Тульском отделе и в Киевском артскладе — 24 582.

В марте 1915 г. начальник артиллерии 2-й Сербской армии просил от отпуске для сербской армии «50 000 австрийских винтовок», но русское командование не сочло возможным передавать вооружение, в котором так остро нуждалась Россия. А в декабре 1916 г., когда Сербия уже потерпела поражение, ее правительство в эмиграции через французов предложило России «безвозмездно 2600 винтовок «Манлихер». Сами французы предложили в начале января 1917 г. 9000 таких винтовок, правда, вскоре уточнили, что из них «только 8000 годных», да и то после починки.

Винтовки «Бердан» в начале войны оставались у крепостных войск и на складах. Они нашли себе применение

в первый же год войны. Так, 15 мая 1915г. ГАУ писало в мобилизационное отделение ГУГШ: «От начальника артиллерийских снабжений армий СЗФ поступило требование на высылку 4 млн берданочных патронов, а от Начальника артиллерийских снабжений ЮЗФ для крепости Ивангород 8 200 000 берданочных патронов. Ввиду того, что запасом берданочных патронов ГАУ не располагает, просим дать заключение, возможно ли воспользоваться для высылки таковых... из Кавказского военного округа (имеется около 40 млн)» и получило согласие. Когда бывший депутат Лерхе писал 23 июня 1915г. Родзянко предложение «отобрать у стражников и полиции 3-лин. винтовки, прислать их в армию, заменив берданками», он просто не знал, что «берданки» уже не только имеются в тылу и у тюремной стражи, но и идут в войска.

О распределении винтовок «Бердан» между тыловыми и боевыми частями можно судить по такому примеру.

В армиях и резерве	Имелось винтовок «Бердан» на 1 января 1917г.	Из них в ополченческих и тыловых частях
Западный фронт	65 146	62 134
Кавказский фронт	133 276	105 390

Устаревшее и трофейное оружие использовали все армии — германцы, например, слали на фронт винтовки Маузера 1871/84г., переделывали трофейные русские «трехлинейки».

О состоянии вооружения русской пехоты винтовками можно судить по таким цифрам.

В четырех армиях и резерве Юго-Западного фронта на 1 января 1917г. имелось винтовок: 3-лин. — 106 998, Винчестера — 18 880, японских — 6785, австрийских — 111 246, Бердана — 214, мексиканских карабинов — 638, Гра-Кропачека — 8549, драгунских — 9252, русских и австрийских карабинов — 659. В армиях и резерве Кавказского фронта на ту же дату: 3-лин. — 361 855, 3-лин. карабинов — 3323, Винчестера — 11 396, японских — 4498, Бердана — 133 276, Манлихера — 4568, Лебея — 72 714, турецких Маузеров — 15 621 (из них

10 259 в запасных и ополченческих частях), турецких Пибоди-Мартини — 3 265 (из них 934 в запасных и ополченческих частях).

В восьми запасных пехотных полках, состоявших в распоряжении военного министерства, на то же время, 1 января 1917 г., имелось всего винтовок: 3-линейных пехотных — 158 878, драгунских — 20 538, карабинов — 7148, казачьих — 230; Бердана — 31 991, Веттерли — 213 415, мексиканских — 5755, Гра — 204 058, японских — 25 842, Винчестера — 16, австрийских — 12 043, германских — 6444, американских — 1.

К моменту эвакуации Петрограда в марте 1918 г. в нем было сосредоточено около 220 000 винтовок разных систем и 752 млн винтовочных патронов. Вывезено, конечно, было далеко не все. И на сентябрь 1920 г. на Петроградском Окружном артиллерийском складе имелись винтовки: «австрийские нового образца, старого образца, кавалерийские нового образца, германские нового образца, старого образца, 4-лин., Веттерли, Гра и Гра-Кропачека, Пибоди-Мартини, Пибоди-Мартини кавалерийские, Лебеля нового образца, турецкие, Маузера»; карабины — «3-лин., австрийские нового образца, австрийские 4-лин., германские нового образца, старого образца, 4-лин., турецкие, Веттерли, Маузер, Гра, Лебеля». На вооружении частей, например, Новгородского губвоенкома, на 25 августа 1920 г. имелось 1258 винтовок Бердана, 337 германских, 1246 австрийских.

Образцы винтовок

Устройство русской «трехлинейки» системы С. И. Мосина хорошо знакомо многим, и все же вспомним ее характерные черты. Винтовка имеет продольно скользящий поворотный затвор с двумя симметричными боевыми выступами на боевой личинке, входящими при запирании в пазы ствольной коробки. Внутри затвора смонтирован ударник с боевой пружиной, на хвостовую часть которого навинчен курок с «пуговкой». Спуск — без предупрежде-

*Русская
«трехлинейка»
системы
С. И. Мосина служила
Отечеству более
60 лет. В классе
стрелкового оружия
Учебного центра
«Выстрел» ее
истории специально
отведен уголок.*

ния. Предохранителя нет, но курок можно оттянуть назад и повернуть на 90 градусов, заблокировав таким образом ударник. Такая операция предусматривалась для всех стрелков при передвижениях (не поставленный «на курок» затвор мог просто выпасть). Постоянный срединный магазин — однорядный, что обусловлено конфигурацией патрона с выступающей закраиной бутылочной гильзы. Это сделало необходимым специальную пружинную отсечку-отражатель, препятствующую сдвоенной подаче патронов. Та же отсечка-отражатель служит для удаления стреляной гильзы за пределы оружия при перезаряжании. Ложа — цельная, с прямой шейкой приклада. Штык — игольчатый, четырехгранный.

При переделке под остроконечный патрон была принята новая отсечка-отражатель старшего мастера ИТОЗ Казаринова. Дуговой ступенчато-рамочный прицел был раз-

*Разрез механизмов «трехлинейки» (в варианте обр. 1891/30 гг.).
Рядом — разрез легкой остроконечной пули патрона обр. 1908 г.*

работан старшим механиком Сестрорецкого оружейного завода В. П. Коноваловым — его прицел был признан лучшим из 12 представленных конструкций и принят в 1910 г., рассчитан на стрельбу на дальности до 1200 шагов (852 м) при рамке, опущенной на колодку, и до 3200 шагов (2272 м) при поднятой рамке. С 1916 г. введена была насечка до 200 шагов. Кроме нового прицела при модернизации винтовки был введен металлический нагель для предохранения шейки ложи от раскола из-за увеличившегося уровня давления пороховых газов в канале ствола.

К началу войны далеко не все ранее выпущенные винтовки были переделаны под остроконечный патрон. В. Г. Федоров описывал такой эпизод от мая 1915 г.: «Стоявший рядом со мной солдат без устали выпускал одну обойму за другой, видимо, плохо прицеливаясь. Открывая затвор, он иногда подправлял патрон пальцем.

— Что ты делаешь? Зачем суешь палец в магазин?

— Так ловчее, вашбродь!

Немцы скрылись в окопах. Стрельба по команде смолкла. Я взял у стрелка винтовку и стал сам заряжать ее. Стрелок был прав: без пальца никак не обойтись. Винтовка не была отлажена для стрельбы остроконечными пулями — она имела старую отсечку, и при перезарядании патрон упирался в переднюю стенку патронника.

— Отчего не заявишь взводному о неисправности винтовки?

— Она, вашбродь, у меня очень хорошо стреляет, очень хорошая винтовка, иногда только ее надо пальцем подправить...

...Последующие осмотры в различных полках и армиях показали, что в некоторых частях число винтовок с неправильной подачей патронов составляло почти треть всего количества. Это был настоящий бич для войск. Такая винтовка превращалась, по сути дела, в однозарядную. Скорострельность ее уменьшалась по крайней мере в полтора раза». А 29 февраля 1916 г. Федоров докладывал в ГАУ: «При остроконечном патроне наши винтовки... дают задержки в очень большом количестве. На это обращалось особое внимание войск в приказах по армиям Северо-Западного фронта».

Принадлежность винтовки включала дульную насадку для предохранения дульной части ствола от разбивания шомполом, вкладыш, протирку, отвертку, ружейный ремень.

В целом винтовка обр. 1891 г. оказалась действительно «очень хорошей винтовкой». Так отзывались о ней и солдаты, и офицеры. По словам Маршала Советского Союза А. М. Василевского, это было «многократно проверенное и испытанное» оружие: «Она не боялась непогоды и грязи, была проста и надежна». Правда, вершиной массовых магазинных военных винтовок признана появившаяся через 7 лет винтовка «Маузер». Дело было не в какой-то особой талантливости конструкторов, а в длительности отработки системы и, пожалуй, большей прозорливости заказчика. Но среди многочисленных упоминаемых в документах и литературе «технических» причин неудач русских войск практически нет нареканий на качество и надежность русской винтовки. Хотя предложений по ее модернизации и совершенствованию делалось немало.

Отдел по оружейной части Арткома еще в Журнале № 198 от 7 ноября 1906 г. рассмотрел некоторые выявившиеся недостатки трехлинейной винтовки и предложения по ее совершенствованию: «1)...штыковой хомутик предохраняет штыки только от доловой (по стволу) качки... поперечной устранить... не может... Хомутик

слишком слаб... 2)...Большие неудобства... представляют ложевые кольца <пехотной винтовки>... винты колец скоро портятся, и прорези их от частого развинчивания ломаются... Было бы желательно в пехотных винтовках ввести также глухие кольца. 3)... Неудовлетворительное закрепление шомпола в нашей винтовке... 5)...Во время минувшей войны были часто наблюдаемы в войсках заклинения затворов от запыления... Желательно было бы ввести чехлы-покрышки на казенную часть винтовки... 6)...Желательно введение дульной покрышки... 11)...предоставить изобретателям выработать новые приемы ухода за винтовкой и к ним давать соответствующую принадлежность».

Весной 1911 г. подполковник Кабаков предложил «особое приспособление к спуску 3-линейной винтовки обр.1891 г., допускающее двойное нажатие при выстреле», названное им «спусковой личинкой». Таким образом устранялось «дергание» винтовки (подобный спуск предлагался и Н.И. Холодовским). Однако в конструкцию серийных винтовок ни эта «личинка», ни другие приспособления для улучшения меткости стрельбы так и не вошли.

Вскоре после начала войны, 28 октября 1914 г., Артком ГАУ рассматривал результат испытаний накануне войны опытных винтовок Мосина—Холодовского и отмечал: «При изготовлении вновь винтовок могли бы быть приняты следующие изменения части: 1. Курок для более удобной постановки его на предохранительный взвод. 2. Пружинный шомпольный упор. 3. Длинная рукоятка к стеблю затвора. 4. Подающий механизм с указателем для израсходования патронов. 5. Коробка с выемом для пальца в левой стенке с измененным наклоном пазов для обоймы. Все остальные изменения, предложенные Н.И. Холодовским, признаны нецелесообразными». Но поскольку более насущной необходимостью было увеличение производства имеющейся винтовки, признали необходимым внесение изменений «отложить до более благоприятного времени». В.Г. Федоров в своей записке в Артком в начале 1915 г. предлагал внести

в существующую винтовку «следующие изменения: 1) принять клинковый штык... 2) принять прямую прицельную рамку, например генерал-лейтенанта Холодовского, 3) ложу упрочнить в шейке... 4) ствольную накладку утолщить и готовить ее обязательно из более плотного дерева... 5) кольца принять более солидные... 6) упрочнить закрепление шомпола, 7) изменить постановку на предохранительный взвод, 8) сделать более широким зацеп выбрасывателя, 9) принять крышку на затворе». Кроме того, Федоров предлагал заменить штатную обойму, при пользовании которой «рука страшно устает», пластинчатой образца генерал-майора Залюбовского, одобренной перед войной. Там же В. Г. Федоров писал: «Все отзывы о нашей 3-лин. винтовке — о ее прочности, простоте и безотказности работы — безусловно самые хорошие... Для будущего перевооружения после войны и необходимо остановиться на этом образце, введя в него некоторые детальные улучшения... От существующего наличия 3 образцов... никакой пользы, кроме вреда, не имеется... Желательно было бы... оставить один образец драгунской винтовки вместо трех существующих ныне».

3-лин. пехотная винтовка обр. 1891 г. американского производства, рядом — четырехгранный игольчатый штык

В связи с предложенным заказом производства винтовок русского образца в США оружейный отдел Арткома 17 февраля 1915 г. признал «весьма желательным взамен заказанных в Америке трехлинейных пехотных винтовок изготавливать драгунские; то же самое следовало бы применить и в отношении данных Ижевским заводам нарядов». Начальник ГАУ генерал от артиллерии Кузьмин-Караваев наложил следующую резолюцию: «Аме-

Казачи в одном окопе с пехотинцами — соответственно рядом казачьи и пехотные 3-лин. винтовки обр. 1891 г.

риканский заказ изменению не подлежит, поздно! Наши казенные заводы... должны подавать винтовки исключительно драгунские».

11 марта 1917 г. ГАУ докладывало в Управление полевого генерал-инспектора артиллерии: «Для отпуска вновь формируемым пулеметным командам, артиллерийским и другим частям осталось в распоряжении ГАУ всего около 10 000 3-лин винтовок и ожидается к поступлению такое же количество 3-лин. карабинов, снятых с вооружения запасных полков Омского и Иркутского военных округов. Означенного оружия... едва достаточно на два месяца, почему представляется необходимым перейти к изготовлению драгунских винтовок в Ижевских заводах». Для увеличения выхода винтовок ГАУ вновь предлагало «перейти на изготовление драгунских винтовок», чтобы не терять производительность при регулярных переходах от одной винтовки к другой, и поскольку «различие между пехотной и драгунской винтовками несущественно, почему драгунские винтовки, казалось бы, могут отпускаться в пехотные части». 25 апреля генерал-майор Кудрявцев рапортовал в ГАУ, что «Ижевские

заводы могут изготовить до 01.07.1918 г. 500 тысяч 3-лин. винтовок сверх данных заводам нарядов на таковые», а 17 мая извещал телеграммой, что «исключительно на драгунские винтовки завод перейдет 10.06».

Вносились изменения и для упрощения производства. Упрощена, например, нижняя антабка для ремня. 19 января 1916 г. V отдел Арткома одобрил предложение начальника Ижевского завода ставить на карабины укороченные ствольные накладки.

И еще один штрих. В нашей литературе прочно утвердилось обозначение «трехлинейки» как винтовки системы С. И. Мосина, хотя при принятии на вооружение она, как известно, получила «безликое» обозначение «3-линейная винтовка обр.1891 г.». Ведь «трехлинейка» стала результатом упорной работы Комиссии для выработки образца малокалиберного ружья под председательством генерал-лейтенанта Н. И. Чагина. Основным рассматривавшимся образцом была винтовка, предложенная капитаном С. И. Мосиным, но часть конструктивных решений была взята от винтовки его конкурента — бельгийца Л. Нагана, часть — предложена полковником Роговцевым и членами Комиссии. 12 марта 1917 г. генерал-майор Мосин (младший брат уже умершего генерал-майора С. И. Мосина) подал рапорт, в котором предлагал присвоить 3-лин. винтовке обр.1891 г. имя своего выдающегося брата. Но тогда V отдел Арткома отклонил предложение, поскольку «винтовка обр.1891 г., как коллективный труд нескольких лиц, не может быть наименована системой Мосина». Спор об авторстве «трехлинейки» периодически вспыхивает уже более ста лет. Но создание оружия всегда требует коллективной работы, а присваивается обычно имя основного разработчика, и название «винтовка обр.1891 г. системы Мосина» кажется справедливым.

Пехотная и драгунская 3-лин. винтовки обр.1891 г. снабжались отъемным четырехгранным игольчатым достаточно длинным (длина клинка 430 мм) штыком, крепившимся на дульную часть ствола с помощью трубки и хомутика.

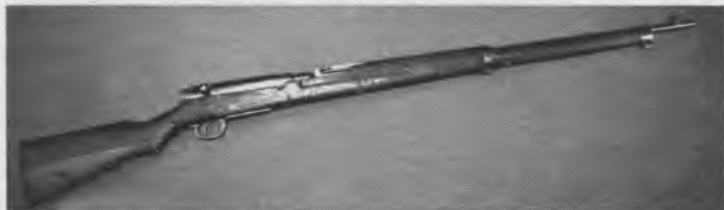
«Трехлинейная винтовка Винчестера обр.1895 г.», как именовали у нас «Винчестер» модели 1895 г., имела продольно скользящий не вращающийся затвор, сцеплявшийся со ствольной коробкой с помощью вертикального клина и управляемый качающимся рычагом — спусковой скобой. Ударный механизм — курковый, с открытым курком. Спуск — без предупреждения. Постоянный коробчатый срединный магазин — однорядный, емкостью 5 патронов. Для возможности заряжания магазина из коробчатой обоймы с обеих сторон ствольной коробки привинчивались направляющие (эти направляющие, встречающиеся на всех «Винчестерах» русского заказа, появились на модели 1895-го еще в 1907 г. по требованию канадской армии). Прицел — ступенчато-рамочный, с прямой рамкой. Ложа — разрезная, с прямой шейкой приклада. Винтовки поставлялись с клинковыми штыками типа «Энфилд» — коротким (первый заказ, длина клинка 210 мм) или длинным (длина клинка 400 мм). Штык крепился на винтовку с помощью кольца, паза (на верхнее ложевое кольцо) и защелки на рукояти.

*3-лин. винтовка «Винчестер» модели 1895 г.
и длинный клинковый штык к ней в ножнах*

По габаритам и баллистике винтовка была близка трехлинейной драгунской при весе пехотной. Возможность перезарядить винтовку, не отрывая приклад от плеча, держать патрон в патроннике, ставя курок на боевой взвод перед самым выстрелом, хорошая кучность стрельбы (в которую, правда, вносила вклад заметная масса оружия), ясно видимое положение курка и выбрасывателя — все это привлекало в «Винчестере». Однако надежность винтовок в условиях фронтовой службы ока-

залась низкой. К тому же система «Винчестер» Модель 1895 была сложнее большинства армейских магазинных винтовок — перечень ее деталей включал до 90 наименований, да и разборка и уход были сложнее: русская «трехлинейка», например, разбиралась на 7 частей, ее затвор — на 7 деталей, а «Винчестер» — соответственно на 9 и 12.

6,5-мм винтовка «Арисака» тип 38 Мэйдзи

Винтовки «Арисака», составившие около 40 % всех винтовок, переданных союзниками, поставлялись в Россию в нескольких модификациях: 6,5-мм тип 30 Мейдзи (модели 1898 г., поставлялась со складов) и тип 38 Мэйдзи (1905 г., со складов и из гарнизонов, составляли большинство в поставках), 7-мм винтовки и карабины («мексиканские»). В русских документах можно встретить упоминания «винтовок Меджи и Арисака» — по-видимому, первое обозначало тип 30, а второе тип 38.

Винтовка «Арисака» отличалась простой и рациональной конструкцией, имела поворотный продольно скользящий затвор с двумя боевыми выступами, складной рамочный прицел с треугольной прорезью подвижного и неподвижного целиков, спуск с предупреждением, невыступающий двухрядный постоянный магазин, снаряжавшийся из обоймы, прочную ложу с пистолетным выступом шейки приклада. К характерным чертам винтовки относились подвижная крышка и соединительная муфта затвора, служившая предохранителем — при ее повороте блокировались ударник и затвор (тип 38). К винтовке был принят клинковый штык с длиной клинка 398 мм, крепившийся на дульную часть ствола с помощью кольца,

6,5-мм винтовка «Арисака» тип 30 Мэйдзи (затвор открыт)

паза и защелки. 6,5-мм винтовочный патрон снаряжался тупоконечной или остроконечной (после 1908 г.) пулей. Русские специалисты-оружейники числили «Арисака» среди наиболее надежных и удобных винтовок. По мнению В. Е. Маркевича: «Это оружие отличалось большой живучестью и превосходными баллистическими качествами. Патронные обоймы не оставляли желать лучшего». «В общем, сравнивая различные достоинства и недостатки обеих систем, — писал В. Г. Федоров, — можно было признать, что русская трехлинейная винтовка 1891 года и японская винтовка 1898 года были равноценными».

Французская 8-мм винтовка «Лебель», поставлявшаяся в Россию, представляла собой модель 1886/07 гг., известную так же как, «Лебель-Бертье», поскольку от системы «Лебель» 1886 г. (в свое время обозначившей переход к винтовкам «уменьшенного» калибра под патрон с бездымным порохом и с новой баллистикой) она получила ствол и затвор, а коробка, ложа, прицел и магазин были системы Бертье. Поворотный продольно скользящий затвор системы Лебеля имел два боевых выступа и один дополнительный большой прямоугольный выступ на внешней стороне стебля затвора, входивший в выемку ствольной коробки. Курок ударника имел боевой и предохранительный взводы. Винтовка имела срединный магазин емкостью 3 патрона, снаряжавшийся с помощью пачки. В целом она считалась «малоудовлетворительной». Винтовка «Лебель» снабжалась отъемным игольчатым штыком-«шпагой», причем одним из самых длинных (длина клинка 520 мм). Ветеран Великой Отечественной вспоминал о старых французских винтовках, выданных осенью 1941-го ополченцам: «Мы ими чуть провода не цепляли».

Винтовка «Гра» была принята на вооружение во Франции в 1874 г. и относилась к поколению «4-линейных» (калибра около 0,4 дюйма) казнозарядных военных винтовок 1870-х годов под патрон с металлической гильзой. Поворотный продольно скользящий затвор винтовки имел боевой выступ на боевой личинке. На задний конец ударника надевался курок с боевым и предохранительным взводом. Винтовка «Гра-Кропачек» 1885 г. была переделочной моделью и отличалась подствольным трубчатым

Солдаты русской Особой бригады во Франции. На их вооружении — французские 8-мм винтовки «Лебель» (особые бригады получали оружие уже во Франции)

магазином емкостью 8 патронов. Винтовки поставлялись с патронами с тупоконечной пулей, но с бездымным порохом.

Винтовки «Веттерли-Витали» представляли собой старую швейцарскую систему винтовки Веттерли, принятую в Италии в 1872 г. в однозарядном варианте и переделанную в магазинную по системе Витали в 1887 г. Винтовка имела продольно скользящий поворотный затвор с двумя боевыми выступами впереди рукоятки затвора, цельную ложу, постоянный срединный магазин на 4 патрона. К винтовке полагался клинковый штык с длиной клинка 519 мм. Патрон имел бутылочную гильзу с выступающей

закраиной, в Россию поставлялись патроны с бездымным порохом и тупоконечной пулей.

Винтовка «Манлихер» отличалась продольно скользящим затвором «прямого действия» с поворотной боевой личинкой и магазином пачечного заряжания. При перезарядании рука стрелка производила только линейное движение, не поворачивая рукоятки. Имелся флажковый предохранитель. Патроны вкладывались в магазин, соединенный пачкой, выпадавшей по израсходовании патронов вниз. Интересно замечание В. Г. Федорова, что до войны «мы считали, что у этой винтовки есть весьма существенный недостаток: в ее магазине имеется открытое окно, через которое в подающий механизм могут попасть пыль и грязь... Между тем, сравнивая в окопах русские и австрийские винтовки, я пришел как раз к обратному

*10,4-мм винтовка «Веттерли-Витали» модели 1870/1887 гг.
и клинковый штык («штык-тесак») к ней в ножнах*

выводу. Пыль и грязь, попадавшие во время заряжания в магазин русской винтовки, скоплялись там, так как им не было выхода. А в австрийской — именно благодаря окну — пыль и грязь вываливались наружу. Наш же магазин при сравнительно редкой чистке оказывалсяместилищем всякого сора».

4,2-лин. винтовка обр. 1870 г. «Бердан» (точнее — «Бердан» № 2) стала одной из первых и одной из лучших в мире 4-линейных винтовок с продольно скользящим затвором.

«Бердану» № 2 суждена была на удивление долгая служба — после замены на «трехлинейку» старые винтовки в большом количестве переделывались в охотничьи ружья. В годы Первой мировой войны часть старых винтовок «Бердан» оказалась в руках тюремной стражи,

конвойных команд и даже на фронте. Однако на фронте огонь из них был малоэффективен не только из-за низкой скорострельности, но и из-за патронов с дымным порохом — облака дыма демаскировали стреляющих и затрудняли им дальнейшую стрельбу.

Винтовки «Бердан» сохраняли свое значение и во время гражданской войны, что неудивительно, учитывая острый недостаток вооружения и падение уровня производства оружейных заводов. В основном их выделяли войскам ВОХР. Полезно взглянуть на «План потребности войсковых частей Петроградского В. О. на 1921 г.».

Предмет снабжения	Наличие на 1 сентября 1920 г.	В недостатке	Потребность на 1921 г.
Винтовки 3-лин. — пехотные	12 700	30 800	30 800
— драгунские	1200	1000	1000
Карабинов	600	10 200	10 200
Револьверов	830	6200	6200
Пулеметов	270	320	320
Минометов	7	17	17
Винтовок Бердана	21 000	1300	1300
Патронов 3-лин. — винтовочных	1 100 000	Всего 4 000 000	Всего 4 000 000
— пулеметных	900 000		
— револьверных	16 200	82 000	82 000
Патронов берданочных	750 000	-	-
Ручных гранат	6300	-	-
Мин	-	480	480
Лент пулеметных	3000	3000	3000

О штыках

Вопрос об изменении типа штыка был поднят практически сразу после принятия «трехлинейки» на вооружение. Речь шла, с одной стороны, о замене игольчатого клинка на плоский («тесак»), с другой — об

изменении конструкции игольчатого штыка. Первый вопрос дебатировался особенно активно. В русской армии традиционно считалось, что «огонь» лишь подготавливает «удар», воплощением которого и был штык. При этом промежуток между последним залпом пехоты и ее ударом в штыки должен был быть минимальным. А значит, штык должен быть примкнут к винтовке в бою постоянно и допускать стрельбу из нее. И тут предпочтительнее был игольчатый штык с коленчатой шейкой. «Трехлинейка» пристреливалась с примкнутым штыком. Да и ложка трехлинейки с тонкой прямой шейкой приклада хорошо подходила для укола штыком. Защитники штыка указывали на то, что груз на дульной части винтовки улучшает меткость стрельбы с упора. Но при качании штыка результаты только ухудшались. Сторонники клинкового штыка («штыка-тесака») указывали на его универсальность, возможность использовать его «при рубке дров, при разбивке палаток, при устройстве бивачных и хозяйственных приспособлений и т.п.». К тому же постоянно находящийся на винтовке длинный штык затрудняет передвижения в лесу, кустах, утяжеляет ношение на ремне. Русско-японская война дала аргументы обеим спорящим сторонам. С одной стороны, несмотря на резкий рост расхода винтовочных патронов, дело часто доходило до яростных штыковых схваток. С другой — пехоте требовался рабочий инструмент в виде «тесака». После Русско-японской войны специальной анкетой были опрошены офицеры — участники войны. В результате часть высказалась «за оставление штыка в прежнем виде», часть — «за штык-тесак». В казачьих войсках испытывали штык «в виде кинжала». Споры о типе штыка особенно обострились в связи с планами принятия на вооружение новой винтовки. В результате вопрос так и не был решен.

В отношении игольчатого штыка предлагались его укорочение и переход на складной штык. Укорочение позволило бы упрочить штык (устранить погибы при ударе) и уменьшить массу, тем более что длинный штык

соответствовал представлению о самообороне пехотинца против кавалериста с саблей, теперь же это требование устарело, а раны, наносимые укороченным штыком в штыковом бою, будут не менее опасны, чем при длинном штыке. Но штык так и остался длинным. Из предложенных складных штыков наиболее удачным оказался игольчатый штык гвардии полковника Н. А. Гулькевича с шарниром на трубке, прошедший испытания в войсках незадолго до начала Первой мировой войны. Однако во время войны такие штыки использовались только на части казачьих винтовок. Опыт, видимо, оказался удачным, поскольку 3 марта 1917 г. I (хозяйственный) отдел ГАУ направил начальнику Ижевских оружейного и сталелитейного заводов предписание вновь изготовленные драгунские и казачьи винтовки снабжать укороченным до 625 мм шомполом «ввиду предстоящего снабжения этих винтовок складными штыками Гулькевича». Они состояли на вооружении и в ходе гражданской войны — так, за ноябрь 1920 г. войскам ВНУС с Петроградского артсклада отпустили 209 штыков Гулькевича. Но массовыми эти штыки не стали.

В 1915 г. фронтовые части Русской армии стали получать иностранные винтовки со штыками-ножами. Пехотинцы, с крестьянской сметкой оценив «тесаки», с любовью оказией слали их домой. Характерны два документа, написанные 26 июня 1915 г. с разных фронтов разными людьми. Полковник В. Г. Федоров с Северо-Западного фронта: «Клиновые штыки, представляющие из себя хорошую хозяйственную вещь... расходятся по рукам в неимоверном количестве... Их разбирают и нижние чины, и жители при сборе оружия... Наш граненый штык пользуется меньшей любовью — в том его достоинство». Член Государственной думы И. П. Демидов с Юго-Западного фронта (иногда и депутаты на фронте не мешают): «Штыками-ножами... теперь полна вся Россия — потому-то их и нет на ружьях».

С другой стороны, Петроградский арсенал в 1915 г. изготовил 50 200 штыков к австрийским винтовкам. В условиях постоянной нехватки штатного вооруже-

ния и частой утери штыков достаточно широко применялись эрзац-штыки. В частности — переделанные из штыка обр.1870 г. (к винтовке «Бердан») с длиной клинка 420 — 455 мм. Штыки либо непосредственно приспособлялись для другой винтовки, либо отломанный клинок снабжали приспособлениями для крепления. И не только на «трехлинейку», но и на зарубежные винтовки («Арисака», «Манлихер»). Так, 24 февраля 1918 г. начальник Петроградского артиллерийского склада писал начальнику Окружного Артуправления ПВО: «Прошу о скорейшем открытии кредита в сумме 30 195 р. 30 коп. на переделку 4,2-лин. штыков Бердана на штыки к японским винтовкам». Были и штыки полностью кустарного или полукустарного изготовления — с игольчатым или с плоским клинком.

О прицелах

Одним из существенных изменений, внесенных в русское стрелковое оружие в ходе войны, было уменьшение дальности постоянного прицела. В упомянутой выше записке полковника В. Г. Федорова в Артком в начале 1915 г. говорилось: «В бою к винтовке предъявляются значительно меньшие требования, чем это можно было бы предполагать в мирное время... на те расстояния, на которые нарезан прицел, стрельба никогда не производится, а почти всегда ограничивается значительно меньшими дистанциями... Надо считать, что армии в настоящее время являются милиционными ввиду того, что подавляющее большинство нижних чинов проходит курс обучения всего 6 — 8 недель... большинство офицеров высказывается, что прицел в бою не переставляется и что благодаря настильности полета остроконечной пули результаты получаются хорошие, тем более что стрельба на дальние дистанции почти не производится». В приказе военного министра от 29 апреля 1916 г. говорится о переделке трехлинейных винтовок с постоянного прицела на 560 шагов на постоянный прицел на 200 шагов. На Ижевском заводе

Приспособление к «трехлинейке» для «стрельбы из-за бруствера», включающее дополнительную ложу со спуском и тягой и «ружейный перископ»

выпуск винтовок с такими прицелами, согласно рапорта временно исполнявшего должность начальника завода генерала Кудрявцева, начался с 17 августа 1916 г. V отдел Арткома разработал специальную инструкцию для опилки постоянного прицела 3-лин. винтовки (драгунской и казачьей) для стрельбы на 200 шагов (прицел 2). Это изменение прямо было связано с изменениями в тактике боя. В позиционных условиях атакующий, дабы уменьшить свои потери, старался сблизиться с противником перед переходом в атаку на дальность 200—300 шагов. С той же целью уменьшения потерь обороняющийся начал переносить основную линию обороны на обратные скаты высот. То есть наступающий мог выпустить последний прицельный выстрел с дальности 200—300 шагов, и обороняющийся должен был развивать на этой дальности наиболее интенсивный огонь. В таких условиях, как показывал опыт, большинство стрелков ведет огонь с постоянным прицелом, не внося поправок. Так что уменьшение более чем вдвое дальности стрельбы на постоянном прицеле было весьма актуальной мерой.

С другой стороны, росло значение прицельного огня отборных стрелков на средних и больших дальностях. В России, где стрелковой подготовке уделяли немало внимания, еще в 1906 г. начались опыты по приспособлению «ружейных прицельных труб» на трехлинейную винтов-

ку обр. 1891 г. Однако пользоваться приходилось германскими прицелами. Имевшиеся в России предприятия оптической промышленности (филиалы германских фирм Цейса и Герца в Риге, оптическое отделение Обуховского завода в Санкт-Петербурге, завод Российского общества оптического и механического производства при участии французской «Шнейдер-Крезю», фабрика «Фосс и К°» в Варшаве) были слишком слабы и зависимы от ввоза оптического стекла из-за границы. Начало варки оптического стекла на новом производстве при Императорском фарфоровом заводе в 1915 г. не намного улучшило положение. 11 декабря 1914 г. ГАУ выдало Обуховскому заводу заказ всего на 200 прицелов системы Герца для стрелкового оружия. Исполнение затянулось на два года. Первые 20 прицелов передали для испытания на «ручном ружье-пулемете» генерал-майора В. Г. Федорова. Пожелание полевого генерал-инспектора артиллерии «выполнить приладку 50 — 100 прицелов к 3-линейным винтовкам» для проведения опытов стрельбы из них на фронте не было выполнено. Снайперской винтовки русская армия так и не получила (как равно и каких-либо приспособлений для снайперов в виде маскировочных средств и т. п.).

«Окопная война», когда противники практически неподвижно находятся друг напротив друга на дальности в несколько сотен или десятков метров, а каждый метр передовой позиции пристрелян вражескими стрелками, просто не могла не породить идеи «стрелять из-за закрытий» — поднять винтовку над бруствером и наводить с помощью перископического приспособления. Приспособлений делалось много — от импровизаций с использованием раздвоенных веток и пары обработанных осколков зеркала до устройств фабричного изготовления. Специалистам ГАУ и Главного военно-технического управления (ГВТУ) русского военного ведомства только в 1915 — 1916 гг. довелось рассматривать прицелы, предложенные Эльтом, Орловским, Василевым, Глионеком, Борисовым и другими в самой России, а также приборы голландского инженера Хендрикса, французский

«Defileur». Рассмотрев «прибор Глионека», V отдел Арткома в Журнале № 207 — 1915 даже предложил «объявить войскам об означенном приборе».

ГВТУ на середину 1916 г. заказало 20 000 «ружейных перископов». Наиболее остроумный и простой вариант предложил полковник Русской армии Мордах. В январе 1915 г. на Ружейном полигоне испытали его «прибор-зеркало». Небольшое зеркало помещалось в поворотной оправе, которое крепилось на конце приклада винтовки. Способ стрельбы был, по сути, модификацией известного тирового аттракциона «стрельба назад»: солдат прислонялся спиной к передней стенке окопа, клал винтовку на бруствер, прицеливался через наклоненное зеркало, а спусковой крючок нажимал большим пальцем — особой прицельностью стрельба без упора приклада в плечо все равно не отличается. В Журнале отдела по оружейной части Арткома ГАУ от 13 января 1915 г. отмечалось, что прибор «дешев и дает возможность поражать неприятеля, не неся совершенно потерь, что представляет несомненно большие выгоды, особенно в настоящую войну, когда бои приняли более позиционный характер. Употребление того же прибора как перископа для обозрения поля из глубины окопов также принесет большую пользу». Не будем забывать, что штатные перископы были большой редкостью. Для ведения наблюдения из-за укрытия оправа с зеркалом могла крепиться на штык винтовки — зеркало на длинной штанге и сейчас используют для наблюдения в полицейских операциях. «Прибор-зеркало полковника Мордаха» заказывался в больших количествах московской фирме «Л. Ф. Пло».

Автоматические винтовки и приставные магазины

Как уже указывалось, с началом войны прервались работы по выработке образца автоматической винтовки. Однако в 1915 г. интерес к автоматическим винтовкам возрождается. С одной стороны, пехота требовала

легкого автоматического оружия. Две автоматические винтовки Федорова направили для войсковых испытаний на фронт в 85-й Выборгский пехотный полк. С другой стороны, вновь активизировались слухи о германской автоматической винтовке Маузера. Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего писал 14 июля управляющему военным министерством Поливанову: «Необходимо возбудить вопрос о снабжении и нашей армии подобными же ружьями... Вопрос мог бы быть разрешен путем заказа этих ружей за границей, хотя бы в Америке». 14 ноября генерал Гермониус передал сообщение французского министра снабжения А. Тома о появлении германской автоматической винтовки на Западном фронте. Начальник ГАУ А. А. Маниковский, ссылаясь на мнение полковника Федорова, уверил 29 ноября Военное министерство, что «установить сколько-нибудь быстрое производство автоматических винтовок при современных условиях не представляется возможным». Тем не менее вопрос не был снят. В конце 1915 г. распоряжением начальника ГАУ были отозваны с фронта Федоров, Токарев и Рощепей, рассматривались проекты новых изобретателей (П. П. Максимовского, Н. А. Ясникова, Н. П. Драгослава-Надточинского, С. Ливенцова, М. Г. Калашникова и др.). Однако ни один из проектов не дал сколько-нибудь приемлемого образца. Интереснее оказалось другое направление, определенное и реализованное В. Г. Федоровым, о чем будет сказано ниже.

Зато едва был преодолен «патронный голод» и более-менее налажен уход за винтовками в войсках, военные вернулись к вопросу повышения скорострельности — этого требовал характер позиционных боев, когда стрельба открывалась на небольших дальностях и велась с большим напряжением. Многие, естественно, «заболели» идеей приставных магазинов. Их громоздкость не казалась помехой в условиях отражения атак на окопы.

В июне 1916 г. на ружейном полигоне Офицерской стрелковой школы испытывались приставные магазины Жукова на 10 патронов к 6,5-мм японской винтовке «Арисака», в июле — магазины Сухарева на

20 патронов к 3-лин. винтовке обр.1891 г. По результатам испытаний V отдел Арткома ГАУ предложил заказать для войсковых испытаний 1000 магазинов Сухаревского. Во «Всеподданнейшем докладе по Военному министерству» за 1916 г. специально отмечались «способы для увеличения скорострельности винтовок, состоящих на вооружении»: «Наиболее подходящим оказался способ пригонки к винтовкам приставных магазинов на 25 патронов, потребность в коих определилась в 250 тыс. штук».

В январе 1917 г. штаб полевого генерал-инспектора артиллерии потребовал «срочного изготовления 50 000 приставных магазинов к австрийским винтовкам». Но V отдел Арткома вынужден был указать на то, что «разработанного образца не имеется, и разработка указанного магазина без... изменения конструкции самой винтовки невозможна».

13 января 1917 г. генерал-майор В. Г. Федоров в телеграмме начальнику Офицерской стрелковой школы генерал-лейтенанту Н. М. Филатову признавал «крайнюю необходимость к весне снабдить армию приставными винтовочными магазинами» и просил прислать ему лучший образец. Однако выяснилось, что «готовность магазинов Сухаревского и Жукова задерживается необходимостью их отладки». И тут привлек к себе внимание магазин штабс-капитана Кириллова к винтовке обр.1891 г., впервые упомянутый в рапорте начальника ружейного полигона от 14 октября 1916 г. Магазин был признан лучшим, предлагалось заказать 1000 штук «Фабрике металлических изделий И. И. Пухова», но заказ не состоялся.

После испытаний на ружейном полигоне в ноябре 1917 г. десяти образцов этого магазина начальник полигона признал их «вполне удовлетворительными и могущими принести пользу в окопной войне» и предложил для выяснения возможности массового производства заказать 1000 штук Сестрорецкому оружейному заводу. Поскольку ожидалась эвакуация Сестрорецкого завода, заказ надеялись передать Тульскому. Месяц спустя штаб военного руководителя Военного совета Воронежского

района запрашивал Отдел вооружения Всероссийского комитета по организации Красной Армии, «в каком положении находится изготовление приставных магазинов системы штабс-капитана Кириллова». С закрытием мастерских ружейного полигона и последующей эвакуацией полигона в Анапу работы над приставными магазинами пресеклись.

Попытки использования дробовиков

Интересной страницей поиска пехотного оружия ближнего боя были попытки использования гладкоствольных ружей (дробовиков). Хорошо известно о боевом применении дробовиков армией США — в 1917 — 1918 гг. она закупила около 20 000 дробовиков помповой схемы модели 97 и модели 12 фирмы «Винчестер» и модели 10 «Ремингтон». Но редко вспоминают о подобных работах в России.

14 сентября 1915 г. из Ставки Верховного Главнокомандующего телеграфировали помощнику военного министра генералу Беляеву: «Начальник Штаба признал заслуживающим внимания мысль вооружить часть безоружных людей... охотничьими ружьями. Последние, непригодные для дальнего боя, казалось бы, могут представить ценное оружие на ближних дистанциях... Представляется особо желательным сбор и использование наших берданок, так как на них может надеваться штык». Мысль об использовании штыка была совершенно обоснованна для оружия ближнего боя. Вставал вопрос и о разработке специальной модели картечного ружья. Но начальник Тульского завода категорически заявил в декабре 1915 г., что его специалисты «положительно переобременены срочными работами».

Не заставили себя ждать и исполнители. 23 октября ГАУ сообщает, что Тульский и Ижевский заводы «могут дать в данный момент 3 609 ружей 16-го калибра». «Торговый дом братьев Лильпон» (Москва) предлагает «для производства опыта вооружения безоружных лю-

«Берданка» — широко распространенная заводская переделка винтовок «Бердан» в охотничьи ружья — имела шанс стать оружием ближнего боя русской армии

дей... на фронтах» 1000 переделанных «берданок» и 1000 двустволок наиболее распространенного 16-го калибра и к ним 100 000 картечных патронов. Предложила она и проект инструкции «Применение охотничьих ружей и картечных патронов при отражении атак, направленных на окопы». Но ГАУ должно было согласовать работы с ГУГШ, а то ждало решения Штаба Верховного Главнокомандующего. В конце концов начавшиеся зарубежные поставки оружия вроде бы сняли вопрос с повестки дня. К тому же у многих специалистов не вызывала энтузиазма сама мысль о гладкоствольном оружии.

12 декабря 1915 г. член Симбирского военно-промышленного комитета А. А. Кузнецов предложил в связи с острым недостатком пулеметов «приспособить для нужд армии все имеющиеся в России охотничьи ружья для стрельбы картечью по неприятелю, приблизившемуся на известное расстояние». Полковник И. П. Граве в отзыве от 29 февраля 1916 г. писал: «Предложение не обещает дать осязательные результаты ввиду незначительной скорострельности и малой убойности большинства... охотничьих ружей, а также трудности снабжения... вследствие их полной разнокалиберности. Подобные ружья не могут быть даже рекомендованы и партизанским отрядам».

Хотя была возможность стрелять из охотничьих ружей не только дробью. Уже существовал ряд неплохих пуль для дробовых ружей, и создавались новые. 30 ноября и 1 декабря 1916 г. на ружейном полигоне Офицерской стрелковой школы отстреляли 1000 оперенных пуль техника М. Г. Горшкова (для рассверленного до дна нарезов 7,62-мм карабина). На дальности 100 шагов они превзош-

ли по пробиваемости и сравнивались по меткости с пулями «военной винтовки», но на 400 шагах летели «неправильно и попадали в щит боком». На этом основании предложение Горшкова было отклонено. Сам Горшков считал, что отрабатывает способ продления службы расстрелянных артиллерийских стволов, и с ружьями свою работу не связал. А неплохой был бы аргумент в пользу боевых «дробовиков».

Пулеметы

Нормы и потребности

Пулеметы системы Максима были приняты на вооружение русской армии в 1895 г. поначалу «для вооружения крепостей». Но уже с 1898 г. формировались отдельные пулеметные батареи (роты) при дивизиях, после Русско-японской войны пулеметные команды «спустились» в полки. Каждый пехотный полк получал команду в составе 8 станковых пулеметов.

С 1905 г. по соглашению с фирмой «Виккерс» производство пулеметов «Максим» было поставлено на Императорском Тульском оружейном заводе (большую работу здесь проделали П. П. Третьяков и И. А. Пастухов), использовавшихся в частях в основном с треногами «Виккерс» обр. 1904, 1909 и 1910 годов. А в 1910 г. на вооружение был принят «облегченный» тульский пулемет «Максим» (работами по модернизации руководил также П. П. Третьяков) на полевом колесном станке полковника А. А. Соколова. Станковый «Максим» обр. 1910 г. и стал к началу войны основным пулеметом русской армии как в пехоте, так и в кавалерии.

По данным А. А. Маниковского, потребность в пулеметах исчислялась следующим образом:

Пулеметная команда с пулеметами «Максим» обр.1910г. на позиции. В соответствии с предвоенными взглядами, пулеметчики заняли позиции на фланге пехотной части, поставив пулеметы на насыпи для лучшего обстрела

В пехоте:

— 352 пулеметные команды 1-й очереди, по 8 пулеметов в каждой — 2816 шт.

— 152 пулеметные команды 2-й очереди, по 8 пулеметов в каждой — 1216 шт.

В кавалерии:

— 32 пулеметные команды по 8 пулеметов в каждой — 256 шт.

Закончить эту программу планировали к 1 января 1915г.

Кроме того, по указаниям ГУТШ, полученным в разное время до начала мировой войны, должно было быть отпущено:

— в сформированную в апреле 1914г. 4-ю Финляндскую стрелковую бригаду на 4 команды 8-пулеметного состава — 32 шт.

— Заамурскому округу пограничной стражи на 6 команд 4-пулеметного состава — 24 шт.

Пулеметная команда с пулеметами «Максим» на двуколках с пароконной запряжкой без передка

— в 3 и 9-ю Сибирские стрелковые дивизии, назначавшиеся в гарнизон Владивостока, для доведения до нормы 2 пулемета на роту — 192 шт.

— 10% запаса военного времени — 454 шт.

Всего планировалось поставить 4990 пулеметов, из них 454 — в запас.

К июлю 1914 г. даже основной план 1910 г. был выполнен не полностью. Пулеметов в Русской армии имелось:

— 352 пулеметные команды 1-й очереди — 2816 шт.

— 120 пулеметных команд 2-й очереди — 960 шт.

— 4 команды 4-й Финляндской стрелковой бригады — 32 шт.

— 6 команд Заамурского округа пограничной стражи — 24 шт.

— 32 команды в кавалерии — 256 шт.

— в запасе — 69 шт.

Всего в войсках — 4 098 пулеметов, в запасе — 69. Общая нехватка — 833 пулемета — падала на полки второй очереди и резерв. Что касается упомянутых 3 и 9-й Сибирских стрелковых дивизий, то они, по приводимым в литературе данным, к началу мировой войны имели лишь по одной 8-пулеметной команде.

В целом нормы снабжения пулеметами казались достаточными. Первые же месяцы войны показали всю глубину этого заблуждения. Причем заблуждение это было общим. Практически везде на пулемет смотрели как на вспомогательное артиллерийское орудие, отличающееся только типом «снаряда» и способное действовать в тесном взаимодействии с пехотой. Если русская пехотная дивизия на начало войны имела 32 пулемета, французская, германская и австрийская — по 24. То есть пулеметы накануне войны одинаково оценили — а точнее сказать, одинаково недооценили — во всех странах, вступивших в войну.

К 1 января 1915 г. во всей русской армии было 4 985 пулеметов «Максим» — по сравнению с планами ГУГШ накануне войны к этой дате нормы были даже превышены, но сами нормы оказались ничтожны. По воспоминаниям Маниковского, «до мая 1915 г. требования на пулеметы были случайны и эпизодичны, причем зимою (декабрь — февраль) они сильно сократились и стали возрастать лишь с оживлением военных действий». В апреле 1915 г. ГАУ, систематизировав требования из войск, поставило вопрос о введении в полки второй пулеметной команды и доведении нормы пулеметов до 16 на каждый пехотный полк и 8 (одна команда) на каждый кавалерийский и казачий полк. С учетом необходимости пополнить передовые запасы ежемесячная потребность была исчислена в 800 пулеметов. Даже после уменьшения до 600 она оказалась в 15 раз выше, чем запланированная в 1910 г. (40 пулеметов в месяц). В ГАУ поступило распоряжение помощника военного министра генерала Беляева о необходимости отпуска пулеметов для сформирования сверх существующих пулеметных команд еще: 872 особых пулеметных команды по 8 пулеметов (распоряжение от августа 1915 г.), для запасных батальонов — по 4 пулемета, для 10 запасных кавалерийских полков — по 2 пулемета, для 60 запасных казачьих сотен — по 2 пулемета на каждые 6 сотен, на 19 военных училищ и 24 школы подпрапорщиков — по 4 пулемета.

12 сентября военный министр А. А. Поливанов удвоил норму пулеметов и приказал довести ее до 2 на пехотную роту или до 32 на полк (в 4 раза против предвоенной).

То есть:

— для доведения до нового штата 616 пехотных и 256 кавалерийских и казачьих полков — 19 564 пулемета,

— для снабжения 180 запасных батальонов — 720 пулеметов,

— 50% общей потребности в запас — 10 886 пулеметов.

Всего требовалось подать в армию 31 170 пулеметов и выполнить это за 15 месяцев — к 14 января 1917 г. На месяц выходило в среднем 2078 пулеметов. А ведь к оговоренному сроку потребность в пулеметах оказалась еще больше. На январь 1917 г. (согласно материалам, подготовленным ГАУ к межсоюзнической конференции в Петрограде) общая месячная потребность русской армии определялась в 4430 пулеметов — сопоставимо с тем количеством, каким в 1914 г. собирались вести всю войну.

С другой стороны, начавшийся переход пехотных полков с четырехбатальонного на трехбатальонный штат позволил формировать пулеметные команды не 8-, а 6-пулеметного состава.

Производство пулеметов в России

Как удовлетворялась эта потребность? Начнем с отечественного производства. Тут вся тяжесть легла на Тульский завод, единственный, имевший в своем составе пулеметное производство. В первые 5 месяцев войны, то есть до конца 1914 года, ИТОЗ смог лишь компенсировать предвоенную нехватку пулеметов, выдав 828 штук — уже больше запланированного, но для 5-миллионной армии мало. 23 сентября 1914 г. Верховный Главнокомандующий увеличил это требование до 180 — 200, и ИТОЗ получил предписание увеличить выход пулеметов с 1 января 1915 г. до 200 в месяц. 3 апреля 1915 г. начальник Тульского завода рапортовал в ГАУ: «Согласно приказа Его Императорского Высочества Верховного Главнокомандующего, завод должен давать от 180 до 200 пулеметов в месяц; во исполнение этого приказа вверенный мне завод

сдал за январь, февраль и март с. г. 672 новых пулемета, переделал под русский патрон 26 германских пулеметов и, кроме того, исправил и сдал обратно в склады 140 испорченных пулеметов.

Таким образом, вместо требуемых 200 пулеметов в месяц заводом сдано в склад 224 новых пулемета и сверх того сдано исправленных в среднем около 55, не считая запасных частей...

При тех средствах, которыми обладает вверенный мне завод, дальнейшее усиление выхода пулеметов решительно невозможно, а судя по тому, что до сих пор не удается сдать частной промышленности приготовления такой сравнительно простой части, как штыки, рассчитывать на помощь частной русской промышленности в деле снабжения армии пулеметами совершенно невозможно» (речь шла о предписании начальнику Тульского завода от марта 1915г. «привлечь фабричный Тульский район к изготовлению хотя бы частей пулеметов»).

Необходимость срочного расширения производства была очевидна, и уже осенью 1915г. в Туле вступил в строй новый корпус для производства станковых пулеметов — его строительство начали накануне войны. Здесь создали 1-ю и 2-ю пулеметные и пулеметно-сборочную мастерские. Они стали основой нового завода, но до выхода России из войны не довели до плана даже первой очереди завода, а 16 августа 1918г. строительство приостановили (возобновлено в 1923г.).

В марте 1915г. дневной выход пулеметов на ИТОЗ вырос по сравнению с довоенным в 3 раза (в среднем 10,5 против 3,5), а станков Соколова — в 4 раза (6 против 1,5). С вводом нового корпуса выход пулеметов заметно вырос, и в первой половине 1916 года был более чем в 1,6 раза больше, чем во второе полугодие 1915-го.

Тульский завод старались по возможности разгрузить хотя бы от производства пулеметных станков за счет расширения кооперации «казенных заведений». Так, Петроградский оружейный завод изготавливал станки Соколова и до войны с производительностью 1,7 станка в день, в декабре 1914г. увеличил их дневной выход до

2,7, а за 1916 — 1917 гг. изготовил 3900 станков. Ижевский сталелитейный завод изготавливал и отдельные детали к пулемету «Максим». Заказы на выучные приспособления для пулеметов с 1915 года получал Сестрорецкий оружейный завод.

Попытки привлечения частной промышленности к выпуску пулеметов действительно натолкнулись на еще большие трудности, чем в вопросе с винтовками. Предложения, разумеется, были. В январе 1916 г. в Военное министерство поступили предложения о постановке производства «максимов» от киевского промышленника М. И. Терещенко, инженера И. А. Семенова и акционерного общества «Пулемет».

М. И. Терещенко предлагал устроить завод для изготовления 10 000 пулеметов и произвести их поставку за 3 года. Цена пулемета — 2700 руб. при условии предоставления новому предприятию авансов, перевозки, валюты, технической помощи и т. д. Владелец Петроградского машиностроительного завода И. А. Семенов просил предоставить заказ на 10 000 пулеметов «Максим» по цене 2800 руб., также обязуясь закончить заказ в три года, но прося при этом права получать материалы и полуготовые изделия от казенных заводов. Другим заявлением Семенов предлагал поставку 10 000 пулеметов германской системы «Парабеллум» (модели 1913 г.) на тех же основаниях, но «дешевле» — по 2600 руб. Ничем не обеспеченное предложение общества «Пулемет» заключалось в постройке завода при помощи «американских технических сил». В результате Общество ни одного пулемета и не представило.

На ИТОЗ стоимость производства одного пулемета «Максим» на март 1916 г. составляла 1400 руб., станка Соколова — 700 руб. Заметное превышение цен на одно и то же изделие у частных и у казенных заводов было обычным делом.

Частную промышленность попытались привлечь хотя бы к производству пулеметных станков. ЦВПК отчитался в декабре 1916 г., что среди распределенных им заказов ГАУ было «4000 станков системы генерал-майора

Соколова», из них 500 — Самарскому ВПК, 2000 — Петроградскому окружному ВПК, 1500 — Московскому ВПК. Всероссийскому союзу земств и городов (Земгор) еще 10 октября 1915 г. выдали заказ на 100 выучных приспособлений для пулеметов.

В 1915 году к «Максиму» приняли более простой в производстве станок системы мастера И. Н. Колесникова. Он выпускался «казенными заведениями» — Петроградским орудийным заводом, Петроградским, Брянским арсеналами, заказ на щиты к нему в августе 1916 г. получили Сормовский и Ижевские заводы. Ижевский сталелитейный завод к маю 1917 г. сдал 2386 щитов к станку Колесникова и 1937 к станку Соколова, оружейный завод — соответственно 2350 и 1760 щитов.

Объемы выпуска станков, отдельных частей, двуколки и патронных коробок можно оценить по таким цифрам (по В. С. Михайлову и Е. З. Барсукову):

Показатель	1914	1915	1916	1917
ИТОГ				
– станков Соколова	800	2 500	8 000	5 000
Ижевский сталелитейный завод				
– черновые пулеметные стволы	3 800	30 900	66 400	99 900
– стенки короба пулемета	2 600	12 600	16 600	12 400
– щиты станка Соколова	1300	5900	9500	4700
Петроградский арсенал				
– пулеметные станки	-	-	1240	824
– треноги	962	1660	635	-
– двуколки	315	194	576	-
Брянский арсенал				
– двуколки пулеметные и патронные	487	845	890	770
– станки Колесникова	-	-	340	510
– колеса к станкам Соколова	300	5 610	17 340	8 350
– патронные коробки для пулеметных лент	10 330	40 550	92 327	75 515

Продолжал дебатироваться вопрос о щите. Он возник раньше Первой мировой войны и решался еще долго после нее. Бронещит имело большинство станковых пулеметов, поступавших на вооружение в разных странах. Хотя еще Русско-японская война показала значение подвижности пулемета и удобства его маскировки, новые установки принимались со щитом (ведь и артиллерия получила тогда щиты). Во время Первой мировой воюющие стороны пытались снабдить переносными или «катучими» щитами даже отдельных стрелков, ставился вопрос о щитах для ручных пулеметов. Где уж тут снимать щиты со станковых пулеметов. Между тем щит не только увеличивал вес и габариты станкового пулемета — крепление щита быстро разбалтывалось, и его дрожание при стрельбе ухудшало кучность. Однако ни Русская армия, ни РККА не смогли отказаться от щита — последний станок к станковому пулемету со щитом был принят в 1943 году.

Выше приводились данные бывшего руководителя ГАУ Е. З. Барсукова по помесечному производству винтовок и пулеметов русскими заводами (эти данные приводились также в труде А. А. Маниковского). Здесь приведем лишь результаты по годам.

Показатель	1914	1915	1916	1917
Производство пулеметов за год	1184	4251	11 072	11 456

Можно сравнить рост потребности в пулеметах, периодически определявшейся Военным министерством и ГАУ с текущим производством пулеметов в России:

Период	Заявленная ежемесячная потребность в пулеметах	Производство пулеметов в тот же месяц
Май 1915 г.	800	301
Август 1915 г.	1000	412
Сентябрь 1915 г.	2070	440
Январь 1917 г.	4430	1200

Своего максимума в 1200 штук месячный выход пулеметов достиг в декабре 1916 — январе 1917 г., и это было

в 20 раз больше планировавшегося до войны. Вообще конец 1916 г. — период максимального производства и поставок пехотного вооружения.

Можно сравнить округленные цифры производства пулеметов в России и других воюющих странах:

Год	Производство пулеметов за год, тыс.			
	Россия	Германия	Франция	Великобритания
1915	4,3	8	6	6,06
1916	11,1	29	20	32,2
1917	11,5	102	30	79,4

Ружья-пулеметы

Долго не могли определиться с ручными пулеметами (или ружьями-пулеметами, как их называли), появившимися в первые годы XX века. В 1904 г., когда оказалось, что имеющиеся пулеметы Максима слишком громоздки для кавалерии, русское Военное министерство закупило в Дании 1250 ручных пулеметов «Мадсен». Дабы замаскировать покупку оружия у нейтральной страны, их называли «ружьем-пулеметом обр.1902 г.». Широко испытать их в бою не удалось, после 1905 г. ружья-пулеметы продолжали испытывать в кавалерийских и казачьих частях, отчасти и в пехоте, планировали передавать их в эскадроны и сотни. Однако с появлением «Максима» обр.1910 г. со станком, пригодным для перевозки во вьюках, кавалерия предпочла их, а ружья-пулеметы передали в крепости. Правда, в 1911 — 1913 гг. испытали несколько систем ружей-пулеметов («Гочкис», «Бертье», «Льюис»). Но их рассматривали как вспомогательное средство для артиллерии или возможное вооружение самолетов, причем наибольший интерес вызвал тогда пулемет Льюиса.

В первые же месяцы войны о ружьях-пулеметах пришлось вспомнить — поначалу в связи со все той же острой нехваткой пулеметов в кавалерии. Возвращали

ружья-пулеметы «Мадсен». По словам генерала А. А. Маниковского, с началом войны «кавалерийские части, что называется, «с руками» рвали их у ГАУ». В 1915 г. ГАУ собрало в крепостях и через Петроградский склад передало фронтам еще пригодные «Мадсены», некоторые из них перед отправкой пришлось исправлять (включая, видимо, доработку под патрон с остроконечной пулей) на Сестрорецком и Тульском заводах. Пока еще просто пытались сгладить общую нехватку пулеметов, но вскоре роль ружей-пулеметов выявилась яснее, как и проблема насыщения ими армии.

При передвижениях на поле боя станковый пулемет был слишком тяжелым грузом, на открытой позиции оказывался слишком заметной целью, к тому же требовал выбора площадки и времени для установки. Находясь позади цепей, даже имея возможность огня через головы или в промежутки, пулеметчики не видели всех внезапно появляющихся целей и не могли быстро открыть по ним огонь. Попытки вести огонь через головы своих войск с высот — как это предусматривалось перед войной — приводили к быстрой гибели пулеметов от огня артиллерии противника. Войска стали присылать все больше заявок на ружья-пулеметы, которые могли повсюду следовать в цепях пехоты, быстро занимать позицию и открывать огонь. От ружья-пулемета не требовалось «забивать» огнем позиции противника — достаточно было обстреливать очередями отдельные точки, где были замечены или могли находиться пулеметчики или стрелки противника. К тому же ружья-пулеметы понадобились «для вооружения воздухоплавательных аппаратов и речных броневых отрядов».

«Из всех вопросов, связанных со стрелковым оружием и выдвинутых войной, вопрос о ручном пулемете был наиболее важным», — писал В. Г. Федоров. На начало 1917 г. потребность в ружьях-пулеметах определялась — по 8 на роту, то есть по 128 на пехотный и по 36 на кавалерийский полк (заметим отношение к ружьям-пулеметам, как к оружию роты и взвода), плюс — для вооружения аэропланов.

В войсках на 1 февраля 1916 г. «Мадсенов» имелось: в армиях и резерве Северного фронта — 191, Западного — 157, Юго-Западного — 332. «Мадсены» уже «отработали» свое, наладить производство запасных частей к ним не удавалось. Порученное в начале 1917 г. мастерским ружейного полигона Офицерской стрелковой школы изготовление частей «Мадсена» не было поставлено «ввиду приостановления в школе мастеров-оружейников всякого рода работ с наступлением революции» (февральские события 1917 года).

Поскольку ружья-пулеметы в России совсем не выпускались, их приходилось целиком заказывать у союзников, но те сами испытывали в них острую потребность.

Заграничные закупки пулеметов

По словам генерала Беляева, в вопросе массовых закупок пулеметов за границей «были встречены серьезные затруднения». Производительность британской компании «Виккерс» была «реквизирована» британским правительством для нужд британской армии. Первый солидный контракт с «Виккерс» председателю Комитета по снабжению Русской армии генералу Гермониусу удалось заключить лишь 25 мая 1916 г. — пока только на 400 000 пулеметных лент.

В США затруднения в размещении заказов выражались, во-первых, в том, что свои заказы там уже разместили Великобритания и Франция, во-вторых, в возможности признания предметов вооружения «военной контрабандой». И все-таки русские заказы на пулеметы удалось разместить полностью. Многие заказы в США давались через английское правительство (а точнее — через банкирский дом Моргана), но контракт на 10 000 пулеметов системы «Максима» под русский патрон заключил непосредственно генерал Гермониус. Заказ приняла фирма «Кольт» по цене 2362 руб. за пулемет («тульские» обходились почти вдвое дешевле), в контракте должны были участвовать «Виккерс» и «Пратт-Уитней».

11 марта 1915 г. военный агент в Лондоне генерал-лейтенант Ермолов заключил контракт с действовавшим в это время в Англии «Бельгийским обществом автоматического оружия» на поставку «1000 ружей-пулеметов Льюиса с запасными частями и треногами» по 1894 рубля за пулемет с поставкой до конца года. В пулемете «Льюис» привлекали его сравнительная со станковыми дешевизна, небольшой вес — 14,5 кг против 60 с лишним у «Максима» — и притом способность развивать достаточно интенсивный огонь (благодаря системе охлаждения). Уже вскоре и ГВТУ запросило выдачу из этого количества ружей-пулеметов «для вооружения воздухоплавательных аппаратов». Однако к 1 января 1916 г. поставлено было всего 400 штук.

В конце 1915 г. британское правительство «согласилось уступить» России свои заказы американским компаниям — речь шла о 22 тысячах станковых пулеметов «Максим» и «Кольт» и 10 тысячах «Льюис». В декабре 1915 г. на «Сэведж рмз компани» разместили русский заказ на 10 000 «Льюис» со сдачей с марта по ноябрь 1916 г. Его исполнение затянулось. Пулеметы «Льюис» поставлялись с английскими патронами калибра 303 (7,71 мм), благодаря чему — а также выдаче заказу через Англию — он считался у нас «английским», хотя разработан в США и там же выпущена основная масса этих пулеметов для России. Исполнение заказа затянулось, и к ноябрю 1916 г. сдано всего 1000 «Льюис». Только 14 ноября Гермониус телеграфировал, что «сдачи пошли лучше». Сдачу всего заказа «Сэведж» закончила в мае 1917 г. Для обучения офицеров и солдат обращению с ружьем-пулеметом «Льюис» в феврале 1917 г. из Англии в Петроград направили представителей «Общества автоматического оружия» Валеркейри и Бридигана.

В Англии выпускался и ручной пулемет «Гочкис», и 17 июня 1916 г. генерал Гермониус телеграфировал: «Английское правительство на днях подтвердило свое предложение о доставке нам пулеметов «Гочкис». Этот пулемет не вызывал у русских военных энтузиазма, но вопрос покупки чаще зависел не от самой системы, а от наличия

патронов и сроков поставки. В Россию к пулемету «Гоч-кис» выслали было холщовые ленты, но работа пулеметов с ними была настолько ненадежна, что их переделали под жесткую ленту. Игнатьев 11 января 1917 г. сообщал, что «все пулеметы, посланные нам, уже переделаны для металлических лент».

Что касается патронов к пулеметам английского калибра, то уже к 20 сентября 1916 г. в Россию было отправлено «470 млн патронов английского калибра, то есть на 70 млн более предположенных к отправке 400 млн». Характерно, что из излишка 70 млн британское правительство просило Россию «передать 20 млн патронов Румынскому правительству, которое испытывает в них крайнюю нужду».

В начале 1916 г. полковник В. Г. Федоров в «Записке-отчете по вопросам артиллерийского снабжения» сообщал: «При посещении в Париже нашего военного агента графа Игнатьева мне было указано, что во Франции заказано 50 000 автоматических винтовок системы полковника Шоша, причем означенная система, ввиду последовавшего любезного предложения изобретателя, мною может быть осмотрена на заводе, где устанавливается производство этих винтовок... По своим главным данным она скорее подходит к типу ружей-пулеметов... Ружье-пулемет полковника Шоша, как принадлежащее к системам автоматики с очень длинным откатом, в настоящее время считающимся уже устаревшим, не может быть признано вполне современным образцом». Оценка Федорова вполне оправдалась последующей эксплуатацией «Шоша» французской, русской и американской армиями.

На просьбу ГАУ об отпуске 1000 пулеметов «Шоша» французы в начале августа 1916 г. ответили отказом «вследствие громадного спроса на эти ружья французской армией», выдав, впрочем, 100 ружей-пулеметов и 153 600 своих 8-мм патронов «Лебель» марки «86 Dam». Эти ружья-пулеметы передали в Киевский артсклад для авиационных частей, но последние использовать их не стали. К концу года удалось заказать 50 000 ружей-пулеметов. 30 декабря Игнатьев писал: «Французское пра-

вительство обещает уступить нам с 01.11.1916 г. по июнь 1917 не менее как по 600 ружей-пулеметов «Шоша» марки C.S. R.G... Обеспечены патронами обр.1886 г.». Этих сроков французы не могли выдержать и не выдержали. К концу сентября Россия получила только 3200 «Шоша», а патронов к ним до середины 1917 г. прибыло 2 416 316 штук. К пулеметам «Льюис» из Англии к этому времени поставили 738 235 830 патронов (из заказанных 800 млн).

Пулеметчики с пулеметом «Кольт» M1895/1914 в прочном деревоземляном укрытии (ДЗОТ). Обратите внимание на низкую амбразуру — по-видимому, с откидываемой заслонкой — и на каски Адриана у пулеметчиков. Соответственно установке в укрытии пулемет — без щита

Станковые пулеметы системы «Кольт-Браунинг», заказ на которые Великобритания также «уступила» России, уже были знакомы русским специалистам и поначалу не вызвали у них особого энтузиазма. Еще в январе 1915 г. не без помощи британского правительства удалось выдать заказ на 1000 пулеметов «Кольт» по цене 650 долл. за пулемет (эта весьма выгодная для поставщика цена потом оставалась неизменной, общая же цена за комплект могла еще повышаться). 8 и 29 марта и 15 мая (старого стиля) русский военный агент в США полковник Голевский заключил соответствующие соглашения «с компанией Кольт» о поставках пулеметов до 30 октяб-

ря. К 1 октября 1915 г. было сдано 700 пулеметов. В августе 1915 г. на Ружейном полигоне Офицерской стрелковой школы прошли испытания пулемета «Кольт» М1895/1914 («Кольт обр. 1914 г.»), по результатам которых начальник школы генерал-майор Н. М. Филатов писал: «Заряжание пулемета одному человеку очень затруднительно... Разнообразие поломок и сравнительно большое число их указывает на малую прочность частей пулемета». Однако заказ пулеметов в США казался гарантией быстрой поставки. И 31 августа ГАУ поручило Сапожникову вести переговоры о 20 000 пулеметах непосредственно в США, а Голевскому — дать заказ фирме «Кольт» еще на 1000 пулеметов под русский патрон. 23 сентября Голевский разместил заказ на 2850 пулеметов.

Основную часть русского заказа на пулеметы «Кольт» выполнял завод фирмы «Марлин» («Марлин-Рокуэлл») — сама «Кольт» взяла на себя русский заказ на 10 000 пулеметов системы «Максима». 29 января 1916 г. генерал Гермониус сообщал из Лондона, что британским правительством с фирмой «Марлин» («Марлин-Рокуэлл корпорэйшн») заключен контракт на 12 000 «Кольт» под русский патрон с поставкой в мае — сентябре 1916 г. 28 сентября заключен еще один контракт на 3060 пулеметов.

Заказы на пулеметы в США распределились следующим образом:

Завод фирмы	Пулемет «Кольт»	Пулемет «Максим-Виккерс»	Пулемет «Льюис»
«Кольт»	7385	19 000	-
«Марлин»	17 500	-	-
«Сведж»	-	-	10 000
Стоимость пулемета, USD	650	650–675	750
Стоимость с вьючными приспособлениями, USD	1250	-	-

На заводе фирмы «Кольт» в Хартфорде производство пулеметов вели полукустарным способом с пригонкой деталей вручную перед сборкой. Поэтому достичь полной взаимозаменяемости деталей не удалось. Русским

приемщикам приходилось мириться с тем, что по лекалам проверялись только ствол и патронник, а затем собранный пулемет проверялся на прочность и взаимодействие частей. Спецификацию металлов определял производитель. Однако сдачу пулеметов завод «Кольт» вел довольно исправно.

Фирма «Марлин» для производства пулеметов «Кольт» спешно выстроила в г. Нью-Хэвен отдельный корпус и изначально ориентировалась на методы промышленного производства, с точным следованием чертежам и лекалам. Для консультаций привлекли специалистов фирмы «Кольт» и самого конструктора системы Дж. М. Браунинга. В июле 1916 г. «Марлин» поставила первые 50 пулеметов, но при этом попросила отодвинуть срок окончания поставок до 1 января 1917 г., на что русские представители дали согласие. При этом заказ сократили до 9000 пулеметов, а контракт на оставшиеся 3000 передали 28 сентября 1916 г. фирме «Кольт» с условием их сдачи в срок с ноября 1916 по март 1917 г.

Сдача пулеметов устойчиво росла: в сентябре 1916 г. завод «Марлин» сдал 1150 штук, в октябре — 1900, в ноябре — 2400, в декабре — 3050. Россия стала едва ли не самым крупным «потребителем» пулеметов «Кольт». Можно сказать, что американская военная промышленность во многом поднялась на средства от русских заказов.

Постановка производства пулеметов системы «Максим» на заводе фирмы «Кольт» шла с помощью «Виккерс» — из Англии прислали чертежи пулемета, лекал и инструмента и часть лекал в натуре. Оказывали помощь и русские приемщики. Сдача первых 100 пулеметов фирмой «Кольт» планировалась на апрель 1916 г., прибытие в Россию — на июнь, далее поставки должны были нарастать, и последние 2400 пулеметов прибыть в Россию в феврале 1917 г. 10 октября 1916 г. Гермониус сообщал, «что вследствие неисполнительности завода» фирме «Кольт» заказано только 6000 пулеметов «Максим» (тем более что в это время «Виккерс» предлагала поставку 10 000 пулеметов по цене в 1,5 раза меньшей), да и те могут быть сданы лишь

к 31 марта 1917 г. В его же телеграмме от 19 октября говорилось, что «Colt Arms Co» увеличивает свою производительность» и сможет сдавать большие партии с февраля, хотя по контракту к этому времени поставки должны были завершиться. Наконец, заказ «Кольт» на пулеметы «Максим» сократили до 3000 со сдачей к июлю 1917 г. Однако с января по октябрь 1917 г. Россия получила 900 пулеметов, а к 1 января 1918 г. сдано всего 2000. К тому времени и сама фирма утратила интерес к контракту — в связи со вступлением США в войну она получила правительственный заказ на пулеметы «Кольт».

Кроме подобных проблем приходилось, понятно, сталкиваться и с мошенничеством. Весьма характерна для тех лет такая история. В апреле 1915 г. бывший военный министр Великобритании Э. Уорд предложил генерал-майору Рубану поставку 20 000 пулеметов «Кольт» по цене 4000 франков за пулемет неким «синдикатом заводов», якобы уже имевшим заказы Сербии и Румынии. В деле участвовал и американский делец, некий архитектор Андриус. 12 мая Рубан телеграфировал из Лондона: «При переговорах Англо-русского комитета с лицами, предлагающими 20 000 пулеметов, до сих пор не установлено, какие именно заводы будут изготавливать таковые и какие банкирские дома финансируют синдикат. Налицо признаки стремления получить контракт, а уже потом внести залог, что колеблет солидность дела». Его же телеграмма от 12 августа гласила: «Вокруг 20 000 пулеметов Кольта бродит толпа несомненных хищников. Вся эта компания не раз была уличена во лжи». Командированный в США генерал-майор Сапожников подтвердил, что пулеметы «предполагалось покупать и заказывать у несуществующего завода». 3 июня 1915 г. некий Бер предлагал поставку из Америки 10 000 пулеметов, не указав ни систему, ни завод. В справке ГАУ от 5 сентября 1915 г. упоминаются «предложение г. Дени заказа 50 000 пулеметов Максима под наш патрон... предложение кн. Кочубея и подпоручика в отставке Соломонова на поставку 1000 пулеметов системы «Максим», но, разумеется, никаких заказов им дано не было. Осторожность и квалификация представи-

Автомобиль, вооруженный ружьем-пулеметом «Льюис» (видимо, с использованием вертлюга от станка «Кольт»), патрулирует улицы в дни Февральской революции 1917г.

телей русского Военного ведомства позволили избегать заказов таким «поставщикам».

Но острая потребность в пулеметах сохранялась. К примеру, когда в июне 1916г. «поступило предложение на покупку 21 пулемета» в Нью-Йорке, Русский заготовительный комитет в Америке постановил командировать «старшего приемщика по пулеметам для производства требуемого осмотра». В июле 1916г. военный агент в Париже полковник Игнатьев, узнав «об уступке пулеметов Францией правительствам Румынии и Италии», просил генерала Жоффра о передаче России 500 пулеметов «Гочкис» под французский патрон, рассчитывая, что они смогут использоваться на Кавказе, где у войск были винтовки «Лебель». Однако Наштаверх признал такую покупку «нежелательной».

Поставки пулеметов из США, по справке Главного управления заграничного снабжения от июля 1917г., шла следующим образом:

Пулемет	Заказано	Отпущено до 1 января 1917 г.	Отпущено за 1917 г.			
			Январь	Февраль	Март	Апрель
«Максим»/ «Виккерс»	10 000	0	0	0	1	52
«Кольт»	17 785	5175	1324	3675	2121	2500
«Льюис»	10 000	1114	2793	2214	1781	809

Всего за границей было заказано:

Кому дан заказ	Заказано до 1 января 1917 г.	Отправлено до 1 января 1917 г.	Получено до 1 января 1917 г.	
В США				
Фирме «Кольт» (на пулемет «Кольт»)	2850	5175	9437	
Заводу «Марлин» (на пулемет «Кольт»)	14 935			
Заводу «Сзведж» (на ружье-пулемет «Льюис»)	10 000	1 114		
В Великобритании				
Заводу «Бирмингем Смол армз» (на ружье-пулемет «Льюис»)	1200	741	128 «Виккерс»	
Фирме «Виккерс» (совместно с «Кольтом» и «Пратт энд Уитней») на пулеметы «Максим» и «Виккерс» под русский патрон)	10 000	128 «Виккерс»		
Ружей-пулеметов «Гочкис»	500	0		0
Во Франции				
Ружей-пулеметов «Шоша»	4800	700	500	

До 1 июня 1917 г., по данным ГАУ, за границей было принято 16 960 пулеметов всех систем, из них в Россию поступило 10 900. Из 10 000 «Виккерс»/«Максим» (американского производства) до 1917 г. успели получить 128.

Всего за 1917 год (до 1 октября) из-за границы получено пулеметов:

«Льюис» — 9600 из США и 1 860 из Англии,

«Шоша» — 6100 (по другим данным — 5 600) из Франции,

«Гочкис» — 540 из Англии,

«Виккерс» и «Максим» — 900 из Англии и США,

«Кольт» — 13 871 из США.

Таким образом, из более чем 44 тыс. пулеметов, заказанных за рубежом, поставлено было около 43 тыс., из них около 33 тыс. — в 1917 г. Основная масса зарубежных поставок пришлось уже на последний для России период Первой мировой войны. В 1914 — 1916 гг. Русская армия применяла в основном пулеметы отечественного производства и трофейные. Зато за 1917 год количество пулеметов почти удвоилось по сравнению с 1916-м.

Соотношение поставок отечественных «максимов» и зарубежных пулеметов можно увидеть из данных, приводимых А. А. Маниковским:

Показатель	1914	1915	1916	1917	Всего
Отечественных	828	4251	11 072	11 420	27 571
От союзников	-	500	628	7462	8 590
Из США	-	557	8800	24 731	33 808

В результате пулеметное вооружение России также оказалось весьма пестрым в отношении систем и калибров.

«Помощь» со стороны союзников не окупала ни потоки русской крови, проливавшейся больше в интересах союзников, чем самой России, ни русского золота, уходившего за границу. Ввоз вооружений многократно превышал ввоз оборудования, и шансов поднять техническую оснащенность своей промышленности Россия не имела. Перспективным шагом на этом фоне было предложение датчан о постройке в России завода по выпуску ружья-пулемета «Мадсен» — появлялась возможность получить новый хорошо оборудованный оружейный завод. Строительство его начали в городе Коврове, и впус-

ледствии завод сыграл важную роль в развитии отечественного вооружения. Но до конца войны он не поставил ни одного серийного пулемета.

Трофейные пулеметы на русской службе

Через год после начала войны, 22 августа 1915 г. помощник военного министра генерал Беляев писал своему коллеге Лукомскому: «Одним из вопросов, касающихся снабжения армии средствами борьбы и до сего времени не получивших сколько-нибудь удовлетворительного разрешения, является дело обеспечения частей войск пулеметами, как выразителями интенсивности стрелкового огня... Когда у противника пулеметами снабжены не только полки, а роты — в нашей армии число пулеметов в пехоте недостаточно, а в коннице — ничтожно... Запасные батальоны не имеют совершенно пулеметов, ввиду чего пришлось для обучения пулеметчиков сформировать особый пулеметный запасной полк, который, однако, и поныне не снабжен положенным ему числом пулеметов».

Потери материальной части при большом отступлении 1915 года еще более ухудшили ситуацию с оснащением войск пулеметами. В конце октября Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Рузский донес в Ставку, что на 105 пехотных полков фронта приходится только 503 пулемета. Полки 3-й очереди по формированию имели только по 4 пулемета или не имели их вовсе.

«Выручали австрийские «Шварцлозе», переделанные под русский патрон, и, не в такой, правда, степени, германские «максимы» (немцы были далеко не столь исправными поставщиками, как их союзники). В каждом нашем полку, помимо штатной пулеметной команды, имелась еще и сверхштатная, а то и две», — писал А. А. Керсновский в «Истории Русской армии». Значительное количество «Шварцлозе» было захвачено в 1914 г. в Галиции. Часть трофейных пулеметов была переделана под русский 3-линейный патрон, остальные использовались

Трофейный пулемет «Шварцлозе», приспособленный для зенитной стрельбы с помощью высокой треноги

с трофейными боеприпасами — в основном это были пулеметы, которые части сами оставляли у себя для пополнения в вооружении. Вообще-то использование трофейных пулеметов было обычным делом.

Россия получала предложения на поставку «Шварцлозе» и от союзников. Полковник Игнатьев сообщал из Парижа 1 мая 1916 г.: «Французское правительство предлагает нам пулеметы «Шварцлозе», вывезенные из Сербии... Таких пулеметов имеется около шестидесяти». Французы и сербы просто хотели сократить типы пулеметов сербской армии, «которая имеет уже часть пулеметов Сент-Этьен 1907 г. и часть Максима». ГАУ решило воспользоваться предложением, хотя годных пулеметов оказалось лишь 50. В сентябре из Франции прислали еще 1000 лент к «Шварцлозе». Переделанные под русский патрон трофейные пулеметы имелись в войсках уже в 1915 г. — пулеметы переделывали на ИТОЗ, в мастерских Киевского и Петроградского артиллерийских складов. Процесс переделки продолжился и во время Гражданской войны.

Результаты поставок пулеметов

По данным ГАУ, с начала войны по 1 января 1916 г. поступило 5094 пулемета «Максим» от ИТОЗ и 1000 пулеметов из США, из них не отправленных в войска по разным причинам на 1 января осталось только 67. На 1 февраля 1916 г. три основных фронта имели около 4,4 млн бойцов и следующее количество пулеметов:

Фронт	«Максим»	«Кольт»	«Мадсен»	«Гочкис»	Трофейных германских и австрийских	
					переделанных	непеределанных
Северный	1243	132	101	2	37	-
Западный	2411	204	151	-	175 *	59 **
Юго-Западный	1724	271	332	-	80	524

Примечания: * 71 германский и 104 австрийских

** 21 германский и 38 австрийских.

В среднем — 1 пулемет на 590 человек (в начале войны — 1 пулемет на 1000 человек), хотя по армиям, корпусам и дивизиям показатели различались весьма значительно.

Пик общих поставок пулеметов пришелся на ноябрь 1916 г. — 2200 штук всех систем. Правда, к 1 ноября 1916 г. и общая численность действующей армии достигла максимума — 6 900 000 человек (для сравнения к 1 октября 1914 г. она составляла 2 700 000, а к 1 ноября 1915 г. — 4 900 000 человек).

На 1 января 1917 г. имелось станковых пулеметов:

Фронт	«Максим»	«Кольт»	«Мадсен»	Трофейных германских и австрийских	
				переделанных	непеределанных
Северный	2553	355	162*	70	-
Западный	9660	690	40	175	14
Юго-Западный и Румынский	4342	687	133	99	847

* Из них 3 — в пятом броневотдизивизионе со взводом бронекатеров.

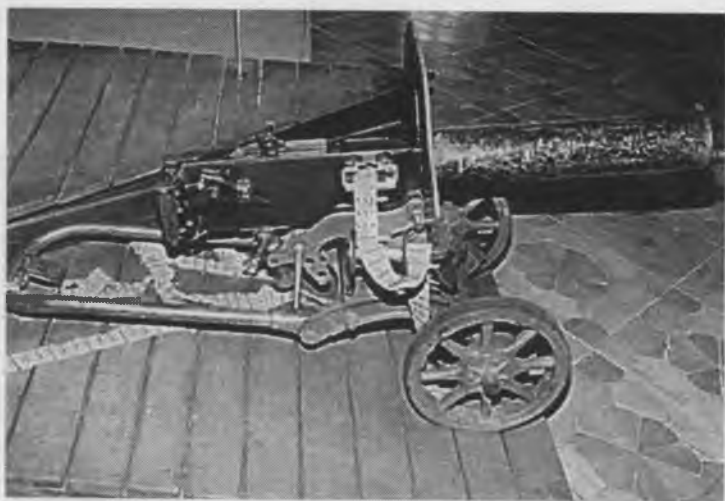
Несмотря на рост поставок количество пулеметов на фронтах не «дотягивало» до штатной потребности. Неудивительно, что по-прежнему широко пользовались трофейными пулеметами. Скажем, на 1 марта 1917 г. в армиях Северного, Западного и Юго-Западного фронтов станковых пулеметов числилось: «Максимов» — 10 793 (при штатной потребности 19 032), «Кольтов» — 2 433 (при штатной потребности 6732), переделанных трофейных австрийских и германских пулеметов — 408, непеределанных австрийских — 961, германских — 84. На 1 мая того же года на Юго-Западном фронте среди прочего числилось также 5 трофейных пулеметов «Бергман». Большое количество австрийских пулеметов — результат наступления Юго-Западного фронта летом 1916 го., когда среди трофеев оказалось 1 795 пулеметов.

Общее количество пулеметов всех марок в русской армии с 1914 по 1917 год увеличилось в 6 раз (с 4152 до 23 800), в германской с 1914 по 1918 год — в 9 (с 12 000 до 104 000 в 1918 году), во французской — в 20 раз (с 5000 до 100 000).

Отставание русской армии от союзников и противников в «машинизации пехотного огня» по ходу войны становилось все больше. К концу войны в русской пехотной дивизии было 72 пулемета, в германской — 324 (из них 216 ручных), британской — 684 (576 ручных), французской — 400 (336 ручных). Средняя насыщенность боевых частей русской пехоты пулеметами к 1917 году увеличилась до 6,2 пулемета на 1000 штыков, однако она оставалась ниже, чем у противника и союзников — скажем, во французской (8,5 пулемета на тысячу штыков) или бельгийской (14,9 пулемета).

Образцы пулеметов

По классификации того времени выделялись «легкие, облегченные и тяжелые пулеметы «Максим». «Легкими» именовались пулеметы «Виккерс», полученные Россией в небольшом количестве и использовавшиеся в основ-

Пулемет «Максим» обр.1910г. на упрощенном станке Соколова

ном в кавалерии и авиации. «Тяжелыми» именовались отечественные пулеметы «Максим» обр.1905г., «облегченными» — обр.1910г.

Автоматика пулемета «Максим» действовала по схеме отдачи ствола с коротким ходом. Запирание канала ствола производилось затвором (замком), подпираемым системой из двух шарнирно сочлененных рычагов, передний из которых (шатун) был связан плоским шарниром с затвором, а задний (мотыль) так же шарнирно крепился в задней части рамы, то есть рама играла роль ствольной коробки. На правый конец оси мотыля надевалась качающаяся рукоятка, играющая также роль ускорителя в работе автоматики, на левый — барабан (эксцентрик) с цепочкой типа Галя, соединенной с возвратной пружиной. Выстрел производился с закрытого затвора. Спусковой рычаг располагался между рукоятками управления и удерживался предохранителем.

Питание — из холщовой патронной ленты. Подача ленты — справа-налево ползуном. Патронная коробка переносилась и устанавливалась отдельно от пулемета и для надежной работы системы подачи второй номер

Расчет пулемета «Максим» обр.1910 г. на треножном станке «Виккерс» на позиции

вручную поддерживал подаваемую ленту в правильном положении.

Пулемет обр.1905 г. имел выдвижной или откидной стоечный прицел, пулемет обр.1910 г. — откидной стоечный прицел с механизмом введения боковых поправок. Кожух ствола емкостью 4,5 л имел наливное (сверху сзади) и сливное (спереди снизу) отверстия. Часть пулеметов имела кожух с продольным оребрением, но ради упрощения производства от оребрения пришлось отказаться.

Система «Максим» отличалась высокой живучестью, надежностью действия, что и обеспечило ей исключительное долголетие. Большая масса пулемета затрудняла его передвижение, но способствовала увеличению меткости и кучности стрельбы.

Пулеметы «Максим» использовались с несколькими типами полевых станков:

— треножный станок (тренога «Виккерс») обр.1904 г. и его модификация обр.1909 г.,

— треножный станок «Виккерс» обр.1910 г. с бронешитом, колесным ходом и возможностью менять высоту линии огня,

— станок Соколова (обр.1908г.) с колесным ходом, откидными ногами, бронещитом, позволял вести огонь в положении лежа или сидя. Увеличение производства требовало упрощения станка. Он лишился заднего ролика и подушки на хоботе. Затем убрали откидные ноги. Это отвечало и условиям применения — огонь из пулемета обычно вели из положения лежа либо ставили его на бруствер окопа,

— станок Колесникова с колесным ходом и бронещитом, отличавшийся простотой производства.

Большие колесные лафеты к 1914г. были уже заменены в армии станками Соколова или треножными станками, но оставались в крепостях и учебных заведениях.

*Пулеметный взвод с пулеметами «Максим» обр.1910г.
на станках Соколова первоначального образца. Кавказский фронт*

Главным отличием пулемета «Виккерс» от системы «Максим» был перевернутый на 180° затвор, складывание шатуна и мотыля вверх и выброс стреляных гильз вниз. Это позволило уменьшить высоту короба и облегчить систему. Изменена конструкция надульника-усилителя отдачи. Крышка короба разделена на две части: передняя часть закрывала приемник, а задняя — короб. Модель «Виккерс» MkI (у нас упоминался как «Виккерс»

обр.1910 или 1909 г.) имела кожух емкостью 4,1 л, гладкий или с оребрением. Треножный полевой станок «Виккерс» допускал стрельбу из положения лежа или сидя.

Станковый пулемет М1895/1914 «Кольт» системы Дж. М. Браунинга имел оригинальный газовый двигатель автоматики — с газовым поршнем на качающемся рычаге. Запирание канала ствола производилось перекосом затвора в вертикальной плоскости. За характерное движение рычага с поршнем, а также за пыль, поднимаемую отводимыми вниз пороховыми газами, пулемет получил прозвище «Potato Digger», то есть «картофелекопалка».

*Пулемет М1895/1914 «Кольт»
(«Кольт-Браунинг») на «низкой»
треноге*

Ударно-спусковой механизм — куркового типа с прямолинейным движением курка. С правой стороны монтировался флажковый предохранитель. Рукоятка заряжания представляла собой поперечный штырь на конце шатуна под поршнем. Для ускорения перезаряжания пулеметы оснащались приспособлением BLICK с тросиком и качающимися рычажками. Питание — из холщовой патронной ленты на 100 патронов, подававшейся слева. Приемник — барабанного типа.

Пулеметы «русского заказа» имели складной рамочный прицел, насеченный до 2300 м, с механизмом введения боковых поправок.

Станок — треножный. Первые 1750 пулеметов «Кольт» пришли в Россию с высокой «французской» треногой (такую «Кольт» поставляла по французскому заказу). Такой станок не удовлетворял требованиям боевого опыта. Усилиями генерала Сапожникова заводы «Кольт» и «Марлин» постепенно стали поставлять «низкие» треноги. На длинной задней ноге станка крепилась поворотная поперечная планка с упорами для локтей («низкая тренога») либо сиденье и сумка с принадлежностью

Австрийский пулемет
М/07/12 «Шварцлозе»
на штатном
треножном станке

и запчастями («высокая тренога»). Щиты оказалось надежнее делать в России на Ижорском заводе из 6,5-мм броневой стали.

Станковый пулемет системы германского конструктора А. Шварцлозе брался в качестве трофеев у австро-венгерских войск в основном в виде моделей М/07 и М/07/12. Автоматика работала за счет энергии отдачи полусвободного затвора. Замедление отпирания канала ствола осуществлялось сразу двумя способами — сопротивлением пары шарнирно сочлененных рычагов и перераспределением энергии отдачи между двумя частями затвора. Ударный механизм — ударникового типа. В спусковом рычаге монтировался неавтоматический предохранитель. Для ослабления сцепления гильзы со

стенками патронника и предотвращения ее разрыва служил механизм смазки («осалки») — патрон смазывался перед досыланием в патронник.

Питание — из холщовой ленты на 250 патронов. Подающий механизм — барабанного типа, подача ленты — справа налево.

Кожух ствола емкостью около 3,5 л содержал несложный золотниковый механизм, регулировавший отвод пара — перемещаясь собственной массой, золотник при больших углах возвышения открывал верхнее паротводное отверстие, а при углах склонения — нижнее. Прицел — секторный, с установками от 200 до 2400 м.

Станок — треножный с возможностью регулировки высоты линии огня регулировался выдвижением ног и фиксировался зажимами. Пулемет и станок выгодно отличались от ряда своих «ровесников» сравнительно небольшими размерами. Мог крепиться щит.

Пулемет «Мадсен» модели 1916 г. (P1916) без сошки и магазина

Автоматика ружья-пулемета (ручного пулемета) «Мадсен» системы Мадсена — Расмусена — Скоуба работала по схеме отдачи ствола с коротким ходом. Запирание канала ствола осуществлялось оригинальным качающимся в вертикальной плоскости затвором, ось которого крепилась в ствольной коробке. Качающийся затвор обеспечивал надежное запирание и позволял укоротить короб, но потребовал введения ряда дополнительных устройств и в целом привел к усложнению оружия.

Питание — из сменного коробчатого магазина секторной формы емкостью 25 патронов. Патрон проходил из магазина в патронник по сложному пути, в целом требовалась синхронизация движения такого количества

деталей, что о пулемете бытует шутка — дескать, самым примечательным в системе «Мадсен» было не то, что она работала хорошо, а то, что она вообще работала. Тем не менее пулемет действовал вполне надежно, что можно отнести на счет качественного изготовления.

Ударно-спусковой механизм — куркового типа, позволял вести одиночный и автоматический огонь; переводчик находился в задней части спусковой скобы. Имелся флажковый предохранитель. С правой стороны затыльника находилась качающаяся рукоятка заряжания, при стрельбе она оставалась неподвижной.

Прицел — секторный. На кожухе ствола крепилась складная двуногая сошка.

*Ручной пулемет «Льюис»
с легкой двуногой сошкой*

Ружье-пулемет (ручной пулемет) «Льюис» был разработан американским конструктором С. Мак Кленом при активном участии О. М. Лиссака. Имел газовый двигатель автоматики с отводом пороховых газов через поперечное отверстие снизу ствола, имелся газовый регулятор. Запирание канала ствола — поворотом затвора, имевшего четыре боевых выступа в задней части остова. Ударный механизм — ударникового типа. Выстрел — с заднего шептала. Предохранителем от случайного выстрела служила планка, перекрывавшая прорезь ствольной коробки. Характерными чертами были улиткообразная (спи-

Ручной пулемет «Шоша» CSRG с коробчатым магазином и двуногой сошкой

ральная) возвратно-боевая пружина, дисковый магазин без пружины подавателя и система воздушного охлаждения ствола. Патроны в открытом снизу магазине укладывались радиально и подавались, скользя по винтовому пазу. Вращение магазина происходило от подвижной системы автоматики, что приводило к задержкам при затрудненных условиях стрельбы.

Воздушное охлаждение — по сифонной схеме: при выстреле пороховые газы образовывали разрежение в дульной части, в результате воздух с казенной части интенсивно продувался вдоль кожуха через надетый на ствол алюминиевый радиатор с высокими ребрами. Магазин сравнительно большой емкости и система интенсивного охлаждения ствола позволяли вести достаточно интенсивный огонь.

Прицел — складной рамочный. Сошка к пулемету была принята жесткая треугольная.

«Льюис» допускал стрельбу в движении с использованием ремня, но только от бедра, так что прицельностью такая стрельба не отличалась. Прицельную стрельбу ручные пулеметы Первой мировой войны допускали только с упора.

«Льюис» был тяжеловат — почти половина от массы станкового «Виккерс», но из всех ручных пулеметов Первой мировой войны оказался самым «долгослужащим».

Схема ружья-пулемета (ручного пулемета) «Шоша» была разработана Л. Шоша, Ш. Суттэ. В начале войны они вошли в комиссию по разработке «легкого пулемета» для французской армии, в комиссию вошел также П. Риб-

ройль, директор завода «Велосипедного общества «Гладиатор». Пулемет был принят на вооружение под обозначением Fusil-Mitrailleur Mle 1915 или C. S. RG — по фамилиям конструкторов и имени завода, где начали производство.

Автоматика пулемета работала по схеме отдачи ствола с длинным ходом. Подвижная система заключалась в трубчатом коробе, переходившем впереди в перфорированный кожух ствола. Запирание канала ствола производилось поворотом боевой личинки затвора с двумя боевыми выступами. Выстрел — с заднего шептала. Имелся неавтоматический флажковый переводчик-предохранитель с установками для автоматического и для одиночного огня. Невысокий темп стрельбы способствовал управляемости пулемета.

Магазин отличался малым радиусом кривизны и имел форму полукольца. Для надежной подачи патрона пришлось принимать дополнительные меры. Первоначально магазин имел сплошные стенки, потом в них появились большие окна, облегчившие магазин, но повысившие опасность засорения системы (при стрельбе с сошки магазин находился над самым грунтом).

Секторный прицел был насечен до 2000 м, но эффективная дальность стрельбы была значительно меньше. Сошка — складная двуногая.

В целом «Шоша» был наименее удачным из массовых пулеметов Первой мировой войны. Главным достоинством «Шоша» были простота и дешевизна производства.

«Автоматическая рота генерал-майора Федорова»

Так в процессе формирования условно называли подразделение, связанное с одной из наиболее интересных разработок периода Первой мировой войны. Дело не только в том, что на вооружение этой роты поступило «руч-

ное ружье-пулемет» В.Г. Федорова (позднее названное «автоматом») — единственный принятый на вооружение за всю войну отечественный образец автоматического оружия. Само появление этого оружия в середине войны прямо связано с анализом ее опыта и поиском выхода из «позиционного» тупика, в котором оказались воюющие армии и пехота прежде всего. Поэтому стоит вспомнить об этом отдельно.

«Ручное ружье-пулемет» (автомат) Федорова и каска Адриана — новинки вооружения и экипировки русской пехоты. Такие новинки в сочетании с новой тактикой могли бы придать пехоте качественно новые возможности

В начале 1916 г. полковник В.Г. Федоров в своей уже упомянутой «Записке-отчете» делает важное заключение: «Ни в Англии, ни во Франции совершенно не поднят еще вопрос о перевооружении армии автоматической винтовкой, все дело сводится лишь к широкому испытанию в боевых условиях этого нового оружия, причем заказываются не автоматические винтовки, а ружья-пулеметы, которые, по моему мнению... в настоящее время имеют безусловно большее значение, чем упомянутые винтовки... Полагаю, что и для нашей армии вопрос заключается лишь в необходимости самого широкого испытания в боевых условиях различных систем ружей-пулеметов и автоматических винтовок, причем... необходимо немедленно заказать некоторое количество до

3 или 5 тысяч автоматических винтовок, приспособленных для непрерывной стрельбы и имеющих магазин на 20 — 25 патронов».

В мастерских ружейного полигона Федоров, с помощью В. А. Дегтярева и используя предвоенный задел, занялся переделкой автоматической винтовки своей системы в ружье-пулемет. Его 6,5-мм патрон «улучшенной баллистики» так и остался опытным, зато имелось значительное количество японских 6,5-мм патронов к винтовкам «Арисака», под которые и переделывалось оружие. Федоров рассчитывал на меньшие дальности стрельбы, нежели считалось необходимым ранее, что позволяло укоротить ствол с 800 до 520 мм и облегчить оружие в целом (как это было сделано в пулемете «Шоша»). Федоров ввел в систему флажковый переводчик, подвижную крышку затвора, разработал серию отъемных магазинов большой емкости. К сентябрю 1916 г. в мастерской полигона собрали восемь 7,62-мм ружей-пулеметов Федорова (получившего уже звание генерал-майора) с магазином на 15 патронов, три 6,5-мм с магазином на 25 патронов и два с магазином на 50 патронов, а также сорок пять 6,5-мм автоматических винтовок. V отдел Арткома в Журнале от 6 сентября 1916 г. отнес оружие Федорова к особому классу ручных ружей-пулеметов.

14 августа 1916 г. начальник Генерального штаба направил в ГВТУ следующее письмо: «По обстоятельствам настоящего военного времени представляется необходимым сформировать теперь же роту, вооруженную ружьями-пулеметами и автоматическими ружьями системы генерал-майора Федорова по особому представленному здесь штату... Распыление ружей по существующим частям не даст полной картины полезного их действия, что может быть достигнуто только... в случае формирования и командирования в Действующую армию особой войсковой части, укомплектованной специально обученными офицерами и нижними чинами и имеющей достаточный запас личного состава для немедленной замены убывших». Предлагавшийся штат роты включал три взвода — один с 8 ружьями-пулеметами и два по

25 автоматических винтовок. В течение лета и осени при Офицерской стрелковой школе на основе роты 189-го Измаильского пехотного полка 48-й пехотной дивизии была сформирована и обучена «команда особого назначения». Ей передали 45 винтовок и восемь 7,62-мм ружей-пулеметов Федорова, снабдив их клинковыми штыками «по образцу Кавказского казачьего войска» и чехлами для переноски оружия. Кроме того, команда была «снабжена всеми новыми техническими усовершенствованиями» — оптическими прицелами системы Герца, призматическими биноклями, приборами для стрельбы из-за закрытий, переносными полевыми стрелковыми щитами системы Технического комитета ГВТУ, стальными шлемами Адриана. Оптические прицелы были заказаны Обуховскому заводу еще в декабре 1914 г. для штатных 7,62-мм винтовок. К каждому ружью-пулемету полагалось иметь: 4 патронные обоймы, 1 патронный ящик, 1 кожаную сумку с запчастями и принадлежностью, 1 стрелковый щит. «Автоматической роте генерал-майора Федорова» придали второй комплект обученных нижних чинов, вооруженных пистолетами «Маузер», для замены выбывших из строя. Речь шла не просто о боевом испытании ружей-пулеметов и автоматических винтовок, но о пехотном подразделении с новой системой вооружения и оснащения и новой тактикой.

Но опыта не получилось. «Автоматическую роту» как «отдельную стрелковую роту» (3 офицера и 150 нижних чинов) 189-го Измаильского пехотного полка в январе 1917 г. отправили на Румынский фронт. На 30 апреля 1917 г., согласно ежедневному докладу начальника штаба 48-й пехотной дивизии, в отдельной стрелковой роте 189-го полка состояло 3 офицера и 138 нижних чинов. Сообщений о результатах ее боевого применения найти не удалось. Рота, по-видимому, распалась во время «эвакуации Румынии». Между тем на примере этой роты и с широким использованием легкого автоматического оружия могла быть опробована новая, групповая тактика пехоты (вспомним, какую роль сыграли в 1918 г. в действительности штурмовых отрядов германской пехоты пистолеты-

пулеметы МР.18). Правда, оружие Федорова попало и на Западный фронт — на апрель 1917 г. здесь числилось 4 его «ружья-пулемета».

Несмотря на усилия, предпринятые и самим В. Г. Федоровым, и руководством ГАУ, поставить новое оружие на производство в ходе войны не успели. Только в 1921 г. упомянутый Ковровский пулеметный завод начал его серийный выпуск. Но это уже — другая история.

Револьверы и pistols

Личное оружие в русской пехоте имелось у офицеров (как основное) и у унтер-офицеров и солдат отдельных специальностей и к началу мировой войны было представлено в основном 7,62-мм револьвером «Наган» обр. 1895 г. в двух основных модификациях — «офицерский» (с возможностью стрельбы самовзводом или предварительным взведением курка) и «солдатский» (без самовзвода). В системе Л. Нагана остроумно решалась типичная для револьвера проблема соосности камеры со

7,62-мм револьвер «Наган» обр. 1895 г. — основное личное оружие русской армии

9-мм самозарядный пистолет «Браунинг» модели 1903 г., разрешенный к приобретению для ношения «в строю и вообще при исполнении служебных обязанностей» еще в 1907 г., оказался достаточно распространен у русских офицеров

стволом и прорыва газов между ними, емкость барабана 7 патронов, была больше, чем у большинства военных револьверов. Но зарядание и разряжание по одному патрону казались слишком «мешкотными». Неудивительно, что в России, как и в ряде других стран, уже в начале XX в. обратили внимание на конкурента револьверов — «автоматические» (самозарядные) пистолеты. Правда, в России вопрос решили компромиссно. Несколькими приказами в 1907 — 1913 гг. офицерам разрешили для приобретения за свои средства пистолеты: 9-мм «Парабеллум», 9-мм «Браунинг» модели 1903 г. для ношения в строю; 7,65-мм «Браунинг» моделей 1900, 7,65- и 9-мм «Браунинг» 1910/12 г., 6,35-мм «Браунинг» 1906 г., «Штайр» 1909 г., «Маузер» 1910 г. для ношения вне строя.

Кроме того, накануне мировой войны уже пытались определить модель для перевооружения всей армии. Но эти работы прервала война. При этом она отнюдь не сняла вопросы ни об увеличении выпуска револьверов, ни и об «автоматическом» пистолете. Необходимость увеличения количества личного оружия стала вскоре очевидной. Во-первых, оно требовалось «специальным частям» — авиационным, автомобильным, мотоциклетным. Во-вторых, выдача личного оружия в небоеые подразделения позволяла высвободить столь необходимые

винтовки и карабины. В-третьих, потребовалось компактное скорострельное оружие для боев в траншеях.

Если накануне войны не рассчитывали на резкий рост потребности в винтовках и пулеметах, то быстрого увеличения выпуска револьверов тем более не предусмотрели. К 20 июля 1914 г. Русская армия располагала 424 434 револьверами «Наган» обр. 1895 г. (при штате 436 210 штук).

18 сентября 1914 г. ГАУ дало Тульскому Императора Петра Великого оружейному заводу — а это было единственное в России массовое производство личного оружия — задание обеспечить дополнительно к установленной ранее программе выпуск 150 тысяч винтовок и 25 тысяч револьверов. Если перед войной ИТОЗ в среднем давал в день всего 130 револьверов, то в марте 1915 г. — 100 офицерских и 300 солдатских.

**ПРОИЗВОДСТВО РЕВОЛЬВЕРОВ НА ТУЛЬСКОМ ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ
С 1901 ПО 1917 Г.**

Год	Изготовлено	Год	Изготовлено
1901	54 500	1911	30 290
1902	53 500	1912	83 255
1903	6700	1913	87 200
1904	36 400	1914	76 000
1905	62 917	1915	120 142
1906	27 300	1916	180 700
1910	16 443	1917	86 200

Всего за 1914 — 1917 гг. Тульский завод поставил русской армии 474 800 револьверов — больше, чем за предыдущие 15 лет. Качество отделки деталей (а револьвер требовал много ручной работы) вынужденно ухудшалось. М. В. Фрунзе позже вспоминал: «Качеству нагана производства военного времени мы не особенно доверяли, и каждый командир предпочитал изделия до 1914 г.».

Недостаток запасов, быстрый износ имеющихся револьверов и снижение качества производства вынуждали увеличивать выпуск патронов, снаряженных дымным («бурым ружейным») порохом. Начальник Петроградс-

кого патронного завода в рапорте от 7 февраля 1915 г. сообщал, что «вследствие разрывов барабанов револьверов при стрельбе патронами с бездымным порохом» револьверные патроны начали снаряжать дымным порохом. Это позволило к тому же сгладить проблему нехватки бездымных порохов. Но потребности армии увеличившийся выпуск револьверов и револьверных патронов не покрывал.

Тут также пришлось прибегнуть к закупкам за рубежом. Уже в начале 1915 г. в Японии были закуплены 7,63-мм пистолеты «Маузер» в количестве 5000 штук и 1 250 000 патронов к ним — 250 патронов на пистолет — «по цене 56 рублей 60 копеек за револьвер и 45 рублей за одну тысячу патронов» (согласно Справке ГАУ от 24 мая 1915 г.). К концу мая пистолеты доставили на Петроградский артиллерийский склад. В начале мая 1915 г. фирма «Ле Персон» («Le Personne and Co») в Лондоне предложила русскому военному агенту в Англии генералу Рубану «1530 автоматических пистолетов Маузера калибра 7,63 мм». С согласия полевого генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича Рубан приобрел 1500 пистолетов и по 150 патронов на каждый.

Комиссия адмирала Русина, как уже отмечалось выше, не смогла в конце 1915 г. разместить планировавшийся заказ на миллион пистолетов. Но в отношении от 28 декабря 1916 г. ГАУ сообщало: «Наш военный агент во Франции в начале текущего года заказал... 100 000 автоматических пистолетов типа «Браунинг» калибра 7,65 мм и револьверов образца французской армии калибра 8 мм по приблизительной цене... 10 р. 56 к. за экземпляр, без кобур. В мае и июне с. г. французское правительство уступило из своих запасов в счет общего количества по 10 000 экземпляров каждого типа, и заводами были изготовлены 57 850 штук. Остальные подлежат сдаче до конца 1916 г.». 5 млн патронов к ним должны были быть изготовлены во Франции. Главными (и, пожалуй, единственными) достоинствами «испанских браунингов» были их дешевизна перед другими самозарядными пистолета-

Эйбарские браунинги — 7,65 мм «Зулайка» модели 1914 г.
и карманный 6,35 мм «Унион»

Ставший весьма популярным 7,63-мм самозарядный пистолет «Маузер» С/96 в процессе заряжания — затвор отведен назад, обойма с патронами вставлена в пазы

ми и быстрота поставки, по надежности они значительно уступали своим бельгийским прототипам. В самом конце года заказ в Испании на 100 000 «7,65-мм пистолетов системы Браунинга» был утвержден.

Кроме того, в 1916 г. удалось разместить заказы: в Англии — еще на 50 000 пистолетов «Маузер», в США — на 100 000 пистолетов «Кольт» М1911. В сочетании с увеличившимся производством на ИТОЗ револьверов «Наган» это должно было обеспечить заявленную в июне 1916 г. потребность в личном оружии — «10 000 револьверов» ежемесячно. К февралю 1917 г. из Франции прибыло 58 345 пистолетов и 3 042 500 патронов из «испанского заказа». Фирма «Кольт» уже в мае — июне 1916 г. сдала около 6000 пистолетов. Всего, по американским данным, с 19 февраля 1916 г. по 18 января 1917 г. «Кольт» отправила в Россию 47 100 пистолетов (то есть менее половины заказанных). Хотя заказ на М1911 «Кольт» был одним из самых солидных, поставлено их было меньше, чем «испанских браунингов» или С/96 «Маузер».

На калибр закупаемых пистолетов особого внимания не обращали — лишь бы с оружием поставлялось достаточно патронов. Разнообразие использовавшихся моделей личного оружия осложняло и без того непростую ситуацию с «многокалиберностью» стрелкового вооружения русской армии. Впрочем, в отношении личного оружия в такой ситуации оказались и другие армии, независимо от того, приобретали ли они срочно требовавшееся в возраставшем количестве личное оружие у собственных фирм или за рубежом. Для имевшихся в большом количестве пистолетов «Браунинг» 1903 г. Петроградский патронный завод выпускал 9-мм патроны «браунинг длинный», хотя по качеству эти патроны уступали зарубежным.

Поскольку большинство пистолетов поставлялось без кобур, в январе 1917 г. на Технический комитет Главного интендантского управления возложили «выработку кобур» к пистолетам «Кольт» и «Браунинг» — это было частью работ интендантского управления над снаряжением для ношения иностранных образцов оружия и боеприпасов к ним.

Ручные и ружейные гранаты

Не то чтобы до Первой мировой войны ручные гранаты были в загоне, просто относили их к вспомогательным инженерным средствам. Ситуацию несколько изменили Русско-японская и Балканские войны, когда в боях за полевые укрепления ручные гранаты оказались весьма эффективны в руках пехоты — за недостатком штатных войска нередко начинали делать их сами. Правда, непосредственно после Русско-японской войны в условиях первой русской революции и хронической нехватки средств у военного ведомства разра-

боткой «ручных бомб» (ставших известными под именем «македонки») больше занимались революционные организации. Картина получалась любопытная. Пока в военном ведомстве ручными гранатами занимались пусть квалифицированные, но одиночки при незначительной официальной поддержке, революционеры за короткий срок в условиях конспирации сформировали

Ручная граната обр.1912 г. (употребляли также название «ручная бомба») со вставленным запалом

целую систему разработки, производства и поставки «ручных бомб». Конечно, их «македонки» были кустарной продукцией, производились в количествах, с трудом удовлетворявших боевые дружины, «военным» потребностям не соответствовали.

Армия к началу мировой войны успела принять две модели ручных осколочных гранат системы В. И. Рдултовского — обр.1912 и обр.1914 г. с дистанционным запалом. Самарский завод взрывчатых веществ за 1913 г. выпустил 59,5 тыс. ручных гранат обр.1912 г., за 1914 г. — 126,2 тыс.

Заготовление ручных гранат

Заготовление гранат в первый год войны шло по линии ГВТУ. В вопросе этом оставалось много неясного. Так, 14 февраля 1915г. начальник ГАУ писал исполнявшему должность начальника Генерального Штаба: «Из письма Вашего Высокопревосходительства от 11.01 мне впервые стало известно, что снабжением войск ручными гранатами ведает начальник Инженерного снабжения армий».

С начала войны по 1 января 1915г. в войска направили всего 395 930 гранат, преимущественно обр.1912г. Вынужденно оставались в производстве и устаревшие системы. Мастерскими в крепостях Северо-Западного фронта изготавливались гранаты Лишина, полковник Зеленский 24 сентября 1915г. получил разовый заказ на 16 000 ручных гранат его системы. Член Военного совета генерал барон фон Ашерберг, проверяя в феврале 1915г. снабжение действующей армии, отметил: «Ручные гранаты войска просят тротильные, а не пироксилиновые» (однако ГВТУ, с разрешения Военного совета, взяло на себя заготовление 300 000 дистанционных гранат с саперными пироксилиновыми шашками). С весны 1915г. ручные гранаты включаются уже в число «основных средств артиллерийского снабжения», а дело их заготовления постепенно переходит от ГВТУ к ГАУ (с сентября целиком отвечало за поставки).

Гранаты требовались все в больших количествах. Понятие «снарядный голод» вполне относилось и к этому типу боеприпасов. К 1 мая 1915г. в войска выслано 454 800 гранат обр.1912г. и 155 720 — обр.1914г. Между тем в июле этого года начальник ГАУ оценивает только ежемесячную потребность в 1 800 000 ручных гранат.

Для увеличения поставок решили начать производство чугунных гранат «германского образца» с терочным дистанционным запалом. Снаряжение порохом, отсутствие капсюля-воспламенителя и детонатора делали их производство сравнительно простым в условиях дефицита взрывчатых веществ. 18 февраля 1915г. полевой генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей

Михайлович получил телеграмму: «Главкомандующий армиями просит испытать и заказать ручные гранаты <германского образца> в возможно скорейшем времени».

Снаряжение гранат взрывчатыми веществами велось в казенных «заведениях». Кроме Охтенского и Сергиевско-Самарского заводов взрывчатых веществ к этому привлекались мастерские Свеаборгской крепостной артиллерии, снаряжательные мастерские артиллерийских складов. Охтенский завод прекратил выпуск гранат обр.1912г. в августе 1915г., Самарский продолжал его до 1916г. С марта 1916г. выпуск гранат начал новый Троицкий снаряжательный завод вблизи Сергиева Посада. К июню 1916г. здесь изготовили 435 000 гранат обр.1914г., 309 380 гранат германского образца и 6000 учебных.

Петроградский арсенал в 1914г. изготовил около 100 тыс. корпусов ручных, в 1915г. — 1,5 млн, в 1916г. — 2 млн, в 1917г. — 3,6 млн корпусов. Кроме того, за 1916-й и 1917гг. он изготовил по 249 050 дистанционных запалов к ручным гранатам.

К изготовлению корпусов и некоторых других деталей гранат привлекается и отечественная частная промышленность. Поначалу заказы на ручные гранаты обр.1912 и 1914г. ГАУ распределяло по фабрикам и мастерским само. Вскоре размещение заказов в частной промышленности взяли на себя Земгор и ЦВПК. Первый заказ на корпуса ручных гранат Особое совещание по обеспечению действующей армии выдало Земгору 3 июля 1915г. Потом ГАУ передал ЦВПК заказ на 13 352 900 корпусов гранат обр.1914г., а 3 сентября 1915г. — на 5 370 000 корпусов гранат германского образца. Всего на август 1915г. в технических артиллерийских заведениях ГАУ были размещены заказы на 4 310 000 корпусов гранат, а в частной промышленности — на 16 430 000. На октябрь 1915г. объемы выданных заказов на ручные гранаты разных систем выросли до 44 820 000.

«Общественные деятели» из ЦВПК и Земгора переоценили свои организаторские способности. Большая же часть мелкой и средней частной промышленности — сла-

бо оборудованная и мало знакомая со стандартизацией — просто не была готова к исполнению больших заказов даже на изделия, не требующие высокой точности и дефицитных материалов. Впрочем, и поставки материалов регулярно срывались, сказывались и проблемы со своевременной передачей производителям нужных чертежей и технических условий. Лучше оборудованные предприятия уже оказались загружены заказами на артиллерийские снаряды. Заказы на гранаты обр. 1914 г. ЦВПК распределял с августа 1915 г. по август 1916 г. едва ли не по всем местным военно-промышленным комитетам — от Петрограда до Иркутска, от Ревеля до Баку и Средней Азии — а также ряду акционерных обществ, включая общество «Граммофон» в Петрограде. По гранатам германского образца с сентября 1915 г. по февраль 1916 г. удалось разместить заказы только на 3 352 900 шт. со сдачей к ноябрю 1916 г. Земгор распределил заказы всего на 950 000 корпусов гранат.

Сроки поставок сразу же начали срываться. Московский ВПК, например, на декабрь 1915 г. сдал всего 15 000 ручных гранат из заказанных 3 151 000. Всего к 1 января 1916 г. по заказам ГАУ было поставлено 4 771 875 ручных гранат, отправлено на фронты 4 588 590. В январе 1916 г. поставки ручных гранат от частной промышленности начали расти — за первые три недели января военно-промышленные комитеты поставили около 276 тыс. гранат против 79 тыс. за весь предыдущий период. Заметное увеличение производства ручных гранат началось на русских заводах в мае, и летом 1916 г. в 300 раз превысило уровень августа 1915 г.

Снаряжение гранат шло следующими темпами:

Показатель	1914	1915	1916	1917
Охтенский завод взрывчатых веществ				
Ручных гранат	49 940	1 736 140	4 030 790	147 500
Самарский завод взрывчатых веществ				
Ручных гранат обр. 1912 г.	126 200	550 000	1 399 300	-
Ручных гранат обр. 1914 г.	-	-	1 075 000	859 000

*Иллюстрация
из «Инструкции
для метания ручныхъ
бомбъ и гранатъ»
показывает порядок
подготовки ручной
гранаты обр. 1914г.
к броску*

Основную часть поставок составляли гранаты обр. 1914г. На 1 декабря 1916г. ЦВПК, согласно отчетам, сдал 10 403 368 корпусов гранат обр. 1914г., 2 918 377 — гранат германского образца (из них отправили на снаряжение 2 808 700) и 102 700 — гранат Новицкого (о них еще будет сказано особо). Из 574 620 дистанционных трубок к гранатам германского образца, заказанным в разное время Вятскому, Московскому, Ростовскому, Саратовскому и Харьковскому ВПК со сроком поставки не позднее марта 1917г., к сентябрю 1917г. поставили 545 882. По отчету ЦВПК на 26 ноября 1915г. недопоставлены оказались даже деревянные ящики для укупорки гранат — из 187 500 заказанных ящиков подлежало сдаче 9337, поставлено только 2000 штук.

Тем не менее поставки гранат налаживались. Это позволило, в частности, ужесточить требования при приеме: так, Предписание ГАУ № 208945 от 24 декабря 1916г. устанавливало на заводах испытания гранат обр. 1914г. (разумеется, без запала) «расстреливанием остроконечной пулей».

Предложений различных систем ручных и ружейных гранат было в избытке. Уже в августе — ноябре 1914 г. Технический комитет ГВТУ рассматривал проекты ручных гранат подполковника Стендера, штабс-капитана Прокопова, братьев прапорщиков Соколовых, генерал-майора Заславского. Далее предложения от изобретателей только нарастали, но редко какие заслуживали внимания. С другой стороны, в войсках, постоянно испытывавших потребность в таком боевом средстве, использовалось нема-

Русские офицеры осматривают трофейную австрийскую универсальную осколочную гранату

ло самодельных ручных и ружейных гранат из подручных материалов, пока в марте 1916 г. Ставка не издала приказ, воспрещающий производить в зоне военных действий армии опыты и работы по введению изменений в существующие образцы вооружения (бомбометов, минометов, снарядов к ним, ручных гранат и др.) — все заслуживающие внимания предложения и изобретения «по артиллерийской части» предлагалось направлять в ГАУ.

Зарубежные поставки ручных гранат

Как и в других вопросах, в деле заготовления ручных гранат пришлось прибегнуть к зарубежным заказам. Недостатка в предложениях, понятно, не было. Встречались

и несколько неожиданные. Например, из Болгарии, находившейся во враждебном лагере. Телеграмма из Ставки Верховного Главнокомандующего от 5 сентября 1914 г. сообщала, что «бывшим помощником софийского городского головы майором Николаем Зеленым и некоторыми другими русофилами предложено продать нам партию чугунных ручных бомб испытанного болгарской армией типа, из них 50 000 готовы, 100 000 через 10 – 15 дней после заказа, цена штуки 6 левов». Заказа или наличной покупки не последовало.

Необходимость заказывать столь «простое» оружие за границей некоторых удивляла. Так, военный агент во Франции полковник А. А. Игнатьев поначалу считал, что «этот новый вид пехотного оружия... мог изготовляться в любой небольшой мастерской», не учитывая проблемы снаряжения взрывчатым веществом и сложности изготовления запалов. В предложениях недостатка не было. Тот же Игнатьев вспоминал, что «предложения на ручные гранаты превосходили даже запросы из России» и многие исходили от случайных частных лиц — «почтенных сенаторов и даже кюре, пытавшихся... «сделать дело», то есть успеть нажиться.

Официальные предложения выглядели солиднее. Исполнявший должность военного атташе при британском посольстве в России майор Блер в начале октября 1915 г. уведомил, что «Английское правительство предлагает поставлять ручные гранаты по 200 000 шт. в неделю до конца года».

Согласно данным ГАУ, к октябрю 1915 г. были распределены следующие заказы на гранаты:

Наименование заказов и заводов	Время		Количество заказа	Конечный срок
	Утверждения заказа	Заключения контракта		
В Японии	17.11.1915	17.09.1915	30 000 (по 2р.20к)	01.12.1915
Во Франции	31.08.1915	без контракта	1 000 000 (по 75к.)	01.12.1915
В Швейцарии (через Францию)	30.09.1915	-	3 000 000 (по 86к.)	01.02.1916

Наименование заказов и заводов	Время		Количество заказа	Конечный срок
	Утверждения заказа	Заклучения контракта		
Во Франции	14.10.1915	-	3 000 000 (по 3р.)	
В Англии	09.08.1915 13.10.1915 14.10.1915 28.09.1915	-	3 000 000 (по 3р.) 3 000 000 350 000 (по 1р.50к.)	
Итого	-	-	13 380 000	-

Поставки начались в ноябре 1915г. Уже в ноябре 1916г. (то есть после ликвидации дефицита ручных гранат) английское правительство через Гермониуса просило «уведомить, не встречается ли нужды в ручных гранатах ударного действия, которых имеется... около 1 млн». Речь, видимо, шла об ударных гранатах Хэйла. Проще говоря, англичане пытались сбывать России гранаты, от которых отказывались их войска.

Результаты поставок

Е. З. Барсуков привел следующие цифры подачи ручных гранат в армию:

Месяцы	Количество ручных гранат, поданных в армию					
	1915г.		1916г.		1917г.	
	полученных от русских заводов	полученных из-за границы	полученных от русских заводов	полученных из-за границы	полученных от русских заводов	полученных из-за границы
Январь	55 000	-	506 000	265 000	169 096	-
Февраль	53 000	-	630 000	37 616	344 202	-
Март	92 360	-	873 521	660 000	631 510	-
Апрель	97 960	-	668 790	467 900	692 660	-
Май	124 460	-	715 810	176 860	319 284	-
Июнь	133 060	-	624 830	8 374 742	223 487	-

Месяцы	Количество ручных гранат, поданных в армию					
	1915 г.		1916 г.		1917 г.	
	полученных от русских заводов	полученных из-за границы	полученных от русских заводов	полученных из-за границы	полученных от русских заводов	полученных из-за границы
Июль	144 000	-	601 840	4 800 324	312 187	-
Август	161 660	-	733 695	2 803 514	364 340	-
Сентябрь	218 816	-	1 219 425	40 128	419 022	-
Октябрь	283 000	-	1 110 925	-	421 580	-
Ноябрь	365 000	475 000	1 282 024	-	208 948	-
Декабрь	404 355	786 000	1 014 482	-	-	-
Итого	2 132 671	1 261 000 (1 231 000 из Англии, 30 000 из Японии)	9 981 342	17 626 084	4 106 316	-

Добавим к этому 395 930 русских гранат (из довоенных запасов и вновь изготовленных), поданных в армию с 20 июля по 31 декабря 1914 г. Ликвидировать дефицит ручных гранат удалось только в середине 1916 г., на которую приходится резкий рост поставок — прежде всего из-за границы. Начальник ГАУ генерал Маниковский сообщал в канцелярию военного министерства 9 июня 1916 г. ежемесячную потребность: «в винтовках — 200 000, штыках — 50 000, винтовочных патронах — 200 000 000, револьверах — 10 000... кинжалах — 10 000... пулеметах — 800, станках к пулеметам — 400, пулеметных двуколках — 400... минометах и бомбометах — 200, снарядах к минометам — 120 000 — 500 000, ручных гранатах — 1 800 000».

Всего в 1914 — 1917 гг. русские заводы поставили армии около 16,6 млн ручных гранат, преимущественно обр. 1912 и 1914 годов. Из-за границы с ноября 1915 г. по сентябрь 1916 г. поставили около 19 млн гранат различных систем.

С началом массовых поставок гранат в войска началось возрождение специальности «гренадера». Формировать гренадерские взводы и команды начали в октябре 1915 г. на Западном фронте. А в приказе войскам 9-й армии (Юго-Западный фронт) от 13 декабря 1915 г. пред-

Русский пехотинец с австрийской универсальной гранатой на поясе. Петля служила для увеличения дальности броска гранаты

лагалось в виде опыта создать во всех полках «взводы гренадер» по одному на роту, вооружив каждого гренадера 7 — 8 ручными гранатами, носимыми в двух сумках на поясе, укороченной пикой или шашкой, тесаком или топором на длинном топорнице, ножницами для резки проволоки. Предназначались они для прорыва проволочных заграждений и ведения ближнего боя, для их вооружения использовались шашки и кинжалы, имевшиеся на вооружении парковых бригад, дивизионов и мортирных

батарей, тесаки из запасов гвардейских полков. Потребность в ручных гранатах для формирования на фронтах «гренадерских» взводов оценивалась в 2,5 млн штук, что не соответствовало имевшимся возможностям.

В это время массовое применение ручных гранат во всех видах боя становится правилом. Появление легких пехотных пушек и минометов отнюдь не уменьшило роли ручной гранаты. Еще 28 марта 1916 г. начальник Управления полевого генерал-инспектора артиллерии сообщало в Главное управление Генерального штаба нормы снабжения частей ручными гранатами: «1) Ручные гранаты выдаются в каждой роте команде гренадеров (50 человек) по 4 на человека, 2) количество гранат в запасах... при полковом обозе — по 3 гранаты на гренадера, в артиллерийских парках — по 3 гранаты на гренадера и, наконец, в местных парках... еще по 3 гранаты на гренадера». Впрочем, уже в том же 1916 г. требовали «всех строевых чинов обучить бросанию» ручных гранат и подчеркивали, что «изучить гранату не представляет особенного труда».

На межсоюзнической конференции весной 1917 г. русская сторона заявила следующую потребность в гранатах на этот год: «мелких калибров» — ежемесячно по 1 000 000 штук для действующей армии и по 60 000 для внутренних округов, всего на год — 12 700 000; для разрушений проволочных заграждений — ежемесячно по 150 000 штук для действующей армии и по 1000 для внутренних округов, всего на год — 1 812 000. Для сравнения — по приводимым в литературе данным, в Германии зимой 1916/17 года ежемесячное производство ручных гранат достигло 7 млн штук, к лету 1917-го — 8 млн, а количество одних только гранат Мильса, изготовленных до конца войны для британской армии и ее союзников, оценивается в 70 миллионов.

А. А. Брусилов писал о снабжении войск Юго-Западного фронта в начале 1916 г. «В течение этой зимы мы усердно обучали войска и из необученных делали хороших боевых солдат, подготавливая их к наступательным операциям в 1916 году. Постепенно и техническая часть поправлялась в том смысле, что стали к нам прибывать винтовки,

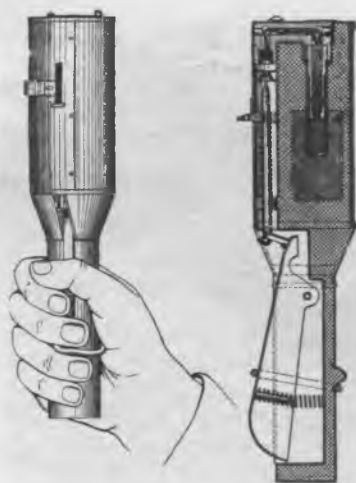
Ручная граната обр.1914г. (ударный механизм не взведен, запал не вставлен)

правда, различных систем, но с достаточным количеством патронов; артиллерийские снаряды, по преимуществу легкой артиллерии, стали также отпускаться в большом количестве; прибавили число пулеметов и сформировали в каждой части так называемых гренадер, которых вооружили ручными гранатами и бомбами.

Войска повеселели и стали говорить, что при таких условиях воевать можно и есть полная надежда победить врага».

О моделях ручных гранат

Граната обр.1914г. имела спаянный из белой жести цилиндрический корпус с горловиной и рукояткой (за характерную форму ее именовали «бутылочкой»), ударный механизм, дистанционный запал, разрывной заряд, осколочный элемент в виде двух решеток с крестообраз-

*Разрез ручной гранаты
обр. 1914 г. и ее удержание
в руке перед броском*

ными прорезями, уложенных между зарядом и корпусом. Предохранительная чека двигалась в поперечном пазу корпуса и, перекрывая окно курка, удерживала ударник ударного механизма. Дополнительным предохранителем служило кольцо, надевавшееся на рукоять и упировавшееся в прилив (упор) рукояти и удерживавшее рычаг взвода.

Перед броском гранатометчик должен был поставить гранату на предохранитель и зарядить ее. Первое началось: взяв гранату одной рукой, другой рукой снять кольцо; оттянуть ударник (при этом боевая пружина сжималась между муфтой и курком); сжав пальцы руки, удерживающей гранату, утопить рычаг взвода в рукояти (зацеп рычага захватывал головку ударника); поставить предохранительную чеку поперек окна курка; разогнув мизинец и безымянный палец руки, держащей гранату, снова надеть кольцо на рукоять и рычаг, продвинув его до упора. Для зарядания нужно было: сдвинуть «дверцу» на крышке корпуса, вставить запал длинным плечом в воронку, коротким — в желоб; зафиксировать запал, вернув «завертку» на место заведя ее под крючок. То есть подготовка гранаты к броску требовала 8 — 9 операций.

Для броска гранатометчик зажимал гранату в руке так, чтобы кольцо помещалось между средним и безымянным

*Наследники русской
«бутылочки» — ручные
гранаты обр. 1914/30 гг.
(здесь показаны
со вставленными запалами,
удерживаемыми заслонкой)
служили в Красной
Армии еще в Великую
Отечественную войну*

пальцами, концами четырех пальцев нажимал на рычаг, а большим пальцем придерживал кольцо (рычаг сжимал свою пружину, оттягивал ударник). Перед броском он большим пальцем свободной руки сдвигал до отказа предохранительную чеку (курок освобождался, ударник удерживался только зацепом рычага). При броске кольцо оставалось в руке гранатометчика, рычаг отжимался и освобождал ударник, который разбивал капсюль-воспламенитель.

По сочетанию надежности, поражающего действия и безопасности обращения граната обр. 1914 г. считалась наилучшей. Однако обращение с ней было слишком мешкотно. В повести А. Гайдара «Школа» опытный солдат Чубук говорит герою: «Это почти каждый непривыкший обязательно неладно кинет: либо с предохранителем, либо вовсе без капсюля». Вставлять запал перед броском приходилось и в других гранатах.

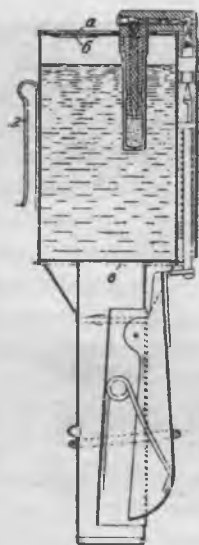
Штатно гранаты обр. 1914 г. герметически укупоривались по 20 штук в коробку из оцинкованного железа, снабженную внутренними деревянными и войлочными прокладками; по 4 таких коробки с гранатами помещались в деревянный ящик. Запалы надевались по 20 шт. на деревянные колодки и герметически укупоривались

*Ручная химическая граната обр.1914 г. (граната обр.1917 г.)
с характерным знаком и надписью «ХИМИЧЕСКАЯ» на корпусе*

в цинковые коробки; по 20 таких коробок укладывались в деревянный ящик, содержащий 400 запалов. Для ношения гранат была принята жесткая кожаная сумка с плечевым ремнем и петлей для надевания на пояс. В сумке помещались 2 гранаты. Запалы к ним вставлялись в особые гнезда под крышкой сумки. Упоминались также «гофрированные сумки для носки гранат».

Химическая граната. В конце 1916 г. ГАУ направило в действующую армию для полевых испытаний 9500 стеклянных ручных гранат с удушающими жидкостями, а весной 1917 г. — около 10 тыс. химических гранат (для сравнения, во Франции до конца войны изготовили 1 140 000 химических ручных гранат). К производству ОВ и химических ручных гранат привлекли, в частности, московский водочный и ликерный завод Шустова. «Химическая граната обр.1914 г.», именовавшаяся также «гранатой обр.1917 г.», была выработана Химическим комитетом ГАУ на основе гранаты обр.1914 г. Увеличенный корпус химической гранаты снаряжался 550 г «удушающей жидкости» У.С.Х. Граната весила 800 г, несла на

*Разрез ручной химической
гранаты обр.1914г.*

корпусе треугольную табличку с надписью «Химическая», снабжалась крючком для ношения на поясе, перед броском заряжалась штатным запалом. Дальность броска — 20 — 30 м. Объем ОВ в гранате был невелик, и создать облако смертельной концентрации с их помощью было сложно. Гранаты с ОВ оказались полезны в основном против живой силы в убежищах, землянках, блиндажах, в обороне для непосредственного срыва атак противника и для постановки завес при отходе.

Кроме того, была создана «зажигательная термитовая граната обр.1914г.». Корпус гранаты обр.1914г. снаряжался термитом, для воспламенения использовался специальный запал. Гранату рекомендовалось применять для зажигания местных предметов, а также порчи стволов орудий при отступлении. По-видимому, изготовлено таких гранат было немного.

«Комбинированная» граната. Несмотря на введение тяжелых фугасных гранат для разрушения проволочных заграждений приспособляли и осколочные ручные гранаты. На корпус гранаты обр.1912г. просто надевал-

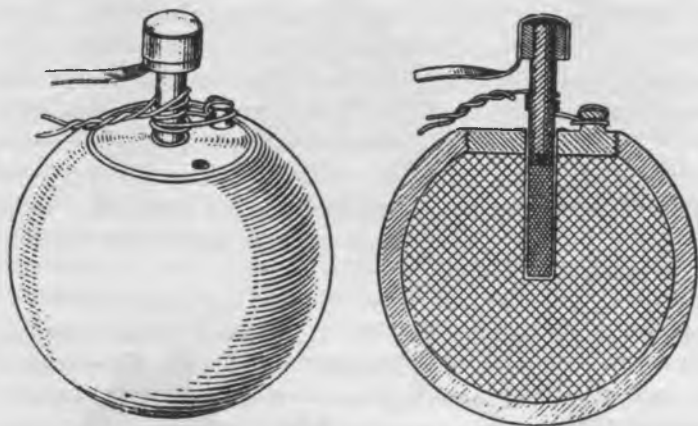
ся шарнирный хомутик с тремя шнурами с грузиками на концах — граната с шнурами висела на проволоке. Граната тяжела всего на полфунта. Более легкую гранату обр. 1914 г. усиливали — на нее надевался дополнительный заряд в жестяной оболочке, так что общая масса заряда достигала 1,65 кг, а гранаты — 2,05 кг. Такие гранаты именовали «комбинированными». Для зависания на заграждениях к оболочке заряда привязывали три шнура со свинцовыми грузиками. Для проделывания прохода шириной 6—7 м отводилось: для проволочной сети — 20—36 гранат, для засеки — 4—8, для шахматных колец — 4—6, для рогаток и ежей — 8—10.

Граната «германского образца» относилась к числу оборонительных и имела сферический корпус из литого чугуна, внешняя поверхность разделялась глубокими желобками. Снаряжалась зарядом ружейного пороха для холостых патронов, что позволяло обойтись без капсюля-детонатора (зато заряд был слабоват и весьма чувствителен к сырости). В навинтованное очко корпуса ввинчивалась трубка с 5-секундным дистанционным терочным запалом. В верхней части трубки находилась гильза с теркой, которая воспламенялась выдергиванием проволоки (шнура). Луч огня передавался запрессованному в трубке пороховому составу, который и воспламенял разрывной заряд. Носить гранаты с ввернутой трубкой запала запрещалось, ее ввинчивали только при подготовке к действию. Кольцо шнура перед броском можно было прикрепить к мешку на бруствере окопа или винтовке.

Английская оборонительная «круглая» граната 1915 г. (английское обозначение «№ 15») имела чугунный корпус в форме сферы со срезанным сегментом. Сверху в корпус ввинчивалась плоская крышка с медной манжетой для установки запала с терочным воспламенителем. Перед броском гранатометчик срывал крышку воспламенителя и резко проводил воспламенителем о «брасард» (нарукавник), покрытый красным фосфором, подобно тому, как проводят головкой спички по терке. Время горения состава дистанционной трубки — 4—5 секунд. Такой упрощенный терочный запал не отличался надеж-

ностью — особенно часты были отказы в сырую погоду. Осколочное и фугасное действие гранаты было слабее других оборонительных.

«Овальная» граната 1915 г. в целом имела то же устройство. Главным отличием был корпус овальной формы. Граната была компактнее «круглой» и удобнее для броска, но имела тот же малонадежный запал. В англоязычной литературе эту гранату часто называют «Лемон», а за «круглой» гранатой закрепилось прозвище «Крокетный шар». В нашей литературе «гранатой системой Лемона» именуют и «круглую» гранату.

Общий вид и разрез английской ручной «круглой» гранаты 1915 г. (в нашей литературе также именуется «гранатой Лемона», хотя в Великобритании стала известна как № 15, или «Крокетный шар»). Запал крепится в гнезде проволокой, его зажигательная головка закрыта свинцовым предохранительным колпачком

Оборонительная граната «системы Мильса» (Mills-bomb) создана У. Мильсом на основе бельгийской разработки, принята на вооружение под обозначением «№ 5» в мае 1915 г. Граната Мильса оказалась удачной, поставлялась в ряд стран, включая ту же Бельгию, Россию, экспедиционным силам США в Европе. Граната имела чугунный корпус с внешней насечкой и дистанцион-

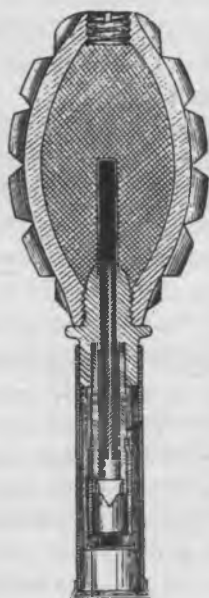

*Английская ручная
«овальная» граната 1915 г.
(граната № 16, «Лемон»)
без запала. Использовался
запал с отрезком
огнепроводного шнура
и зажигательной головкой*

ный запал с ударным механизмом, заранее собранным во взведенном положении, предохранительным кольцом, рычагом, прижимаемым к корпусу. Подготовка гранаты к броску требовала вдвое меньше операций, чем у гранаты обр. 1914 г.: удерживая гранату с прижатым рычагом, вывинтить нижнюю пробку корпуса, вставить «капсюль-детонатор» через нижнее отверстие так, чтобы капсюль-воспламенитель оказался напротив ударника, а детонатор — внутри заряда, завинтить пробку, извлечь чеку.

Английская ручная граната Мильса в разобранном виде. Видны детали ударного механизма дистанционного запала и предохранительный рычаг, прижимаемый к корпусу. Гранаты «Мильса» также долгое время оставались на вооружении Красной Армии

Французская ручная граната F.1 с дистанционным запалом ударного действия (капсюль разбивался ударом перед броском) и граната германского образца с терочным дистанционным запалом

Кроме большого количества, поставленного в 1916г., гранаты Мильса остались в России после гражданской войны и иностранной интервенции.

Французская оборонительная граната Р.1 модели 1915г. ударного действия имела толстостенный грушевидный корпус, в верхнее отверстие которого ввинчивался ударный запал. Рукоятка запала удерживала ударник. При броске рукоятка под действием своей пластинчатой пружины поворачивалась, привязанный к ней стабилизатор (парашют) не только обеспечивал полет головной частью вперед, но и удерживал рукоятку и ударник оттянутыми назад. При падении ударник мог продвинуться вперед под действием своей пружины и разбить капсюль-детонатор.

Французская оборонительная граната F.1 модели 1915г. дистанционного действия имела литой толстостенный чугунный корпус с внешней насечкой и 5-секундный дистанционный запал. Предохранителем служил цилиндрический колпак. Перед броском гранатометчик снимал

колпак и ударял гранату воспламенителем о приклад винтовки, каблук сапога или другой твердый предмет (потом появился жесткий нарукавник). Капсюль ударялся о жало, луч огня воспламенял дистанционный состав.

Возможно, форма корпуса и внешняя схожесть подготовки к броску французской гранаты F.1 и английских «овальной» и «круглой» гранат «Лемон» стали причиной того, что обозначение одной и прозвище других соединились в названии отечественной гранаты Ф-1 «лимонка».

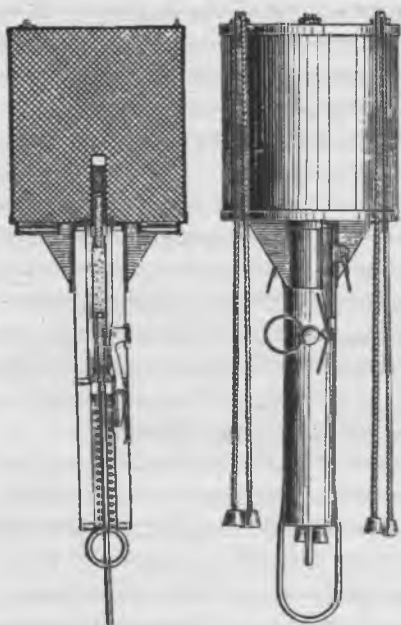
Японская оборонительная граната имела цилиндрический корпус и несложный головной ударный взрыватель. Для стабилизации гранаты в полете служил матерчатый хвост.

Начальник артснабжения Северного фронта в телеграмме в Управление полевого генерал-инспектора артиллерии (Упарт) от 9 февраля 1916 г. сетовал: «Отпускаемые в армии Сев. фронта ручные гранаты... сильно отличаются... по устройству и способу действия, <что> весьма затрудняет обучение войск, а иногда вызывает и несчастные случаи... Прошу распоряжения на будущее время об отпуске фронту... однотипных гранат... обр.1912 и 1914 гг., каковые по отзывам войсковых частей, являются наилучшими... Желательно иметь также от 10 до 20 % гранат Новицкого».

Разумеется, русские войска использовали и трофейные ручные гранаты. Руководства по ним часто готовили офицеры прямо в войсках. С учетом разных запалов к гранатам легендарная фраза «Да гранаты у него не той системы» звучит не так уж анекдотично.

Для разрушения заграждений

Перед самой войной штабс-капитан Новицкий разработал тяжелую ручную гранату — «метательный снаряд для разрушения искусственных препятствий». Чертеж, типовое описание и технические условия «снаряда» Новицкого Технический комитет ГВТУ одобрил своим журналом от 19 августа 1914 г., то есть уже в первые дни мировой войны.

Общий вид и разрез тяжелой ручной гранаты Новицкого—Федорова для разрушения заграждений. Видно устройство дистанционного запала с ударным механизмом и рычагом. Шнуры с грузиками служат для зависания гранаты на проволочном препятствии

Граната несла заряд пироксилина в 4 фунта (1,64 кг), метать ее следовало из окопа или воронки. Нормы расхода гранат для проделывания прохода шириной и глубиной в 3 сажени (6,4 х 6,4 м) составляли: для проволочной сети — 15—30 гранат, для засеки — 4—10, для рога-ток — 6—10. Полевой артиллерии для решения тех же задач приходилось расходовать больше снарядов. Так что тяжелые фугасные ручные гранаты еще и позволяли экономить артиллерийские снаряды. Для разрушения заграждений на широком фронте предполагалось «на каждые 65—70 шагов фронта... назначать команды в 12 человек, у каждого — по 4 снаряда». Выработалась тактика применения этих гранат: на проволочные заграждения они забрасывались «по ночам разведчиками с расстояния 12—15 шагов из окопа, прикрытого щитом». К гранатам привязывали веревки с грузиками для зависания на заграждении. Новицкий усовершенствовал гранату вместе с прапорщиком Федоровым.

Время горения дистанционного состава, около 12 секунд, давало возможность гранатометчику укрыться до взрыва гранаты. Но по той же причине гранату запрещалось применять против живой силы — противник имел время отбросить ее обратно. В войсках граната Новицкого получила прозвище «фонарик».

Заказ на «снаряды» Новицкого был выдан в сентябре 1914 г. мастерским при 6-м запасном саперном батальоне. Как оказалось, своевременно — вскоре войска ощутили острую необходимость в подобном средстве. С ноября 1914 г. по июль 1915 г. в войска выслано 89 074 «снаряда». Такие поставки явно не соответствовали потребностям развивающейся «окопной» войны — уже в феврале 1916 г. они составили 67 000 штук, выслано же могло быть только 10 500.

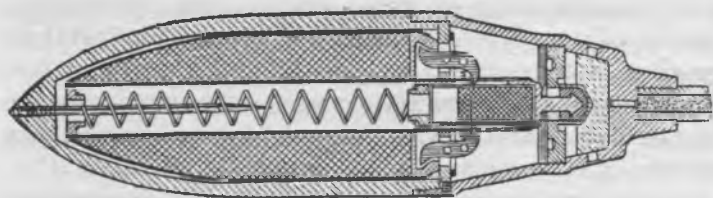
Заказы на гранаты Новицкого и Федорова ГАУ выдавало и частной промышленности. В феврале — июне 1916 г. распространили заказы на 350 000 корпусов и 200 000 комплектов «дистанционных частей» со сдачей к ноябрю 1916 г. Но к декабрю 1916 г. корпусов сдали только 327 740, из них 312 640 направили на Охтенский завод, комплектов дистанционных частей — 102 700, из них 60 000 отправлено в Петроградский склад огнестрельных припасов. В апреле и августе 1917 г. ГАУ дало Земгору заказы на 160 000 000 гранат Новицкого. Харьковский областной комитет получил заказ на 40 000 000 штук. Но эти заказы уже не могли быть выполнены.

Главкомандующий армиями Северного фронта генерал Куропаткин писал военному министру Поливанову 11 марта 1916 г. (когда планировалось большое наступление): «Приведенного в письме Вашем от 5 марта количества, то есть 400 000 штук гранат Новицкого, для войск Северного фронта будет крайне недостаточно».

Винтовочные (ружейные) гранаты

21 июня 1913 г. Генерал-квартирмейстер Генерального штаба обратился к управляющему делами Инженерного комитета Главного инженерного управления с письмом:

«В германских инструкциях... последнего времени встречаются указания об употреблении ружейных гранат, минных и огневыбрасывающих аппаратов в крепостях... Не следует ли заняться разработкой их у нас...». 4 июля поступил ответ: «... Вопрос этот <о ружейных гранатах> относится к компетенции ГАУ...». На том дело перед войной и закончилось.

Разрез шомпольной ружейной гранаты Мгеброва с оригинальным инерционным ударным взрывателем и пиротехническим предохранителем (1915 г., трубчатый хвост-«шомпол» гранаты не показан)

Между тем ружейные гранаты, превосходившие по «дальности броска» ручные, оказались весьма полезным средством борьбы уже в начале войны, а с установлением позиционных форм борьбы их значение только росло. Ружейные гранаты служили для «поражения навесным огнем живой силы противника в закрытых и мертвых пространствах и содействия огню стрелкового оружия в подавлении огня противника», могли использоваться для срыва атак противника заградительным огнем перед атакующей позицией.

Уже в первые месяцы войны были выработаны удачные конструкции ружейных гранат:

— в сентябре 1914 г. — шомпольная граната с трубчатым хвостом офицера учебной автомобильной роты Военной автомобильной школы штабс-капитана В. А. Мгеброва;

— тогда же рассмотрена шомпольная граната производителя опытов при Комиссии по применению взрыв-

четырёх веществ гвардии полковника Рдултовского (позже получила обозначение «ружейная граната обр. 1915г.»),

— в ноябре — шомпольная граната командира 4-го запасного саперного батальона полковника Зеленского,

— в ноябре — граната и мортирка техника А.А. Карнаухова, электрика С.П. Павловского и инженера В.В. Сегаль.

Таким образом, сразу выделилось два направления — шомпольные ружейные гранаты и ружейные мортирки. Выстреливались эти гранаты специальными холостыми патронами.

Характерно, что ружейная граната обр.1915г. снаряжалась порохом. Отдел по оружейной части Арткома ГАУ отмечал в своем Журнале №185 от 16 июня 1915г.: «Предпочтительно было бы иметь образец ружейной гранаты, снаряженной каким-либо сильным взрывчатым веществом. Принимая, однако, во внимание крайнюю необходимость в возможно скорейшем снабжении войск ружейными гранатами, V отдел полагал бы, не ожидая выработки полковником Рдултовским нового образца гранаты... теперь же заказать 25 000 шт... для снаряжения черным охотничьим порохом». Начальник ГАУ утвердил этот заказ (напоминает историю с принятием ручной гранаты «германского образца»).

К концу 1915г. были распределены заказы на ружейные гранаты:

— обр.1915г. — через ЦВЦК — 500 000, позже был увеличен на 200 000,

— Зеленского — через ЦВПК — 400 000,

— Мгеброва — от ГАУ — 15 000 (сравнительно крупному петроградскому заводу «Я. М. Айваз», по инициативе самого изобретателя),

— «16-линейные» Павловского, Карнаухова и Сегаль — непосредственным заказом ГАУ — 100 000 гранат и 2000 мортирок Товариществу «Свет» и 500 000 гранат и 2000 мортирок — через ЦВПК.

То есть заказано было 1 015 000 шомпольных гранат и 4000 мортирок с 600 000 гранат к ним, с окончанием поставок к лету 1916г. Сравним: производство ручных

гранат в декабре 1915 г. уже достигло 1 190 355 в месяц, а к лету 1916 г. — почти 3,5 млн.

29 февраля 1916 г. ГАУ направило в Подготовительную комиссию при Особом совещании доклад о заказе ружейных гранат, в котором указало:

«Принимая во внимание, что... в настоящее время военные операции на Западном фронте свелись к окопной войне, ГАУ произвело заказы различных систем ружейных гранат, каковые при окопной войне принесут несомненную пользу, и на близких дистанциях до 500 шагов могут с успехом поражать противника как сидящего в окопах, так и при его переходе в наступление.

На основе изложенного ГАУ даны заказы:

Центральному военно-промышленному комитету на следующие гранаты, одобренные технической частью ГАУ и разработанные при участии:

1) ружейные гранаты 8-лин., системы полковника Рдултовского — 360 000 шт. по цене 3 руб.

2) ружейные гранаты 3-лин. его же системы — 500 000 шт. по цене 1 р 90 к.

3) ружейные гранаты 3-лин. системы полковника Зеленского 400 000 шт. по цене 2 р. 95 к.

4) ружейные гранаты 16-лин. системы Карнаухова, Павловского и Сегаль — 500 000 шт. по цене 3 р.

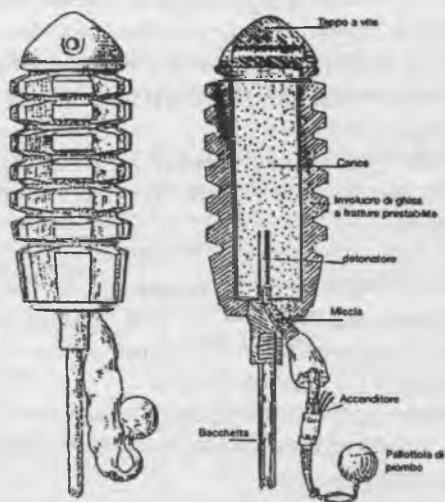
Кроме сего дан наряд Петроградскому Императора Петра Великого арсеналу:

1) ружейные гранаты 8-лин., системы полковника Рдултовского — 73 000 шт. по цене 3 руб.,

2) ружейные гранаты 3-лин. его же системы — 400 000 шт. по цене 2 р. 45 к.,

3) траншейные мортирки его же системы для стрельбы 8-лин. гранатами — 204 шт. по цене 150 р.».

Частная промышленность рвалась к заказу на гранаты, но ГАУ не спешило раздавать их. На запрос съездов деятелей по мелкой и средней промышленности 11-е отделение ГАУ отвечало 7 ноября 1916 г.: «Ввиду малой выработки средней и мелкой промышленности, а также ввиду того, что заказы на гранаты... уже распределены между более солидными фирмами г. Петрограда, то изготовле-

Общий вид и разрез австрийской универсальной осколочной гранаты Zeitzunderhand-grate с терочным дистанционным запалом. Могла использоваться в качестве ружейной шомпольной или ручной

ние означенных гранат мелкой и средней промышленности предоставлено быть не может». (Трезвый взгляд на возможности «малого и среднего бизнеса».)

Если заказ на корпуса ручных гранат оказался по силам русской частной средней и мелкой промышленности, то на этом она фактически и надорвалась. Так что исполнение заказов на ружейные гранаты постоянно срывалось. Так, к 31 мая 1917 г. на Троицкий снаряжательный завод было доставлено 298 500 гранат, то есть даже через год после оговоренного срока поставки не приблизились к окончанию. Но не только по вине производителей самих гранат. Снаряжение гранат ВВ велось в казенных артиллерийских заведениях (за исключением гранат Зеленского, снаряжавшихся в его мастерской в Самаре). Начальник Охтенского завода взрывчатых веществ сообщал в ГАУ 13 декабря 1916 г.: «В настоящее время во вверенном мне заводе имеется снаряженных 3890 шт. ружейных гранат, но отправлены быть не могут, за неимением патронов». 5 августа 1917 г. начальник Троицкого завода сообщал в рапорте ГАУ: «В Александровском отделе Троицкого завода имеется 291 278 шт. ружейных

гранат обр.1915г., которые не могут быть отправлены на фронт из-за недостатка прицелов (изготавливал Петроградский арсенал. — С. Ф.) и патронов с корковыми пыжами и патронов (изготавливал Петроградский патронный завод. — С. Ф.)».

О ходе изготовления ружейных гранат и прицелов Петроградским арсеналом можно судить по следующей таблице (по данным ГАУ):

Наименование	Размер наряда	Изготовлено	
		К 01.01. 1917г.	За апрель — сентябрь 1917г.
Ружейные гранаты			
– к 8-лин. мортирке	73 000	67 255	1745
– 3-лин. обр.1915г.	400 000	27 035	59 128
– 8-лин. мортирки	207	192	3
Прицелы			
– к 16-лин. мортирке	2000	-	2000
– для гранат Мгеброва	300	-	200
– для гранат обр.1915г.	18 000	-	11 950

Так или иначе, русская армия, в отличие от своих противников и союзников, получила этот важный вид вооружения в незначительных количествах. Гранаты были официально приняты на вооружение, были изданы наставления по их боевому применению. Но в письме из Особого совещания в ГАУ от 26 сентября 1916г. сообщалось: «Наши части сильно страдают от обстрела неприятелями ружейными гранатами и, не обладая в достаточной мере этим оружием, вынуждены в ответ... расходовать артиллерийские снаряды». Еще в августе 1916г. при Офицерской стрелковой школе были образованы курсы «для обучения представителей войсковых частей обращению и стрельбе из 16-лин. мортирки», но в рапорте от 31 января 1917г. начальник школы Н.М. Филатов указывал: «Прибывающие с фронта офицеры сообщают о почти полном отсутствии у нас ружейных гранат».

Всего к январю 1917 г. заводами было сдано 233 713 ружейных гранат обр. 1915 г., 11 000 — Мгеброва, 75 000 — 16-лин. По данным ГАУ, с 1 января по 1 сентября 1917 г. на фронт направили: гранат обр. 1915 г. — 44 014, Мгеброва — 7890, 16-лин. мортирок — всего 40 и 18 400 гранат к ним.

Зато к концу войны, в 1917 г., появилась перспективная дульнозарядная нарезная мортирка штабс-капитана М. Г. Дьяконова. 24 декабря 1916 г. они прошли испытания на Юго-Западном фронте. Командующий генерал Брусилов «признал полезным... снабдить фронт 600 тысячами таких гранат». Было заказано 40 000 мортирок и 6 125 000 гранат. Мортирку и гранату даже успели принять на вооружение, но не успели поставить на производство, а к 1 марта 1918 г. все работы были свернуты в связи с «демобилизацией промышленности». Но десять лет спустя модернизированный винтовочный гранатомет Дьяконова поступил на вооружение уже Красной Армии.

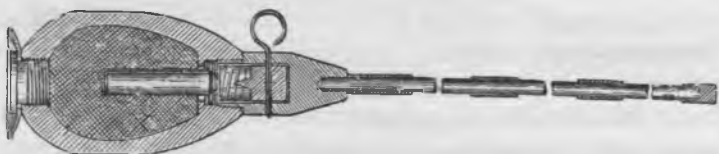
В этих условиях заметную роль сыграли кустарные и полукустарные конструкции. В частности, использовали в качестве ружейных ручные гранаты.

В середине 1915 г. надворный советник Макаров предложил переделывать для метания гранат обр. 1914 г. трофейные австрийские винтовки Манлихера с помощью несложной дульной мортирки. Выстрел производился холостым патроном на 100—170 шагов — диапазон дальности был ограничен временем замедления штатного запала. 11 000 переделанных гранат в опытным порядке с сентября 1915 г. по март 1916 г. применили войска Юго-Западного фронта, дав им положительный отзыв. Одиночная цель на 120 шагах поражалась 1—2 выстрелами. Хотя Артком ГАУ отнесся к этому оружию скептически, ввиду острой необходимости в ружейных гранатах Петроградскому арсеналу дали заказ на переделку 20 000 ручных гранат, а Петроградскому патронному заводу — на холостые 8-мм патроны австрийского образца. До весны 1917 г. заказанные гранаты были высланы на Юго-Западный фронт и «полностью израсходованы». При длительной задержке поставки штатных ружейных гранат «суррогатное» оружие Макарова сыграло свою роль.

Впрочем, в войсках были и более экзотические «гранатометы» — например, механические катапульты для метания ручных гранат.

Образцы ружейных гранат

Ружейная граната обр.1915г. имела литой из мягкого чугуна корпус симметричной формы, в который сверху ввинчивалась трубка, снизу — «хвост» (шомпол) из калиброванной круглой стали с точечным концом. «Трубка» обр.1916г. — ударного инерционного действия, с капсюлем-воспламенителем. Стрельба велась с упором приклада в землю. На винтовку могли крепиться прицелы двух типов: с отвесом-указателем и сектором, насеченным от 15 до 75° (через 5), или с уровнем, поворачивавшимся на

*Разрез шомпольной ружейной гранаты Зеленского.
Видна предохранительная чека донного инерционного
ударного взрывателя*

поперечной оси. Для стрельбы предназначались холостые (метательные) патроны с 2,9 г пороха В и пыжом из корковой пробки. Гранаты упаковывались в цинковые коробки, впоследствии замененные на жестянки.

Уже осенью 1915г. Рдултовский совместно с прапорщиком Ковешинковым разработал новую гранату, получившую обозначение «ружейная граната II образца», но разместить достаточные заказы на ее изготовление не удалось.

Ружейная граната Мгеброва (в ее разработке участвовал вольноопределяющийся Береславский) состояла из обтекаемого корпуса и шомпола-трубки. Внутри шомпола размещался заряд замедлителя, поджигавшийся по-

роховыми газами метательного патрона. При падении гранаты инерционное тело, роль которого играл разрывной заряд, смещаясь, отпускало гильзочку и происходил накол капсюля.

Граната назначалась «для действия по пехоте и проволочным заграждениям. А также — по бронированным автомобилям». Относительно последнего варианта применения сказать что-либо сложно — сведений о соответствующих опытах нет, к тому же граната имела довольно крутую траекторию полета. Однако Мгебров считался ведущим специалистом по бронеавтомобилям и, видимо, не зря делал такое предложение.

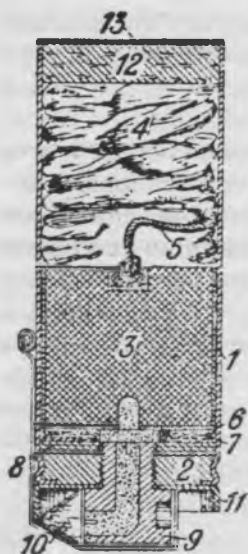
Для стрельбы гранатой Мгеброва при участии полковника Левандовского был разработан прицел со шкалой вертикальной наводки, насеченной от 10 до 80°.

16-лин. ружейный гранатомет («мортирка»)
Карнаухова—Павловского—Сегаля с чугунной осколочной гранатой
с дистанционной трубкой (от 1 до 10 сек)

Ружейная граната Зеленского была доработанным вариантом его же гранаты, созданной еще во время Русско-японской войны. Граната имела литой яйцевидный корпус, донный инерционный взрыватель, «тарель» на носовой части для более надежного срабатывания ударника. Втулки, надетые на шомпол, несколько уменьшали растирание шомполом канала ствола при стрельбе. Для выстреливания готовились холостые патроны в гильзе 7,62-мм револьверного патрона «Наган».

Стрельба ружейными гранатами требовала навыка. При обращении с шомпольной гранатой следовало: перед вкладыванием гранаты шомполом (хвостом) в ствол убедиться, что курок винтовки поставлен «на предохранитель»; перед заряданием шомпол гранаты смазать

Разрез 16-лин. парашютной осветительной гранаты («бомбочки», как их еще называли) к ружейному гранатомету Карнаухова—Павловского—Сегалья

ружейным салом; стрельбу производить из-за бруствера или щита, при этом стреляющий должен располагаться на удалении от других стрелков; не держать в одном месте более 50 ружейных гранат, не раскупоривать их заблаговременно.

16-линейная (40,63-мм) ружейная мортирка для стрельбы чугунными гранатами с дистанционной трубкой и «светящимися звездками» Карнаухова—Павловского—Сегалья надевалась на ствол «трехлинейки» и крепилась хомутиком (в письме товарищества «Свет» в военное ведомство от декабря 1915 г. изобретателями 16-лин. ружейной гранаты названы «гг. Сегаль, Павловский, Карнаухов и Левенсон»). Граната имела цилиндрический чугунный корпус с внешней насечкой, снабжалась дистанционной трубкой с установками от 1 до 10 секунд. В полете гранаты кувыркались, что вызывало большое рассеивание. Прицел — с отвесом-указателем и сектором, на котором нанесены деления, обозначающие дальность в шагах, и соответствующие установки дистанционной трубки.

Гранаты укладывались в железные коробки по 25 шт. с ввинченными дистанционными трубками и 27 патронами для стрельбы этими гранатами

Упомянутая выше 8-лин. мортирка и надкалиберная граната к ней были разработаны в начале 1915 г. полковником В. И. Рдултовским на основе снятого с вооружения 8-линейного (20,32-мм) нарезного крепостного ружья обр. 1876 г. системы Гана. Долгая история с постановкой их на производство закончилась выпуском нескольких десятков мортирок и нескольких десятков тысяч гранат к ним. Характерен рапорт начальника 48-й пехотной дивизии генерал-майора Пневского командиру 24-го армейского корпуса от 28 мая 1917 г.: «Делегаты частей 48-й пехотной дивизии, командированные в состав делегации от XI армии в Петроград для передачи приветствий Временному правительству, осматривали во время пребывания в Петрограде заводы, работающие на оборону. Выяснилось, что на заводах имеется значительное количество предметов вооружения, находящихся в складах и не отправленных на фронт, где в этих предметах ощущается большой недостаток. Так, в Арсенале и других заводах имеется «бомбометчик Рдултовского» — траншейное орудие с 3-лин. каналом (так в тексте. — С.Ф.)... В полках дивизии ощущается крайняя необходимость в траншейных орудиях, которых не хватает даже до штата».

О новой системе вооружения

Итак, к началу войны в 1914 г. основным оружием русской пехоты была магазинная винтовка обр. 1891 г., личным оружием офицеров и нижних чинов отдельных специальностей — револьвер обр. 1895 г., станковый пулемет «Максим» считался еще «специальным артиллерийским» средством, ручные гранаты — средством инженерным.

Об изменениях, произошедших в вооружении пехоты всего за два года войны — с учетом закупленного и трофейного оружия, — можно судить по брошюре «Орудия, лафеты, винтовки, пулеметы, ручные и ружейные гранаты», подготовленной ГАУ в 1916 г. В ней указаны:

Винтовки: 3-лин. пехотная и драгунская обр.1891 г., пехотная и драгунская Бердана, «Веттерли-Витали» модели 70 — 87, «Лебель» модели 1915 г., «Винчестер» модели 1895 г., «Арисака» моделей 1897 и 1905 гг., «Манлихер» модели 1888 и 1895 гг., «Маузер» модели 1888 и 1898 гг.

Пулеметы: станковые 3-лин. тяжелый (обр.1905 г.), облегченный (обр.1910 г.) и легкий («Виккерс» 1909 г.) со станками генерал-майора Соколова, Колесникова, треногой «Виккерс» и треногой обр.1904 г., «Кольт»; ружья-пулеметы «Льюис», «Гочкис», «Шоша».

Ручные гранаты: русские обр.1912 и 1914 гг., французские Р.1 и F.1, германского образца, японская, английские «типа Лемон» и «типа Миллс», системы штабс-капитана обр.1912 г. и обр.1914 г., приспособленные для разрушения заграждений (или просто «приспособленные»).

Ружейные гранаты: обр.1915 г., II образца, полковника Зеленского, штабс-капитана Мгеброва, чугунная для 16-лин. ружейной мортирки (Карнаухова, Павловского и Сегаля).

Характерен также запрос управляющего делами Технического комитета Главного интендантского управления в ГАУ от 17 января 1917 г.: «Технический комитет просит ГАУ... предоставить в его распоряжение по одному образцу всех новых предметов вооружения:

1. Пистолета Кольта.
2. Пистолетов обоих типов Браунинга.
3. Винтовки и карабина обоих германских образцов с образцами штыков.
4. Винтовки и карабина обоих австрийских образцов с образцами штыков.
5. Винтовки и карабина обоих турецких образцов с образцами штыков.
6. Винтовки Винчестера с обоими типами штыков.
7. Винтовки Гра со штыками.

8. Винтовок обоих типов Гра-Кропачека со штыком.
9. Винтовки Ветерли-Витали со штыком.
10. Винтовки Лебеля со штыком.
11. Винтовок обоих типов Арисака со штыками.
12. Мексиканского карабина.
13. Винтовок обоих типов Манлихера (румынско-болгарского).
14. Типов ручных и ружейных гранат.
15. Типов пик с прибором.
16. Бебута с лопастью.
17. Типов патронных пачек, обойм или патронов».

Понятно, что собиралось все это не для музейной коллекции — новые образцы вооружения требовали соответствующих приспособлений в снаряжении.

О холодном оружии

К началу войны из холодного оружия в пехоте остались штык у солдата и шашка у офицера. Но если офицерская шашка по ходу войны оказалась бесполезным в бою грузом (офицеры предпочитали действовать револьвером или винтовкой), то перечень холодного оружия солдат пополнился. 19 июля 1915 г. начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Янушкевич писал управляюще-

«Штык-тесак» к винтовке «Арисака» мог использоваться как самостоятельное холодное оружие для боев в окопах

*Пехотинцы позируют со «штыками-тесаками»
к винтовке «Веттерли-Витали»*

му Военным министерством генералу Поливанову: «Прибывший с французского фронта майор Ланглуа привез... интересные данные об условиях боя с германцами в их траншеях... Явилась необходимость вооружить часть людей, ведущих борьбу в траншеях, револьверами, кинжалами и особенно ручными гранатами. Весьма вероятно, что в будущем сложатся подобного рода условия борьбы и на нашем фронте, почему предусмотрительность требует, чтобы наша промышленность заблаговременно приступила к изготовлению вышеперечисленных предметов».

Кинжалы, конечно, не были новостью для русской армии. Еще с 1904 г. на вооружении нижних чинов кавказ-

Чины пулеметной команды, 1917 г. Обратите внимание на бебуты, ставшие в условиях окопной войны немаловажным оружием

ских казачьих войск состоял прямой кинжал с длиной клинка 345 мм. В 1908 г. на вооружение нижних чинов пулеметных команд приняли «кривой солдатский кинжал» (кинжал-бебут) обр. 1907 г. с длиной клинка 440 мм. Он же в 1909 г. заменил шашки у нижних чинов артиллерии (кроме конной и конно-горной), а в 1910 г. — у конных разведчиков пехотных полков. Солдаты-пулеметчики уже во время войны получили также прямой кинжал (длина клинка 440 мм). Пулеметчики же в ходе войны

стали неотъемлемой частью пехоты. Надо полагать, эти образцы вместе с ножами, штыками-тесаками и трофейными кинжалами нашли применение в окопных боях на Русском фронте не только в руках пулеметчиков.

Упомянутые «топоры на длинных рукоятках» выглядят курьезом. Но окопная война порождала и не такие средства. На Западном фронте, скажем, в окопных боях, союзники и германцы дрались и цепами, и булавами, в армии США в 1917 г. официально приняли стилет-кастет. Неудивительно предложение в условиях нехватки оружия ближнего боя снабдить гранатометчиков (которые как раз завязывали ближний бой) холодным оружием вроде топора, который мог использоваться и для разрушения заграждений. Надо сказать, еще до войны при обсуждении вооружения артиллеристов для самообороны (шашка, карабин, револьвер, топор, кинжал) звучали высказывания за топор, поскольку русский солдат к нему «привык с малых таких лет» (В. Г. Федоров) скорее, чем к кинжалу.

Содержание вооружения в войсках, ремонт

Не менее важным средством пополнения армии вооружением, чем расширение производства и закупки за рубежом, была организация сбора и ремонта на фронте.

В начале 1915 г. полковник В. Г. Федоров направил с Северо-Западного фронта в Артком записку «о службе нашей 3-лин. винтовки», в которой описал условия эксплуатации оружия: «Мною... были посещены передовые окопы в районе расположения 1-го Армейского корпуса с целью ознакомления с состоянием винтовок, а также с условиями их службы. Первая мысль, которая приходит в голову... это то, что после войны придется забраковать

громадное количество оружия... На протяжении многих сотен верст вдоль Вислы, Бзуры, Равки через каждые два шага лежат в окопах не менее сотни тысяч наших винтовок, заносимых снегом, поливаемых дождем, засыпаемых песком из окопов. Нижние чины... находятся в ужасных условиях... Вряд ли можно требовать от нижних чинов надлежащего ухода и обслуживания оружия и винить их за плохое состояние винтовок. Наоборот, необходимо отметить, что нижние чины прилагают всевозможные усилия для поддержания оружия в порядке... Обходя передовые окопы 85-го пехотного Выборгского полка, я видел многие винтовки с особыми полотняными чехлами с тесемками, заведенными своими средствами и покрывающими ту часть винтовки, где находятся затвор и ствольная коробка... О сильном сплошном заржавлении каналов стволов говорить не приходится — это явление обыкновенное... Вообще надо считать, что после войны будет необходимо произвести массовую замену винтовок... настолько большую, что на нее надо смотреть как на новое перевооружение... Для Оружейного отдела возникает вопрос первостепенной огромной важности, а именно о необходимости иметь к концу войны готовый образец для нового перевооружения».

Кстати, покрышки (чехлы-покрышки) на затвор первыми получили винтовки «Винчестер» как наименее надежные, а с середины 1917 г. покрышки на «Винчестер» считались обязательными. Из выработанных централизованно покрышек для различных винтовок V отдел Арткама ГАУ в Журнале № 360 от 10 октября 1917 г. предлагал объявить войскам «чертежи покрышек только для 3-лин. винтовок», поскольку иностранные винтовки находятся в основном «в тыловых частях», а «австрийские винтовки предполагается в будущем изъять с фронта».

В. Г. Федоров вспоминал о разговоре в начале января 1915 г. с генералом Новицким, начальником штаба 1-го армейского корпуса 2-й армии (Северо-Западный фронт): «От когда-то хорошо обученных и сплоченных полков теперь осталось одно их название... Малообученные солдаты, поступающие для укомплектования, не

осознали еще, как нужно беречь свое оружие. Винтовки зачастую теряются и при выносе раненых с поля боя». В 87-м пехотном Нейшлотском полку он же услышал: «До последнего времени мы думали, что во внутренних округах России имеются большие запасы винтовок. Вначале пополнения приходили к нам более или менее вооруженными. Да и у нас кое-что было: зачем, например, винтовка обозному? Оружие оставалось также от заболевших и раненых. Казалось, что винтовок у нас всегда хватит. Вот мы немножко и распустились. Не дорожили каждой винтовкой».

Осмотр и чистка винтовок

«Утеря, порча и оставление оружия не преследовались или преследовались незначительно... — писал генерал Данилов. — Припоминается, например, рассказ одного начальника дивизии, которому удалось легко собрать несколько сот брошенных винтовок при обыске селений по пути следования частей дивизии». Случаи продажи солдатами, особенно маршевыми ротами, не только обмундирования, но и оружия и патронов «местному населению» бывают во всех войнах, но в усло-

виях тогдашнего кризиса с оружием воспринимались особенно болезненно. Генерал Головин находил этому другое объяснение: «Русский солдат вследствие его меньшей культурности относился менее бережно к находящейся на его руках материальной части». Он же писал, как, будучи генерал-квартирмейстером 9-й армии и начальником штаба 7-й армии, в течение 1915 — 1916 гг. «организовал ряд армейских летучих команд по сбору оружия, ряд передвижных и ряд местных оружейных мастерских».

Сбор оружия, разумеется, был не всегда возможен. «Пока мы наступали, — вспоминал А. А. Брусилов, — все оружие, оставшееся на полях сражения — наше и неприятельское, — собиралось особыми командами и по исправлению шло опять в дело; теперь же, при нашем отходе, получилось обратное; все оружие от убитых и раненых попадало в руки врага. Внутри страны винтовок не было. Приказано было легкораненым идти на перевязочные пункты обязательно с оружием, выдавались за это даже наградные деньги, но эти меры дали весьма незначительные результаты».

Мобилизационным планом не предусматривалась организация достаточных мастерских для ремонта оружия, так что организация сбора, осмотра и ремонта оружия на фронтах велась с изрядной долей импровизации. О порядке сбора и ремонта оружия на Северо-Западном фронте в начале 1915 г. писал В. Г. Федоров: «Вначале оружие с полей сражений свозили к головному этапу, верст за десять-пятнадцать от передовых позиций. Здесь явочным порядком стали организовываться оружейные мастерские для быстрой очистки и ремонта винтовок. Необходимость создания этих мастерских была подсказана самой жизнью. Между тем штаб фронта незадолго до моего приезда приказал закрыть все этапные мастерские, а оружие, собранное с полей сражений, свозить в глубокий тыл — в Варшаву, Двинск, Вильно, где были организованы большие тыловые мастерские. Отсюда маршевые команды, направляемые на фронт, и должны были получать исправленное оружие. Таким образом,

выдача оружия всецело переходила в руки штаба фронта. Объезжая передовые позиции, я постоянно слышал сожаление по поводу этого приказа начальника артснабжения.

— Мы прилагаем чрезвычайные усилия, чтобы собрать винтовки после боя, — жаловался командир одного из полков. — Я выдаю особые награды из хозяйственных сумм тем солдатам, которые с опасностью для жизни собирают винтовки, оставшиеся впереди наших окопов. И все это я должен отправлять в тыл, чтобы мои же винтовки выдавали другим полкам, не заботящимся о своем оружии.

Мы шли по окопу передовой линии. Была глубокая ночь. Вдруг над нашими головами что-то зашевелилось, какая-то большая темная масса перекатилась через бруствер и упала с лязгом и стуком на дно окопа. Перед нами стоял коренастый солдат в низко надвинутой папахе.

— Ты откуда? — спросил командир полка.

— Оттуда, ваше высокородие, — бойко ответил солдат, указывая варежкой в сторону «ничьей земли». — Ходил по винтовки.

И тут только я разглядел в темноте его странный вид. Весь он был обвешан оружием. Из-за спины торчали две винтовки, одна перекинута через плечо, еще две он держал в обеих руках.

— Молодец ты у меня! — сказал стрелку командир полка. — Ну иди к заведующему оружием. Там тебе выдадут... Вот видите, — обратился он ко мне, когда солдат ушел, — а штаб фронта хочет обойтись без этих охотников. А ведь на таких смельчаках все дело и держится...

...Во время одного из переездов я увидел фурманки, нагруженные «ранеными» винтовками. Фурманки подъезжали к железнодорожной станции, где оружие должно было грузиться в один из вагонов. Винтовки сваливали одна на другую. Солдаты брали по несколько штук и бросали их в товарный вагон.

— Как можно так обращаться с оружием? — закричал я. — Разве вам никто не говорил, чтобы вы складывали винтовки на солому в полном порядке?

— Я хотел достать соломы, — начал оправдываться старший, — но ее нигде нет...

Конечно, все это только одни отговорки, но вряд ли старший был виноват. Дело заключалось в тех порядках, которые установили лица повыше него. Хороши же будут винтовки после таких перевозок! Побитые прицелы и мушки, утерянные штыки и шомпола — вот первый результат на пути такого «исправления»...

...В середине февраля я сдал составленное мною новое положение о сборе оружия и о передовых починочных мастерских. Оно было объявлено по войскам Северо-Западного фронта 23 февраля 1915 года.

*Отправка трофейных австрийских винтовок
на промежуточный армейский склад*

Руководство сбором оружия возлагалось теперь на особого офицера, назначаемого для этой цели в каждой дивизии. В его распоряжении находилась команда безоружных и несколько конных земских стражников. Сбор оружия должен был организовать и корпусной комендант. Таким образом, вся прифронтовая полоса как бы дважды «прочесывалась» сборщиками оружия....

...И скоро передовые этапные мастерские стали исправлять до 100 тысяч винтовок в месяц.

На Юго-Западном фронте на середину 1915 г. система ремонта сложилась таким образом. Начальнику артиллерийских снабжений фронта здесь подчинялись подвижные ремонтные мастерские, расположенные в Жмеринке, Бердичеве и Смеле. Трофейное оружие и боеприпасы и оружие, собранное с полей сражения, поступало также на промежуточные армейские склады, устроенные в тылу каждой армии фронта. Для починки винтовок и пулеметов во всех армиях были организованы свои армейские, а в некоторых корпусах 9 и 11-й армий — и нештатные корпусные оружейные мастерские. Своя нештатная мастерская имелась и в 9-й армии. Мастерские обслуживались временно освободившимся составом местных парков, командированными от войск и другими случайными, быстро меняющимися лицами, что никак не способствовало нормальной постановке пересмотра и ремонта оружия. Так что начальников снабжения более устраивал порядок отправки оружия для ремонта в арсеналы и на заводы.

Ремонт оружия на оружейных заводах, во-первых, требовал больше времени, во-вторых, дополнительно загружал и без того чрезвычайно необходимый войсковой и железнодорожный транспорт (чего стоила перевозка, например, в Ижевск), в-третьих — отвлекал мощности заводов от выпуска нового оружия. Так, по данным, приводимым В. Г. Федоровым, по годам соотношение производства и ремонта выглядит следующим образом:

Всего тремя заводами	1914	1915	1916	1917
– выпущено новых винтовок	133 899	739 446	1 301 453	1 111 393
– исправлено винтовок	143 887	119 208	18 586	7 550

Нетрудно увидеть, что к 1916 г. за счет постановки войскового ремонта удалось раз в 10 уменьшить ремонт оружия на заводах. Так, на Тульском заводе в 1914 г. было отремонтировано 46 000 винтовок, в 1915-м — 53 000, а в 1916 г. — только 8700; на Ижевском заводе в 1914 г. — 97 900, в 1915 г. — 65 900, в 1916 г. — 9900 винтовок.

О работах тыловых артиллерийских мастерских по ремонту оружия можно судить на примере мастерской №2 Западного фронта (помимо ремонта артиллерийских орудий, лафетов, оптических приборов, двуколок, повозок и т. п.):

Отремонтировано	1914	1915	1916	1917	Итого
Минометов и бомбометов	-	1	7	9	17
Винтовок	5 379	8 352	-	-	13 731

Для оружейных мастерских требовался постоянный штат квалифицированных мастеров. И 10 марта 1916 г. утверждено положение Военного Совета о формировании «на все время войны» при ружейном полигоне Офицерской стрелковой школы мастеров-оружейников. В марте 1916 г. приказом Наштаверха объявлены к руководству «Некоторые указания для сбережения и исправного действия пулемета». «Максимы» и их станки, отремонтированные в окружных арсеналах или армейских артиллерийских мастерских, порой приобретали занятый внешний вид — пулеметы могли сочетать детали разных моделей, станки вместо колес ставились на деревянные кругляши, появлялись щиты новой формы. В целом же фронтовые органы оказались плохо подготовлены к ремонту пулеметов.

Только в мае 1916 г. был издан приказ начальника Штаба Верховного Главнокомандующего № 589 с временными штатами и положениями: а) о тыловой оружейной мастерской фронта со складом ручного оружия и пулеметного имущества; б) об армейской оружейной мастерской со складом ручного оружия и пулеметного имущества. Эти мастерские формировались на основе оружейно-пулеметных отделов подвижных ремонтных мастерских и складов ручного оружия передовых артиллерийских запасов фронтов, на Западном фронте были использованы также штаты отделов ручного оружия варшавского и бобруйского артиллерийских складов.

Мелкий ремонт и замена запчастей производились в полковых оружейных мастерских. В армейской мас-

В войсковой мастерской, используемой для ремонта вооружения пулеметных и бомбометных команд. Любопытно разнообразие вооружения: пулеметы — на первом плане — «Максим» обр. 1910 г. на треножном станке «Виккерс» обр. 1910 г., за ним — на колесном станке Колесникова, далее — трофейный MG.08 на салазочном станке; бомбометы — трофейный германский и 9-см бомбометы типа «Г. Р.»

терской производились: осмотр и сортировка оружия и пулеметов, доставленных с полей сражения и от войск, на годное, требующее исправления, и негодное; чистка и смазка оружия, исправление неисправностей, которые можно было устранить на месте заменой запчастей или мелким ремонтом (например, ремонт штыков или лож); отправление в тыловую оружейную мастерскую фронта оружия, которое не могло быть исправлено средствами армейской мастерской. В тыловой оружейной мастерской фронта производились сравнительно сложные и продолжительные работы по ремонту оружия, которые в то же время не требовали помощи заводов. Приказ, по сути, узаконивал меры, уже принятые на фронтах усилиями войск и специалистов ГАУ.

Не менее важно было приучить солдат — новобранцев и призванных из запаса — к повседневному уходу за оружием, его сбережению. С другой стороны, сами войска находили свои приемы ухода. В. Г. Федоров описал

Постепенно прививалось более бережное отношение к оружию. По мере обустройства окопов в них устраивались стойки для винтовок. Обратим внимание на тряпицы, которыми обмотаны винтовки

свои наблюдения в 86-м Вильманstrandском пехотном полку в мае 1915 г.: «В боевых условиях подающий механизм легко засоряется. В гнездо отсечки-отражателя забиваются пыль и грязь. А полная разборка винтовок производилась крайне редко: вынимать отсечку разрешалось лишь под наблюдением унтер-офицера. Оружие месяцами не чистилось... Обходя окопы, я заметил, что многие винтовки были обвязаны по затвору и магазину какими-то тряпками.

— Зачем, ребята, вы делаете это? — спрашиваю у солдат.

— Нельзя иначе, ваше высокоблагородие, — отвечают мне. — Без такой обвязки винтовки очень запыляются. Во время ветра пыль, грязь, песок забиваются в затвор. Такие винтовки трудно заряжать, затвор только с трудом можно двигать в ствольной коробке, хоть колотушкой по ней бей!

— Откуда же берете вы эти тряпки? Их выдает хозяйственная часть?

— Никак нет! Мы свое белье рвем, иначе замучаешься!

Не раз я был свидетелем, как при внезапной тревоге такие тряпки немедленно срывали, и оружие действовало исправно. Я убедился, что это «изобретение» солдат приносило только пользу, облегчая стрельбу.

Другое дело было с тряпочной затычкой в дульной части, которая тоже должна была предохранять канал ствола от пыли и грязи. При необходимости внезапно открыть огонь многие стрелки забывали о закупоренном дуле. А иные просто считали, что ничего худого не случится и пуля сама вытолкнет тряпку. На самом деле у таких винтовок раздувалась дульная часть, и меткость их боя никуда не годилась. Я подсчитал, что по Северо-Западному фронту этот недостаток давал немалое количество бракованного оружия (около 10 тысяч винтовок), что увеличивало и без того громадное число безоружных. Пришлось скрепя сердце отдать распоряжение хотя бы временно не браковать такие стволы, а только немного укорачивать их и опиливать снаружи, чтобы штык можно было примкнуть к винтовке.

На многих винтовках качались штыки, нередко попадались экземпляры без ствольных накладок, без антабок и т. п. Сплошь и рядом шомпола не ввинчивались в упоры и потому постоянно терялись. Весьма неблагополучно было и с принадлежностями к оружию. Вместо ружейных ремней болтались веревочки и тесемочки. Даже в такой простой принадлежности, как протирка, которую можно было быстро изготовить в любом количестве и на любом заводе, — даже в ней ощущался сильнейший недостаток.

Как-то во время осмотра я приказал стрелку прочистить еще раз канал ствола. Солдат встал и направился вдоль окопа.

— Куда? Прочисти здесь, при мне.

— Наши протирки и шомпола во второй роте, ваш-бродь.

В разговор вмешался офицер и объяснил, что, узнав о моем приезде, другие роты спешно чистят оружие. Но шомполов и протирок крайне мало, и они переходят из одной роты в другую.

Осматривал я и патроны в подсумках и патронташах. Вид их был ужасный. Все было покрыто пылью и грязью. Заряжание такими патронами, особенно при тогдашней обойме, было весьма трудным. Чтобы облегчить его, стрелки вынимали верхний патрон и, действуя им на оставшиеся четыре патрона, как рычагом, проталкивали их в магазин. Иногда заряжание велось в несколько приемов. Сначала стрелок вынимал крайний патрон и тем самым разжимал лапки обоймы. Потом вкладывал патрон обратно и уже после этого заряжал магазин. Подобные процедуры очень снижали интенсивность ведения огня. Из окопов обычно стреляли патронами, которые хранились в цинковых коробках. Патроны же в подсумках и патронташах являлись как бы неприкосновенным запасом. Обновляли их крайне редко; некоторые стрелки говорили, что патроны в подсумках лежат уже три-четыре месяца.

На этот недостаток также пришлось обратить серьезное внимание войск в особом приказе.

В значительно лучшем состоянии находились затворы и прицелы. Видно было, что стрелки заботились о сохранении в надлежащем виде этих важнейших частей оружия, несмотря на весьма трудные условия длительного сидения в окопах».

О вещевом довольствии

Вопрос формы одежды, знаков различия русской пехоты и ее частей — отдельная большая тема. Здесь же взглянем на этот вопрос постольку, поскольку он определял состояние пехоты и возможность ведения боевых действий.

Вспомним, что к началу войны походная форма включала в себя:

— для офицера — фуражку защитного цвета с защитного же цвета кокардой (зимой папаху обр.1910г.) и ма-

ПОХОДНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ АРМЕЙСКОГО СОЛДАТА

(вз походный мундир).

1) Лопата.— 2) Патронные сумки.— 3) Вещевой мешок.—
4) Фляга.— 5) Нагрудный патронташ.— 6) Шинель, за-
катанная в полотнище походной палатки.

Весь снаряженный, вооруженный и одетый, надбитый и чистый—
солдат 1 п. 30 е.

Число восьмидесяти на солд. и чинском патронташе—120

*Стандартное походное
снаряжение солдата
армейской пехоты:*

*1 — малая пехотная лопата
в чехле, 2 — патронные
сумки, 3 — вещевой мешок,
4 — фляга, 5 — сухарный
мешок, 6 — нагрудный
патронташ, 7 — шинель,
закатанная в полотнище
походной палатки (скатка)*

линовыми выпушками по верхнему краю околыша и на тулье, китель (зимой походный мундир) с защитными погонами, укороченные защитные шаровары, походное снаряжение из коричневой кожи (поясной ремень с муфтами и наплечными ремнями, кобура, футляр с биноклем, полевая сумка и фляга), коричневые перчатки. Вооружение — шашка на ременной портупее и револьвер с походным шнуром (коричневой кожи);

— для нижних чинов пехоты — суконную фуражку защитного цвета с малиновыми выпушками по верхнему краю околыша и на тулье (зимой папаха), гимнастерка обр. 1913 г. (рубаша, суконная зимой и полотняная летом) с двусторонними погонами — защитными с малиновой выпушкой, шаровары защитного цвета и высокие сапоги, поясной ремень с двумя подсумками и с малой лопатой в кожаном либо парусиновом чехле, вещевой мешок обр. 1910 г. с водоносной баклагой (флягой) на перевязи, парусиновый патронташ через левое плечо, поверх него — шинель-скатку серого сукна и котелок. Вооружение — винтовка со штыком на ремне.

В вещевой мешок укладывались: две рубахи, одни исподние брюки, две пары портянок, одно полотенце, одна пара рукавиц с варежками, сухари в холщовых мешочках, соль в особом мешочке, принадлежности для чистки оружия (отвертка, промывальник, шпилька, пузырек с маслом, сало, завернутое в тряпку, суконка, небольшой кусочек тряпки, несколько заостренных палочек и перышек и дульная накладка), принадлежности для содержания чистоты и опрятности в мешочке (гребенка, мыло, нитки, щетка), луженая чарка или кружка и четыре патронные пачки.

Защитная окраска полевой формы вводилась в русской армии еще в ходе Русско-японской войны. Официально обмундирование защитного цвета для солдат и офицеров введено в 1907 г. Защитная окраска и удобный покрой полевой формы в целом хорошо отвечали условиям войны. Кожаные детали полевого снаряжения во время войны окрашивались в защитный цвет или обшивались с лицевой стороны сукном под цвет шинелей.

СОСТОЯНИЕ ВЕЩЕВЫХ ЗАПАСОВ НА 1 ЯНВАРЯ 1914 Г.

Предметы	Положено	Недостаёт	% недостающего
Белье (пар)	2 402 800	90 600	3,7
Обувь (пар)	2 581 900	114 800	4,0
Обмундирование			
– мундиры	2 402 800	271 400	6,0
– шаровары	2 312 200	373 400	11,4
– шинели	2 402 800	143 000	5,0
– снаряжение, комплектов	2 205 400	182 200	8,0

Уже первые четыре месяца войны показали несоответствие между наличием вещевых запасов и количественным ростом армии. Чтобы удовлетворить первоначальные потребности отобилизованной армии, были привлечены все фабрики и кустарные мастерские, реквизированы имеющиеся на складах предприятий готовые изделия и сырьевые материалы.

Русские пехотинцы на вокзале Львова, 1914 г.

Неизмеримо возросла потребность войск в обуви. Только за полтора года войны — с 1 января 1916 г. по 1 июля 1917 г. — потребовалось обуви 6,31 млн пар, из них было заказано за границей 5,8 млн пар. «Пришлось уже в 1915 г. сделать очень крупные заказы на обувь — преимущественно в Англии и Америке, — писал генерал Лукомский. — Эти заказы обошлись казне очень дорого; были случаи крайне недобросовестного их выполнения».

Интересно, что армия могла бы снабжать себя обувью местными силами — собственными сапожными мастерскими, заказами кустарям и мелким фабрикам в тылу армий (несмотря на выселение евреев из прифронтовой зоны, оставалось достаточно неплохих сапожников), но нужны были кожи. Кожи оставались от скота, державшегося для снабжения армий мясом, но не было дубильных заводов и дубильных веществ.

Генерал Головин вспоминал, как осенью части 7-й русской армии, доставленные на Юго-Западный фронт, вынуждены были «пройти 4—5 переходов, чтобы занять назначенные на фронте места. Это походное движение совпало с осенней распутицей, и пехота потеряла свои сапоги. Тут начались наши страдания. Несмотря на самые

Георгиевские кавалеры гвардейских стрелковых полков, 1915 г.

отчаянные просьбы о высылке сапог, мы получали их столь ничтожными порциями, что пехота армии ходила босая. Такое катастрофическое положение длилось почти два месяца».

С началом 1916 г. положение с обувью стало улучшаться. За весь 1916 г. в армии и их тыловые склады было выслано до 29 миллионов пар обуви, большая часть которой была изготовлена в России. Чтобы удовлетворить потребность в сапогах все кустари-сапожники в принудительном порядке были обязаны изготавливать за плату для армии не менее 2 пар сапог в неделю. В некоторых военных округах была проведена реквизиция сапог и сапожного материала. Ввозившаяся из-за границы обувь часто оказывалась низкого качества. Тем не менее в форме русской пехоты прочно обосновались «английские» и «американские» ботинки в сочетании с обмотками.

Для экономии кожевенного материала было разрешено иметь сапоги с укороченными на 2 вершка (5 см) голенищами, с брезентовыми голенищами, а также носить ботинки с крагами из старых голенищ. С целью сохра-

Армейская сапожная мастерская. Новый Петергоф, 1915 г.

нения сапог в летнее время (вне нормы) допускались для ношения лапти. Наладили и ремонт обуви в войсках — в каждой роте был введен штатный сапожник, в полках организованы сапожные мастерские. В ремонте обуви прибегали к различным суррогатам: деревянным подметкам, составной подошве, подметке из старого брезента и т. д. Но тут вмешались и другие факторы.

«Во время зимы 1916/17 года, — вспоминал генерал Брусилов, — войска не могли жаловаться на недостаток теплой одежды, но сапог уже не хватало, и военный министр на военном совете в Ставке нам заявил, что кожи почти нет, что они стараются добыть сапоги из Америки, но придут ли и когда, в каком количестве, он сказать не может. При этом добавлю со своей стороны, что недостаток сапожного товара к 1917 году произошел не оттого, что было его слишком мало, а вследствие беспорядков в тылу: чуть ли не все население России ходило в солдатских сапогах, и большая часть прибывавших на фронт людей продавала свои сапоги по дороге обывателям, часто за бесценок, и на фронте получала новые.

Такую денежную операцию некоторые искусники умудрялись делать два-три раза».

О «теплой одежде» Брусилов упомянул не случайно. Его 8-й армии случилось ощутить на себе ее недостаток осенью 1914 г.: «Я доносил, что, ведя непрерывные бои в Карпатских горах, моя армия оказалась в ноябре голой, летняя одежда истрепалась, сапог нет, и войска, находясь по колено в снегу и при довольно сильных морозах, еще не получили зимней одежды. Я прибавлял, что считаю это преступным со стороны интендантства фронта и требую быстрейшей присылки сапог, валенок и теплой одежды. Вслед за этим я уже от своего имени, не надеясь более на распорядительность интендантства, отдал приказание приобретать теплые вещи в тылу и быстро везти их к армии. Должен к этому добавить, что вопрос о теплой одежде мною был поднят еще в сентябре, но, как мне было разъяснено, считалось, что необходимо сначала снабдить теплыми вещами войска Северо-Западного фронта вследствие более сурового там климата; но не было принято в расчет, что в Карпатах зима еще более суровая и что войскам, находящимся в горах, также, и еще в большей степени, требуется зимняя одежда. Во всяком случае, казалось бы, в ноябре можно уже было снабдить все войска теплой одеждой». Тут речь шла об оперативности работы тыла.

Большое отступление 1915 г., сопровождавшееся потерей районов с развитой дорожной сетью и значительными местными ресурсами, еще больше ухудшило условия работы тыла. И пехота ощущала это первой. Что касается теплых вещей, то если в мундирах и шинелях все потребности армии, с учетом необходимого запаса, в течение войны были удовлетворены на 57—60 %, а в сапогах на 64 %, то в полушубках — на 39 %, валенках — на 43 % («История тыла и снабжения русской армии», 1955 г.).

В прочих видах вещевого снабжения армия не переживала таких кризисов. Хотя мобилизационные запасы вещевого имущества были израсходованы в начале войны. Главное интендантское управление при размещении заказов столкнулось с нехваткой сырья и недостаточны-

ми производственными возможностями кожевенной, текстильной и суконной промышленности. Нельзя было твердо надеяться и на заграничные заказы, требующие времени для исполнения и загружавшие и без того дефицитный транспорт. «Выручить» могли только различные упрощения в обмундировании, применение суррогатов, жесткое лимитирование, усиленный ремонт и другие меры, которые и осуществлялись в ходе войны.

*Солдаты запасаются водой в баклаги (фляги). Галиция, 1915 г.
Обратим внимание на вещмешки по типу «туркестанского»*

Согласно статистическому сборнику «Россия в мировой войне 1914—1918 годов» (1925), за время войны русской армией было израсходовано: сукна серошинельного — 170 млн м, сукна защитного — 134 млн м, полушубков — 12 млн шт., телогреек и фуфаек — 21 млн шт., ватных шаровар — 30 млн шт., сапог — 65 млн пар, портянок (чулок) теплых — 50 млн пар, валенок — 15 млн пар, теплого белья — 51 млн пар. Причем потребность в шинельном сукне почти на 55% была покрыта заграничными заказами. Суконные материалы заменялись на «сукноподобные». Заготовка обуви и вещей для армии

оказалась как раз той областью, где смог хорошо зарекомендовать себя тот же «Земгор».

Отменялись сроки носки, устанавливался порядок снабжения «по мере надобности». Из отчетных данных за первые полтора года войны (до 1 сентября 1916 г.) было установлено, что с учетом преждевременного износа и утраты по военным обстоятельствам следует предусматривать к отпуску войскам в год на одного человека: сапог — 5—6 пар, нательного белья — 6 пар, портянок — 12 пар, полотенце — 3. Вместо запасной пары сапог солдаты носили с собой опорки.

По ходу войны снаряжение пехотинцев менялось. Так, приказом по военному ведомству от 31 августа 1914 г. (об установлении упрощенных предметов снаряжения) взамен поясных патронных сумок 1909 г. и нагрудных патронташей обр. 1900 г. введены нагрудные матерчатые патронташи по типу американских, приказ от 21 марта 1915 г. устанавливал правила укладки в туркестанские мешки и правила ношения снаряжения упрощенного образца (в соответствии с ним вышеупомянутый американский патронташ надевался через левое плечо).

Из примеров упрощения предметов снабжения можно упомянуть: взамен вещевых мешков образца 1911 г. стали выдавать старые мешки образца 1869 г., вместо фляг алюминиевых на снабжение приняли фляги стеклянные, кожаные подсумки и ремни для винтовок были заменены на матерчатые, вместо бронзовых котелков образца 1910 г. стали заготавливать котелки алюминиевые и железнолуженые, полотнища палаток вместо парусины из-готавливали из хлопчатобумажной ткани с пропиткой.

Общий вес обмундирования и снаряжения пехотинца должен был составлять 1 пуд 30 фунтов, то есть около 28 кг, на самом деле на походе солдат носил на себе — даже без учета оружия — значительно больше. К началу 1917 г. снаряжение солдата в гренадерской и армейской пехоте включало кроме мундира, шинели и обуви также: вещмешок, 2 сухарных мешка, ремень для скатки, поясной ремень, флягу, котелок, 2 патронные сумки, нагрудный патронташ и запасную патронную сумку, лопатку,

топор или киркомотыгу с чехлом, походную палатку, ружейный ремень, штыковые ножны.

Что касается боеприпасов, то солдат-пехотинец носил на себе 120 патронов: по 30 штук в каждой патронной сумке, 30 в патронташе, и по 30 в каждой запасной сумке. В поясных сумках патроны носились в пачках, развязанных и распечатанных, в патронташе и запасной сумке — вынутые из пачек. В упрощенном варианте снаряжения можно было распределить по 45 патронов в каждой патронной сумке и по 30 патронов в патронташе и одной запасной сумке. В бою солдат должен был сохранять в качестве неприкосновенного запаса 15 патронов (одна закрытая и запечатанная пачка). Кроме того, патроны в закрытых и завязанных пачках носили в вещмешке и карманах — опыт заставлял солдат иметь при себе максимально возможный запас патронов. Гранаты носили в специальных сумках — по две штуки, но в боевых условиях держали в карманах, засовывали за пояс.

В связи с поставкой предметов обмундирования из-за границы и возможностью самостоятельного их заказа значительно менялась в ходе войны форма офицеров. С 1916 г. офицерское обмундирование стало довольно «разномастным», его предметы шили из материи уже любого защитного цвета (серого, коричневого и т.п.).

А вот специального, не предусмотренного штатом заранее снаряжения, которое облегчало бы длительное сидение в окопах, русская пехота, в отличие от союзников, не получала. Недаром В. Г. Федоров, вспоминая посещение французского фронта, кроме насыщенности его автоматическим оружием, артиллерией и другой «техникой», специально описывал «один из складов интендантского ведомства»: «Он был забит мундирами на меху, специальными кожаными шароварами для окопов, сапогами из коричневой английской кожи на толстой подошве, добротными ружейными чехлами». Русскому пехотинцу приходилось довольствоваться по большей части шинелью («на ней сплю, ею укрываюсь, ее под голову кладу»), а винтовку обматывать тряпицами.

Средства индивидуальной защиты

Шлемы, бронещиты, бронепанцири

Темы использования русской армией в 1914 — 1917 гг. средств индивидуальной бронезащиты в литературе касаются редко, и стоит остановиться на ней подробней.

Казалось, огнестрельное оружие положило конец широкому применению защитного вооружения еще в XVII веке, оставив лишь отдельные средства защиты от холодного оружия ударного действия (кирасы, шлемы) в кавалерийских и саперных частях. Однако успехи сталелитейной промышленности во второй половине

Первыми «стальные каски Адриана» массово получили солдаты русских особых бригад во Франции

XIX в. возродили интерес к легким «противопульным» панцирям и щитам. В России еще во время Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. испытывались щиты Л. Нобеля, в 1886 г. — легкие щиты полковника Фишера и датского капитана Гольштейна. Работы над средствами индивидуальной защиты активизировала Русско-японская война.

Военное ведомство начало изучать всевозможные варианты щитов, «панцрей», нагрудников и т. п. За время этой войны в действующую армию было отправлено

4790 панцирей, 370 щитов. Русско-японская война ускорила появление щитов на орудиях полевой артиллерии и пулеметах. Но оставался вопрос о щитах, которые могли бы придаваться, «например, людям охотничьих команд, а также саперных частей». Изучались и испытывались многие варианты. К примеру, отдел по оружейной части Артиллерийского комитета ГАУ, рассматривая 20 июня 1906 г. предложение пулеулавливающего панциря Юкера, отметил, что «панцирь по своим качествам не превосходит образцы, уже известные Отделу». Большие надежды возлагались на щиты из хромоникелевой стали. Весной 1913 г. испытывались стрелковые щиты толщиной около 8 мм и пулеметные толщиной 7 мм. Но до Первой мировой войны стрелковые щиты вместе с пулеметными и крепостными были предметом внимания Главного инженерного управления.

Главной защитой пехоты под огнем становится лопата и защитная окраска экипировки. Тем не менее предложения различных шлемов, «бронемасок», щитов, «панцирей», «пулезащитных кирас», колесных щитов, «передвижных окопов», «щитов-тележек», «мантильетов» и т.п. составили едва ли не половину всех изобретений, предложенных военному ведомству за время войны заводами, фирмами и частными лицами. Диапазон изобретателей здесь был едва ли не самым широким — от профессиональных военных до учителей рисования, от инженеров-металлургов до крестьян, от высокопоставленных чиновников до ссыльных.

Большую энергию по рекламе своих изобретений, развил, например, полковник Чемерзин. Свои щиты он предлагал еще в 1905 г., но тогда войска не признали их пригодными, а в 1911 г. он не сошелся с военным ведомством в условиях. Среди его предложений в начале мировой войны были даже бронекираса и «бронекепка» для водителей, но ни одно из них не приняли.

Ряд изобретателей предлагал щитки для левой руки, крепившиеся на винтовке, поскольку в прессе писали о большом количестве стрелков, раненных в левую руку (держашую цевье винтовки). Член Технического коми-

тета ГВТУ генерал-майор Тюрин в записке от 17 декабря 1914 г. предложил уделять больше внимания щитам, защищающим голову, «чтобы уменьшить не число раненых, а число убитых».

Для защиты головы наиболее пригодными были, конечно, не щиты, а каски (шлемы). Предложения шлемов «от шрапнельного огня» поступали уже с начала войны — вопрос был весьма актуален, еще более актуальным он стал с ростом значения артиллерийского огня и использования осколочно-фугасных боеприпасов. Первая мировая война сделала стальную каску (шлем) обязательным элементом экипировки большинства солдат.

А. А. Игнатъев вспоминал, что во французской армии стальные каски «устраняли три четверти всех ранений в голову». Русское военное ведомство относилось к каскам с недоверием, якобы потому, что Николай II «нашел, что каска лишает русского солдата воинственного вида». Более интересное мнение командования высказано после испытания на фронте первых 15 тыс. французских касок — их забраковали «ввиду наружного сходства с касками противника». Тем не менее в первой половине 1916 г. выдали срочный заказ на один миллион касок. Тут к месту привести данные опроса 33 265 раненых, эвакуируемых из Москвы в сентябре 1915 г.: пулевые ранения (с повреждением костей) составляли — 70 %, шрапнелью — 19,1 %, осколками снарядов — 10,3 %, холодным оружием — 0,6 %. Понятно, что для головы доля шрапнельных пуль и осколков как причины ранений была больше. По данным на 20 октября 1916 г., во Францию было выдано два контракта на «стальные каски Адриана (французского образца)» — на 1 500 000 и на 2 000 000 шт. общей стоимостью 21 000 000 франков, по 6 франков за штуку. Однако поставка этих шлемов в Россию затянулась. В результате первыми из русской армии получили каски (шлемы) системы О. Л. Адриана солдаты русских бригад, направленных сражаться во Францию. Их вооружением и экипировкой занимались французы, и среди прочего они получили шлем, известный как М1916 (цельнотянутой конструкции), отличавшийся от французского накладной эмблемой с им-

*Группа офицеров 267-го пехотного Духовщинского полка.
Кроме касок Адриана обратим внимание на наличие
у одних офицеров сапог, у других — ботинок с обмотками*

Стальные каски, как и убежища, позволяли существенно снизить потери

перским двуглавым орлом. В Россию к концу 1916 г. поставили только около 340 000 касок (шлемов) Адриана типа М1916. Каска при массе 0,75 кг имела толщину стенок всего 0,7 мм, но могла отразить летящую по касательной пулю, основным же ее предназначением была защита от осколков на излете, падающих сверху кусков земли, обломков и т.п. — отсюда широкий козырек каски. Посадку каски на голове и амортизацию обеспечивали кожаный подшлемник и войлочные прокладки. Каску обычно окрашивали в защитный цвет хаки. Впервые русская армия применила их в Галиции.

Еще в 1915 году русский Генеральный штаб принял решение начать разработку русского стального шлема. В 1916 г. было дано задание на изготовление 3,9 млн касок на русских предприятиях с внеочередным выделением на это металла. Прототипом послужила каска Адриана М1915 массой 0,75 кг. В 1917 заказ на производство шлемов разместили в Финляндии на заводах «Сулберг-Ой» и «Холмберг». В России шлем получил обозначение

*Стальная каска (шлем)
Адриана типа М1916
русского заказа*

обр.1917г., хотя официально принять его на вооружение не успели. До получения Финляндией независимости поставлена была небольшая часть этих шлемов, зато затем шлем долго состоял на вооружении финской армии. От французского прототипа штампованный шлем обр.1917г. отличался увеличенной до 1 мм толщиной стенок (масса возросла до 0,85 — 1 кг), треугольным грибком, прикрывавшим вентиляционное отверстие сверху купола (вместо гребешка на французской каске) и другими деталями. Шлем имел кожаный или холщовый подшлемник, кожаный подбородочный ремешок.

Запоздание с выдачей заказа и задержки поставок привели к тому, что касок (шлемов) русская армия имела мало. Неудивительно, что в 1917г., например, русские солдаты прямо использовали трофейные германские шлемы (тут уж «наружное сходство» с противником было полное), тем более что германский тип стального шлема был тогда едва ли не лучшим. А шлем по типу обр.1917г. будет потом стандартизован в Красной Армии в 1927г.

Применение щитов поначалу было связано с крепостной войной. Технические условия на приемку «крепост-

Русский стальной шлем обр. 1917 г.

ных стрелковых щитов» толщиной 8 мм с «шрапнельной крышкой» толщиной 2 мм были утверждены Инженерным комитетом ГИУ в декабре 1913 г. Крепостных щитов до войны было заказано Путиловскому, Петроградскому механическому и Обуховскому заводам несколькими нарядами 46 400 штук, в счет этого заказа 21 800 щитов успели поставить до войны, а 25 115 — уже во время войны.

17 декабря 1914 г. начальник инженерных снабжений Северо-Западного фронта получил телеграмму: «В Хабаровске имеются стрелковые щиты 150 больших, 1254 малых и 2172 оставшихся от заготовки японской войны панциря. Телеграфируйте нужны ли и куда высылать», 20 декабря дан запрос выслать все в Гродно, Новогориевск, Осовец. Из Хабаровска выслали на Северо-Западный фронт 194 «щитовых двуколок», остальные щиты пошли на Юго-Западный фронт. 12 ноября 1914 г. генерал-майор Свяцкий, «по поручению заведующего инженерной частью армии обложения крепости Перемышль»

Германские солдаты испытывают трофейный русский колесный щит на группу стрелков. Подобные щиты русская армия заказывала еще во время Русско-японской войны. Первая мировая быстро показала бесперспективность такой формы «коллективной» защиты

заказал Обществу путиловских заводов 150 «позиционных щитов» своей системы.

К концу 1914 г. крепостные щиты начали высылать и в полевые войска — армии, например, запрашивали бойничные щиты системы генерала Фабрициуса, высланные им в апреле 1915 г. В результате были выданы новые заказы на крепостные щиты, хотя войска вскоре стали отказываться от них из-за массивности.

Справка по Крепостному отделу ГВТУ от 4 сентября 1915 г. гласила: «До войны были заказаны щиты крепостного типа, толщиной 8 мм, весом около 52 фнт, при условии непробиваемости остроконечной пулей с расстояния 50 шагов, соответствующего расстоянию от укреплений искусственных препятствий».

В январе сего года ГУГШ, по указаниям из действующей армии, потребовало все крепостные щиты, еще не

отправленные в крепости, выслать под Перемышль и Лецен, а вслед за сим от того же управления поступило требование заказать второй комплект крепостных щитов.

Тогда же появился проект облегченных щитов полевого типа, каковые было предложено заказать в небольшом количестве в виде опыта...

ГУГШ уведомляет, что помимо большой потребности в щитах крепостного типа поступают требования на щиты полевые, почему ГУГШ полагает заказать щиты в значительном количестве, не ограничиваясь пробным заказом. Ввиду сего и по сношениям с начальниками снабжений

Испытание носимого стрелкового щита. Нижний Новгород, 1915 г.

армий было заказано 63 000 полевых щитов... Выделка щитов на русских заводах встретила весьма труднопреодолимые препятствия, каковые уже задержали сдачу заказанных щитов... Удалось с громадными трудностями достигнуть непробиваемости щита с 50 шагов при толщине его около 6 мм, причем вес щита получается около 25 фунтов, для переноски имеются особые кожаные лямки».

Выделилось пять основных направлений: переносные стрелковые щиты, носимые панцири и щиты-панцири, «наружейные» щиты (по аналогии с пулеметными),

щиты-лопаты, колесные щиты на одного, двух и более бойцов. Так, на 1 августа 1915 г. были заказаны, но не отправлены в войска: наружейные щиты есаула Бобровского и Свяцкого, колесные щиты Качурова и Свяцкого, в армии имелись крепостные и полевые щиты системы ГВТУ, наружейные щиты Шукина, колесные Бобровского. А 16 декабря 1915 г. ТК ГВТУ сообщал в Крепостной отдел, что направил в Отдел изобретений ЦВПК «чертежи и технические условия на щиты: крепостной колесный, крепостной стрелковый, стрелковый образца Технического комитета и наружейные есаула Бобровского и доктора Кочкина».

2 марта 1915 г. Технический комитет ГВТУ одобрил технические условия для изготовления и приемки полевых стрелковых щитов. Щит имел толщину 6 мм, бойницу с заслонкой, ремень для переноски, откидную трубчатую ножку для установки на грунт.

На октябрь 1915 г. «щиты стрелковые» упоминались в списке «Предметов для укрепления позиций». К тому времени был распределен заказ на 200 000 щитов заводам: Петроградскому механическому и металлическому, Лангензицен, Обуховскому, Пермскому пушечному, а также Комитету средней и мелкой промышленности.

Характерно предложение щитов не только для стрелков, но и для солдат других специальностей. Например, предложение В. Г. Лаврентьева от декабря 1915 г. «щита для бомбометчиков» (признанного, правда, «неудобным в применении»). Некоторые щиты признавали «соответствующими своему назначению», но слишком дорогими для заказа — как, например, щит поручика В. Ф. Гельгара, предложенный в марте 1915 г. для прикрытия работы разведчиков и резки проволочных заграждений. Военное ведомство от него отказалось, тем не менее их заказали начальники инженерной части III и XI армий, и в XI армии в первой половине 1915 г. после испытания приняли 610 «сапных щитов» Гельгара.

Тем временем печать заполнилась рекламой коммерческих фирм. В мае 1915 г. ГУГШ вынуждено было выступить с официальным предостережением: «За последнее

Испытание нагрудного щита Сормовского завода. Щит надет в виде панциря. Нижний Новгород, 1915 г.

время в органах периодической печати стали встречаться объявления частных заводов и отдельных лиц, причем иногда предлагаются различного рода панцири... Так, например, панцирь, изготовленный Обществом сормовских заводов, оказался не только бесполезным, но даже усиливающим действие пули... К числу подобных же изобретений относится и рекомендуемый русско-английским техническим бюро «щит-панцирь отставного поручика Гельгара». Причем «панцири» пускались коммерсантами в продажу по цене в сотни и даже тысячи рублей с расчетом, что имеющие деньги родственники военнотружущих доверятся рекламе и купят их, чтобы защитить жизни своих родных. При том, что полевые стрелковые щиты, например, заказывались ГВТУ заводам по цене 39—41 руб. Общество железоделательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово» начало изготовление «панцирей» в конце 1914 г. якобы по

личному обращению «нескольких офицеров действующей армии», выпустило 192 штуки, и после неудачных испытаний производство прекратило. 17 марта 1915г. Общество сообщало Техническому комитету ГВТУ, что изготавливает щиты «для зарядных ящиков, наблюдательных вышек, лафетов, а также стрелковые», но «панцирей» уже не называло.

Можно проследить судьбу заказов, выданных ГВТУ на различные щиты:

Тип щита	Дата выдачи заказа	Кому выдан заказ	Размер заказа, шт.	Срок поставки	Результат
Крепостные		Петроградский механический и металлический завод	39 00		С 14.04.1915 срок отодвинут до 14.10 1915, на 01.12.1915 сдано 33.300
Полевые стрелковые:					
	21.11.1915	Обуховский сталелитейный завод	6000	10.11.1915	
	19.09.1915	Акционерное Общество «Лангензипен и Ко»	2900		
	18.09.1915	Петроградский механический и металлический завод	8700	01.06.1916	На 10.06.1916г. сдано было 7656, на апрель 1917г. 8626
	02.09.1915	Петроградский комитет мелкой и средней промышленности	5100		
	02.09.1915	Пермский пушечный завод	3000	01.05.1916	На 01.05.1916 не сдано ни одного щита
— легкие стрелковые	10.10.1916	Акционерное Общество «Лангензипен и Ко»	3000	15.11.1916	Закончен 23.12.1916

Тип щита	Дата выдачи заказа	Кому выдан заказ	Размер заказа, шт.	Срок поставки	Результат
– образца ТК ГВТУ	14.04.1915	Петроградский механический и металлический завод	50 00	10.10.1915	
– г.-м. Свидзинского	31.01.1916	Петроградский механический и металлический завод	400	30.04.1916	Закончен 12.06.1916 + 120 дополнительных
Наружейные:					
– доктора Кочкина	14.11.1915 27.11.1915 28.05.1916	Ижорский завод Петроградский механический и металлический завод Петроградский механический и металлический завод	9000 1200 2500	14.02.1916 14.02.1916 01.08.1916	Закончен 15.04.1916 +700 дополнительных Закончен 25.07.1916 Закончен 10.08.1916
– есаула Бобровского	30.07.1915 06.10.1915	Петроградский механический и металлический завод			
– есаула Бобровского и г.-м. Свяцкого	23.02.1916	Ижорский завод	2000 Свяцкого 2000 Бобровского		
Щит г.-м. Свидзинского	31.01.1916 г.	Петроградский механический и металлический завод	400		
Колесный щит Бобровского	20.06.1915	Петроградский механический и металлический завод	200		
Колесный щит г.-м. Розенберга	16.04.1916	Ижорский завод	200		Закончен в начале 1917 г.

Стрелковые и «полевые» щиты изготавливались из броневой стали с присадками марганца, никеля, хрома, молибдена или ванадия. В основном они выполнялись

Демонстрация способа стрельбы с использованием нагрудного щита Сормовского завода, 1915 г.

в виде плоского листа той или иной формы, иногда с дополнительной крышкой сверху. Для защиты стрелка за щитом и соседних стрелков от осколков попавших в щит пули служили отгибы краев щита вперед и «воротник» амбразуры. Щиты снабжались ремнями или лямками для переноски и складными опорами для установки на грунт. Интересен своей конструкцией щит, предложенный генерал-майором Свидзинским, шириной (по основанию) 840 и высотой 712 мм — в виде двухскатного листа, установленного под углом к горизонту, снабженного амбразурой с броневой задвижкой. Переносился на ремне. Форма щита оказалась довольно перспективной — такую же форму можно увидеть в стрелковом щите, применявшемся во время советско-финляндской и в начальный период Великой Отечественной войны.

Наружейный щит доктора Кочкина размерами 473×480 мм надевался своей амбразурой на винтовку и крепился впереди или позади прицельной планки, на походе носился на лямке, в бою мог на той же лямке носиться на груди. Его масса при толщине 5,5—6,3 мм составлял 6,1—6,95 кг. Технические условия на изготовле-

ние щита доктора Кочкина были одобрены Техническим комитетом ГВТУ 2 марта 1915 г. 11 октября 1915 г. Начальник инженерных снабжений Юго-Западного фронта просил о «снабжении пехоты щитами доктора Кочкина по расчету 1000 на дивизию». Начальник Ижорского завода, которому 14 ноября 1915 г. был дан наряд на 9000 щитов, указывал, что «5,5-мм щиты доктора Кочкина благодаря требованию их непробиваемости с 50 шагов острой пулей изготовлением гораздо труднее 6,5-мм щитов Офицерской стрелковой школы». 20 ноября заказ на 12 000 щитов получил Петроградский механический и металлический завод. И если Ижорский завод смог выполнить заказ в срок (и даже поставить 700 щитов сверх заказа), то Механический и металлический завод вынужден был несколько раз просить об отсрочках, хотя бы потому, что возникли проблемы с поставкой никелевой (хромоникелевой) стали для щитов.

За январь 1916 г. в действующую армию было отправлено 1700 крепостных и 16 700 полевых стрелковых щитов. По сведениям Крепостного отдела ГВТУ можно проследить отправку щитов за 1916 г.:

Щиты	На Северный фронт	На Западный фронт	На Юго-Западный фронт	В Кавказскую армию (Кавказский фронт)
Январь 1916				
– полевых стрелковых	6 000	6880	5200	
Февраль 1916				
– полевых	29 720	10 830	10 120	
Март 1916				
– полевых	10 045	6070	3300	2600
– наружных	3015			
Апрель 1916				
– полевых	2400	4500	6280	2400
– наружных	6457			
Май 1916				
– полевых	11 112	13 392	10 308	5000
– наружных	4528			

Шиты	На Северный фронт	На Западный фронт	На Юго-Западный фронт	В Кавказскую армию (Кавказский фронт)
– колесных Бобровского		100	100	
Июнь 1916				
– полевых		31 326	9353	1994
– наружейных	4600			
– колесных Свидзинского	100	100	200	
Июль 1916				
– полевых	6880	3677	2160	18 000
– наружейных	2342	1900		
Август 1916				
– полевых	2813	603	5720	
– наружейных		13 100	1500	
– колесных Свидзинского	30	30	60	
Сентябрь 1916				
– полевых		9524		
– наружейных		14 400	8500	
Октябрь 1916				
– полевых				1378
– наружейных		2512	2520	
Ноябрь 1916				
– полевых	4717		2787	2072
– наружейных		656	10 116	
Декабрь 1916				
– полевых	3000	1000	2523	1000
– наружейных	176 (Кочкина)		2250 (Бобровского)	
– колесных	50			

Чтобы оценить эти цифры, сопоставим их с численностью Действующей русской армии. На январь 1916 г. Северный, Западный, Юго-Западный фронты имели 4 383 283 чел., Кавказский — 336 657 чел., на октябрь 1916 г. — соответственно 6 151 000 (включая румынский

Расчет пулемета М1895/1914 «Кольт». Обратим внимание на запасной ствол в кожаном чехле, а также на каску Адриана и бинокль у начальника пулемета, а также — на полевой стрелковый щит на бруствере (правда, развернутый наоборот)

фронт) и 702 000. Даже с учетом того, что не все это были «активные штыки», подача за весь 1916 г. в армию чуть более 330 000 броневых щитов разных типов справедливо оценивалась как «опытные работы».

Работы с лопатами-щитами длились долго и к успеху не привели. Щиты-лопаты капитана Бобровского (толщина полотна 3,75 мм) и доктора Кочкина (5 мм) предлагались как «замена шанцевого инструмента» (включая топор) и защита головы стрелка от пуль. Но лопаты-щиты оказались слишком тяжелы и дороги как лопаты и слишком малы как щиты.

На 29 апреля 1917 г. в армии состояло 200 наружейных и 3199 стрелковых щитов, в июне того же года — уже 2006 и 3340 соответственно.

Долгое время занимались «катучими» («подвижными») щитами на одного или несколько стрелков. Разработка щита (с полотнищем 850x1100 мм) членом Арткома ГАУ генерал-майором Розенбергом, например, была прямо связана с разработкой им малокалиберной траншейной пушки, но дело ограничилось опытной партией.

25 июля 1916 г. ТК ГВТУ утвердил технические условия для изготовления и приемки колесных щитов генерал-майора Свяцкого. Щит имел толщину 6 мм, ширину 505 и высоту 435 мм, два деревянных колеса, бойницу для винтовки, на марше мог использоваться как тележка (тачка) для личных вещей, в бою — для передвижения перебежками, переползанием, стрельбы лежа, прикрытия разведчиков, пулеметчиков, резчиков проволоки. Предполагалось иметь 200—400 щитов на полк. Однако с непрерывным ростом значения огня артиллерийских орудий и минометов по сравнению с огнем стрелкового оружия эти громоздкие сооружения становились скорее обузой, чем защитой. По оценкам специалистов, частота осколочных ранений бойцов возросла в 3—5 раз по отношению к предшествующим войнам (Англо-бурской, Русско-японской). И когда собственный вариант «щитовой завесы» предложил уже и сам генерал-лейтенант Филатов, ГУГШ в начале февраля 1917 г. вынуждено было специально отметить: «Обороняющийся широко пользуется, кроме артиллерии и пулеметов, еще огнем минометов и бомбометов, обладающих весьма значительной разрушительной силой. При таких условиях трудно рассчитывать, чтобы в современном бою, при штурме укрепленной полосы противника представился бы случай применения подобного рода щитовой завесы, в особенности если принять во внимание, что местность... изрытая тяжелыми снарядами и загроможденная... искусственными препятствиями, окажется, без сомнения, весьма мало проходимой для передвижения людьми щитовой завесы». И 9 февраля ТК ГВТУ решил: «1) тележек к щитам впредь не заказывать и 2) остановить, где это возможно, еще не исполненные заказы щитов на тележках». Это решение могло быть принято ранее, если бы специалисты ГУГШ вовремя обратили внимание на то, что большинство предложенных больших «катучих» щитов годились для передвижения разве что по ровной дороге — путем к решению были двигатель и вездеходный движитель, но это относилось уже к другой области техники.

27 октября 1916 г. военный агент в Париже сообщал «два конных катучих щита для пулеметов и два для прикрытия одиночных стрелков получены и будут отправлены». Это были щиты, принятые во французской армии, но в России большого интереса не вызвали. Предлагали французы и коробчатые двухколесные щиты на одного бойца, снабженные двумя амбразурами — такое броневое сооружение размером 1,03×0,72×0,65 м, в котором боец располагался скорчившись и двигался на коленях, толкая щит плечами и спиной, также нашло применение во французской армии. Но в России предпочитали менее громоздкие конструкции.

Всего с начала войны до 12 июня 1917 г. было заказано и поставлено:

Щиты	Заказано с начала войны	Поступило до 12.06.1917 г.
Крепостные	3900	39 000
Полевые	371 149	338 141
Наружейные	86 900	84 205
Колесные	26 500	1770
Для преодоления заграждений г.-м. Свидзинского	520	520
Салазки типа г.-л. Свяцкого	6000	6000
Лопаты-щиты доктора Кочкина и капитана Бобровского	500 и 500	—

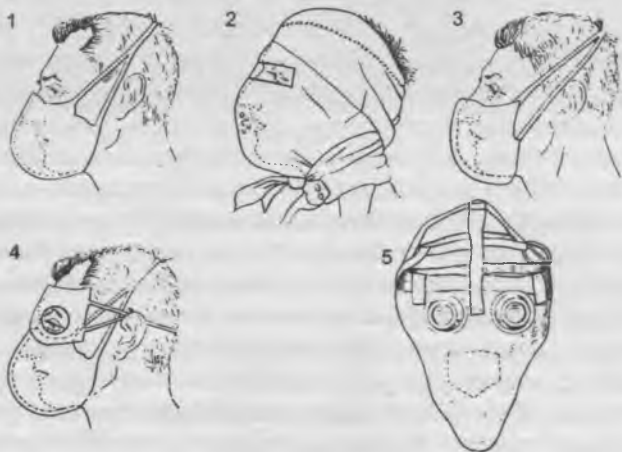
Разнообразие щитов, заказывавшихся в годы войны, во многом объяснялось неразработанностью вопроса к началу войны, необходимостью срочного распределения заказа по различным по своему уровню предприятиям. То же встречалось и в других армиях — участницах войны. Так, среди австрийских стрелковых щитов, захваченных русскими войсками, было не менее 5 типов прямоугольных щитов, 4 — округленных, 7 — с загнутыми краями. Стоит, правда, признать, что в «панцирях» времен Первой мировой были отработаны основные формы средств индивидуальной бронезащиты, в целом оценен необходимый их комплект.

Противогазы

31 мая 1915 г. на фронте 2-й русской армии германцами была проведена газобаллонная атака у д. Воля Шидловска, стоившая русским частям потери примерно 9000 человек.

Применение противником боевых отравляющих веществ удушающего действия требовало, прежде всего, разработки средств защиты от них органов дыхания. Этим занялись сразу несколько организаций. К тому же, как и в случае с «противопульными панцирями», на рынок с рекламой скороспелых «противогазов» бросились различные коммерсанты. Упорядочение разработки и снабжения войск средствами «противогазовой» защиты возложили на Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского.

Типы «мокрых» противогазовых масок, поставлявшихся в войска:
1 — маска Комиссии генерала Павлова, 2 — маска минского образца («макса-башлык»), 3 — маска Московского комитета Всероссийского земского союза, 4 — маска Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов, 5 — влажная маска Химического комитета ГАУ (инженера Н. Т. Прокофьева). Обращим внимание на попытки защиты не только органов дыхания, но и органов зрения

*Противогаз Зелинского—Куманта
с коробкой Петроградского образца*

Использовались возможности очистки вдыхаемого воздуха с помощью фильтрации и с помощью нейтрализации ОВ. Вначале использовались различные многослойные марлевые повязки, которые смачивались растворами, нейтрализующими отравляющие вещества. Так, для нейтрализации хлора использовались щелочные растворы. Попытки импровизированных заказов масок из войск, как и призыв принца Ольденбургского к женским организациям организовать выпуск респираторов, не дали приемлемого образца. Вскоре появились уже работоспособные маски. Но пропитка их первоначально раствором гипосульфита приводила к тяжелым последствиям, поскольку в результате химических реакций образовывался сернистый газ, которым боец мог отравиться. Уже летом 1915 г. рецепт был изменен, и в пропитку была добавлена сода, а для предохранения маски от быстрого высыхания — глицерин. Сухая смесь для приготовления

пропитки в запаянных жестяных коробках доставлялась в войска, содержимого одной коробки хватало для приготовления пропитки для 100 масок. К началу 1916 г., когда русская армия была снабжена в основном влажными масками, выяснилось, что немцы применяют фосген. Для защиты от него, по предложению Московского технического училища, начали применять уротропин.

В качестве образцов служили уже известные зарубежные образцы, в том числе французские «тампоны» Р₂ профессора Лебо (слои марли, пропитанные гипосульфитом и рициновокислым натрием и касторовым маслом) и М₂ (тампоны с рициновокислым натрием и касторовым маслом со смесью углекислого никеля, уротропина и сульфаниловокислого натрия).

Солдаты в противогазах Зелинского—Кумманта

В целом «мокрые повязки» имели низкие защитные и эксплуатационные свойства (смачивать повязку или вкладываемый в нее тампон нужно было уже при начале химической атаки), однако были просты в изготовлении, что и вызвало появление их многочисленных вариантов. Н. А. Фигуровский насчитал варианты: «повязка Красного Креста», повязки «первого петроградского образца», «второго петроградского образца», «третьего петроградского образца», образца «управления главноуполномоченного

Учебная стрельба нижних чинов 280-го пехотного Сурского полка в противогазовых масках. 1916 г.

Российского общества Красного Креста», «минского образца» («маска-башлык»), «мастерских Северного фронта», «Московского комитета Всероссийского земского союза», «комиссии генерала Павлова», «Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов», «Смоленского образца», «утвержденного принцем Ольденбургским образца» (4, 4А, 4Б), «маска Трындина», «варшавского образца», «киевского образца», «химического комитета ГАУ» (системы инженера Н. Т. Прокофьева).

Однако в качестве боевых ОВ уже в 1915 г. использовали десятки химических соединений, так что требовалась целая номенклатура нейтрализующих растворов, а для боевых условий это плохо подходит.

Бесперспективными для массового средства индивидуальной защиты были бы и изолирующие противогазы по типу тех, что уже использовались в горном деле. Изолирующий противогаз профессора А. П. Поспелова с регенеративным патроном в небольшом количестве поставлялся лишь для специальных технических частей (например, саперов-химиков).

Основным направлением поисков стала фильтрация с использованием веществ-адсорбентов. В так называемом «противогазе Горного института» (разработан

в 1915 г. А. А. Трусевичем) в качестве адсорбента использовалась смесь гашеной извести с едким натром. Несмотря на ряд недостатков, выявленных уже в процессе испытаний и до конца не устраненных, «противогаз Горного института» был заказан в количестве 3,5 млн шт. и уже в апреле — мае 1916 г. появился на фронте. Этой модели активно покровительствовал принц А. П. Ольденбургский (некоторые противогазы этого типа так и шли под наименованием «маски принца Ольденбургского»). Во время газовой атаки под Сморгонью 2 июля 1916 г. против позиций русского 16-го армейского корпуса выяснилась малая пригодность «противогаза Горного института». Войска понесли тяжелые потери. Правда, по свидетельству А. Н. Де Лазари, дело было не только в свойствах противогазов, но и в недоверии солдат к противогазам, «вследствие чего некоторые солдаты свои противогазы держали не при себе и в суматохе боя достать их не успели, а некоторые их растеряли». Однако это стало одним из поводов для введения более совершенной конструкции.

Тем более что параллельно с Горным институтом свои варианты «сухих», фильтрующих противогазов предлагали различные учреждения и изобретатели. Наибольшего успеха удалось достичь профессору Н. Д. Зелинскому, служившему в Центральной химической лаборатории министерства финансов (занимался вопросами очистки воды). Предложенный им фильтр на основе активированного древесного угля оказался наиболее универсальным и надежным средством адсорбции. К началу 1916 г. уже была разработана схема противогаза, сочетавшая противогазовую коробку с активированным углем (Зелинский) и резиновую маску с очками, созданную инженером-технологом завода «Треугольник» М. И. Куммантом. Однако противогазы Зелинского — Кумманта, несмотря на срочность вопроса, были поначалу заказаны в количестве только 200 тысяч, но уголь, заготовленный для них, был взят для добавления к шихте «противогазов Горного института».

Противогаз Зелинского — Кумманта нашел поддержку у военного министра А. А. Поливанова и начальника штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексее-

ва. Да и переход руководства противогазовым делом от ведомства принца Ольденбургского к Химическому комитету ГАУ позволили улучшить само дело. Но только с лета 1917 г. приказом Верховного Главнокомандующего средства защиты были отнесены к предметам артиллерийского снабжения и обеспечение ими войск передали органам артиллерийского снабжения, хотя работа к этому времени была сильно затруднена в силу начавшегося разложения армии и управленческого аппарата. 5 октября 1916 г. Особое совещание по обороне постановило изъять с фронта все противогазовые маски, кроме противогаза Зелинского — Кумманта. К концу 1916 г. части русской армии были снабжены этими противогазами. Бойцов начали обучать действиям в противогазах в бою. Это скоро дало результат. В 1916 г. потери войск при газовых атаках составляли около 20 %, но уже к зиме, когда сказался эффект обучения, потери снизились до 2—3 %. В 1917 г. с тем же противогазом потери оценивались не более чем в 1,5 %.

Коробки противогазов Зелинского — Кумманта имели цилиндрическую или прямоугольную форму и различные размеры. В верхней части коробки имелась горловина, на которую надевался патрубок шлема Кумманта. Впуск воздуха производился через забранное сеткой отверстие в дне коробки. Над отверстием помещалось несколько слоев марли, затем — угольная шихта, сверху также прикрытая марлевой прокладкой с ватой для защиты дыхательных путей от угольной пыли. Для облегчения дыхания рекомендовалось время от времени закрывать нижнее дно рукой и производить сильный выдох, чтобы выпустить отработанный воздух. В войска поступали три основные разновидности противогазов Зелинского — Кумманта: петроградского образца (выпускался первым, имел прямоугольную противогазовую коробку, неудобную при носке), московского образца (коробка овального сечения) и близкого ему «казенного образца» (Казенного противогазового завода, с меньшим, чем у московского, размером коробки). Всего за период Первой мировой войны в России было произведено 11 млн 185 тыс. 750 штук противогазов Зелинского — Кумманта.

Делались попытки улучшения противогаза Зелинского — Кумманта. Н. А. Фигуровский в «Очерке развития русского противогаза во время империалистической войны 1914—1918 гг.» отмечает работы Розенблата — ассистента Зелинского, сотрудника противогазовой лаборатории в Петрограде князя Авалова и инженера Богородицкого. Двухкамерная коробка Авалова 2-го образца с вдыхательным и выдыхательным клапанами улучшала условия дыхания в угольном противогазе и была принята к производству. Этим противогазом в 1917 г. были снабжены некоторые артиллерийские части и небольшое число офицеров различных частей.

Заслуги Зелинского в деле «противогазовой борьбы» были общепризнанны. «Ходатайство Главного артиллерийского управления о выдаче профессору Зелинскому денежного вознаграждения за указанное изобретение в размере 50 000 рублей поддерживается, — говорилось в документе уже от 1918 г. — имея в виду, что плоды этого изобретения имеют и еще долго будут иметь применение в Красной Армии». Появлялись на Русском фронте и зарубежные варианты противогазов. Так, на 23 августа 1916 г. в войсках Западного фронта от 10 до 25 % противогазов составляли английские шлемы (маски) типа «Р», хотя русские специалисты признали их не удовлетворяющими «тем требованиям, которым должен удовлетворять хороший противогаз».

Средства маскировки

В зимних условиях для маскировки использовались белые накидки, чехлы и маскхалаты. Пара примеров. В бою за высоту 673 в Карпатах 23 января 1915 г. 1-й взвод конно-пулеметной команды отряда Балтийского флота, приданного Кавказской туземной конной дивизии, смог

незаметно подобраться к противнику, используя самодельные «маскхалаты» из белой парусины. А при подготовке Эрзерумской операции в конце 1915 г. уже для войск Кавказской армии были заготовлены белые коленкоровые маскхалаты и маскчехлы на шапки.

По мере того как осознавалось растущее значение маскировки, в войсках изобретались различные собственные средства. В июле 1917 г., например, Инженерный комитет ГВТУ постановил сообщить в войска предложение рядового 2-й роты 3-го железнодорожного рабочего батальона Я. Лышкова «маскировочного щита» — на каркас из веток «в виде панциря» натягивалась рогожа, мочало или трава.

Стали широко применяться дымовые средства. В письме главнокомандующего Северо-Западного фронта генерала Куропаткина военному министру от 11 марта 1916 г. говорилось: «Предвидя в дальнейшем появление значительного количества проволочных препятствий на пути движения вверенных мне армий, прошу распоряжения Вашего Высокопревосходительства о массовом заказе как гранат Новицкого, так и дымовых зарес Санникова — ибо определенно выяснилось о полной пригодности этих вспомогательных средств при преодолении препятствий».

22 ноября 1915 г. помощник военного министра генерал Беляев сообщал, что «ежемесячно изготавливается по 100 тыс. шашек дымовой завесы».

Дымовые мины ввели и в боекомплект минометов, уже заявивших о себе как «пехотная артиллерия».

Осветительные средства

С постепенным переходом к «окопной» войне становилась все яснее потребность пехоты в осветительных и сигнальных средствах. Интерес к специальным осве-

тельными пистолетами в России проявляли и до Первой мировой войны. Еще в 1910 г. на вооружение был принят 27-мм сигнальный пистолет полковника Зыбина, созданный на ИТОЗ. Журнал Арткома ГАУ № 73 за 1910 г. писал о нем: «Завод счел наиболее простым и удобным изготовить эти пистолеты по типу одноствольных охотничьих ружей центрального боя». Да и сам калибр 25—27 мм представлял не что иное, как 4-й охотничий. Но к началу войны таких пистолетов было крайне мало.

Войска занялись «самозаготовками», закупая у частных лиц и артелей пистолеты, переделанные из охотничьих одно- и двухствольных ружей «опиливанием» стволов.

Хотя в конце августа управляющий Военным министерством генерал Поливанов и просил не прибегать без крайней необходимости к «порче дорогого оружия», работы развернулись с благословения ГАУ — налицо была именно «крайняя необходимость». Наметилось три пути: реквизиция охотничьих ружей, наличная их покупка и заказ специальных осветительных пистолетов.

Уже 30 апреля 1915 г. ГУГШ сообщало в ГАУ норму снабжения осветительными пистолетами — по 16 шт. на полк. Согласно справке ГАУ от 23 августа 1915 г., под общую эту потребность в 8080 шт. уже было закуплено 5 841 ружье, реквизировано 8 643 ружья, заказано ИТОЗ 10 000 пистолетов. По мнению начальника ГАУ, этого должно было хватить не только пехотным, но и кавалерийским полкам. Разработали и осветительный патрон 12-го калибра со светящей «звездкой».

Разумеется, осветительные пистолеты служили и в качестве сигнальных. «При наличных технических средствах, как показал опыт минувшей операции, — телеграфировал начальник штаба Западного фронта начальнику штаба Главковерха и начальнику Упарта в начале апреля 1916 г. по поводу мартовской операции у оз. Нарочь, — не всегда удавалось поддерживать непрерывную непосредственную связь между пехотой и артиллерией, особенно в ночное время. Вследствие перерывов телефонной связи были случаи обстрела пехоты своей артиллерией, или батареи из боязни обстрела своей пехоты преждевременно

прекращали огонь или не открывали его по тем пунктам, которые уже были оставлены нашей пехотой и заняты противником.... При изложенных условиях единственным средством для осведомления батарей о месте нахождения нашей пехоты и передачи батареям спешных и необходимых данных является сигнализация с помощью ракет, чем с большим успехом пользуются немцы. Многие пехотные начальники указывают на настойчивую необходимость скорейшего снабжения каждой роты несколькими пистолетами с цветными ракетами».

Ведомость осветительных средств на ноябрь 1915 г. включала:

Показатели	Заказано	Поступило до 15.11.1915 г.
Осветительные пистолеты и патроны – пистолеты, шт.	10 000	2224
– гильзы	200 000	200 000
– звездки	2 500 000	60 900
Охотничьи ружья и осветительные патроны к ним – ружья	16 260	16 260
– патроны	6 545 000	1 545 000
– звездки	850 000	850 000

До 24 ноября в войска, по данным ГУГШ, было отправлено «13 367 ружей и пистолетов и к ним 2 421 250 ракеток, звездок и патронов». С принятием более эффективных осветительных средств ружья утратили свое значение, хотя и продолжали применяться. К 16-лин. ружейной мортирке были разработаны: «светящая граната-ракетка» генерал-майора Гельфрейх (снаряжалась «звездкой», принятой к 76-мм светящим ракетам) и «светящая граната с парашютом» коллежского асессора Ф.А. Михайлова.

Но выдачу заказа задержали.

Недостаток осветительных и сигнальных средств в передовых частях пехоты был особенно ощутим на фоне их широкого применения противником. Не случайно

Юго-Западный фронт в начале 1916 г. специально заказал Киевскому политехническому институту «ручные осветительные патроны австрийского образца».

Хотя «ракетами» стали чаще называть снаряжение патронов к осветительным пистолетам, не были забыты и реальные осветительные ракеты. Их производством занимался главным образом Николаевский завод, а с 1915 г. — Шосткинский завод, выпускавший в среднем по 3500 ракет в месяц.

Интересен список, представленный в надписи VI отдела Арткома ГАУ от 1920 г. «По вопросу о снабжении армии осветительными и сигнальными средствами»: «Ручные осветительные средства, заказанные во время войны...:

1. Осветительные патроны 12-го калибра, выпускаемые из 2-ствольного (или одноствольного) охотничьего ружья с обрезанными стволами.

2. Осветительные патроны 4-го калибра, выпускаемые из пистолетов и приборов:

- а) изготовления Охтенского завода взрывчатых веществ системы Рдултовского,

- б) изготовление завода Лильпон,

- в) системы инженера Клочкова.

3. ручные осветительные ракеты в картонной гильзе с терочным приспособлением:

- а) изготовления фирмы «Тракса» системы Лихонина,

- б) изготовления Киевского военно-промышленного комитета,

- в) Московского военно-промышленного комитета,

- г) Харьковского военно-промышленного комитета,

- д) Троицкого снаряжательного завода,

- е) завода Ваулина,

- ж) Шосткинского порохового завода.

4. Английские патроны 1,5", выпускаемый из специальных пистолетов:

- а) со звездкой,

- б) парашютные.

5. Английские патроны со звездкой в с», выпускаемые из пистолетов.

Все эти средства снаряжаются одной звездкой (за исключением английских 1,5" патронов), освещающей местность в среднем на расстоянии около 150 шагов в течение от 5 до 10 сек.

Последние сравнительные испытания... были проведены в мае 1917 г. в присутствии членов VI отдела Артиллерийского комитета и представителей от общественных организаций фронта. На основании этих испытаний признаны совершенно непригодными:

1) патроны 12-го калибра (уже после войны их предлагали продавать охотникам «для подачи сигналов» в лесу или горах. — С.Ф.),

2) патроны 4-го калибра Охтенского завода.

Патроны фирмы Лильпон и системы Клочкова признаны хорошими (патроны Клочкова, хотя и были заказаны Клочкову, но им поставлены не были)... Ракеты Киевского ВПК признаны средними, изготовленные фирмами Тракса и Ваулина (с упором об ружье) — наилучшими.

Из всех же систем осветительных средств наиболее лучшими и желательными для снабжения фронта признаны были осветительные парашютные бомбочки к 16-лин. мортирке Карнаухова... Но они не были заказаны, к сожалению.

Английские осветительные пистолеты и патроны признали «весьма хорошими и по яркости освещения во много раз превосходящими заготовленные на русских заводах».

Приборы наблюдения

Основными приборами наблюдения в ходе войны были бинокли, перископы и оптические дальномеры (в пулеметных командах, артиллерийских батареях). Полевые бинокли в пехоте полагались офицерам и разведчикам, но наличное их количество оказалось слишком мало. За-

На передовых позициях в 110-м пехотном Камском полку в 100 шагах от германских окопов. Бойницы закрыты, солдаты укрываются в подбрустверных убежищах, наблюдение ведется с помощью простого перископа

Наблюдение за противником с помощью полевого бинокля. Передовым заграждением служат простые рогатки, оплетенные проволокой

купки внутри России (бинокли «Новосиклей», например, закупались в 1915 г. у Общества Е. Краус) и за рубежом не покрывали все потребности, зато большой популярностью пользовались трофейные германские бинокли. После войны само слово «Цейсс» ассоциировалось, прежде всего, с полевым биноклем.

Нормы снабжения перископами составляли по 5 шт. на роту, эскадрон, батарею. Нехватка компенсировалась иногда самоделками

В табельное имущество пулеметной роты (позднее — команды) еще в 1904 г. ввели пять призматических артиллерийских биноклей и призматический дальномер Сумье, но работа с ним была слишком мешкотной. Накануне мировой войны планировали оснастить пулеметные команды дальномерами «Цейсс». На Ружейном полигоне в декабре 1914 г. даже составили краткое описание «оптического дальномера Цейсса обр. 1912 г.», но ГУТШ признало «несвоевременным» даже его издание «до окончания войны», поскольку в войсках таких приборов не было. Однако ждать конца войны было нельзя и пришлось прибегнуть к заграничному заказу — правда, уже не у германских, а у английских фирм. 27 августа 1916 г. Подготовительный комитет Особого совещания по обороне утвердил заказ британской фирме «Барр

Наблюдательный пункт со стереодальномером. На кольях, вероятно, протянут телефонный провод

энд Страуд» в Глазго на 340 дальномеров, аналогичных тем, что использовали британские пулеметные части. Поставить производство этого дальномера хотели на Обуховском заводе, но стоимость патента оказалась слишком велика. Оптический отдел Обуховского завода получил право только производить чистку, ремонт и выверку дальномеров. Хотя дело было не только в стоимости патента. 31 октября того же года военный министр вынужден был признать в письме в Государственную думу, что «отечественная оптическая промышленность не достигла необходимого развития и недостаточна для удовлетворения всех требований военного ведомства».

Артиллерия и минометы

Первая мировая война стала грандиозным явлением «бога войны» на полях боев, роль артиллерии выросла многократно. Если в ходе Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. на огонь артиллерии приходилось не более 15%

76-мм (3-дм) горная пушка обр.1909 г. с передком

потерь живой силы сторон, то в 1914 г. — уже до 75 %, в 1918-м (несмотря на развитие боевой авиации и появление химических средств, совершенствование полевой фортификации) — до 68 %. Основную часть повседневной работы во всех боях и операциях выполняла полевая артиллерия, работавшая непосредственно с войсками. Артиллерия уже давно была самостоятельным родом войск наряду с пехотой и кавалерией, однако роль артиллерии в бою и колоссальная зависимость от нее пехоты требует рассмотреть ситуацию хотя бы с артиллерией, действовавшей с пехотными (стрелковыми) дивизиями и полками.

Между Русско-японской и Первой мировой войнами русская артиллерия пополнилась рядом новых орудий, включая легкую 3-дюймовую (76-мм) горную пушку обр.1909 г., полевую легкую 48-линейную (122-мм) гаубицу обр.1909 и 1910 гг., полевую тяжелую 6-дюймовую (152-мм) гаубицу обр.1910 г. Качество русских артиллерийских орудий было для своего времени отличным. Принятие в 1906 г. для пушки обр.1902 г. (а позднее и для

других) орудий полевой артиллерии орудийной оптической панорамы заметно увеличило их возможности, включая стрельбу с закрытых позиций.

По установленным нормам полевая артиллерия была практически обеспечена орудиями и почти полностью — боеприпасами. Но расчеты потребности полевой артиллерии, сделанные в мирное время, как и в отношении других типов вооружения, были опрокинуты уже в начале войны.

А. А. Маниковский проводил сравнение норм 1910 г. с требованиями, предъявленными Ставкой в 1916 г.

Тип орудий	Штатное количество		Годичная потребность в орудиях		
	По моб. расписанию 1910 г.	По требованию Ставки 1916 г.	Запас по моб. расписанию 1910 г.	По требованию Ставки 1916 г.	
				Новые	Ремонт расстрелянных
Легкие полевые 3-дм пушки	6336	11 200	889	6720	3780
Легкие полевые гаубицы (48-лин. и 45-лин.)	512	2160	74	1476	84
Полевая тяжелая артиллерия (6-дм гаубицы и 42-лин. пушки)	240	1080	24	648	144

То есть к середине войны потребность полевой артиллерии в числе орудий возросла вдвое (а по гаубицам — в 4—4,5 раза), а годовая потребность, связанная с восполнением убыли и новыми формированиями, — в 9 раз.

В отношении боеприпасов ошибка оказалась еще больше. Выстрелов легкой полевой артиллерии к началу войны, казалось, было даже с избытком:

Боеприпасы	Положено	Состояло в наличии к началу войны	Излишек
Выстрелы к 76-мм легким, конным и горным пушкам	6 216 300	6 422 605	+206 305

Просто комиссия 1910 г. постановила иметь на 76-мм полевую, 76-мм конную пушку, 122- и 152-мм гаубицы по 1000 выстрелов, на 76-мм горную и 107-мм пушки — по 1200 выстрелов. И норма эта была занижена не только по сравнению с потребностями, выявленными войной, но и по сравнению с другими странами: во Франции норма составляла 1300 — 1500 выстрелов, в Германии — 1500 выстрелов на орудие. Вопрос об увеличении норм запасов боеприпасов ставился, но был сочтен преждевременным до тех пор, пока удастся заготовить снаряды по установленной норме.

Уже в первых сражениях расход боеприпасов намного превзошел ожидания. Главный начальник снабжений Северо-Западного фронта генерал Данилов сообщал военному министру 10 августа 1914 г.: «Крайне упорные бои первой армии потребовали огромного расхода трехдюймовых патронов. Генерал Ренненкампф требует подачи ста восьми тысяч шрапнелей и семнадцати тысяч ста гранат, равно пятидесяти шести миллионов винтовочных патронов. Могу дать ему и даю последний запас: две тысячи гранат, девять тысяч шрапнелей и семь миллионов винтовочных патронов».

Ставка вынуждена была дать указания фронтам беречь боеприпасы. Эти указания воспринимались болезненно. А. А. Брусилов телеграфировал командующему Юго-Западным фронтом Н. И. Иванову 29 августа 1914 г.: «В настоящей обстановке я не счел себя вправе дать войскам указание беречь патроны, так как таковое неминуемо пагубно отразилось бы на духе войск. Противник атакует превосходящими силами, и недостаток войск у нас необходимо возмещать силою огня». На телеграмме Н. Н. Янушкевича от 16 сентября 1914 г. о невозможности прислать снаряды генерал Иванов сделал пометку: «Печальное сообщение. Не было бы и нужды с такой подготовкой втягиваться в войну». Если в сентябре 1914-го «снарядный голод» был лишь призраком, то в начале 1915-го он уже стал на фронте суровой реальностью. Летом того же года только ежемесячная потребность определялась в 3 миллиона снарядов, хотя ранее планировали

всю войну провоевать на запасах в 5,6 миллиона. Пришлось принимать срочные меры для увеличения производства боеприпасов в России и заказов за рубежом.

По данным Маниковского, выявленная войной потребность определялась:

Тип выстрела	Состояло к началу войны, в тыс.	Согласно требованиям Ставки в конце 1916 г., годовая потребность, в тыс.
К 3-дм пушке	6400	42 000
К легкой гаубице (48-лин. или 45-лин.)	450	6600
К полевым тяжелым орудиям (6-дм гаубице и 42-лин. пушке)	120	2260

Если за первые пять месяцев войны было израсходовано 2 300 000 снарядов, то в 1916 г. расход снарядов достиг 16 000 000 (это в 17 раз больше, чем за всю Русско-японскую войну, данные которой и брались при исчислении предвоенных норм).

Задачи артиллерии становились сложнее. Главной по-прежнему оставалась борьба с живой силой. Но теперь речь шла уже не столько об уничтожении и полном разрушении, сколько о подавлении живой силы и огневых средств на важнейшем направлении действий дивизии. Руководство «Свойства орудий и краткие указания для их применения» от августа 1916 г. давало 76-мм полевым пушкам еще и такие задачи, как обстрел окопов полевого типа, борьба с пулеметами и артиллерией в окопах, проделывание проходов в проволочных заграждениях. Все это определило не только увеличение расхода боеприпасов, но и изменения в боекомплекте.

К началу войны основным снарядом полевой артиллерии считалась шрапнель с дистанционной трубкой. Между тем еще Русско-японская война заставила срочно вводить в боекомплект полевой пушки фугасную гранату, теперь роль гранаты непрерывно росла. Уже осенью 1915 г. в боекомплекте полевой артиллерии доля фугасных гранат увеличивается с 15 до 50 процентов. Война

76-мм (3-дм) противотанковые пушки обр. 1910 г. (именуются также «танковыми») во время войны передавались из крепостей в «отдельные танковые батареи». Их назначением были: стрельба на небольшие дистанции по открытым целям в решительные моменты боя, сопровождение пехоты при атаке «для непосредственной поддержки и закрепления взятых участков неприятельской позиции»

породила и новый тип снарядов — «химические», снаряженные боевыми отравляющими веществами. В России с 1916 г. изготавливали, например, 76-мм снаряды удушающего (хлорпикрин) и ядовитого (фосген, венсинит) действия, с 1917-го изготавливали химические мины для минометов.

«Снарядный голод» русской полевой артиллерии был преодолен уже к началу 1916 г., но только в отношении имеющихся орудий, а не к потребности войск в поддержке артиллерии. И то преодолен в основном в легкой полевой артиллерии. Как писал генерал Головин, вопрос о снарядах к гаубицам «не обострялся, так как количество этого рода орудий было все время значительно меньше нужной для армии нормы». Увеличение поставок выстрелов вызвало другую крайность. Пехотные командиры, плохо представляя себе свойства артиллерии, требовали от нее «ураганного», «барабанного» и тому подобного огня, а артиллеристы, дабы «успокоить» пехоту, разви-

вали такой темп стрельбы, что порой почти бесполезно выводили из строя орудия.

Начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего генерал М. В. Алексеев отметил 16 апреля 1916 г.: «Отечественное производство не может нам дать не только орудий, но даже снарядов в достаточном количестве для выполнения одной хотя бы операции, длительностью не менее 20 дней».

Производство 76-мм полевых скорострельных пушек и 76-мм горных пушек на русских заводах за годы войны:

	1915		1916		1917	
	I пол.	II пол.	I пол.	II пол.	I пол.	II пол.
76-мм скорострельные пушки						
Путиловский завод	-	552	868	864	481	170
Пермский завод	230	392	418	577	562	443
Петроградский орудийный завод	49	145	164	212	181	136
Царицынская группа заводов	-	-	49	751	760	473
Всего	279	1089	1317	2404	1984	1222
В среднем в месяц	46	181	220	400	330	203
76-мм горные и короткие пушки						
Путиловский завод	94	134	141	229	127	103
Петроградский орудийный завод	37	40	59	56	39	30
Всего	131	174	200	285	166	133
В среднем в месяц	22	14	33	48	28	22

Можно сравнить это с установленными в разное время требованиями на ежемесячную подачу 76-мм пушек:

	Всего 76-мм пушек	Полевых	Горных
Май 1915 г.	293	268	25
Август 1915 г.	540	450	90
Сентябрь 1916 г.	505	450	55
Январь 1917 г.	560	490	70

Подача выстрелов к полевым легким пушкам, по данным Маниковского, была:

Выстрелов калибра 76 мм	Состояло к началу войны	1914	1915	1916	1917	Итого
От русских заводов	6 433 000	516 000	10 062 000	19 420 000	11 739 000	48 170 000
Из-за границы	0	0	1 188 000	8 104 000	2 668 000	11 960 000

Видно, что производительность отечественных заводов даже в период максимального выпуска (вторая половина 1916 г.) отставала от требований армии даже по легкой полевой и горной артиллерии. И дело было не в слабой мобилизации заводов. Напротив, по степени мобилизации промышленности Россия даже опережала другие страны — к 1 мая 1917 г. к обслуживанию нужд действующей армии было привлечено почти 90 % всех русских заводов (4065 более-менее крупных предприятий) и до 96 % всего заводского персонала (до 648 000 рабочих и около 52 000 инженеров и заводских служащих). Просто сами возможности русской промышленности оказались слишком ограничены. И тут пришлось прибегать к зарубежным заказам. В 1916 г. в числе полевых и горных орудий Русской армии числились: французская 90-мм пушка, японская 75-мм полевая и горная пушки «Арисака» тип 31, 12-см гаубица Круппа (также доставлены из Японии), ан-

76-мм (3-дм) «короткая» пушка обр. 1913 г. поставлялась в «траншейные батареи». Она стала прообразом 76-мм полковой пушки обр. 1927 г.

глийская 114-мм (45-лин.) полевая гаубица, плюс к этому трофейные австрийские 76,5-мм пушка М.05 и 10-см гаубица М.99, германская 7,7-см пушка п. А.96. Правда, полевыми пушками русскую армию снабжали в основном русские заводы — сравним 8529 пушек обр.1902г. и 650 французских и японских пушек, прибывших за это же время. А вот 122-мм гаубиц обеих моделей изготовили в России 1289 шт., так что 400 английских 114-мм гаубиц сыграли немалую роль.

К концу войны полевая легкая артиллерия русской армии располагала 6 524 легкими полевыми пушками, 1054 легкими полевыми гаубицами, 600 горными пушками. Чтобы понять, много это или мало, можно сравнить насыщенность войск орудиями по разным армиям к 1 апреля 1917г. с точки зрения поддержки пехоты:

Орудий на 1000 штыков	Россия	Франция	Великобритания	Германия	Австро-Венгрия
Легкие	3,0	4,5	3,8	3,5	4,2
Тяжелые	1,1	3,5	2,7	3,9	1,9

То есть по насыщенности орудиями легкой полевой артиллерии Россия хоть и отстала от главных союзников и противников, но ненамного, но зато серьезно отставала по насыщенности тяжелыми орудиями.

Ежемесячная потребность в 76-мм патронах на весь 1917г. считалась в 2 400 000 шт. — к тому времени уже удалось накопить достаточный их запас. К 15 сентября 1917г. в войсках и запасах на одно 76-мм легкое орудие приходилось 2520 выстрелов (патронов), на 76-мм горную пушку — 6060, на одну 122-мм гаубицу — 2680 выстрелов.

С установкой позиционных форм боев потребности войск в поддержке артиллерии возросли многократно, не хватало уже и имевшихся типов орудий. С одной стороны, артиллерию дивизий и корпусов пришлось дополнять артиллерийскими группами армий, создавать артиллерию РГК, в том числе из орудий большой мощности (в России они составили «тяжелую артиллерию особо-

го назначения», ТАОН). С другой стороны, артиллерия «спускалась» вниз по звеньям войсковой организации. Своя артиллерия потребовалась бригадам, полкам и даже батальонам.

Позиционная война, когда позиции противников устанавливались надолго и часто в нескольких сотнях метров друг от друга, затрудняла дивизионной артиллерии постоянную поддержку своей пехоты огнем. И в обороне, и в атаке пехоте требовались орудия, которые могли бы постоянно сопровождать ее колесами, размещаться в траншеях на замаскированных позициях. При этом дальность огня не превышала бы 300—500 метров. В 1915 г., когда установился позиционный характер войны, армия настойчиво начала требовать придания пехоте специальных орудий для уничтожения пулеметов и легкой артиллерии. Еще в 1910 г. в ходе реорганизации русской армии поднимался вопрос о легкой артиллерии «сопровождения», но тогда это сочли излишним, предполагая, что задачи «сопровождения» смогут решить 76-мм конные пушки. Примеры такого использования были, но русская 76-мм полевая пушка при превосходных баллистических качествах была одной из наиболее тяжелых среди дивизионных пушек того времени и даже в конном варианте слишком громоздка для окопов и тяжела для перекатывания по полю боя силами расчета. Весной 1915 г. начальник штаба Северного фронта в телеграмме начальнику штаба Верховного Главнокомандующего писал: «47-мм пушки признаются самым действительным средством для подбивания неприятельских пулеметов». Еще через год главнокомандующий армиями Западного фронта просил дать фронту больше не только 47-мм пушек Гочкиса, но и 76-мм горных пушек для тех же целей. Но горные пушки, как видно из приведенных данных, были слишком немногочисленны. А морская 47-мм пушка Гочкиса также была тяжела для перекатывания вручную, не больший успех дали старые 57-мм береговая и капонирная пушки Норденфельда. Новые, более легкие орудия были нужны и для быстрого закрепления занятых позиций неприятеля.

37-мм траншейная пушка обр.1915г. (системы Розенберга) легко разбиралась на три части, переносилась по траншеям или перекатывалась по полю расчетом, для установки требовалась небольшая площадка

Это породило разработку нового типа орудий, составивших артиллерию ближнего боя или «траншейную». Наиболее популярным калибром «траншейных» пушек у воюющих сторон стал пришедший из морской артиллерии калибр 37 мм.

В России легкую 37-мм траншейную пушку разработал член Арткома генерал М. Ф. Розенберг. Его пушка обр.1915г. имела короткий ствол, поршневой затвор, простой в изготовлении лафет из деревянных деталей, резиновый буфер отдачи и броневой щит, достаточный для защиты от германских пуль. Боекомплект включал гранаты и картечь. Орудие легко разбиралось на три части, переносилось по траншеям или перекатывалось по полю расчетом, для установки требовала площадку чуть больше, чем станковый пулемет. Однако к началу 1917г. поставлено было только 137 пушек Розенберга, так что не меньшую роль в траншейной артиллерии сыграли поставленные из США 218 штук 37-мм автоматических пушек МакКлена.

В качестве орудий непосредственной поддержки пехоты весьма пригодилась 76-мм скорострельная противотанковая пушка системы «Шнейдер», принятая в том же 1910 г. для вооружения крепостей — теперь ею вооружали «отдельные танковые батареи».

Стали налаживать производство «короткой пушки» обр.1913 г. Путиловского завода с боекомплектом и баллистикой горной пушки, возможностью ведения огня шрапнелью или гранатой, в том числе с закрытых позиций. На новом этапе начала возрождаться полковая артиллерия, упраздненная в Русской армии более чем за сто лет до того. В 1923 г. в штат стрелкового полка РККА ввели полковую артиллерию, и ее временно вооружали 37-мм пушками обр.1915 г. и МакКлена и даже полевыми пушками обр.1902 г. А в 1927 г. на вооружение приняли 76-мм полковую пушку, ставшую прямым развитием пушки обр.1913 г.

К открытию Петроградской межсоюзнической конференции в начале 1917 г. Ставка Главковерха установила следующую норму снабжения армии траншейными 37-мм пушками обр.1915 г. или пушками МакКлена — по одной 4-орудийной батарее на каждый пехотный полк. Расчеты показывали потребность в 2 748 траншейных пушках. Между тем к январю 1917 г. в армии, по данным Е.З. Барсукова, имелось всего около 450 траншейных орудий нескольких систем, включая: 76-мм пушки обр.1910 г. — 144, 47-мм пушки Гочкиса — 93, 37-мм пушки обр.1915 г. и МакКлена — около 200.

Тогда же, в январе 1917 г., помощник начальника штаба Главковерха сообщал военному министру генералу Беляеву мнения, высказанные на совещании командующих фронтами в декабре 1916 г., о необходимости скорейшего снабжения армии средствами ближней борьбы — траншейными легкими пушками малого калибра и в особенности минометами, которые являются отличным средством для разрушения искусственных препятствий и окопов и сильного морального воздействия на противника.

Предыстория этого вопроса была тесно связана с опытом русской армии. Во время обороны Порт-Артура в 1904–1905 гг. русские офицеры мичман С. Н. Власьев

и капитан Л. Н. Гобято создали первый миномет. Этот опыт как-то оценили только в России и Германии. Правда, в России предпочли новую 6-дм нарезную мортиру, в Германии разработанные накануне войны минометы придали саперам.

Первая мировая война породила стремительную «гаубизацию» артиллерии — позиционные формы борьбы требовали орудий с навесной траекторией стрельбы и более могущественным действием снарядов. И в «траншейную» артиллерию кроме легких пушек вошли соответствующие орудия с крутой, мортирной траекторией — бомбометы и минометы. В большинстве своем эти орудия были дульнозарядными с калиберной миной или по схеме Гобято-Власьева — с надкалиберной миной, вставлявшейся в ствол своим хвостом-стержнем. Создавались эти новые орудия спешно и с изрядной долей импровизации, что породило большое разнообразие схем и образцов у всех воюющих сторон. В русской армии поначалу не было даже строгой системы в названиях «бомбомет» и «миномет». С конца 1915 г. «бомбометами» стали называть орудия, ведущие огонь снарядами осколочного действия, «минометами» — фугасного (для разрушения укрытий, что и обусловило большую популярность минометов). Уже после войны эти типы орудий объединились в одном названии «миномет».

Уже на 23 января 1915 г. единовременная потребность в минометах (бомбометах) оценивалась в 4550 штук, ежемесячная потребность в минах — 80 000 штук. К этому времени успели заказать Петроградскому оружейному заводу и ЦВПК 3960 58-мм минометов Дюмезиля, Ижорскому заводу — 28 58-мм минометов Лихонина (под такую же мину) и 212 47-мм и 500 20-мм минометов Лихонина.

Только в августе 1915 г. в ГАУ поступило первое определенное требование Ставки — сразу на 10 000 бомбометов. И 17 августа 1915 г. I отдел Арткома ГАУ сообщал: «В настоящее время орудия этого рода заказаны следующих типов:

58-мм минометов системы Ф. Р. — 1500

91-мм бомбометов системы Г. Р. — 2300

Стрельба из 47-мм миномета Е.А. Лихонина оперенной надкалиберной миной

6-дм мортир по типу Эрхарда, измененных Путиловским заводом, — 60

6-фнт мортир Кегорна — 50

47-мм минометов системы капитана Лихонина — 240

Бомбометов Азена с гранатой Эксцельсиор — 1000.

Имеются сведения, что штабом I Армии заказан и уже состоит на вооружении легкий миномет системы Гостинского, а штабом III Армии — бомбомет системы поручика Василевского.

...Следовало бы заготовить по 500 выстрелов на каждое орудие, увеличив это число по мере выяснения действительной потребности».

Тут можно отметить спешность заказа нового типа оружия, широкую импровизацию в заказах — в том числе командованием армий. Обращались даже к давно устаревшим системам — пример тому 6-фунтовые мортиры Кегорна системы конца XVII века, с деревянной установкой и сферической гранатой с дистанционной трубкой.

Отдел Арткома ранее уже высказал мнение, «что впредь следует заказывать лишь 58-мм минометы системы Ф. Р. и 91-мм системы Г. Р.». То есть предпочтение отдали уже более-менее отработанным зарубежным системам — французскому миномету Дюмезиля (Ф. Р. — «франко-русский») и германскому бомбомету (Г. Р. — «германо-русский»). Французская система была доработана капитаном Лихониным. Миномет «Дюмезиля русского типа» отличался от французского прототипа, в частности, станком конструкции Соколова, имел прицел типа квадрант, для переноски мог разбираться на две части. Снаряд к бомбомету «Г. Р.» русского производства разработал член Арткома ГАУ Дзержкович, в 1916 г. бомбомет был усовершенствован конструктором Седых.

В октябре 1915 г. ГАУ передало Всероссийским земскому и городскому союзам заказ на 2875 9-см бомбометов и 2 млн снарядов к ним.

11 октября 1915 г. Штаб Верховного Главнокомандующего просил Военное министерство «принять усиленные меры к снабжению армии минометами и бомбометами», указав желательную норму снабжения пехоты

*58-мм миномет «Ф.Р.»
на деревянном станке
с колесами Невского
завода, с оперенной
надкалиберной железной
миной*

«4 таких орудия на батальон». Между тем, согласно докладу военного министра от 17 октября 1915 г., к тому времени на фронты было отправлено всего «208 бомбометов и к ним снарядов — 24 800», включая 40 мортир Кегорна и 168 9-см бомбометов. Неудивительно, что, как в случае с ручными и ружейными гранатами, в войсках появлялось немало самодельных минометов и бомбометов — в основном из пушечных гильз — с самодельными же снарядами. К 1916 г. количество таких бомбометов и минометов достигло 10 тысяч. И упомянутый в разделе о гранатах приказ Ставки от марта 1916 г. о запрете в зоне боевых действий самостоятельных опытов и работ по вооружению касался и таких «самоделок», часто более опасных для своих войск, нежели для противника.

К концу 1915 г. Ставка требовала дать армии 4550 минометов, но военный министр Поливанов своей властью увеличил это число до 9500, основываясь не столько на требованиях из войск, сколько на «корреспондентских обследованиях» Действующей армии «общественными деятелями». Их энергия в этом вопросе была понятна — миномет казался орудием, достаточно простым для про-

изводства частной промышленностью, которую, по сути, «общественные деятели» и представляли.

Однако к концу декабря 1915 г. Московский ВПК должен был сдать 225 бомбометов из заказанных ему 500, но не сдал ни одного, и потом срок сдачи заказа пришлось несколько раз продлевать. По заказам, распределенным через тот же ВПК, к 1 декабря 1915 г. подлежало сдаче 440 518 снарядов к бомбометам, но реально сдано только 6500. Из 50 000 мин к минометам Дюмезиля, подлежащих сдаче с 1 января 1916 г., на указанный срок не сдано ни одной. К 1 января 1916 г. военно-промышленные комитеты должны были поставить 2 250 750 снарядов к бомбометам, поставлено всего 91 136, мин к минометам подлежало сдаче 152 221, сдано только 119. Тут стоит учесть, что частные предприятия поставляли корпуса, снаряжение должны были вести казенные заведения, но и они испытывали проблемы со своевременной поставкой взрывчатых веществ и производством взрывателей.

Бомбометы и минометы начали поступать в войска во второй половине 1915 г. Последовательность поставки, по документам Особого совещания, выглядела так:

Наименование	1915 г.						Всего с начала войны
	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	
76-мм пушки	132	150	219	232	271	200	1920
Бомбометы	-	75	275	250	723	681	2004
Минометы	-	-	-	-	293	991	1284
Снарядов к бомбометам	-	29 000	90 779	290 251	98 132	485 153	993 285
Снарядов к минометам	-	-	-	-	4 376	22 572	26 948

Здесь также следует учесть расхождения между количеством «заготовленного» вооружения и поставленного в войска. Так, за ноябрь 1915 г., по данным ГАУ, было получено 723 бомбомета от отечественных заводов и 250 из-за границы, минометов — соответственно 173 и 176.

19 января 1916 г. генерал Гермониус сообщал из Лондона, что британское правительство выдало фирме «Виккерс» заказ на «бомбометы простой и остроумной конструкции», описав миномет капитана Стокса и запросив, «следует ли вступать в переговоры». Но минометов Стокса русская армия не получила.

В мае 1916 г. Упарт определила нормы снабжения войск бомбометами и минометами — по 8 бомбометов или 4 миномета на полк, причем и в том и в другом случае половина орудий находилась при полку, а половина считалась принадлежностью фронта и придавалась полкам по мере надобности. В штатный расчет пехотных полков была включена «команда траншейных орудий», а в полковой обоз были включены соответствующие перевозочные средства. На середину 1916 г. считалось, что потребность до 1 июля 1917 г. составляет 7000 бомбометов и 3500 минометов, и эта потребность обеспечивается выданными заказами.

До ноября 1916 г. было сдано 8524 шт. 9-см бомбометов и 2 788 570 снарядов к ним, 1560 шт. 58-мм минометов. Интересно увидеть, что поначалу бомбометам отдавалось определенное предпочтение перед минометами.

ПОСТАВКИ ПРЕДМЕТОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО СНАБЖЕНИЯ ЦВПК

Показатель	Количество	Срок поставки	До сентября 1917 г.		В сентябре 1917 г.	
			подлежало поставке	сдано	подлежало поставке	сдано
16-лин. мортирок Карнаухова	2000	01.09.1917	2000	1400	-	450
58-мм миномет «Дюмезиль»	2000	01.06.1917	2000	1445	-	30
Мин к 58-мм миномету	855 000		829 526	528 186	25 474	69 460
Мин стальных 47-мм системы Лихонина	200 000	08.03.1917	-	-	-	-
Чугунные гранаты германского образца	182 330	01.09.1916	182 330	166 358	-	-

Показатель	Количество	Срок поставки	До сентября 1917 г.		В сентябре 1917 г.	
			подлежало поставке	сдано	подлежало поставке	сдано
Ручные гранаты обр.1914 г.	4 948 730	01.03.1917	4 948 730	4 773 207	-	13 077
Гранаты Новицкого	400 000	01.08.1917	400 000	71 600	-	12 940
Ружейные гранаты						
8-лин. Рдултовского	120 000	01.07.1917	120 000	35 370	-	-
16-лин. Карнаухова, Павловского и Сегаль	500 000	25.11.1917	400 000	400 000	50 000	50 000
3-лин. Зеленского	100 000	15.04.1917	100 000	20 927	-	11 758
3-лин. Зеленского	300 000	01.01.1918	220 498	220 498	11 677	11 677

По данным Е. З. Барсукова, русскими заводами было выпущено:

Орудие	1915	1916	1917	Итого
9-см бомбомет Г. Р.	1 548	10 750	221	12 519
Бомбометы Петроградского металлического завода	-	100	-	100
58-мм минометы Ф. Р.	1 284	1 333	804	3 241
89-мм минометы Ижорского завода	-	6	107	113
20-мм минометы Лихонина	-	73	-	73
47-мм минометы Лихонина	154	500	113	767
155-мм окопные мортиры Эрахардта	-	60	-	60
155-мм окопные мортиры Петроградского металлического завода	-	-	100	100
Бомб к бомбаметам разных систем	373 285	6 834 931	744 862	7 953 078
Мин к минометам разных систем	26 948	719 181	822 360	1 568 489

В то же время из-за границы было поставлено:

Орудие	Заказа- но	Получено			
		1915	1916	1917	Итого
Великобритания					
9,45-дм тяжелые минометы короткоствольные	50	-	-	30	30
89-мм тяжелые минометы русской системы Ижорского завода	-	-	-	33	33
Франция					
Бомбометы Аазена	-	456	472	-	928
58-мм легкие минометы № 1	160	-	-	60	60
58-мм легкие минометы № 2	460	-	-	50	50
240-мм минометы длинноствольные	120	-	-	12	12
США					
37-мм пушка МакКлена	-	-	18	200	218
Всего					
Бомбометов разных		-	-	-	928
Бомбы к бомбометам		620 000	381 365	-	1 001 365
Минометов разных		-	-	-	188
Мин к минометам		-	127 940	120 425	248 005

В упомянутом письме помощника начальника штаба Главковерха военному министру Беляеву от января 1917 г. среди прочего говорилось: «Наша пехота настойчиво требует минометы, считая их как бы своей артиллерией. При усилении снабжения минометами возможно сократить производство бомбометов, которые как орудие борьбы в значительной степени уступают минометам».

Всего до 1 июля 1917 г. в армию было подано 13 395 бомбометов (из них около 12 500 модели «Г. Р.») и 4095 минометов, а состояло к 1 июля на вооружении армии 6920 бомбометов и 1514 минометов. Убыль в примерно 6500 бомбометов и 2500 минометов нормальна для оружия переднего края.

Согласно докладу начальника Упарт от 18 января 1917 г., бомбометами армия была обеспечена полностью (по 8 на пехотный полк), легких же минометов было около 50 % от положенного (это были в основном 58-мм Дюмезиля и 47-мм Лихонина, а также 20-мм Лихонина и 240-мм французские), также формировались батареи тяжелых минометов при ТАОН. С конца мая 1917 г. начали формироваться минометные дивизионы по 4—5 батарей (по 16 легких 58-мм минометов в каждой), такие «легкоминометные» дивизионы могли придаваться пехотным соединениям на главном направлении действий.

Всего, по документам Особого совещания, с начала войны по 1 января 1917 г. русская армия получила:

Наименование	Всего поступило	В том числе			Отправлено на фронт
		От отечественных заводов		Из-за границы	
		по заказам ГАУ	по заказам ЦВПК		
76-мм легкие скорострель- ные пушки	1920	1584	-	336 Арисака	1800
Бомбометы (с августа 1915 г.)	2004	450	1008	456 из Франции	1540
Минометы (с ноября 1915 г.)	1284	879	406	-	-
Снаряды к бомбометам	993 285	232 000	121.285	620 000 из Франции	237 615
Снаряды к минометам	26 948	26 829	119	-	-
Ручные гранаты	4 687 945	3 426 945	-	1 231 000 из Англии 30 000 из Японии	4 588 590
Винтовки	1 547 976	867 805	-	118 181 из Франции 80 310 из Америки 481 680 из Японии	1 504 861

Наименование	Всего поступило	В том числе			Отправлено на фронт
		От отечественных заводов		Из-за границы	
		по заказам ГАУ	по заказам ЦВПК		
Пулеметы	6094	5027	-	1067 из Америки	6027
Патроны	1 550 742 292	1 400 280 000	-	45 454 292 из Франции 300 000 000 из Японии	1 340 464 850

Е. З. Барсуков приводит такие цифры работы русской промышленности по изготовлению предметов артиллерийского снабжения за 1914 — 1917 гг.

Наименование	Количество изготовленных
76-мм полевые пушки	8294
76-мм горные пушки	916
76-мм короткие штурмовые пушки	173
122-мм полевые легкие гаубицы	1389
Бомбометы	10 970
Минометы разных систем и калибров	2940
76-мм патроны для полевых пушек	38 098 200
76-мм патроны для горных пушек	2 987 470
114-мм и 122-мм гаубичные выстрелы	4 771 620
3-лин. винтовки	3 286 230
3-лин. станковые пулеметы	27 930
3-лин. патроны к винтовкам и пулеметам	4 386 488 000

Можно сравнить плотности сил и средств в операциях на Русском и на Западном театрах Первой мировой войны. Возьмем для примера наиболее удачную и тщательно подготовленную наступательную операцию Юго-Западного фронта летом 1916 г., известную как «Луцкий» или «Брусиловский» прорыв. Это важно для нашей темы, поскольку позволяет оценить условия, в которых действовала пехота и то, на какую поддержку она могла рассчитывать.

Подвоз боеприпасов войскам с помощью полевой узкоколейной железной дороги. 1916 г.

Вьючный обоз для подвоза войскам боеприпасов и воды на лошадях и осликах

	На одну дивизию приходилось фронта, км	Плотность на 1 км		Среднее количество орудий на дивизию
		орудий легких	орудий тяжелых	
Русский фронт. Луцкий прорыв, 22 мая 1916 г., русские, участки прорыва				
8-я армия	2,5	14	6	70
11-я армия	5	7,4	3,4	
7-я армия	4	11,5	около 2	
9-я армия	5	13	около 3	
Западный фронт				
Шампань, 25 сентября 1915 г., французы	1,25	31	25	80–90
Сомма, июль 1916 г., французы	около 1	30	43	около 90
Наступление Нивеля, 16 апреля 1917 г., французы	1,5	50	49	125–130
Камбрэ, 20 ноября 1917 г.	до 2	85 орудий и 32 танка		около 140
Наступление в Пикардии, 21 марта 1918 г., участок прорыва 18-й германской армии	2,8	46	40	150

Как вспоминал А. И. Деникин: «Несомненно, армия наша отстала; но в 1917 году она была несравненно лучше снабжена материально, богаче артиллерией и боевыми припасами, богаче, наконец, опытом своим и чужим, чем хотя бы в 1916 году. Техническая отсталость наша — свойство относительное, постоянное, одинаково присущее всем периодам мировой войны, до начала революции, значительно ослабевшее к 1917 году». В войне достаточно явно проявилась взаимосвязь между «духом» войск и «материей» вооружений и военной техники. «Прав был Гинденбург, говоря, что выиграет войну тот, чьи нервы крепче, — писал Брусилов. — У нас они оказались наиболее слабыми, потому что мы должны были отсутствие техники восполнять излишне проливаемой кровью».

Об огнеметах

«Химической» составляющей Первой мировой войны, непосредственно затрагивающей пехоту, стало также широкое применение зажигательных и дымовых средств. Выше уже упоминалось о зажигательной ручной гранате. Вкратце взглянем на огнеметы — все-таки они действовали в непосредственной связи с пехотой.

Систематические работы над огнеметами развернулись в России с весны 1915 г., и уже в сентябре 1915 г. прошли испытания первые 20 огнеметов профессора Горбова. В 1916 г. был принят на вооружение ранцевый огнемет конструктора Товарницкого, одна из наиболее удачных схем. В России производилось несколько систем огнеметов: огнемет системы Архангельского изготавливали Киевский арсенал и Киевский проволочный завод, огнеметы системы Товарницкого — киевский же завод «АУТО», системы Тиллигоскина — на заводе инженера Корсака. Это были огнеметы пневматического типа. С осени 1916 г. ранцевыми огнеметами Товарницкого стали оснащать огнеметные команды при пехотных полках (по 12 огнеметов в каждой). Одновременно сформировались три батареи, вооруженные траншейными огнеметами конструкции Товарницкого. Огнеметы поступали и на вооружение артиллерийских частей.

В 1916 г. русские инженеры Странден, Поварнин и Столица первыми в мире создали фугасный поршневой огнемет, из которого горючая смесь выбрасывалась давлением пороховых газов. В начале 1917 г. фугасный огнемет Страндена, Поварнина и Столицы прошел испытания и под названием СПС поступил в серийное производство.

В России до конца войны было изготовлено около 10 тысяч ранцевых огнеметов, 200 траншейных и 362 огнемета СПС.

Российские работы немногим уступали работам союзников, так что неудивительно, что зарубежные закупки здесь сыграли меньшую роль, чем, скажем, в вопросах пулеметов. Генерал Гермониус 6 января 1917 г. сообщал

Изучение захваченного у германцев ранцевого огнемета типа «Кляйф». Этот аппарат германцы переделывали также для распыления газов и кислоты

об отправке в Россию 13 огнеметов «Ливенс», которые отказались закупать бельгийцы, итальянцы и французы.

В Англии заказали и огнеметы «Винсент». Всего получили 86 огнеметов «Винсент» и 50 «Ливенс». Марку «Ливенс» имели также британские газометы — род простого химического миномета, бросающего мины массой 14 кг, снаряженные 7 кг ОВ.

К концу 1917 г. подготовкой огнеметчиков уже занимался запасной огнехимический батальон в Петрограде.

Шанцевый инструмент

Русскую армию нельзя упрекнуть в невнимании к носимому и возимому шанцевому инструменту. Самоокапывание русская пехота практиковала еще в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг., а в 1878 г. получила малую лопату, именовавшуюся одно время «линемановской» (по фамилии ее изобретателя, капитана датской службы Линемана). К началу Первой мировой войны в снаряжение пехотинца входила малая пехотная лопата, носимая на поясе в кожаном чехле. Также имелись малые топоры и кирки. Возимый инструмент включал большие лопаты, топоры, кирки, мотыги и т. п.

Так, на пулеметную команду пехотного полка на 1914 г. полагался носимый шанцевый инструмент — 28 малых лопат и 7 топоров и возимый (на двуколке) — 8 больших лопат, 4 топора, 4 кирки и 4 мотыги. Однако «закапываться» в землю войска предпочитали не учить. В полевой фортификации по-прежнему присутствовали «редуты», искали лишь способы более быстрого их возведения и лучшей защиты. Накануне войны рассматривался вопрос снабжения частей земленосными мешками для организации закрытий, по примеру германской армии. Так, для пулеметных команд предлагалось иметь по 3 мешка

на человека, по 12 на пулемет. В 1913 г. специально «определялась сила проникновения остроконечной пули» в закрытия из земляных мешков с различным наполнением (песок, чернозем, глина).

По мнению генерала Брусилова, имевшееся в пехотных соединениях «количество саперов, при современном оружии, развиваемом им огне и необходимости искусно закапываться в землю, было совершенно недостаточно. При этом нужно признать, что и пехота наша обучалась в мирное время самоокапыванию отвратительно, спустя рукава, и вообще саперное дело в армии было скверно поставлено».

Но уже в начале войны великий князь Андрей Владимирович писал в своем дневнике: «Лопата, к которой раньше относились весьма небрежно, считая ее за лишний груз, теперь ценится солдатами, и каждый бережет свою лопату, как винтовку».

С началом Первой мировой войны — особенно ее позиционного периода — требования войск на шанцевый инструмент резко выросли. Удовлетворить этот спрос отечественная промышленность также не могла. Шанцевый инструмент, как и колючую проволоку, приходилось закупать за границей. Широко использовали войска и трофейный инструмент — малые пехотные лопаты были не менее ценным трофеем, чем винтовка.

Опыт Русско-японской войны ясно требовал снабдить пехоту приспособлениями для преодоления проволочных препятствий, вопрос этот исследовался, но к началу Первой мировой ни в одной армии не был разрешен — сказывалась подготовка к маневренной войне, когда многочисленные искусственные препятствия ожидали встретить в основном при атаке крепостей. Считалось, в частности, что не будет особой надобности в ножницах для резки проволоки. Полагалось иметь их по 25 на роту и только на $\frac{1}{3}$ роты военного времени. Общая потребность составляла 300 тыс. штук. Фактически к началу войны имелось 73 тыс. штук. Вскоре после начала Первой мировой войны стало ясно, что артиллерия и немногочисленные саперные подразделения не могут обеспечить пехоту доста-

На поясе у этого пехотинца висит малая пехотная лопата в холщовом чехле, а за спиной — вещевой мешок «туркестанского» типа.

При рытье окопов пехоте не обойтись было без больших лопат

точным количеством проходов в проволочных препятствиях, намного вырос спрос на ножницы. Выделились два направления — ручные и наружейные ножницы. Вопрос этот был поднят еще перед войной, но тогда не был выбран даже тип ножниц.

Ружейные ножницы для резки проволоки использовались нескольких типов: штыкового (удовлетворительно резали «только тонкую проволоку»), пиковые полковника Гулькевича («с достаточным усилием разрезают и самую толстую проволоку»), японские («удобны в обращении, разрезают толстую проволоку»). Заводу «Айваз» еще в 1914г. были заказаны штыки — «приборы для резки проволоки» — Гулькевича. Достоинством ружейных ножниц было то, что, работая ими, пехотинец держал винтовку в руках, а не за спиной и мог быстрее реагировать на внезапное появление противника. Но в целом они уступали по удобству работы «обычным». Войска требовали ручных ножниц, позволявших резать проволоку толщиной до 10мм. В 1916г. удалось подать в армию около 1 733 000 ручных ножниц. Тем не менее на конец апреля 1917г. в армии числилось 300 466 наружейных ножниц.

Для преодоления проволочных заграждений приспособляли и штатные штыки, снабжая их крючьями для сдергивания проволоки с кольев.

Нашли применение и специальные шарнирные крючья для перебивания проволоки, крепившиеся на дульную часть ствола винтовки — при натяжении они подтягивали проволоку к дульному срезу, после чего ее можно было перебить выстрелом. Но такой способ был слишком «шумным» и требовал лишнего расхода патронов, так что популярности не получил.

К 1 января 1916 г. в действующей армии, по данным Особого совещания по обороне, имелось: 3 204 000 лопат, 413 000 топоров, 477 000 киркомотыг. Сравним потребность в шанцевом инструменте с подачей его в войска:

Предмет снабжения	Потребность на период с 1 января 1916 г. по 1 июля 1917 г.	Поступило в армию за 1916 г.
Лопаты	13 419 000	5 700 000
Топоры	5 151 000	2 200 000
Киркомотыги	3 490 000	1 700 000

То есть поступление не покрыло и половины реальной потребности.

С другой стороны, оказался совершенно недостаточным собственный запас колючей проволоки. Не считая запасов для крепостей, на каждый корпус подлежало хранению 5 тыс. пудов проволоки, а всего — 190 тыс. пудов. И положенный запас имелся в наличии. Но в июне 1915 г. Генеральный штаб докладывал военному министру: «Запасы колючей проволоки, сделанные в мирное время, оказались ничтожными и были израсходованы в первые же месяцы войны». В первые месяцы 1916 г., пока армия заканчивала оборудование укрепленных позиций, занятых с осени 1915 г., требовалось в месяц по 2 200 000 пудов колючей проволоки. $\frac{4}{5}$ этой потребности было выписано из-за границы. С середины 1916 г. потребность в проволоке уменьшилась, армия перестала высылать новые требования, что позволило высвободить часть транспорта для иных поставок.

Средства связи

К началу войны в войсках, в соответствии с табелем, находилось 1353 телеграфных, 10 279 телефонных аппаратов, 23 664 версты (25 083,8 км) телеграфно-телефонного кабеля. Кроме того, на складах — 495 телеграфных и 5854 телефонных аппарата, 11 084 версты кабеля. Опыт первых же месяцев войны потребовал от начальников всех соединений более четкой организации боя, взаимодействия всех участвующих в нем частей и родов войск и более жесткой централизации управления. В позиционный период войны эта тенденция только усилилась. Это, естественно, требовало качественно улучшить связь. Потребность в связном имуществе резко возросла. Для доукомплектования армейских и корпусных узлов связи использовали аппаратуру из оставленных войсками крепостей. Но пехотные дивизии и полки постоянно испытывали дефицит средств связи.

С начала войны по 1 января 1916 г. на отечественных заводах разместили заказы на 3897 телеграфных, 121 313 телефонных аппарата, 332 837 верст кабеля, 9465 двуклоков. Выполнение заказов вызвало ряд трудностей, хотя сборку аппаратуры связи поставили и в мастерских учебных заведений. Относительно увеличения производства телефонных аппаратов председатель ЦВПК А. И. Гучков писал военному министру 30 августа 1915 г.: «Существующие фабрики не в состоянии полностью удовлетворить потребности армии... С точки зрения правильного снабжения армии телефонным имуществом необходимо, во-первых, увеличить отечественное производство и, во-вторых, создать новое производство в более глубоком тылу» (большая часть русского производства телефонных аппаратов и кабеля была сосредоточена в Петрограде). Требуемое количество аппаратуры и кабеля заводы начали давать только в конце 1915 г., но к тому времени возросла и потребность. Производили закупки за рубежом — например, в Японии и США, — но и эти заказы не выполнялись в срок. Так, из заказанных в 1915 г. в США 26,5 тыс. телефонных аппаратов, 2 тыс. верст телеграфно-

Солдаты-телефонисты с имуществом телефонной команды

го и 134 тыс. верст телефонного кабеля к 1 января 1916 г. полностью поставлен был только телеграфный кабель, телефонов поступило только 6,5 тыс., а телефонного кабеля — 8 тыс. верст.

В действующей армии к 1 января 1916 г. имелось: 4000 телефонных аппаратов, запас телефонного и телеграфного кабеля на 27 000 верст, 240 «станций искрового телеграфа». Потребность в телеграфно-телефонном имуществе с 1 января 1916 по 1 июля 1917 г. оценивалась русскими специалистами в 298 000 телефонных и телеграфных аппаратов, 680 000 верст кабеля. Всего же за весь 1916 г. в армию было поставлено 105 000 телефонов, 3000 телеграфных аппаратов, 236 000 верст кабеля, 802 радиостанции. То есть потребность отнюдь не покрывалась. А на 1917 г. намечено было увеличение табельных норм телеграфно-телефонного имущества до 40—50 телефонов и 90—100 верст проводов на каждый пехотный полк. Это требовало поставки дополнительно 340 000 телефонов, 3000 телеграфных аппаратов и 450 000 верст кабеля. Эта потребность совершенно не была покрыта.

Неудивительно, что самым надежным и постоянно имевшимся под рукой средством связи оставались посыльные-бегуны, и вне поля боя, и непосредственно в бою. На поле боя под огнем противника они перемещались обычно перебежками на расстояние 150 — 200 м. Кроме того, на поле боя использовалась сигнализация флагами (дальность связи днем — 1,5 км), фонарем (ночью — до 3 км, при использовании биноклей дальность обоих видов связи увеличивалась примерно вдвое), ракетами на небольшом расстоянии — свистком.

Радиостанции, имевшиеся в армии к началу войны, относились к типу «искровых». В отличие от полевых телефонов, тогда уже достигших достаточной портативности (не считая, конечно, всегда тяжелых для связиста катушек с кабелем), полевые и кавалерийские радиостанции были «подвижны» достаточно условно — полевая искровая радиотелеграфная станция размещалась на нескольких двуколках. В низовой армейской связи использование радиосредств вообще не предусматривалось. Между тем война выявила необходимость иметь в низовых звеньях пехоты, артиллерии радиостанции для решения задач корректировки артиллерийского огня, взаимодействия частей и т.д.

Для покрытия потребности армии за год, с июля 1916 г. по июль 1917 г. необходимо было получить 2391 радиостанцию, в счет чего было заказано: полевых радиостанций — 230, легких — 181, автомобильных — 1, авиационных — 690 и 17 наблюдательных (12 конных и 5 автомобильных).

В России производство радиостанций могли вести два предприятия — «Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов» (РОБТиТ) и «Сименс-Гальске». Их производительности явно не хватало для покрытия даже текущей потребности, и основным источником стали заказы за границей. В частности, к октябрю 1916 г. 185 радиостанций было заказано во Франции. Тем не менее на конец апреля 1917 г. армия имела всего 246 радиостанций, в начале июня — 314. Если учесть, что

к началу 1917 г. русская армия имела на пяти фронтах 158 пехотных и 48 кавалерийских дивизий (а были еще корпусные, армейские управления), ясно, что таким количеством не удавалось обеспечить радиосвязью даже штабы соединений.

Однако в ряде случаев иными средствами обеспечить связь просто не удавалось. При подготовке Сарыкамышской операции в декабре 1914 г., например, по приказу командующего Кавказской армией генерала Юденича за войсками, действовавшими на основных направлениях, были организованы несколько радиолиний с оконечными станциями в штабе армии и штабах дивизий (отрядов) — на высотах, перевалах, в долинах и ущельях находились промежуточные ретрансляционные радиостанции. Для обеспечения управления соединениями, действовавшими от Батума до Товиза, работало около 30 полевых радиостанций.

Автомобили, мотоциклы, самокаты

Хорошо известно, какую роль сыграли автомобили в быстрой переброске войск на фронт или вдоль фронта во французской и германской армиях. В русской армии можно говорить лишь об отдельных примерах такой переброски, имевших местное тактическое значение. О «моторизации» русские пехотные соединения могли лишь мечтать, поскольку автомобильный парк России был крайне беден и не обеспечивал «моторизации» тылов, для которой, прежде всего, использовался. Как известно, состоял он из автомобилей иностранного производства (автомобили отечественного производства были крайне немногочисленны) самых различных марок.

К началу войны автомобильные части были представлены пятью ротами железнодорожных батальонов, имелось по одной автороте в Петербурге и в Киеве.

Армия вступила в войну, имея 711 казенных автомобилей, к которым прибавили всего 475 грузовых и 3562 легковых реквизированных частных. В начале войны, кстати, автомобили предпочитали именовать «самоходами», стремясь избавиться от иностранных слов, но куда было деться, если сами «самоходы» были иностранными.

С начала войны до 1 января 1917 г. за рубежом было закуплено грузовых автомобилей (округленно): 1,5-тонных — 1930, 2-тонных — 750, 3-тонных — 330, 3,5, 4- и 5-тонных — 200. Здесь учтены также шасси, закупленные для специальных машин. До 1 октября 1917 г. армия получила 21 009 автомобилей и 213 было на складах. На огромную армию и фронт небывалой протяженности этого, конечно, было маловато.

Наличие автоимущества и потребность в нем русской армии, исчисленная Ставкой, к 1 сентября 1917 г.:

Типа машин	Положено по табелям	Состояло налицо	Для пополнения некомплекта	Потребность		
				Для новых автомобильных формирований	Для замены, убыли в 1918 г.	Всего требовалось
Легковые	3600	2700	900	200	400	1500
Грузовые						
— от 1,5 до 2 т	4000	2700	1300	800	500	2600
— от 3 до 5 т	3500	2300	1200	370	400	1970
Санитарных	1500	1400	100	1850	300	2250
Мотоциклы	10 000	6000	4000	100	1000	5100
Самокаты	10 000	6000	4000	-	1000	5000

Как видно, потребность армии в автотранспорте далеко не удовлетворялась даже к исходу войны с реализацией заграничных поставок.

Солдаты-самокатчики со складными велосипедами системы капитана Жерара производства фирмы «Пежо». Вооружены самокатчики винтовками со штыком

Автомобили и повозки пытаются разъехать на поврежденной противником дороге между Люблином и Красником

Для сравнения количество автомобилей у противников и союзников:

Страна	1914		1916	
	в стране	в армии	в стране	в армии
Германия	64 000	4000	75 000	60 000
Франция	100 000	6000	900 000	95 000
Великобритания	178 000	900	420 000	80 000

Правда, некий прототип «моторизованной пехоты» все же появился в виде небольших отрядов самокатчиков и мотоциклистов. Так, 8 марта 1916 г. в Офицерской стрелковой школе провели смотр перед отправкой на фронт 13, 14, 15 и 16-й рот Самокатного запасного батальона — с самокатами и пулеметами на мотоциклах.

Вопрос о «военных самокатах» (велосипедах) был поставлен ГВТУ еще до войны, но до 1915 г. так и не был разрешен положительно. В результате кроме отечественных велосипедов «Дукс» и «Россия» («Лейтнер») пришлось закупать французские велосипеды системы «Жерар» (заказано у «Пежо» около 12 000 шт.). Отечественный завод «Дукс» с апреля 1916 по март 1917 г. построил всего 682 складных велосипеда «Дукс боевой» (контракт, выданный ГВТУ акционерному обществу «Дукс», предус-

матривал 2000 машин) и поставил около 1000 велосипедов других моделей. У русского завода Лейтнера к январю 1917 г. было закуплено 1775 велосипедов, а с февраля по ноябрь 1917 г. завод изготовил около 3600 велосипедов той же модели «Дукс боевой».

Мотоциклы («мотоциклеты») в русской армии были покупные и самых различных марок. С начала войны до 1 января 1916 г. Россия успела заказать за рубежом для возки пулеметов и патронов всего 125 мотоциклов марки «Скотт-Виккерс», два «Виккерс» и по одному «Рекс», «Санбим» и «Ковентри-премьер». А годовая потребность, заявленная 1 августа 1916 г., включала: трехколесных мотоциклов под пулеметы — 102, для патронов — 1042. С начала войны по 1 января 1917 г. закупили около 4250 мото-

Переброска войск на автомобилях (здесь — грузовики «Уайт») в русской армии была не столь частым явлением, как, скажем, в армиях Франции, Германии или Австро-Венгрии. Фото 1915 г.

циклов марок В. С. А., «Клейно», «Энфид», «Триумф», «Индиана», «Джемс», «Премьер», «Говер», «Рудж Мульт», «Сэнбим», «Гумбер» и других, для возки пулеметов и патронов — 130 в основном марки «Скотт-Виккерс». На 1917 год заказали 1250 «мотоциклеток, из которых 400 с прицепами».

Часть 2

Комплектование, боевая подготовка, тактика пехоты. «Дух войск».

О комплектовании

Как бы браво ни выглядела армия мирного времени, она — лишь показатель военной готовности страны. «Живая сила армии» покоится в подготовленном резерве. Между тем этот резерв был практически исчерпан первой же мобилизацией. И связано это было с особенностями комплектования русской армии. Далеко не все военнообязанные проходили военную службу. Призванные по жребию по достижении 21-летнего возраста проходили действительную службу (для пехоты) в течение 3 лет, после чего зачислялись в запас, а в возрасте 39 лет — в ополчение I разряда до достижения 43 лет. Прочие зачислялись сразу в ратники ополчения I разряда, военной службы не проходили, но в случае войны подлежали призыву наряду с указанной категорией. Наконец, ратниками ополчений II разряда числились годные к нестроевой службе.

Как вспоминал генерал-лейтенант Я. А. Слащев: «В мирное время через войска проходило только 48 % ежегодного призыва, остальные зачислялись в ратники ополчения и не получали фактически никакого обучения». Вневойсковой подготовки личного состава в России, где и «образованный слой» был весьма тонок, практически не существовало.

При первой мобилизации полки комплектовались в основном хорошо подготовленным и обученным личным составом, призванным из запаса. Основная часть мобилизованных (более 2200 тыс. человек) пошла на укомплектование первоочередных частей до штатов военного времени. При этом в первую мобилизацию под ружье был поставлен почти весь подготовленный воинский контингент, и дальнейшее пополнение армии проходило за счет ратников ополчения, совсем не проходивших ранее действительной службы, и новобранцев. Второочередные части получали запасных более старших возрастов, то есть запасных, которые успели забыть военное дело и совсем отвыкли от дисциплины. В результате боевая ценность второочередных дивизий не могла быть равной первоочередным.

Характерны слова приказа командующего 8-й армией генерала А. А. Брусилова от 29 июля 1914 г.: «Надо приложить все силы, не теряя ни минуты времени, чтобы прибывших запасных обратить в солдат. Не мерами взыскания, окриками, а тем более рукоприкладством, которого в армии быть не должно, а твердым внутренним порядком, постоянным надзором, словом, воспитательными мерами дисциплина должна быть быстро доведена до образцового состояния».

Одной из главных бед мобилизации явилось нерациональное использование призванных из запаса унтер-офицеров, многие из которых имели опыт Русско-японской войны. Часто из-за отсутствия вакансий старшие унтер-офицеры, вместо должности взводного командира получали должности командиров отделений, а немало младших унтер-офицеров направлялись в строй рядовыми. При том, что и в мирное время армия была бедна более-менее опытными унтер-офицерами. Так, если в Германии на пехотную роту в мирное время приходилось в среднем до 12 унтер-офицеров сверхсрочной службы, в Австро-Венгрии — 3, во Франции — 6, то в России — около 2. «Мобилизация, — сетовал позже генерал Деникин, — не проявила бережного отношения к кадрам, а учета унтер-офицеров запаса, этого нужнейшего остова армии, совсем

не вела... Этот драгоценный элемент и погиб в большинстве в первых боях. Кадры почти растаяли, и пополнения приходили недоученными и... безоружными».

А «таяли» кадры очень быстро. «За три с лишком месяца с начала кампании, — писал в своих воспоминаниях генерал А. А. Брусилов, — большинство кадровых офицеров и солдат выбыло из строя, и оставались лишь небольшие кадры, которые приходилось спешно пополнять отвратительно обученными людьми, прибывшими из запасных полков и батальонов. Офицерский же состав приходилось пополнять вновь произведенными прапорщиками, тоже недостаточно обученными. С этого времени регулярный характер войск был утрачен, и наша армия стала все больше и больше походить на плохо обученное милиционное войско».

Только за первый год войны потери армии составили около 857 тыс. человек, в т. ч. 86 тыс. убитыми, 551 тыс. ранеными и больными, 220 тыс. пропавшими без вести и попавшими в плен. В среднем за 5 месяцев боев ежемесячно для восполнения потерь требовалось около 175 тыс. человек. Всего же было направлено 600 тыс., что составило половину дополнительных призывов 1914 г. Уже в сентябре было решено призвать дополнительно 300 тыс. ратников I разряда, а в октябре начали мобилизацию новобранцев 1893 г. рождения. Это был последний призыв по жеребьевке. Всего же, с учетом ноябрьского призыва, в 1914 г. в действующую армию было мобилизовано 5115 тыс. чел. Всего за годы войны было проведено 24 призыва. Если после мобилизации 1914 г. численность русской армии составляла 5338 тыс. человек, то на сентябрь 1917 г. — около 7 млн. За время войны было мобилизовано 15 800 000 человек, что составляет 8,7 % населения России (для сравнения, в Германии — 20,7 %, в Австро-Венгрии — 17,1 %, во Франции — 17 %). Численность пехоты русской армии к середине 1914 г. составляла 1252 батальона, число дивизий — 113,5. В ходе войны число дивизий увеличивалось: в 1915 г. — до 120, в 1916 г. — до 135,5 и в 1917 г. — до 205 (тут, правда, стоит учесть переход в 1917 г. на полки трехбатальонного состава).

Уже в середине июля 1915 г. был исчерпан контингент ратников ополчения I разряда. Согласно действовавшим до войны законам, этим исчерпывался запас людей, которые могли быть взяты в действующую армию. «Мираж многолюдья» России рассеялся очень быстро. Пришлось с сентября 1915 г. призывать ратников II разряда (что вызвало ропот — уже сложилось убеждение, что ратники II разряда «в войске служить не будут»). Уже к 1 октября 1915 г. было призвано 925 000 ратников II разряда.

О ценности соединений, созданных из дружин ополчения, А. А. Брусилов писал: «Эти дружины не представляли собой никакой боевой силы. Их корпус офицеров, за малым исключением, никуда не годился, много офицеров было взято из отставки — старые, больные, отставшие от службы, да и их было очень мало. Солдаты старших сроков службы твердо знали и были убеждены, что их обязанность — оберегать тыл и нести там службу, но отнюдь не сражаться на фронте с неприятелем. Молодые, неопытные офицеры и почти совсем необученные ратники ополчения ни в каком случае не могли считаться до поры до времени удовлетворительным боевым элементом».

О том, как шло пополнение пехоты в сравнении с другими родами войск, можно судить по таким данным, приведенным в исследовании Н. Н. Головина:

Рода войск	1915	1916	1917	Всего
Пехота	3 094 250	2 336 000	1 743 989	7 174 239
Количество маршевых рот	12 377	9344		
Кавалерия регулярная	34 333	24 278	52 239	110 850
Казачьи части	65 458	72 732	27 363	165 553
Артиллерийские части	70 000	80 000		
Инженерные части	22 000	20 000	76 000	118 000

Но к концу 1916 г. был исчерпан и ресурс ратников II разряда. В Докладе, подготовленном в ноябре членами Особого совещания для доклада царю, говорилось: «Свободный остаток населения для пополнения за его счет нашей армии сведется всего приблизительно к полутора

миллионам людей... молодых людей 18-летнего возраста, составляющих призыв 1919 года и, несомненно, представляющих после достаточного обучения прекрасный боевой материал (около 750 тысяч), и на людей, перешедших 40-летний возраст — ратников II разряда сроков 1894 и 1895 годов (около 150 тысяч) и тех белобилетников, которые после их переосвидетельствования могут быть признаны годными для включения в войска (около 600 тысяч)... При дальнейшем пополнении нашей армии в количестве 300 тысяч человек в месяц нам через пять месяцев придется вести войну, расходуя запасные батальоны — эту основу боевой мощи всякой армии — без возможности их пополнения».

Об обучении и боевой подготовке

«Нижние чины»

Первая мировая война при всем ее «техническом» характере лишний раз подтвердила слова генерала М. И. Драгомирова, написанные за столетия до ее начала: «На войне победа достигается усилиями войск; техника лишь устраняет препятствия, создаваемые природой и противником». Он же: «Имея в виду усовершенствовать технику боевого дела, надо прежде всего поставить воспитание солдата на должную высоту, чтобы войска могли воспринять усовершенствования и применить их в боевой обстановке».

В первые месяцы войны, в 1914-м, русский солдат-пехотинец был обучен никак не хуже германского (по оценке германского полковника Р. Франца, «превосходно»), а в стрелковом отношении, например, — и лучше, чем германский. Но эти кадры, как указывалось, быстро были израсходованы. Нужно было готовить солдат либо

вовсе не проходивших службу, либо основательно ее забывших.

Для подготовки пополнения для пехоты в 1914 г. было сформировано 152 запасных пехотных и стрелковых батальона (130 батальонов 8-ротного состава и 22 — 4-ротного состава), в которых одновременно проходило подготовку около 282 тыс. человек, что составляло примерно 15% от численного строевого состава действующей армии. После мобилизации, с учетом второочередных дивизий, в армии было 1812 батальонов, что, считая в среднем по 1000 человек на батальон, дает 1812 тыс. строевых.

Срок подготовки рядового в запасном батальоне составлял около 4—6 недель. О состоянии этих батальонов писал генерал-лейтенант Я. А. Слащев: «Каждый батальон распух до 8000 человек. Мест не хватало, спали вповалку, заниматься было негде и занятия вели спустя рукава, к тому же не хватало вооружения. Офицеров в запасных частях не было: на 100 солдат едва приходился один несущий действительную службу и не лечившийся после ранения офицер. Вся работа лежала на вновь произведенных прапорщиках, прошедших 4-месячный курс обучения, которые сами ничего не знали». Даже после налаживания дела в запасном батальоне (или полку) занимались в основном строевой подготовкой; тактическая же сводилась к рассыпанию в цепь и к наступлению цепью без всякого показа противника хотя бы мишенями. Из такой запасной части новобранец или запасной попадали прямо на фронт. Историк А. А. Керсновский констатировал: «Пополнения войск весной и летом 1915 года состояли исключительно из «ратников 2-го разряда» — людей, за различными льготами, физической слабостью (так называемые «белые билеты») и сверхкомплектном в войсках прежде не служивших. Люди эти направлялись в непомерно разросшиеся запасные батальоны, слабые кадры которых совершенно не могли справиться с их обучением. После 3, в лучшем случае 6 недель присутствия в этих батальонах они попадали в маршевые роты и везлись на фронт безоружными и совершенно необученными. Эти безоружные толпы являлись большой обузой в войско-

вых частях, ослабевший кадр которых не мог усвоить и переработать этой сырой и тяжелой пищи. Они раздували численный состав частей, умножая количество едоков, но не увеличивая количества бойцов. Зачастую прибывшие на фронт «ратники» ни разу не держали в руке винтовки и, во всяком случае, не умели заряжать обоймами. Не получив ни воинского воспитания, ни даже военного обучения, эти «ратники 2-го разряда» сразу попали в ад летних боев 1915 года — самых тяжелых боев, которые знает военная история. Следует ли после этого удивляться бесчисленным отсталым («халупникам»), «палечникам», «самострелам»? Упрекать надо не этих несчастных людей, а тех, кто в таком виде отправлял их на фронт. В этом вина Военного ведомства — Главного штаба и подвластных ему мобилизационных и распределительных органов, совершенно не справившихся с основным условием организации вооруженной силы — ее комплектованием».

Обучение пехотинцев затруднялось еще и тем, что пехота — самый массовый род войск — получала пополнения в основном из крестьянской среды. Ничего странного для преимущественно «аграрной», «крестьянской» страны, каковой была тогда Россия. Еще на 1912 г. социальный состав солдат по различным родам войск выглядел следующим образом:

Род войск	Земледельцы	Мастеровые и ремесленники	Фабрично-заводские рабочие	Чернорабочие	Домашняя прислуга	Служб в администрат. и обществ. учреждениях	Прочие занятия
Пехота	514 656	121 657	29 128	92 619	11 654	11 707	41 867
Кавалерия	47 592	14 594	2279	8 134	1244	1 712	5 855
Артиллерия	117 789	29 828	5033	22 603	2 102	1 453	11 082

То есть накануне войны доля земледельцев и, скажем, чернорабочих была в основных родах войск примерно одинакова. Вмешивались и другие факторы. Генерал-лей-

тенант Н. Н. Головин, исследуя «распределение тягот призыва», обратил внимание на крайнюю неравномерность процента мобилизованных трудоспособных мужчин по различным губерниям: наименьшим он оказывался в губерниях, где были сосредоточены промышленные предприятия и торговля, в губерниях со значительным количеством нерусского населения, не подлежащего призыву. Головин пришел к выводу, «что русское крестьянство несло не только абсолютно, но и относительно большее напряжение людьми, чем другие классы населения». Если же учесть, что именно на крестьянство приходился наибольший процент неграмотных и малограмотных, понятно, что более «технические» рода войск старались отбирать солдат другой категории. Ясно также, какой проблемой было «образование современного солдата» за сокращенный в условиях войны срок. Свою роль сыграло и распределение по возрастам, приводимое тем же Головиным. По различным возрастным группам мужского населения призванными в войска оказались:

В группе моложе 20 лет (18 и 19 лет)	около 40 %
В группе 20–29 лет	около 50 %
В группе 30–39 лет	около 40 %
В группе 40–43 года	около 30 %

Из примерно 15,5 млн мужчин, призванных в армию за время войны:

Возрастная группа	Численность	%
Моложе 20 лет (18 и 19 лет)	2 500 000	16
20–29 лет	7 600 000	49
30–39 лет	4 600 000	30
40–43 года	800 000	5

То есть самая энергичная, «боевая» возрастная группа в 20–29 лет, здоровая и быстрее обучаемая, составляла менее половины призванных, а из самой группы призва-

но менее половины. С другой стороны, «омоложению» армии препятствовала сама демографическая ситуация. По данным «Статистического ежегодника» 1914 года, мужчины в возрасте от 20 до 45 лет составляли только 17,8% мужского населения страны, от 17 до 19 лет (могли быть призваны во время войны) — 3%.

В 1915 г. ежемесячная потребность в пополнениях, с учетом формирования дивизий третьей очереди, достигла уже 454 тыс. человек. Для подготовки такого количества совершенно необученных призываемых число запасных батальонов было доведено до 301, общей численностью переменного состава 602 тыс. человек, что составляло уже 33% от всей пехоты действующей армии. «Прибывавшие на пополнение рядовые, — вспоминал А. А. Брусилов о 1915 годе, — в большинстве случаев умели только маршировать, да и то неважно; большинство их и рассыпного строя не знали, и зачастую случалось, что даже не умели заряжать винтовки, а об умении стрелять и говорить было нечего. Приходилось, следовательно, обучать в тылу каждого полка свое пополнение и тогда только ставить в строй. Но часто во время горячих боев, при большой убыли, обстановка вынуждала столь необученные пополнения прямо ставить в строй. Понятно, что такие люди солдатами зваться не могли, упорство в бою не всегда оказывали и были не в достаточной мере дисциплинированы. Чем дальше, тем эти пополнения приходили в войска все хуже и хуже подготовленными, невзирая на все протесты, жалобы и вопли строевых начальников. Многие из этих скороспелых офицеров, унтер-офицеров и рядовых впоследствии сделались опытными воинами, и каждый в своем кругу действий отлично выполнял свои обязанности, но сколько излишних потерь, неудач и беспорядка произошло вследствие того, что пополнения приходили к нам в безобразно плохом виде!».

Требовалось продолжение боевой подготовки войск уже на фронте, в частях, насколько это позволяла обстановка. Опыт показал, что боевая подготовка с началом войны не должна прекращаться, но должна становиться более конкретной и целеустремленной в соответствии

с предстоящими задачами. Большое значение придавалось в войсках учениям, проводившимся обычно накануне операций в ближайшем тылу, по мере возможности с частями, выведенными с передовой.

Увеличение числа призываемых побудило военное ведомство с середины 1916 г. начать переформирование запасных пехотных батальонов в запасные пехотные полки 12 — 16-ротного состава. К концу войны только запасных пехотных полков насчитывалось 359 (из них 109 — на фронте). В то же время срок подготовки в запасных полках увеличился до 4 — 5 месяцев. Всего за годы войны запасные части подготовили и отправили на фронт в общей сложности 26 840 маршевых рот и 93 запасных пехотных полка (в 1917 г. на фронт отправлялись запасные полки в полном составе).

С подготовкой унтер-офицеров было не лучше. К весне 1916 г. унтер-офицерами стали многие солдаты, выдвинувшиеся личной храбростью и смекалкой, но дать им соответствующей подготовки в командовании подразделениями просто не успевали.

Из всей пехоты кадровые унтер-офицеры к середине войны оставались разве что в командах пулеметных и связи. Среди последних, кстати, процент солдат с полным средним образованием был выше, чем в остальной пехоте. Так, телефонная команда штаба 11-й пехотной дивизии в начале 1916 г. была почти полностью укомплектована народными учителями, призванными на военную службу в 1915 г. и либо не пожелавшими, либо не успевшими попасть в школы прапорщиков.

По инициативе командования, непосредственно в тыловых районах частей действующей армии, создавались небольшие учебные команды для подготовки дефицитных специалистов (гранатометчиков, минометчиков и пулеметчиков ручных пулеметов) и унтер-офицеров. Потери среди последних были особенно велики и в период интенсивных боев доходили до 100 %. Стараясь уберечь получивших опыт боев унтер-офицеров, некоторые командиры под разными предлогами выделяли из них некоторый резерв.

Генерал Брусилов на заседании главнокомандующих фронтами и членов Временного правительства в Петрограде 4 мая 1917 г. говорил: «Кавалерия, артиллерия и инженерные войска сохранили до 50 % кадровых. Но совершенно иное в пехоте, которая составляет главную массу армий. Большие потери — убитыми, ранеными и пленными, значительное число дезертиров — все это привело к тому, что попадают полки, где состав обернулся 9 — 10 раз, причем в ротах уцелело только от 3 до 10 кадровых солдат. Что касается прибывающих пополнений, то обучены они плохо, дисциплина у них еще хуже. Из кадровых офицеров в полках уцелело по 2 — 4, да и то зачастую раненых. Остальные офицеры — молодежь, произведенная после краткого обучения и не пользующаяся авторитетом, ввиду неопытности».

В целом опытного и умелого солдата формировала уже сама война на фронте.

Несколько слов о подготовке пулеметных команд. Хотя пулеметы признали пехотным оружием, специфика работы пулеметчиков, с одной стороны, и нехватка матчасти и опытных инструкторов, с другой, заставили для подготовки «во время войны личного состава для укомплектования пулеметных команд» формировать особые запасные части. 2 марта 1915 г. «высочайше утверждено» Положение о пулеметном запасном батальоне. Административно батальон подчинялся начальнику Офицерской стрелковой школы, каковым тогда был выдающийся специалист стрелкового дела генерал-лейтенант Н. М. Филатов, в учебном — инспектору стрелковой части в войсках. Уже 17 мая высочайше утверждено переформирование батальона в пулеметный запасной полк, число рот увеличено до 16, пулеметов — до 55. В запасном полку личный состав пулеметных команд получал в целом неплохую техническую и стрелковую подготовку, однако обучение велось практически вне связи с пехотой и тактическому взаимодействию, пулеметная команда обучалась уже на фронте, там же пополнялась нижними чинами до штата. Для обучения «команд Кольта» 16 мая 1916 г. утверждено формирование в Ораниенбауме 2-го запасного пулемет-

ного полка. В связи с ростом количества пулеметов в войсках в начале 1917 года сформированы 3-й и 4-й запасные пулеметные полки «Максима», расквартированные в Казанском военном округе — соответственно в Пензе и в Вятке.

Продвижение германских войск создало угрозу Ораниенбауму, формирование «команд Кольта» в июне 1917 г. частично передали 59-му запасному пехотному полку в г. Воронеже. 6 июня 1-й («Максима») и 2-й («Кольта») запасные пулеметные полки переподчинили главнокомандующему Петроградским военным округом, а после эвакуации стрелковой школы в Москву ее нештатный батальон оставили в качестве гарнизона Петропавловской крепости.

«Переход» пулеметов в разряд пехотного оружия и их действия непосредственно в боевых порядках пехоты во всех видах боя поставили новую задачу в подготовке пехоты. Большая убыль пулеметчиков требовала «иметь в каждой роте по несколько человек нижних чинов, хорошо обученных пулеметному делу». Согласно приказу начальника Штаба Верховного Главнокомандующего от 3 февраля 1917 г., в каждой роте обучали одно отделение, его бойцы были ответственны за приданные роте пулеметы и были готовы заменить выбывшую из строя прислугу пулеметов. Мера особенно важная с учетом ожидавшегося поступления из-за рубежа большого количества ручных пулеметов, которые должны были придаваться пехотным ротам.

Стоит отметить, что, хотя личный состав пулеметных команд в силу высоких потерь многократно менялся, пулеметчики сохраняли определенную «кастовость» внутри пехоты. Тому способствовали и отбор более грамотных новобранцев, и их отдельная подготовка, да и немногочисленность пулеметных расчетов по отношению к общей массе пехоты. Характерен отрывок из воспоминаний маршала Р. Я. Малиновского, который в апреле 1916 г. попал во Францию в качестве начальника пулемета пулеметной команды 2-го Особого полка 1-й Особой пехотной бригады: «Команда получила пулеметы «Гочкис», легкие

пулеметные повозки под одну лошадь, которую повозочный должен был водить в поводу, и такие же легкие патронные двуколки. Это, конечно, ущемляло самолюбие пулеметчиков. Теперь никто не ездил на двуколке, никто, кроме начальника команды, не имел верховых лошадей.

— В пехтуру превращаемся, — поговаривали пулеметчики, чувствуя, что теряют свои привилегии».

Офицерский состав

В июле — августе 1914 г. было мобилизовано около 40 тыс. офицеров, что полностью исчерпало запас офицеров. Кроме этого, в 1914 г. в войска досрочно были выпущены подпоручиками все юнкера военных училищ, и с осени все военные училища перешли на ускоренную подготовку офицеров. Дополнительно были открыты 2 пехотных училища (в Ташкенте и Киеве), а также артиллерийское и инженерное (оба в Киеве). Необходимость скорейшего укомплектования армии офицерами сразу после начала войны заставила ГУВУЗ осенью 1914 г. произвести при военных училищах офицерские экзамены для прапорщиков запаса, вольноопределяющихся из войск и нижних чинов. В последующем такие экзамены проводились дважды в год.

Срок обучения в пехотных и кавалерийских училищах в разные периоды войны составлял от 4 до 6 месяцев. Первый выпуск из военных училищ офицеров военного времени (прапорщиков) состоялся в декабре 1914 г. 18 февраля 1915 г. был издан приказ № 81 по военному ведомству, в соответствии с которым Пажеский корпус, пехотные и казачьи училища продолжали готовить офицеров в четырехмесячный срок. В апреле 1915 г. был продлен на месяц, до 1 мая, курс пехотных и казачьих училищ, а также курс пехотного отделения Пажеского корпуса «в целях дать юнкерам возможность посвятить некоторое время полевым практическим занятиям».

Самым распространенным типом военного учебного заведения в годы войны стали школы прапорщиков

пехоты, которые открывались при запасных пехотных бригадах. 30 сентября 1914 г. было издано «Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах». Приказом № 647 по военному ведомству предписывалось открыть 4 такие школы в Петрограде, Москве и Киеве на 200 обучающихся каждую. Первый прием в школы назначался на 1 октября 1914 г. За 3 месяца каждая такая школа готовила для войск 200 — 400 выпускников. Всего в 1914 г. было открыто 13 школ прапорщиков. Несмотря на принимаемые меры, офицеров в действующей армии было все равно недостаточно, и летом 1915 г. пришлось открыть 10 временных школ прапорщиков пехоты в зданиях некоторых кадетских корпусов (в период летних каникул), которые подготовили за этот период около 2500 человек. С 7 июля 1915 г. школы при запасных пехотных бригадах стали официально называться школами подготовки прапорщиков. К концу 1915 года было открыто 32 школы прапорщиков. В общем за 1915 г. через эти школы армия получила 29 820 прапорщиков пехоты. В 1916 г. действовало уже 38 школ. Сроки обучения с одного года понизились сначала до 8, затем до 6 и 4 месяцев. Всего за время войны была открыта 41 школа прапорщиков.

В школы прапорщиков первоначально принимали в основном студентов высших учебных заведений и лиц, имеющих среднее образование. Но с 1915 г. по представлению командования было разрешено принимать и грамотных нижних чинов без среднего образования. Как писал исследователь этой проблемы И. Ключко, «десятки тысяч образованных молодых людей были брошены в военные школы без всякого разбора... Наконец, студенческий запаса истощился... настала очередь за средней школой, но этого уже было мало — пришлось понизить образовательный ценз до крайнего минимума».

В 1915 г. в школы прапорщиков было принято около 2 тыс. солдат, в 1916 г. — 12 569 и примерно столько же в 1917 г. С 1914 г. были отменены сословные ограничения при поступлении в училища военного времени. Ускоренные выпуски этих училищ в 1914 г. превысили нормаль-

ные более чем в 3 раза (9914 чел. после объявления войны против 2 831, выпущенных накануне войны), в 1915 г. — в 9 раз (18 999 чел.), в 1916 г. — в 12 раз (34 906 чел.).

Численность кадровых офицеров к началу войны составляла около 30 тыс. человек, офицеров запаса — 35 тыс. К концу войны численность офицеров кадра, запаса и произведенных за время войны — около 300 тыс. На 1 мая 1917 г. в действующей армии было 136 000 офицеров. При приближительности этих цифр очевидно, что подавляющее большинство офицеров во время войны — «офицеры военного времени» (выпускники ускоренных курсов военных училищ, школ прапорщиков и получившие офицерские погоны непосредственно на фронте).

В самом деле, в 1914—1915 гг. русская армия, по данным, приводимым И. Клочко, потеряла убитыми и ранеными 45 515 офицеров (61,8 % от состава, наибольшие потери), в 1916 г. — 19 411 (26,6 %), в 1917 г. — 8459 (11,6 %). Понятно, что в пехоте убыль офицеров была наибольшей. В распределении по категориям 51,2 % потерь офицеров (37 392 чел.) составляют прапорщики. Так что Первую мировую войну не зря называют «войной прапорщиков».

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, ставший офицером в годы Первой мировой войны, так вспоминал о своем обучении в Алексеевском военном училище: «Обучали нас, почти не учитывая требований шедшей войны, по устаревшим программам. Нас не знакомили даже с военными действиями в условиях полевых заграждений, с новыми типами тяжелой артиллерии, с различными заграничными системами ручных гранат (кроме русской жестяной «бутылочки») и элементарными основами применения на войне автомобилей и авиации. Почти не знакомили и с принципами взаимодействия родов войск. Не только классные, но и полевые занятия носили больше теоретический, чем практический характер. Зато много внимания уделялось строевой муштре.

После Русско-японской войны иностранцы говорили, что «русские умеют умирать, да только... бестолково»... Правда, в нашей роте полевое обучение, благодаря капитану Ткачуку, побывавшему на фронте, было поставлено

значительно лучше, чем в других. Пособия, которыми мы пользовались, устарели. Но и в царской армии были люди, которые понимали необходимость перемен в учебном процессе. Одним из них являлся генерал-лейтенант В. И. Малинко. В 1915 году появилось его «Пособие для подготовки на чин прапорщика пехоты, кавалерии и артиллерии». В нем довольно умело были скомпонованы важнейшие сведения из курсов военной администрации, тактики, артиллерии, стрелкового дела, военно-инженерного дела и топографии. Но пособие вышло в свет уже после того, как я окончил училище». Отчасти о том же писал Д. М. Карбышев: «В учебнике Н. Коханова «Полевая фортификация» для пехотных училищ, изданном в 1915 году... приводятся сложные чертежи окопов для колесных пулеметов, уже в поле упраздненных; оружейные окопы, с которыми пехотным офицерам дела иметь не приходилось, засеки, волчьи ямы, фугасы и как венец, во всей своей красе редут с равновесием выемок и насыпей», то есть приводились уже не применяемые формы.

Однако в конце 1916 г. генерал Брусилов в интервью корреспонденту «Русского слова» говорил: «Надо отдать справедливость вновь вышедшим прапорщикам. Многие показали себя, безусловно, на высоте положения и с честью командовали не только ротами, но и батальонами». Это мнение подтверждают многочисленные примеры из опыта хотя бы Брусиловского наступления.

Характерен эпизод того же 1916 года, упоминаемый А. М. Василевским: «Однажды генерал Келлер потребовал для охраны своего штаба, разместившегося в Кимполунге, пехотный батальон. Наш 409-й полк, находившийся в резерве, оказался подчиненным ему. Послали первый батальон, во главе которого после потери в боях большого числа офицеров оказался я. Прибываю в расположение кавкорпуса и докладываю начальнику штаба. Тот удивленно смотрит на меня, интересуется, сколько мне лет (мне шел тогда 22-й год), и уходит в другую комнату здания. Оттуда выходит Келлер, человек огромного роста, с улыбкой смотрит на меня, затем берет мою голову в свои ручищи и басит: «Еще два года войны, и все

вчерашие прапорщики станут у нас генералами!» (А через два года начнется Гражданская война, в ходе которой «вчерашие прапорщики» и правда командовали дивизиями, армиями и даже бывали Верховными Главнокомандующими. — С. Ф.)

Вместе с этим в войну широко применялась практика производства в офицеры за боевые заслуги особо отличившихся унтер-офицеров непосредственно на фронте, даже без прохождения курса школы прапорщиков.

Многие исследователи, кстати, считают «демократизацию» офицерского корпуса в ходе войны одной из главных причин «принятия армией» Февральской революции. Однако процесс «демократизации», а точнее, избавления от сословной ограниченности, начался задолго до войны. Так, на 1906 г. доля различных сословий среди обучавшихся в военных училищах составляла:

Сословие	Училища первой группы (с правом приема в кадетские корпуса), %	Училища второй группы (остальные), %
Дворяне, офицеры и чиновники	95,39	59,81
Духовенство	0,53	2,1
Казачи	1,51	5,61
Прочие сословия	1,78	32,4 (из них купцов и почетных граждан — 13,78, мещан — 12,27, крестьян — 6,19)
Иностранцы	0,79	0,24

То есть еще до войны офицерский состав — особенно армейские офицеры — был достаточно «разночинным». В ходе войны этот процесс пошел много быстрее. К 1917 г. численность довоенных кадровых офицеров по отношению к офицерам военного времени составляла 10—12%. Сословный состав офицерского корпуса изменился еще более радикально: дети дворян составляли уже только 15,6%, мещане — 23,4%, более половины приходилось на рабочих, мастеровых, крестьян. В офицерском корпусе увеличилась доля выходцев из «недворянской интеллигенции» (врачи, учителя, техники, мелкие чиновники

*Пулеметы «Кольт» в Офицерской пулеметной школе.
Обратим внимание на установки — «низкая» тренога,
«высокая» тренога, опытный колесный станок*

и т.п.), но эта «демократизация» не обязательно сопровождалась проникновением в части «демократических» идей. Скорее они проникали извне, поскольку действующая армия связана с тылом множеством нитей.

Кадетские корпуса во время войны функционировали в обычном режиме, и их выпускники пополняли военные училища и школы прапорщиков. В течение войны основной упор при подготовке командного состава делался на подготовку офицеров пехоты, и к октябрю 1917 г. в пехоте образовался сверхкомплект офицеров (более 17 тыс. человек), в то время как в других родах войск ощущался их недостаток. Учитывая сверхкомплект офицеров с посредственной подготовкой, в августе — сентябре 1917 г. военное ведомство пошло на частичное закрытие школ прапорщиков при запасных пехотных бригадах, а с октября 1917 г. стали закрываться и курсы подготовки офицеров в военных училищах.

Кадровые офицеры, долго остававшиеся в тылу, хорошо знали службу, но не были знакомы с тем, чего требует

современный фронт. Так, Брусилов писал, что переданный ему «гвардейский отряд, великолепно по составу офицеров и солдат, очень самолюбивых и обладавших высоким боевым духом, терпел значительный урон без пользы для дела потому, что их высшие начальники не соответствовали своему назначению. Находясь долго в резерве, они отстали от своих армейских товарищей в технике управления войсками при современной боевой обстановке, и позиционная война, которая за это время выработала очень много своеобразных сноровок, им была неизвестна. Во время же самих боевых действий начать знакомиться со своим делом — поздно, тем более что противник был опытный».

Между тем в боевых условиях пришлось значительно упростить правила производства офицеров в следующие чины. Так, в пехоте обер-офицеры производились в следующие чины после 4-месячной службы. Чин подполковника можно было получить после 2-месячного командования ротой. В отдельных случаях, как поощрение, следующий чин могли дать при возвращении в строй после второго ранения.

Но вопрос о профессиональной подготовке офицеров не снимался. В особенности в связи с ростом в пехоте «технических средств», к каковым тогда относили и пулеметы, и бомбометы. Но если для бомбометных (пулеметных) частей можно было брать офицеров-артиллеристов, то пулеметному делу нужно было усиленно учить пехотных офицеров. И летом 1917 г. уже в Офицерской стрелковой школе создали офицерские пулеметные курсы.

О формировании

Всего за весь период войны в пехоте было заново сформировано более 700 пехотных и стрелковых полков, которые стали основой комплектования: 36 стрелковых и пе-

хотных дивизий второй очереди, 34 пехотных и стрелковых дивизий третьей очереди (начали формироваться с весны 1915 г. из ополченцев и новобранцев после их 4—6-месячной подготовки, причем из-за недостатка артиллерии в этот период дивизии получали вместо артиллерийских бригад дивизионы), 75 пехотных и стрелковых дивизий четвертой очереди. О последних стоит сказать особо. В начале 1917 г. генерал В. И. Гурко, временно исполнявший должность начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, для увеличения числа пехотных дивизий начал перевод штатов пехотных полков с 4-батальонного на 3-батальонный состав и соответственно уменьшил число орудий в дивизии.

*Чины пулеметной команды с пулеметом «Максим»
и переносным дальномером*

Однако в тех условиях это не увеличило гибкость пехотных соединений, а привело к их «раздергиванию», новые дивизии не успевали получить ни необходимых подразделений обеспечения, ни сколько-нибудь соответствующей подготовки. К тому же командиры дивизий, откуда забирались батальоны для «третьих дивизий», естественно, отдавали туда не «лучший материал». Наложив это на ситуацию, сложившуюся в России и в армии после Февральской революции, становится ясно, что ценность этих дивизий была очень невелика. «Положение было настолько остро, — вспоминал А. И. Деникин, — что Ставка вынуждена

была в мае дать разрешение фронтам расформировать те из третьих дивизий, которые окажутся мало боеспособными, обращая их на пополнение кадровых; мера эта, однако, почти не применялась, встретив сильное противодействие в частях, тронутых уже революционным движением». Боевые качества дивизий четвертой очереди были низкими, и в боевых действиях они практически не участвовали, а с осени 1917 г., с началом вынужденной демобилизации из армии солдат старших возрастов, началось их расформирование. Это увольнение тот же Деникин упоминает сразу за «третьими дивизиями» как меру, «ослабившую значительно ряды армии». Формально она должна была помочь тылу рабочей силой — прежде всего на сельскохозяйственных работах — и затронуть внутренние округа. На деле это вызвало ослабление полков, сформированных из запасных, и стало лишним поводом для ухода с фронта солдат старших возрастов — на работах в тылу они не появлялись, в части уже не возвращались. Но, как мы увидим далее, к тому времени этих солдат уже не могли обеспечить продовольствием.

Война потребовала ряда изменений в штатах частей и соединений. Уже в начале 1915 г. в пехотных и стрелковых дивизиях были упразднены бригадные управления, а все существующие отдельные стрелковые бригады были переформированы в стрелковые дивизии. Стрелковые соединения были относительно мобильны, что удачно проявлялось при хорошей подготовке личного состава. Так, генерал А. И. Деникин, командовавший в начале войны известной в армии 4-й Железной стрелковой бригадой (впоследствии — дивизией), вспоминал: «Железным стрелкам почти не приходилось принимать участие в позиционном стоянии, временами длительном и скучном. Обычно, после кровопролитного боя, бригада выводилась Брусиловым в «резерв командующего армией» для того лишь, чтобы через два-три дня опять быть брошенной на чью-либо выручку в самое пекло боя, в прорыв или в хаос отступающих частей... И я с гордостью отмечаю, что Железная дивизия заслужила почетное звание «пожарной команды» 8-й армии».

Традиции, которые старались поддерживать в частях многочисленные уцелевшие кадровые офицеры и солдаты, играли немаловажную роль. Своими боевыми традициями и стойкостью славилась, например, сибирские стрелковые дивизии. При этом, как и в случае с другими «географическими» названиями полков и дивизий, они не обязательно формировались выходцами из определенной местности или губернии. Согласно «Расписанию распределения новобранцев призыва 1913 г.», например, из новобранцев, направленных в 41-й Сибирский стрелковый полк, сибиряками были только 54%, остальные — из Акмолинского уезда, из Гродненской, Пермской, Ломжинской губерний. Но бойцы уже в ходе службы воспринимали традиции полков.

Существенные изменения произошли к концу войны в организации пехотного полка. Теперь он имел три батальона, команды — пулеметную (12 пулеметов из расчета по 4 пулемета на батальон), траншейных орудий (бомбометное и минометное отделения), конных разведчиков, связную, саперную, учебную, полицейскую, команду для сбора оружия, нестроевую роту. Увеличение числа станковых пулеметов, введение «траншейной» артиллерии и минометных команд в полках, ружей-пулеметов в пехотные роты и выделение «гренадеров» для действия ручными гранатами меняли характер пехоты и способы ее действий. На 1917 г. в пехотных полках уже только примерно 2/3 личного состава действовали винтовкой со штыком, а 1/3 составляли специалисты — пулеметчики, «гренадеры», артиллеристы, связисты и т.п.

О тыловом снабжении

Прямая зависимость состояния войск и хода операций действующей армии от работы тыла очевидна. В этом разделе, как и в вопросе снабжения вооруже-

нием и боеприпасами, придется коснуться некоторых общих проблем, отразившихся на всей русской армии в годы войны.

Уже в Восточно-Прусской операции Северо-Западного фронта в начале войны не полностью развернутый и недостаточно подготовленный тыл с трудом обеспечивал потребности войск. 1915 г. для русской армии в материальном отношении был еще более тяжелым. Напряженные боевые отступательные действия войск, сопровождавшиеся потерей районов с развитой дорожной сетью и значительными местными ресурсами, еще больше ухудшили условия работы тыла. При наличии серьезных недочетов в управлении тыл армии оказался не в состоянии быстро перестроить организацию применительно к складывавшейся обстановке, не сумел использовать имевшиеся в его распоряжении ограниченные возможности. Кампанию 1916 г. русская армия провела в условиях дальнейшего ухудшения работы тыла и постоянных перебоев в обеспечении войск. В последний период войны (1917 г.) материальное обеспечение русской армии оказалось на грани полной катастрофы. Тыл армии не мог в необходимой мере решать сложные задачи войны. Да и трудно было бы наладить работу тыла при катастрофическом развале работы железнодорожного транспорта как на театре военных действий, так и в тылу.

Единый порядок подвоза всех видов материальных средств установился только с конца 1916 г. У границы фронтовых тыловых районов развертывались фронтовые тыловые распределительные базы. На границе армейских и фронтовых тыловых районов в армейском тылу создавались армейские базы и еще ближе к войскам — конечно-выгрузочные станции корпусов. Эти станции — как стык железнодорожного и грунтового подвоза — являлись перегрузочными пунктами и обеспечивали маневр запасами в корпусах. При удалении войск от конечно-выгрузочных станций на расстояние до 2,5 перехода корпус осуществлял подвоз своим транспортом. В подвоз включался сначала

полковой обоз, затем с увеличением расстояния — последовательно транспорт дивизии и корпуса. При удалении же войск от конечно-выгрузочной станции на расстояние свыше 2,5 перехода в подвоз включался армейский транспорт. Передача грузов осуществлялась с выгрузкой на грунт. Допускалось деление транспортных средств на эшелоны.

В ходе войны значительная часть тыловых частей и учреждений действующей армии оказалась сосредоточенной во фронтовом звене, поскольку центр тяжести снабжения находился именно здесь. Армейский же тыл был развит меньше в сравнении с фронтовым. В армии обычно были следующие тыловые части и учреждения: расходные продовольственные магазины по числу корпусов (иногда запасные продовольственные магазины), местные стационарные хлебопекарни, два-три местных артпарка (склада), артиллерийская и оружейная мастерские, инженерный парк (склад), одна-две головные эвакуационные комиссии с приписанными к ним госпиталями, армейский транспорт (по обстановке). В ходе войны корпус получил дополнительно два госпиталя, транспорт для подвоза боеприпасов, инженерный парк (там же). Количество тыловых частей и подразделений в дивизии и полку в ходе войны не изменялось. Увеличение объема и усложнение работы тыла в связи с ростом численности и технической оснащенности армии, нарастанием размаха операций, а также появление новых видов снабжения требовало изменения состава и штатной организации частей и учреждений тыла. Вместе с тем численный состав и организация тыловых частей и учреждений действующей армии в сравнении с тем, что было в период развертывания, оставались в основном без существенных изменений, вследствие чего тыловые части и учреждения не справлялись с возложенной на них огромной работой, несмотря на «разбухание» тыловых служб. Поэтому для работы в тылу постоянно привлекался личный состав строевых частей, в результате чего страдали действия на переднем крае.

Продовольственное снабжение

К началу войны правительство планировало снабжать действующую армию продовольствием и фуражом за счет созданных мобилизационных запасов и за счет местных средств. Заготовки продовольствия и фуража на театре военных действий и в прилегавших к нему районах всячески поощрялись с первых же дней войны. Вот, например, запрос генерала Постовского в штаб 23-го армейского корпуса от 10 августа 1914 г.: «Срочно телеграфируйте, сколько дней всего имеется подвижных запасов. Командующий армией приказал в дальнейшем основывать довольствие местных средств, уменьшая

Полевая кухня

в случае надобности хлебную и увеличивая одновременно мясную дачу. Широко практиковать установленные законом замены одних продуктов другими».

В телеграмме командира 13-го корпуса начальнику штаба 2-й армии от 12 августа 1914 г. говорилось о критическом положении в продовольственном снабжении войск в ходе Восточно-Прусской операции: «При быстром движении вперед транспорты по невозможно плохим

Раздача солдатам обеда

дорогам нагнать не могут, район корпуса исключительно бедный, буквально нельзя найти ни куска хлеба, что испытываю на себе лично. Полков, богато обеспеченных хлебом и сухарями, в корпусе нет». Приказы по войскам постоянно упоминают о продовольственном снабжении. Командующий 8-й армией генерал Брусилов в приказе от 6 декабря 1914 г. писал: «Ставлю заботу, чтобы солдат имел ежедневно горячую пищу, первейшею обязанностью всех начальствующих лиц, несмотря ни на какие препятствия».

По ряду причин (включая саботаж со стороны польского населения, эвакуацию Восточной Пруссии германцами, отступление 1915 года и т. д.) основным способом пополнения продовольствия оказался подвоз из тыла. Сельскохозяйственное производство страны испытывало значительные трудности, но все же Россия имела продовольствия вполне достаточно для того, чтобы снабдить им как армию, так и население промышленных городов.

Армейский корпус имел продовольственный транспорт, три полевых подвижных хлебопекарни, расходный гурт скота. В корпусном и дивизионном обозах содержа-

лись только основные продукты: сухари, крупа, сахар, чай, соль, консервы, сушеные овощи. Приварочные продукты положено было возить при кухнях. Система подвижных запасов страдала существенными недостатками. Так, в полку положено было содержать 5 сутодач сухарей, в то время как довольствие происходило в основном хлебом. В связи с этим распоряжением некоторых командиров корпусов 1 – 2 дачи сухарей из возимых в полковом обозе заменялись хлебом. В корпусном и дивизионном транспорте не было жиров, риса, макарон, свежих овощей. Между тем эти продукты требовались ежедневно. Количество возимых запасов не отвечало фактической численности войсковой части. Запасы, возимые в полковом обозе, рассчитывались по штатам 1910 г. на 4140 человек, в действительности состав пехотного полка был увеличен до 4763 человек. В ходе войны были также случаи, когда отдельные войсковые части накапливали запасы крупы, риса, свежих овощей и других продуктов питания на месяц и более. Чтобы перевезти созданные запасы при передислокациях, привлекали повозки, «купленные за счет хозяйственных сумм или временно реквизируемые у местного населения. Количество таких нештатных повозок в зависимости от накопленных запасов доходило до 30 – 40. При недостатке транспорта запасы перевозились в несколько рейсов, а при отсутствии этой возможности бросались.

Всю ответственность за питание солдат нес командир роты. Каждой роте полагалась одна полевая кухня (вспомним, что в применении этого замечательного изобретения Россия была первой), и в каждой роте были штатные кашевары.

Уже в самом начале войны стало ясно, что трудно сохранить носимый запас продовольствия. Носимый паек поедался быстрее положенного, несмотря на частые проверки его наличия (в походе пехотинец нес с собой фунт отварной говядины, 2 фунта сухарей на 2,5 дня, 12 золотников или около 50 граммов соли и фляжку воды — 700 грамм). Ввиду этого в январе 1915 г. носимый запас от солдат был отобран и передан в полковой обоз первого эше-

лона. Его стали выдавать на руки только перед началом марша или боя. Суточная дача продовольствия в начале войны содержала 3150 калорий. С того же января 1915 г. и до конца войны она неоднократно уменьшалась.

К концу 1914 г. в тылу, а затем и на фронте вводились постные дни. В 1916 г. помимо двух постных дней в неделю были введены еще два «яичных дня». Однако возникли трудности в транспортировке яиц в войска действующей армии, так что так называемые «яичные дни» пришлось ограничить тыловыми частями, войсками вторых

Походная столовая

эшелонов и внутренних военных округов. Зато суточная дача продовольствия была разделена на две части: часть выдавалась натурой, часть — деньгами. Но на эти деньги нельзя было купить полагавшиеся по нормам продукты вследствие их дороговизны. Кроме того, выдача продуктов натурой не всегда соблюдалась. За недоданные солдатам продукты воинские части получали от интендантства деньги. Правда, вспомним об инфляции, благодаря которой к началу 1917 г. рубль на внутреннем рынке обесценился почти в 4 раза (его покупательная способность

Русские полевые кухни кормили не только солдат, но и местное население

составляла 26 — 27 довоенных копеек), помноженную на растущую спекуляцию, и станет ясно, что деньги эти многим помогали улучшить паек (не потому ли расхожей валютой при расчетах с населением становились патроны). Это дало солдатам основание требовать после Февральской революции дележки полковой казны, так как в ней были и их деньги «за недоед».

Хотя «голодающие серые шинели» были скорее легендой, удобной для обсуждения «общественными деятелями», обеспеченность действующей армии продовольствием и фуражом на протяжении войны действительно характеризовалась постоянными «колебаниями». В частности, в заключение о проверке состояния снабжения действующей армии членом Военного совета генералом от инфантерии бароном фон Ашебергом (февраль 1915 г.) указывалось: «Хроническое явление — недовес всех видов продовольственных запасов... Войска обеспечены кроме: сапог, шаровар, подков и колес. Белье... доставлять войскам нужно постоянно, так как снятое белье все в паразитах и приходится его сжигать».

*Полевая кухня, разбитая вражеским снарядом —
существенная потеря для роты*

Генерал Н. Н. Головин, анализируя продовольственное снабжение русской армии в годы войны, сделал ряд интересных выводов: «Довольствие армии хлебными продуктами являлось самой благополучной областью снабжения... Рассматривая вопрос о снабжении армии хлебными продуктами в более узких рамках, а именно — в смысле довольствия ее печеным хлебом и сухарями, следует подчеркнуть, что организация этого дела в самой армии была поставлена великолепно и только благодаря этому в армии не ощущался недостаток в сухарях и галетах». Выпечка хлеба в основном велась в корпусе. В целях сбережения полевых хлебопекарен войска при длительных остановках пользовались печами местного населения. Несмотря на то что сельское хозяйство лишилось большого количества работников, сбор хлеба по сравнению со среднегодовым сбором зерна за последнее пятилетие уменьшился ненамного: в 1914 г. — до 96,7%, в 1915 г. — 97,5%, в 1916 г. — 84,9%.

Хуже обстояло дело с мясом. Дело было в простом отсутствии холодильников, что вынуждало держать и пе-

ревозить мясные запасы в виде живых стад. Корпусной гурт скота был рассчитан на обеспечение четырехдневной потребности корпуса в мясе. Если учесть, что дневная норма потребления мяса на одного солдата — 1 фунт (409,5 г), на роту нужен был один бычок в день. Гурты скота при необходимости могли содержаться и при полках. На Западном фронте Первой мировой войны, как известно, большую роль в снабжении армии сыграли консервы — иногда их ставят даже рядом с пулеметом, гаубицей и колючей проволокой. В России «изготовление мясных консервов для повседневного питания армии, — как пи-

*Снабжались войска и «местными средствами».
На фото — прием фуража у еврея-поставщика*

сал помощник главного интенданта генерал-лейтенант Н. И. Богатко, — потребовало бы устройства большого числа заводов и жестяных банок, тогда жести не хватало даже для ограниченного количества готовившихся у нас консервов». Заготовить более 8 млн банок консервов в месяц не представлялось возможным. Тем временем многочисленные гурты скота погибли от голода при отступлении 1915 г. Восстановить снабжение армии мясом в объемах, близких потребностям, удалось к концу 1916 г., накануне кризиса. По той же причине — немногочисленности холодильных машин и слабости консервного производства — Россия слабо использовала для снабжения

армии один из главных своих продовольственных ресурсов — рыбные богатства. По свидетельству генерала Бортко, пришлось покупать соленые сельди за границей. Впрочем, аграрной царской России пришлось закупать за границей также рис, крупу, мешки, брезент.

Уже на совещании в Ставке 17—18 декабря 1916 г. главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт заявил: «У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение. Местные средства также исчерпаны... Раскладка сокращена так, что дальше идти нежелательно». Главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский вторил ему: «Северный фронт не получает даже битого (мяса)». А о том, какое значение имеет продовольствие, говорить не приходится. 29 декабря тот же Рузский получит доклад командующего 12-й армии Радко-Дмитриевича, где среди главных причин неудачи Митавской операции будет указано: «Приходилось все время бивакировать под открытым небом, маневрировать по плохо замерзшим торфяным болотам, пробираться через густые болотистые заросли. Снабжение пищей при таких условиях, при всей энергии начальствующих лиц, не могло быть правильным. Ввиду изложенного, несмотря на достигнутые в первые дни успехи наступательный порыв войск, естественно, сильно понизился». Впрочем, тут центральное снабжение было ни при чем — снабжение зависело от условий ведения боевых действий и наличия транспорта.

Вопросы снабжения армии продовольствием резко усложнились после Февральской революции 1917 г. Сильнейшая спекуляция со стороны поставщиков поглотила все продовольственные запасы, уничтожила всякое регулирование цен, поставила перед лицом голода промышленные центры. Как писал генерал Деникин: «Деревня замкнулась в узкий круг своего быта и, поглощенная «черным переделом», совершенно не интересовалась ни войной, ни политикой... Война отнимала и калечила ее работников, и деревня тяготилась войной». Он же приводит такие данные: кампания продовольственных заготовок 1916 г. дала 39,7 % невыполнения наряда, в июле

Не довезли воду — солдаты собирают березовый сок

1917 г. — 74 %, а в августе — уже 60 — 90 %. Отказы от поставок продовольствия по твердым ценам вместе с забастовками на транспорте резко ухудшили продовольственное положение. Правда, в самой армии это сказывалось меньше. На фронте, в ущерб питанию городов, удалось ко второй половине июня 1917 г. сосредоточить необходимый запаса хлеба.

Тем не менее уже в начале 1917 г. питание солдат ухудшилось: вместо трех фунтов хлеба начали давать два фунта строевым, находившимся в окопах, и полтора в тылу; мяса, вместо фунта в день, давали сначала 0,6, а потом и по 0,5 фунта. Затем пришлось ввести два постных дня в неделю, когда клали в котел вместо мяса рыбу (в большинстве случаев селедку); наконец, вместо гречневой каши пришлось зачастую давать чечевицу. Все это начало вызывать недовольство солдат.

Британский военный агент генерал Нокс доносил своему правительству 10 августа 1917 г.: «В некоторых губерниях крестьяне отказываются отдавать зерно иначе, как в обмен на мануфактуру... Крестьяне делают все возможное, чтобы задержать у себя зерно в надежде, что цены, которые сейчас низки, поднимутся». Забастовки транспорта не позволяли доставить даже заготовленное продо-

вольствие ни в столицу, ни на фронты. Но ведь то же самое творилось и на фронтах. До фронта доходили сведения об уже начавшемся дележе помещичьих земель, и солдаты-крестьяне не хотели опоздать или остаться обделенными.

Начавшаяся таким образом «стихийная демобилизация», как ни удивительно, соответствовала возможности военного ведомства содержать армию. Справка, данная главным полевым интендантом по состоянию на 10 октября 1917 г., показывала наличие на фронтах главных видов продовольствия (в днях запаса):

Фронт	Мука	Крупа	Сухари	Жиры	Мясо и рыба	Живой скот	Консервы
Северный	15	37	6	62	3,5	10	12
Западный	10,5	12	10	50	6	12	15,5
Юго-Западный	9	4	2,5	2	0,5	4,5	7
Румынский	8,5	5	2,5	5	1	2	6
Кавказский	25,5	66	34	61	4	3,5	25

То есть основные фронты были на переделе, и пополнять запасы было практически неоткуда. Через 10 дней на заседании министров Временного правительства министр продовольствия категорически требовал сокращения «едоков» не менее чем вдвое.

Медицинское обеспечение

По данным главного военно-санитарного инспектора, накануне Первой мировой войны армия была обеспечена медико-санитарными средствами всего на четыре месяца. Имелся также четырехмесячный запас медицинского имущества, положенного по каталогу, для 76 корпусов численностью в 50 тысяч каждый, 122 лазаретов, 850 по-

Сценка начала войны. Продавец папирос, бумаги и конвертов в действующей армии — герой Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

левых и 79 крепостных госпиталей, 74 военно-санитарных транспортов, 100 военно-санитарных поездов и на 76 020 коек для крепостей. Опыт Русско-японской войны проявился не только в количественных подсчетах. «Положительным опытом» считалась, например, система эвакуации раненых с театра военных действий в глубь страны как основы организации военно-санитарной службы. Во «Временном положении об эвакуации раненых и больных воинов» отмечалось, что «действующая армия нуждается в постоянном удалении от нее раненых и больных, дабы их присутствие не стесняло ее подвижности и не оказывало неблагоприятного влияния на находящихся в ее рядах чинов. Удовлетворение как этого требования, так и необходимости избежать скопления раненых и больных в тылу армии и тем предупредить возможность возникновения здесь эпидемий и заражения путей сообщения, составляет задачу эвакуации раненых и больных».

*Походный быт. Солдаты отдыхают в палаточном лагере.
Фото 1916 г.*

Эвакуация организовывалась применительно к порядку подвоза. В войсковом тылу разворачивались полковые и дивизионные этапы. Эвакуация раненых и больных производилась носильщиками, специальным санитарным транспортом и попутным гужевым порожняком. Этапами медицинской эвакуации в тылах пехотного полка, дивизии и корпуса в ходе войны были: передовой перевязочный пункт, разворачиваемый средствами полкового лазарета в тылу полка; главный перевязочный пункт, разворачиваемый перевязочным отрядом дивизии позади перевязочных пунктов, возможно ближе к ним, но вне сферы огня; лазареты (госпитали), которые разворачивались в тылу дивизии для раненых и больных, не нуждавшихся в продолжительном лечении; далее — железнодорожный маршрут между головным эвакуационным пунктом (армейским) и тыловым (фронтовым) эвакуационным пунктом. Головные эвакуационные пункты, разворачиваемые на головных железнодорожных станциях,

приняв раненых и больных из корпусов, осуществляли их сортировку и организовывали эвакуацию санитарными поездами в тыловые эвакуационные пункты. Головному эвакуационному пункту подчинялись полевые госпитали (из расчета по два на дивизию), где раненых предполагалось размещать для лечения, но при первой возможности передавать в полевые эвакуационные комиссии. Тыловые эвакуационные пункты развертывались в районе фронтовых распорядительных станций для частичного лечения и дальнейшей эвакуации, этим эвакуационным пунктам подчинялись полевые запасные госпитали. Последующая эвакуация осуществлялась в распорядительные эвакуационные пункты, созданные в военных округах у границы театра военных действий. Здесь часть раненых и больных оставалась на излечение. Большая часть эвакуировалась в местные (окружные) эвакуационные пункты глубокого тыла, развернутые на крупных железнодорожных узлах. Оттуда — в полевые запасные госпитали, госпитали общественных организаций и гражданские лечебные заведения.

Но для выполнения такой обширной эвакуации требовалась стройная, планомерная система с «путями сообщения шоссейными и железнодорожными, когда в тылу есть города с хорошо оборудованными госпиталями, а на фронте достаточное количество помещений для этапных и подвижных лазаретов». Не были учтены ни очевидная масштабность войны, ни новые эффективные средства поражения (пулеметы, огнеметы, отравляющие вещества), ни просто перегруженность немногочисленной сети дорог.

«Необычная прежде всего длительность боя, ведущегося непрерывно, в то время как в прежние войны, в том числе и в Русско-японскую, бои велись лишь периодами, а остальное время было посвящено маневрированию, укреплению позиций и т. д. Необычайная сила огня, когда, например, после удачного шрапнельного залпа из 250 человек остается не получившими ранения всего 7 человек», — отмечалось в журнале заседания Главного управления Российского Красного Креста 14 сентября 1914 г. А 18 сентября начальник Генерального штаба телеграфи-

ровал начальникам снабжения армий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов: «Поезда с ранеными следуют не по расписанию, без предварительного уведомления эвакуационных и продовольственных пунктов, без медикаментов, перевязочных средств».

Хирург действующей армии Н. Н. Теребинский рассказывал на XIV съезде российских хирургов в декабре 1916 г.: «Развозка раненых была неправильна, поезда шли, например, не по заранее намеченным направлениям, их не встречали питательные пункты и на местах остановок не приспособлено было кормление... В Москву приходили поезда с не кормленными несколько суток людьми, с ранами не перевязанными, а если перевязывали однажды, в течение нескольких дней не перевязывали вновь. Иногда даже с таким количеством мух и червей, что трудно даже медицинскому персоналу выносить такие ужасы, которые обнаруживались при осмотре раненых». На том же съезде профессор, лейб-хирург, член Главного управления РОКК Н. А. Вельяминов говорил об «отсутствии на фронте компетентного центрального органа, руководящего всеми делами врачебно-санитарной помощи в армии» и о необходимости «объединения деятельности различных ведомств и организаций, причастных к санитарному делу».

Из-за нехватки санитарных поездов раненых зачастую перевозили «в возвращавшихся порожняком составах, только что освободившихся от воинских эшелонов, не очищенных иногда от конского навоза, без соломы, фонарей, сходней и других необходимых принадлежностей». В результате в Петрограде и Москве в сентябре 1914 г. сосредоточилось около 80 % раненых. Если нормальная грузоподъемность поезда составляла от 450 до 500 раненых, то каждый поезд в начале войны привозил 360 – 400 человек, не подлежащих необходимой эвакуации.

Многие лечебные учреждения оказались не готовыми к приему раненых. Так, в телеграмме главного начальника снабжения армии Юго-Западного фронта в Ставку от 6 сентября 1914 года говорится, что «согласно мобилизационному расписанию, в тыловой район Юго-Западного

фронта должны были прибыть 100 госпиталей, из них подвижных — 26, запасных — 74. В действительности в указанный район всего прибыло 54 госпиталя, не дослано 46 госпиталей. Нужда в госпиталях огромная, недостаток их отражается крайне вредно на деле. Телеграфировал главному военно-санитарному инспектору просьбу безотлагательно направить недостающие госпитали». Уже 3 сентября 1914 г. приказом по военному ведомству учреждено Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части во главе с генерал-адъютантом принцем А. П. Ольденбургским. В организации санитарного дела большую помощь оказали Всероссийский земский и Всероссийский городской союзы и Российское общество Красного Креста (РОКК). Они взяли на себя заботу по организации 155 400 коек. К 1 ноября 1915 г. емкость коечной сети составляла уже 783 291 койку, из которых 105 647 принадлежали РОКК, а 256 664 — Земскому союзу и Союзу городов. К концу войны количество коек в лечебных учреждениях достигло 1 млн и было вполне достаточным. Уже в конце 1914 г. при главном управлении РОКК учредили отдел справок о больных и раненых военных чинах, «состоящих в учреждениях Красного Креста». Медицинское обеспечение стало одной из тех областей, где «общественные организации» смогли принести реальную пользу. Генерал Брусилов писал в своих воспоминаниях: «Считаю долгом совести помянуть добром многих представителей земства и отдельных лиц из ближайших к бывшей границе местностей. Помимо всякой администрации, они по собственной инициативе оказали громадные услуги раненым и больным воинам. Было создано много летучих отрядов, перевязочных пунктов и лазаретов».

С другой стороны, нехватка транспорта и недостаточная протяженность железных дорог не давали возможности равномерно заполнить больными и ранеными весь созданный объем больничных мест в лечебных учреждениях. Раненые накапливались в распределительных пунктах, куда их свозили с передовых позиций, в результате чего близлежащие эвакуационные пункты

были переполнены, а лечебные учреждения в отдаленных районах пустовали, и до конца войны их занятость не достигала 100 %.

В начале боевых действий было сформировано всего 52 военно-санитарных транспорта, в ходе войны количество их росло, но нормы — по одному на дивизию — достигнуть так и не удалось. В период мобилизации сформировано 46 военно-санитарных поездов. К 1 сентября 1915 г. добавилось еще 209 поездов, из них РОКК принадлежало 10, Земскому союзу — 50, Союзу городов — 13 и Общедворянской организации — 21. Действовали полевые, тыловые и «заразные» (для инфекционных больных) эвакуационные поезда.

Временный санитарный поезд Всероссийского земского союза. Медицинский и служебный персонал поезда. Конец 1914 г.

Для эвакуации раненых и больных в пехотной дивизии по штату полагалось 146 двуколок (в пехотном полку — 16). В ходе войны количество штатных санитарно-транспортных средств на конной тяге было увеличено до 218 двуколок, что позволило улучшить перевозку на грунтовых путях эвакуации. Автомобильный санитарный транспорт к началу войны состоял всего из двух санитарных автомобилей. К 1 сентября 1915 г. сформировано 15 санитарных автоотрядов в составе 20 санитарных автомобилей (на 4 лежащих раненых каждый). Установленной нормы — по одному санитарному автоотряду на

*Первая помощь на поле боя.
Фото 1915 г.*

корпус — здесь также не удалось достигнуть. К 1 июля 1917 г. на фронтах имелось 58 войсковых автосанитарных отрядов (всего 1154 санитарных машины). Кроме этого, фронты обслуживали 40 автосанитарных отрядов общественных организаций (всего 497 машин). Формирование вьючного санитарного транспорта началось только в 1915 г., когда этого потребовали действия в Карпатах и на Кавказе. Были созданы 24 вьючных санитарных транспорта (12 из них на январь 1917 г. находились в стадии формирования).

Обстоятельства вынуждали формировать дополнительные этапы медицинской эвакуации: перевязочно-питательные пункты, организуемые в зимнее время и при значительных путях эвакуации чаще всего силами и средствами общественных организаций; армейские приемники у станций железных дорог и в узлах грунтовых путей эвакуации в порядке импровизации средствами военно-медицинских и общественных лечебных учреждений, если раненые и больные эвакуировались из войсковых соединений на несколько железнодорожных станций, которые не могли быть обеспечены головными эвакуопунктами.

Можно проследить последовательность оказания медицинской помощи. Доврачебная помощь оказывалась ротным фельдшером. Бойцы с не очень серьезным ранением самостоятельно отправлялись к перевязочным отрядам, а затем — в эвакуационный пункт. Тяжелораненые же были вынуждены ждать наступления ночи, когда закончится бой, в надежде, что их найдут и подберут санитары. Розыск раненых и вынос их с поля боя, оказание первой помощи и доставка на передовые перевязочные пункты (полков) возлагались на полковых и дивизионных носильщиков, количество которых по штатам было вполне достаточным. В каждом 16-ротном полку их имелось 128 (по 8 в роте), в четырех полках — 512, в перевязочном отряде дивизии — 200 человек. Несмотря на это своевременный и полный вынос раненых обеспечивался далеко не всегда, особенно в тяжелых боях, при неблагоприятных условиях местности и плохих метеоусловиях. В таких случаях работа нередко затягивалась на несколько суток. Носильщики несли большие потери, которые восполнялись всегда с трудом. Б. Ц. Урланис в исследовании «Войны и народонаселение Европы» отмечал, что «офицеры тщательнее подбирались с поля боя и, в то время как тяжелораненые солдаты часто умирали на позициях, тяжелораненые офицеры попадали в госпитали». Возможно, отсюда впечатление «общества», видевшего множество офицеров в госпиталях, что офицеры «лили кровь охотнее», чем солдаты. С передовых перевязочных пунктов раненые перевозились или переносились в главный перевязочный пункт дивизии или дивизионный лазарет (госпиталь).

На основных этапах медицинской эвакуации решались следующие задачи: передовые перевязочные пункты — оказание первой медицинской помощи раненым, проведение хирургических операций по жизненным показаниям, питание раненых и больных; главные перевязочные пункты — оказание неотложной хирургической и общеврачебной помощи, временное размещение и уход за ранеными до отправления их на следующий этап, сортировка на четыре категории: 1) подлежащие

возвращению в строй, 2) способные следовать в лечебные учреждения пешком, 3) подлежащие эвакуации на транспорте, 4) нетранспортабельные. Процент оперируемости раненых здесь, по данным Н. Н. Бурденко, колебался от 1 до 7 %. Выдающийся военный хирург В. А. Оппель и ряд других фронтовых хирургов настаивали на большем расширении оперативно-хирургической деятельности главных перевязочных пунктов. По их мнению, процент оперируемости здесь можно было поднять до 20 % при усилении дивизионных перевязочных отрядов за счет передовых отрядов Красного Креста и других общественных организаций. Однако на практике добиться этого удавалось редко; лазареты дивизии осуществляли лечение раненых и больных, подающих надежду на выздоровление, здесь также оказывалась хирургическая и общеврачебная помощь госпитального характера. Чаще всего они использовались для лечения легкораненых и больных. Раненые, требовавшие дальнейшей эвакуации, направлялись в дивизионные лазареты или полевые госпитали головного эвакуационного пункта. Легкораненые направлялись в команды выздоравливающих при запасных полках. Из дивизионных лазаретов раненых эвакуировали транспортом армии (иногда и дивизии), а также порожняком на головные эвакуационные пункты. Головной эвакуационный пункт ведал организацией приема и сортировкой раненых и больных, эвакуацией тяжелораненых и больных в тыловые эвакуопункты, задержанием нетранспортабельных, распределением легкораненых по лечебным учреждениям тылового района, направлением инфекционных больных по указаниям начальника санитарной части армий.

Эвакуация раненых и больных достигла в войну необычайно больших размеров. По неполным данным, только с августа 1914 по ноябрь 1916 г. включительно с фронта в тыловые лечебно-эвакуационные учреждения были доставлены 5 812 935 больных и раненых офицеров и солдат, что в среднем в месяц составляло 116 896 человек. Летальность среди госпитализированных солдат здесь равнялась около 2,4 % у больных и около 2,6 % у ра-

Передовой перевязочный пункт, 1915 г. В числе санитаров — немецкий солдат-перебежчик, «прижившийся» в лазарете

ненных; летальность среди больных офицеров — около 1,6%, среди раненых — около 2,1%. Возвращено в строй солдат: из числа больных — около 44%, из числа раненых — 46,5%; из числа больных офицеров — около 68%, из числа раненых — около 54%. Инвалидность среди раненых достигала 30%.

В любом случае нужно было совершенствовать санитарную службу в войсках и усиливать снабжение госпиталей медикаментами и перевязочными материалами. Между тем уже в начале войны в стране стал ощущаться недостаток в медикаментах и хирургическом инструментарии. Дело в том, что из 118 наименований медикаментов военного каталога принц Ольденбургский в октябре 1914 г. распорядился организовать две комиссии — для рационального распределения имеющегося запаса медикаментов и для закупки их за границей, для чего государством было выделено 3 млн рублей. Петроградский завод военно-врачебных заготовлений стал работать в три смены, а Институт экспериментальной медицины

Вагон-баня

Вагон-баня

обеспечил бесперебойный выпуск вакцин и сывороток. По инициативе принца и на его личные средства было начато производство йода из морских водорослей, а также сбор лекарственных трав на Кавказе. Летом 1915 г. Земский союз приступил к строительству фабрики для изготовления лекарств из местного сырья. Все эти меры помогли стабилизировать ситуацию с медицинским снабжением действующей армии и лечебных заведений тыла страны. Особенно благополучно обстояло дело со снабжением войск индивидуальными перевязочными пакетами. Если в начале войны планировалось направлять на фронт в среднем по 710 тыс. пакетов в месяц, то фактически с сентября 1914 по март 1917 г. ежемесячно их в среднем отправлялось на фронт по 1 622 400 шт.

В ходе войны на фронтах были созданы подвижные отделения полевых аптек из расчета по 1—2 на каждую армию. Эти отделения размещались в 12—13 вагонах и выдвигались по железным дорогам ближе к войскам. На Юго-Западном фронте во время Брусиловского прорыва 1916 года создавались даже «летучие отделения полевых аптек» под руководством корпусных врачей, что дало положительные результаты.

На фронтах к февралю 1917 г. (кроме Кавказского) функционировали 195 полевых подвижных и 411 запасных госпиталей военно-медицинского ведомства, а также 76 полевых госпиталей, 215 передовых отрядов и летучек, 242 конно-санитарных транспорта и 157 дезинфекционных отрядов РОКК и других общественных организаций. Во внутреннем районе лечебно-эвакуационная работа осуществлялась распределительными и окружными эвакуационными пунктами.

Профессор В. А. Оппель настаивал на внедрении метода этапного лечения, основанного на том, что раненому должна оказываться хирургическая помощь там и тогда, когда в ней возникла необходимость, а эвакуация производится на расстояние, допустимое для здоровья раненого. В ходе войны были сделаны попытки внедрения хирургии в войсковом тылу и применения подвижных хирургических групп и отрядов. Зародилась специали-

Походная парикмахерская

зированной медицинской помощи. Начали применяться рентгеновские установки в полевых условиях. Введены походные дезинфекционные камеры и др.

Война доказала целесообразность сосредоточения основных войсковых санитарных учреждений в дивизиях, а не в корпусах, так как именно при этом достигалось приближение медицинских средств к полю боя. На горьком опыте была доказана необходимость иметь медицинские средства в батальонах и ротах.

Созданный при мобилизации резерв военных врачей (432 человека) быстро был исчерпан. К февралю 1917 г. некомплект врачей достигал 3150 человек. Несмотря на приход квалифицированных врачей через общественные организации, на протяжении всей войны некомплект в них колебался в пределах 15% к штатной численности. Неудивительно — ведь и общее количество врачей в стране было невелико.

Проблемы с организацией питания и гигиеническим обеспечением, вши, неизбежные при длительном сидении в окопах, общий недостаток медицинских средств

привели к тому, что во время войны широко распространились инфекционные болезни. Уже в конце 1914 г. на фронте было зарегистрировано 8768 случаев заболевания холерой. На 1000 заболевших военнослужащих за время войны приходилось в среднем (в процентах): больных тифами — 49,9; дизентерией — 16,5; холерой — 7,9; натуральной оспой — 0,7; цингой — 93,2%.

Хотя меры по поддержанию гигиенической стороны применялись немалые. Тут вклад «общественных» организаций оказался также заметным и своевременным. «В отношении бань, — писал А. А. Брусилов, — Всероссийский земский союз оказал нам прямо-таки неизмеримую пользу... И Союз городов принес большую пользу, но, по крайней мере, у меня в 8-й армии Земский союз был более деятелен, и считаю долгом совести засвидетельствовать, что благодаря его работе никогда никакие инфекционные болезни не принимали обширных размеров; при появлении какой-либо заразной болезни мы быстро справлялись с инфекцией, и войска от болезней страдали мало, в особенности по сравнению с санитарным состоянием войск в прежних войнах».

Свой вклад вносили и другие организации. Главный комитет помощи воинам при Министерстве путей сообщения, например, довольно быстро организовал поезд-баню и начал организацию поездов-прачечных.

Потери и кризис в людях

Стоит учесть, что вообще цифры потерь русской армии за 1914 — 1917 гг. приводятся различные. В «Трудах комиссии по обследованию санитарных последствий войны» указывались 511 068 убитых солдат и офицеров, в сборнике «Россия в мировой войне 1914 — 1918 годов» (изданном ЦСУ в 1925 г.) — 626 440, в справке дежурного генерала

Собирая на поле боя раненых, санитары обозначали места нахождения убитых воткнутыми в землю винтовками

Главного штаба, подготовленной 10 октября 1917 г. по запросу французской военной миссии, — 775 369 (вместе с пропавшими без вести). Демограф Б. Ц. Урланис (1960 г.) вычисляет примерно 1,2 млн убитых. В статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века» (2001 г.) коллектива исследователей под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева приводятся такие цифры безвозвратных демографических потерь русской армии за всю войну:

Виды потерь	Всего	В том числе	
		офицеров и классных чинов	нижних чинов
Безвозвратные боевые потери (убито и умерло от ран)	1 890 369	37 749	1 852 620
Безвозвратные небоевые потери (умерло от болезней, в плену, в результате других причин)	36 4000	13 650	350 350
Всего	2 254 369	51 399	2 202 970

Среднемесячные потери русской армии, согласно отчетам Военного министерства, составляли: в 1914 г. — убитыми около 8 тыс. чел., ранеными около 46 тыс.; в 1915 г. — соответственно около 23 и 102 тыс., в 1916-м —

22 и 77 тыс. В 1915 г. потери растут. И все чаще над братскими могилами при отпевании звучит: «Имена же их Ты, Господи, веши». Количество попавших в плен росло так: за 1914 г. — в среднем в месяц 11 тыс. чел., в 1915 г. — 82 тыс., в 1916 г. — 125 тыс. Понятно требование ежемесячных пополнений в 300 тыс. чел.

Потери в личном составе (демографические, санитарные, попавшими в плен) по отношению к численности армий для России составляют 60,3 %, для Франции — 55,9 %, Великобритании — 34,8 %, Германии — 59,3 %, Австро-Венгрии — 54,2 %. Отчетливо видно, какие страны несли наибольшее «напряжение людьми».

Что касается распределения потерь по родам войск, то, по данным, собранным доктором В. Г. Аврамовым и опубликованным еще в 1920 г., их распределение по родам войск выглядит так:

Пехота, %	94,1
Кавалерия, %	1,7
Артиллерия, %	1,1
Инженерные войска, %	0,3
Пограничная стража, %	2,6
Прочие части, %	0,2

Независимо от возможных поправок в долях это показывает, что пехота была и самым «расходуемым» родом войск, причем «расходуемым» в громадных количествах. Об этом говорит и сравнение процента потерь по родам войск в русской армии и французской, лучше обеспеченной техническими средствами:

Род войск	Потери раненых среди нижних чинов русской армии, %	Общие потери во французской армии, %
Пехота	36,9	21,8
Кавалерия	18,3	7,1
Артиллерия	7,4	6,1
Инженерные войска	5,5	6,3

Братская могила в Козеницком лесу. Похороны погибших в бою 1–2 октября 1914 г.

Русская пехота несла примерно в 1,5 раза более тяжелые потери, нежели французская.

К 1917 г., когда удалось решить большую часть проблем с вооружением и боеприпасами, армия оказалась перед лицом еще одного «голода» — нехватки людей. Военный министр генерал Шуваев в письме № 1497 начальнику Штаба Главковерха генералу Гурко от 8 декабря 1916 г., оценивая имеющиеся резервы для призыва, делал вывод: «Принимая во внимание, что для пополнения потерь в армии Штаб Верховного Главнокомандующего признает необходимым высылку ежемесячно в среднем 300 000 человек, можно сказать, что имеющихся в распоряжении Военного министерства контингентов хватит для продолжения войны лишь в течение 6 — 9 месяцев».

Февральская революция и развал армии, ускоренный беспомощностью Временного правительства, только обострили эту проблему. Итог подведен в письме военного министра А. П. Верховского временно исполнявшему обязанности начальника Штаба Главковерха генералу М. В. Алексееву от 4 сентября 1917 г.: «Некомплект всех

фронтов возрос до 674 000 человек. Такое положение повелительно указывает на то, что ведение войны в тех размерах, в коих она велась до последнего времени, нам непосильно... Из населения взято более 15 000 000 работников, в стране полная разруха во всех отраслях экономической жизни, дальнейшее напряжение сил государства представляется немыслимым... В настоящее время в переменном составе запасных пехотных полков внутренних округов находится не более 400—500 тысяч человек, могущих быть отправленными на пополнение пехоты армии». Проще говоря, нужно было заканчивать войну как можно быстрее.

Об отношении к солдату

Из воспоминаний русского солдата Д. Оськина о ноябре 1914 г.: «Морозы застали нас в летнем обмундировании. Обувь, полученная еще в Туле, за время продолжительных походов поистерлась, и у большинства солдат сапоги «просили каши». Летние портянки не грели. Особенно скверно приходилось тем из солдат, кто проводил ночь на сторожевых постах. Только тут мы пожалели о выброшенных нами перед выходом из Устилуга набрюшниках и башлыках — какие хорошие из них получились бы портянки!

Жизнь в окопах, в близком соседстве от немцев, держала нас постоянно настороже — каждую минуту можно было ожидать наступления с их стороны, и мы спали не раздеваясь. Самые окопы были неудобны и скорее напоминали зигзагообразные канавы. Рядом с окопами солдаты сами, без каких-либо указаний саперных частей, вырыли землянки — глубокие ямы, прикрытые несколькими слоями бревен, пересыпанных слоями земли. Здесь мы чувствовали себя достаточно укрытыми от снарядов, но зато не было никакого спасения от холода. Проле-

жать целый день в землянке было совершенно невозможно — приходилось выбегать наружу и согреваться бегом на месте.

Сначала мы попробовали было устроить нечто вроде печей, но временно командующий батальоном полковник Иванов, заметив дым над землянками, строжайше запретил разводить огонь, так как немцы, мол, по дыму обнаружат месторасположение окопов и начнут артиллерийский обстрел. На наш взгляд, это запрещение казалось совершенно бессмысленным — немцам все равно было известно наше расположение, так же, как и мы знали, где расположены окопы немцев. Досаднее же всего было то, что над немецкими окопами мы с утра до вечера видели дым. Очевидно, они нисколько не боялись отапливать свои убежища».

Каково было отношение к русскому пехотинцу и его отношение к «начальству»?

Маршал А. М. Василевский вспоминал о своей службе прапорщиком в пехотном полку на фронте: «В армии царской России среди командного состава наблюдались две тенденции. Одна из них, преобладавшая, порождалась самим положением армии в эксплуататорском государстве. Офицеры, выходцы главным образом из имущих классов... с недоверием относились к одетым в военную форму рабочим и крестьянам... Грубость с подчиненными, надменность и неприкрытая враждебность к ним были нормой поведения офицерства, в частности начальника нашей дивизии генерала И. К. Сарафова.

Но в военной обстановке такие взаимоотношения солдат и командиров были немыслимы. Повиновение, держащееся на страхе перед наказанием, немного стоит. Лишь только армия попадает в тяжелые боевые условия, от такого повиновения не остается и следа. Чтобы выиграть сражение, одного повиновения мало. Нужно, чтобы подчиненные доверяли командирам. Это всегда прекрасно понимали передовые русские офицеры».

И не только понимали, но и устанавливали такие взаимоотношения с солдатами. «Русский военный эпос, — писал генерал А. И. Деникин в своих воспоминаниях, —

полон примеров самопожертвования — как из-под вражеских проволочных заграждений, рискуя жизнью, ползком вытаскивали своих раненых — солдат офицера, офицер солдата».

В описании боевых действий 61-го пехотного Владимирского полка 15 июня 1916 г. приведены такие примеры: «Когда во время контратак противника прапорщик Кучеренко, зарвавшийся один далеко вперед и окруженный австрийцами, расстрелял револьверные патроны и отбивался лопаткой, на помощь к своему офицеру первый бросился рядовой 16-й роты Колесников, заколовший при этом двух австрийцев; когда подбежали еще пять нижних чинов, то они взяли под руководством Колесникова в плен 23 австрийца...

Подпрапорщик 15-й роты Чепурнов с рядовым той же роты Пастуховым вдвоем бросились на 12 человек прислути при бомбомете и миномете, загнали этих 12 человек в убежище и, обезоружив, захватили в плен...

Ефрейтор 4-й роты Иван Тарапун, несмотря на ураганный артиллерийский и пулеметный огонь противника, вынес на руках из проволочного заграждения тяжело раненного прапорщика Шаблинского и внес его в окоп противника, где ему была оказана медицинская помощь».

Рукоприкладство, грубость, презрительное отношение к «серой скотинке», конечно, имели место. Однако заявления вроде брошенного в середине 1917 г. военным министром Керенским о том, что «в царской армии» солдаты «гнали в бой кнутами и пулеметами... на убой», были скорее болтовней (если припомнить заявления современных либеральных историков о «войне, выигранной пулеметами заградотрядов», приходится признать, насколько они неоригинальны).

Во всех войнах и во всех армиях имеют место различного рода дезертирство или добровольная сдача в плен. В частности, в 1915 г. во время большого отступления получило распространение явление «самострела» — обычно солдаты простреливали себе палец, таких «самострелов» прозвали «палечниками». Между прочим, генерал Деникин утверждал, что «наши солдаты выучились этому

способу у австрийцев, которые первыми начали практиковать его еще летом 1914 года». В 1915 г. пришлось ввести смертную казнь «палечникам», а за неисполнение приказа — телесное наказание розгами.

Бывший военный корреспондент М. Лемке приводит письмо главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта Рузского начальнику штаба Главковерха от 21 января 1915 г.: «Случаи добровольной сдачи в плен среди нижних чинов были и бывают, причем не только партиями, как сообщаете вы, но даже целыми ротами. На это явление уже давно обращено внимание и предписано было объявить всем, что такие воинские чины по окончании войны будут преданы военному суду; кроме того, о сдавшихся добровольно в плен сообщается, если это оказывается возможным, на их родину. Указания Верх. Главн. будут вновь подтверждены. Хотя после принятых мер число случаев добровольной сдачи в плен значительно уменьшилось, и были даже примеры, когда пытавшиеся сдаться расстреливались своими же в спину, но тем не менее случаи эти будут повторяться и в будущем, пока не устранится главная причина их — отсутствие офицерского надзора, являющегося следствием крайнего недостатка офицеров. Необходимо принять самые энергичные меры к возвращению вылечившихся офицеров, находящихся ныне во внутренних губерниях России». Дело сводилось к укреплению воинской дисциплины.

Как и в любой войне, многое зависело от поведения офицеров в бою. А. А. Брусилов, например, вспоминает эпизод боев на Буге в том же 1915 г., когда «оказалась неустойчива» 12-я пехотная дивизия: «Я тут же отдал Каледину приказание моим именем отрешить начальника 12-й дивизии от командования и назначить на его место начальника артиллерии корпуса генерал-майора Ханжина, которого я знал еще с мирного времени и был уверен, что этот человек не растеряется. Ханжин оправдал мои ожидания. Подъехал к полку, который топтался на месте, но вперед не шел, и, ободлив его несколькими прочувствованными словами, он сам стал перед полком и пошел вперед. Полк двинулся за ним, опрокинул врага и вос-

*Еще одна картина походного быта. Письмо на родину.
В начале войны письма были еще спокойными*

становил утраченное положение. Не покажи Ханжин личного примера, не поставь он на карту и свою собственную жизнь, ему, безусловно, не удалось бы овладеть полком и заставить его атаковать австро-германцев». В другом месте А. А. Брусилов пишет, как во время осады Перемышля «одна из второочередных дивизий, в одну не прекрасную ночь атакованная 11-м австрийским корпусом, бросила свои окопы, очистив их совершенно... К счастью, австрийцы, врезавшись в наше расположение, запутались в лесу, и это помешало им использовать достаточно быстро одержанный ими успех... мною было приказано командиру 12-го корпуса энергично атаковать австрийцев в занятом ими лесу и восстановить положение; кроме того, самовольно ушедшей из своих окопов дивизии приказал вернуться. Эта второочередная дивизия имела мало офицеров, да и те оказались не на высоте своего положения. Тут пришла на помощь кавалерийская дивизия, которая выделила по собственной инициативе часть своих офицеров, добровольно вызвавшихся

принять на себя командование ротами и батальонами этой сплеховавшей дивизии и водворить в них порядок. Солдаты с радостью приняли своих новых командиров и охотно, с усердием исправили свою ошибку, взяв обратно брошенные ими окопы».

«Был еще в массах нашей армии один крупный недостаток, — писал бывший генерал-майор А. А. Незнамов, — он был у всех родов войск, но в пехоте особенно выявлялся. Я говорю об апатии, какой-то массовой пассивности. Слишком много и слишком часто пехоте говорили при обучении о смерти, о необходимости жертвовать собой». Да и серое однообразие сидения в окопах, то заливаемых грязью, то засыпаемых песком, то заносимых снегом, при отсутствии понимания задач и целей этого «сидения», конечно, не способствовали «активности». «Жив, здоров, сидим в окопах, и сидеть, кажется, конца-краю не предвидится» — так формулировал в письме с фронта солдатское ощущение безысходности отец главного героя в повести А. Гайдара «Школа».

Требование же «жертвовать собой» постоянно повторялось «сверху». Хорошо известен пассаж из дневника французского дипломата Мориса Палеолога по поводу его беседы с председателем Совета министров Штюрмером 1 апреля 1916 г.: «Мне хотелось бы ему объяснить, что при подсчете потерь обоих союзников, центр тяжести не в числе, а совсем в другом. По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия одна из самых отсталых стран в свете: из 180 млн жителей 150 неграмотных. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием; в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные; это сливки и цвет человечества. С этой точки зрения наши потери чувствительнее русских потерь».

Высокомерное хамство французского дипломата, видимо, питалось все же из отношения к русскому солдату, которое он наблюдал в самой России, а точнее — в ее столице. Не зря в записке, подготовленной 28 членами

особого совещания в ноябре того же 1916 г. для доклада царю, говорилось: «Принцип бережливости людской жизни не был в должной мере воспринят нашей армией и не был в ней достаточно осуществлен... В армиях прочно привился иной взгляд, а именно, что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь преимущественно ценой человеческой крови».

Что касается проблем межнациональных отношений, особенно важных для многонациональной России, то генерал Деникин, которого трудно упрекнуть в плохом знании предмета, заочно отвечал и тем, кто упрекал русскую армию в «засилье инородческого и иноверческого элемента», и тем, кто громко стонал об «угнетении национальных меньшинств»: «Совершенно закрыт был доступ к офицерскому званию лицам иудейского вероисповедания. Но в офицерском корпусе состояли офицеры и генералы, принявшие христианство до службы и прошедшие затем военные школы. Из моего и двух смежных выпусков Академии Генерального штаба я знал лично семь офицеров еврейского происхождения, из которых шесть ко времени мировой войны достигли генеральского чина... Не существовало национального вопроса и в казарме. Если солдаты — представители нерусских народностей — испытывали большую тягость службы, то главным образом из-за незнания русского языка. Действительно, не говорившие по-русски латыши, татары, грузины, евреи составляли страшную обузу для роты и ротного командира... Во всяком случае, в Российской армии солдаты-евреи, сметливые и добросовестные, создавали себе всюду нормальное положение и в мирное время. А в военное — все перегородки стирались сами собой, и индивидуальная храбрость и сообразительность получали одинаковое признание».

Латышские стрелковые батальоны пользовались в ходе войны «хорошей боевой репутацией». Впрочем, и после революции они сохранили дисциплину, только перейдя уже на сторону большевистского правительства. Исправно служили в Российской армии и выходцы из Финляндии — вплоть до очередного подъема финского

национализма в 1917 г. Кстати, когда развитие местного шовинизма после Февральской революции вызывало требование формирования различных «национальных войск», кроме национализма, здесь значительную роль играло нежелание воевать. Поведение «украинских» частей Петлюры, например, тот же Деникин определял не иначе как «неприкрытое шкурничество».

Об отношении к войне

«Кризис в людях» 1917 г. проявлялся не только в недостатке пополнений, но и росшем недовольстве войной со стороны солдат — и прежде всего пехотинцев. Разбор процесса распада русской армии — тема для отдельного большого и обстоятельного исследования. Но без упоминания этого трудно понять изменения в поведении и действиях русской пехоты. Ограничимся приведением некоторых цифр и свидетельств.

На протяжении кампаний 1914, 1915 и 1916 годов русские солдаты показали многочисленные примеры мужества, терпения, стойкости, выносливости — истонных черт русской армии. Это давало русской армии силы с честью выносить борьбу с технически и организационно превосходящим противником. Остались интересные свидетельства противника о мужестве и решительности русского солдата. Вот что писал о нем, например, очевидец гибели 20-го русского корпуса в Августовских лесах С. Штайнер в берлинской газете «Lokalanzeiger»: «Он выдерживает потери и держится еще тогда, когда смерть является для него неизбежной». Германский участник боев на Русском фронте записал в своих воспоминаниях о 1915 г.: «В течение нескольких часов весь передний край русских был под огнем нашей тяжелой артиллерии. Окопы были просто перепаханы и сровнены с землей,

казалось, живых там не осталось. Но вот наша пехота пошла в атаку. И вдруг русские позиции оживают: то здесь, то там раздаются характерные выстрелы русских винтовок. И вот уже фигуры в серых шинелях показываются повсюду — русские поднялись в стремительную контратаку... Наша пехота в нерешительности замедляет темп наступления... Раздается сигнал к отходу...». «Его физические потребности невелики, но способность, не дрогнув, выносить лишения вызывает истинное удивление», — писал о русском солдате генерал вермахта Г. Блюментритт, обобщая свои лейтенантские впечатления 1915 года. Позже Ф. фон Меллентин, оценивая бои на Восточном фронте во Второй мировой войне, напомним: «Нечувствительность русских к артиллерийскому огню не является каким-то новым их качеством — оно проявилось еще в ходе Первой мировой войны».

С другой стороны, участники Первой мировой войны в своих воспоминаниях неизменно обращают внимание на то, что солдаты русской армии в большинстве своем просто не видели смысла этой войны. Она действительно была чужда интересам народа, интересам России. Генерал Брусилов вспоминал уже о начале войны: «Прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было так же темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя... Чем был виноват наш простолудин, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали, и что зачастую сам губернатор — из этих умных и хитрых людей. Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия

не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!. Войска были обучены, дисциплинированы и послушно пошли в бой, но подъема духа не было никакого, и понятие о том, что представляла собой эта война, отсутствовало полностью».

Окопный быт, 1915 год. В письмах с фронта уже ощущается усталость

Британский военный писатель и историк Б. Лиддель-Гарт писал о Брусиловском наступлении 1916 г.: «В последний раз Россия пожертвовала собой ради своих союзников, и несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплатными должниками России». Историк, которого нельзя упрекнуть в «русофилии», признал, что усилия России были направлены более в пользу союзников, нежели в свою. Мог ли тогда русский солдат понимать смысл ведущейся войны, требовавшей от него и его товарищей таких усилий?

Командир действовавшего на Русском фронте бельгийского бронедивизиона майор Шемет писал, что его соотечественники должны быть благодарны русским, которые, несмотря «на невероятные потери, продолжают драться за общее дело», но тут же добавлял, что им

требуется «авторитарный режим». Офицер этого же дивизиона Тири писал: «Удивительные солдаты! Их всего лишают, они с трудом понимают, за что они сражаются, однако они продолжают драться, несмотря на усталость, физические и моральные страдания... но после боя сразу говорят только о «домой».

Конечно, усталость от войны и перенапряжение сил нации проявлялись во всех воюющих странах. Н. А. Таленский в статье «Некоторые выводы из опыта войны 1914 — 1918 гг.» (1940 г.) приводит такие данные: если Россия за время своего участия в войне мобилизовала до 12 % своего населения, то Франция (без колоний) — более 17 %, Великобритания (без колоний) — до 10,6 %, Германия — 20,4 %, Австро-Венгрия — 17 %. По отношению к мужскому населению это составляло: для России — 22,6 %, для Германии и Австро-Венгрии — 39,6 %, для Франции (без колоний) — до 40,8 %. Однако, как уже указывалось, абсолютные потери России и отношение потерь к числу мобилизованных для России были наибольшими.

Среди русской «общественности», далекой от армии, распространилось мнение, что «после неудач 1915 года русская армия уже развалилась». Действительно, тяжелая обстановка на фронте угнетающе действовала как на солдат, так и на офицерский состав. Бывший генерал-лейтенант Я. А. Слащев, командовавший в 1915 г. ротой лейб-гвардии Финляндского полка, писал: «Старая армия окончательно превратилась в ополчение без опытного комсостава, без способных вождей и без духа. Ничто не воодушевляло эту массу людей, и только привычка повиноваться заставляла ее кое-как нести боевую службу». А бывший генерал-лейтенант русской армии (впоследствии — генерал-лейтенант Советской Армии) М. Д. Бонч-Бруевич так оценивал состояние русской армии на конец 1915 г.: «Опытный командный состав в значительной степени был выбит в предшествующих боях; вместо него явились в армию «прапорщики» из школ и так называемые «офицеры военного времени», то есть штаб и обер-офицеры, выслужившиеся во время войны; обе эти категории офицеров оставляли желать много лучшего в деле умения

поддерживать боеспособность вверенных им частей, хотя лично многие из них были весьма храбрыми офицерами.... Старых солдат, опытных в боях и в походной жизни, оставалось в строю немного; их сменила молодежь, слабо подготовленная в запасных частях... Мысль призванных, несомненно, работала в направлении признания полного неблагополучия в деле ведения войны, а отсюда уже совсем близко и до крика: «Долой ненужную войну!» С такими именно настроениями прибывали люди на укомплектование войсковых частей в конце 1915 г. и позже, передавая его другим товарищам по части».

Разочарование и непонимание проявлялось и в офицерской среде, хотя и иначе. В одном из писем, полученном начальником Штаба Верховного Главнокомандующего из действующей армии, говорилось: «Яд недоверия не только к умению, но и к добросовестности начальников настолько заразил армию, что лицу, хорошо знающему ее действительное настроение, трудно назвать три-четыре имени популярных и пользующихся доверием войск старших начальников». Такие же настроения витали и в «гражданском обществе», и армия не могла быть отделена от них.

Но, как известно, все определяется пропорциями. Доблесть и умение, проявленные русскими войсками в 1916 г., показывали, что армия еще была боеспособна, а многие офицеры могли держать в руках свои части. Наиболее характерным примером стало знаменитое «Брусиловское наступление», или «Луцкий прорыв». Однако тот же Брусилов писал позже об этом периоде: «Приходилось, вследствие нашей слабой подготовки во всех отношениях, возмещать в боях нашу техническую отсталость в орудиях борьбы излишней кровью, которой мы обильно поливали поля сражения. Такое положение дела, естественно, вызывало ропот неудовольствия и негодования в рядах войск и возмущение начальством, якобы не жалевшим солдата и его жизни». О ситуации, сложившейся после остановки наступления и понесенных потерь: «Глухое брожение всех умов в тылу невольно отражалось на фронте, и можно сказать, что к февралю

1917 года вся армия — на одном фронте больше, на другом меньше — была подготовлена к революции. Офицерский корпус в это время также поколебался и в общем был крайне недоволен положением дел... Солдат больше сражаться не желал и находил, что раз мир должен быть заключен без аннексий и контрибуций и раз выдвинут принцип права народов на самоопределение, то дальнейшее кровопролитие бессмысленно и недопустимо... Офицер в это время представлял собой весьма жалкое

А это уже 1917 год. Солдаты идут на митинг

зрелище, ибо он в этом водовороте всяких страстей очень плохо разбирался и не мог понять, что ему делать. Его на митингах забивал любой оратор, умевший языком болтать». «Пропорции» начали резко меняться.

Протест против войны и нежелание продолжать ее проявлялись далеко не сразу. Письмо солдата в родную деревню, приводимое Асташовым А. Б., рисует нормальную реакцию на боевую обстановку обстрелянного, но уставшего солдата: «Били из орудий, собьем, пойдем в атаку, глядеть жутко становится, так много лежит нашего брата и немцев, так и валяются: у того руки не хватает, у того ноги, а то просто одна голова валяется, или куски мяса разбросаны по полю».

Письмо домой другого солдата в это время гласило: «Мы, окопники, самое большее терпим до осени, а тогда берегись тыл и враги фронтовых солдат. Пока <они> тер-

пят, а когда сорвутся, то, как саранча, все сметет и уничтожит армия, если только не послушают ее голоса». Выступления в войсках начались еще до февраля 1917-го. Накануне Митавской операции, например, вспыхнули волнения среди стрелков сибирских корпусов — а сибирские части считались наиболее дисциплинированными и боеспособными. 22 декабря 1916 г. стрелки 1-го батальона 17-го Сибирского полка отказались идти в наступление. Весь 17-й полк пришлось отвести в резерв. Вспыхнули волнения и в 55-м Сибирском полку 6-го Сибирского корпуса, за что были расстреляны 13 солдат. Всего за антивоенную пропаганду и отказ идти в наступление в течение января в 12-й армии было расстреляно 92 человека.

Но какими бы средствами и в каком бы количестве ни разбрасывались семена пропаганды, результаты зависят от почвы, на которую они падают. И. В. Сталин не случайно писал в «Правде» от 4 мая 1917 г.: «Между тем как война за захваты продолжалась по-старому, жизнь в окопах, действительная жизнь солдат выдвинула новое средство борьбы — массовое братание».

Генерал Н. Н. Головин приводил такие цифры взаимоотношения между кровавыми потерями (убитые и раненые) и попавшими в плен:

Год	Категория	Примерные цифры потерь		Взаимоотношение, %		
		кровавые потери	пленные	кровавые потери	пленные	всего
1914 и 1915	офицеры	53 000	13 000	80	20	100
	солдаты	2 975 000	1 779 000	64	36	100
1916	офицеры	24 500	2 000	92	8	100
	солдаты	2 035 000	342 000	86	14	100
1917	офицеры	12 500	2 000	87	13	100
	солдаты	399 000	279 000	41	59	100

Цифры округлены, но отражают картину отношения к службе на фронте. Видно, как уменьшается процент попавших в плен в 1916 г. — в связи с переходом к позиционной войне, и как резко растет этот процент среди солдат

в 1917 г. Вместе со столь же резким ростом дезертирства это показывает, до какой степени развала была доведена армия. Если в 1914—1915 гг. на 10 убитых и раненых приходилось 2,5 попавшего в плен среди офицеров и 5,9 среди солдат, то в 1917 г. — соответственно 1,5 и 6,9.

А. А. Незнамов в труде «Пехота» рассказывал: «Военная цензура (в мировую войну) знает неединичные случаи, когда мать сообщала сыну о получении в деревне письма от попавшего в плен «Миколки», рассказывала, что там «работать не очень заставляют, кормят три раза в день»... и... искренне советовала сынку «поберечь себя». В то же время рассказы сбежавших из германского или австрийского плена о бесчеловечном обращении с русскими военнопленными оставались достоянием печати, а не массы пехотинцев. И все же сдача в плен резко росла только с середины 1917 г. Что касается соотношения потерь убитыми и ранеными, с одной стороны, и пленными, с другой — по родам войск и частям, тот же Головин приводит следующие данные:

Рода войск и части	Кровавые потери (убитые и раненые), %	Пленные, %	Всего, %
Гвардия	91	9	100
Гренадерские части	78	22	100
Пехота армейская (первоочередные и второочередные дивизии)	65	35	100
Стрелковые части	82	18	100
Кавалерия	79	21	100
Казачьи войска	94	6	100
Пограничная стража	86	14	100
Артиллерия	56	44	100
Инженерные войска	77	23	100
Ополчение	42	58	100

Высокий процент пленных среди пехоты Головин предпочитает объяснять вкладом «менее стойких» второочередных дивизий, среди артиллерии — сдачей крепостей с личным составом.

Цифры дезертирства в армии, приходящиеся в основном на пехоту, Головин приводил на основе данных Отдела военной статистики Центрального статистического управления СССР.

Период	Общее число	Среднее в месяц
С начала войны до Февральской революции	195 130	6346
С Февральской революции до 1 августа 1917 г.	365 137	30 900

Объяснить такой резкий рост дезертирства одними только «шкурничеством» и «трусостью» уже нельзя. «По существу дела, — пишет Головин, — это была стихийно начавшаяся демобилизация. Массы русского народа устали от войны и продолжать ее не хотели». К тому же пехота состояла преимущественно из крестьян, а в тылу уже начался «передел» помещичьей земли, и солдаты-крестьяне боялись опоздать к дележу.

14 марта 1917 г. генерал М. В. Алексеев сообщал Временному правительству: «В 5-й армии наступившие события некоторыми солдатами рассматриваются как конец войны, другими — как улучшение своего питания, а частью — безразлично». Но уже в апреле 1917 г. Алексеев писал военному министру: «В армиях развивается пацифистское настроение. В солдатской массе зачастую не допускается мысли не только о наступательных действиях, но даже о подготовке к ним». 23 апреля коалиционное Временное правительство опубликовало декларацию, в которой объявило о продолжении войны за мир «без аннексий и контрибуций». Генерал Брусилов рассказывал на заседании в Петрограде 4 мая 1917 г.: «Заявление «без аннексий и контрибуций» необразованная масса поняла своеобразно. Один из полков заявил, что он не только отказывается наступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения, но им заявили, что их сместят. Я долго убеждал полк, и когда спросил, согласны ли со мною, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мною появился плакат — «Мир во что бы то

ни стало, долой войну». При дальнейшей беседе одним из солдат было заявлено: «сказано без аннексий, зачем же нам эта гора». Я ответил: «Мне эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающего ее противника». В результате мне дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя это так: «Неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, если не будем наступать мы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей: зачем же калечиться?». Хотя генерал и называл такие случаи «единичными». Генерал Драгомиров дополнял картину: «Приходящие пополнения отказываются брать вооружение — «зачем нам, мы воевать не собираемся». Генерал Щербачев разъяснял: «Главнейшая причина этого явления — неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что он необразован. Это всецело грех старого правительства, смотревшего на вопросы просвещения глазами Министерства внутренних дел. Но с фактами малого понимания массой серьезности нашего положения, с фактами неправильного истолкования даже верных идей необходимо считаться. Я не буду приводить вам много примеров, я укажу только на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войсках название «Железной» и блестяще поддерживавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать. Подобный же случай произошел на днях в соседней с этой дивизией, тоже очень хорошей стрелковой дивизии. Начатые в этой дивизии подготовительные работы были прекращены после того, как выборными комитетами, осмотревшими этот участок, было вынесено постановление прекратить их, так как они являются подготовкой для наступления». Инженерное оборудование позиций, перемещение частей, перестановка батарей вызывали стихийные митинги с обвинениями в адрес командного состава, что он собирается «гнать солдат на убой».

Что касается командного состава, то М. Д. Бонч-Бруевич, анализируя состояние армии в 1917 г., пишет, что в отношении мер продолжения войны «весь командный

состав раскололся как бы на два лагеря. Слепо верившие в возможность исцеления армии негодовали на отмену в ней прежнего порядка, не отдавая себе отчета в том, что и при прежнем порядке армия как боевая сила начала разлагаться уже с конца 1915 года; не отдали они себе отчета в том, что у начальников в армии вместо «права приказывать» осталась к этому времени лишь «привычка отдавать приказы» и что у солдат вместо «обязанности подчиняться приказам» осталась лишь та или иная степень «добровольного подчинения». Разумеется, дело было не только в «послаблениях» новой власти, а в общем разложении и стремительном разделении страны и общества.

Характерно, что 1-й генерал-квартирмейстер Верховного командования германской армии Людендорф даже с некоторым сочувствием писал по поводу неудачи наступления русского Западного фронта в 1917 г.: «Положение в течение нескольких дней представлялось очень тяжелым, пока наши резервы и артиллерийский огонь не восстановили фронта. Русские оставили наши траншеи. Это не были уже русские прежних дней». Как русские военные считали, что германская армия является наиболее серьезным и упорным противником, так и германцы до того с наибольшим уважением и опасением относились к русским солдатам и офицерам, которые, несмотря на слабую техническую оснащенность, сражались упорнее французов или англичан.

Об отношении к противнику

Приведем несколько свидетельств того, как воспринимали русские солдаты и офицеры своего противника.

«Я всегда говорил и заявляю это печатно: немецкий народ и его армия показали такой пример поразительной энергии, стойкости, силы патриотизма, храбрости,

Шутка кашевара

выдержки и дисциплины и умения умирать за свое отечество, что не преклоняться перед ними как воин я не могу», — писал генерал Брусилов.

Хорошо известен случай противостояния отборных русского и германского соединений. 4 июня 1916 г. в районе западнее Луцка 20-я германская пехотная дивизия, прозванная «Стальной», атаковала части русских 3-й гвардейской пехотной и 4-й стрелковой Железной дивизий. После четырех суток непрерывных атак германцы были вынуждены отступить. Командующий 4-й стрелковой генерал-лейтенант А. И. Деникин вспоминал: «Однажды утром перед нашими позициями появился плакат «Ваше русское железо не хуже нашей германской стали, а все же мы вас разобьем!». «А ну, попробуй!» — гласил короткий ответ моих стрелков». (Газета «Русское слово» того периода уточняла содержание русского плаката — «А ну, попробуй, немецкая колбаса!»).

Русский солдат и пленный немец в лазарете. Фото 1914 г.

«7 июня, после сорок второй атаки, брауншвейгская пехота смерти наконец присмирела. Утром 8 июня весь десятый корпус, ввиду огромных потерь, был сменен резервами и вышел из боя... — говорилось в официальном русском описании боя 4—8 июня 1916 г. — Пленные рассказывают, что весь этот корпус за четыре дня боя потерял около трех четвертей своего офицерского состава и более половины нижних чинов. Особенно пострадала «стальная» дивизия, в полках которой едва уцелело по триста-четыре человека». «Но и в наших полках, особенно в 14-м и 16-м, оставалось по 300—400 человек», — писал Деникин.

На фоне германских солдат и офицеров армия Австро-Венгрии у русских войск вызывала меньше уважения. Фраза, что «армия Австрии существует для того, чтобы ее били соседи, а армия Италии — чтобы и австрийцам было кого побить» — просто шутка. Австро-венгерская армия была хорошо технически оснащена и имела неплохо подготовленный личный состав. Но по упорству, инициативе, стойкости уступала германской.

Офицер штаба 3-й армии Юго-Западного фронта капитан Д. Н. Тихобразов, посетив окопы Севского пехотного полка, записал: «Германцы сразу заставили их быть более осторожными и бдительными как в окопах, так и в сторожевой службе благодаря своей активности». Б. М. Шапошников писал: «Анализируя бой под Енджеювом 14 сентября, нельзя не прийти к выводу, что он открыл глаза многим нашим начальникам на непреложную истину: нам пришлось воевать с очень серьезным противником. И в штабе нашего корпуса, и в штабе дивизии поняли, что драться с немцами намного труднее, чем с австрийцами, но не так уж страшно, как утверждали те, кто побывал в боях в Восточной Пруссии».

Об отношении к германским и австрийским войскам русских солдат и офицеров рассказывал маршал А. М. Василевский: «Солдаты, а в некоторой мере и офицеры радовались, что нам придется иметь дело не с немцами, а с австрийцами, которые были слабее. В начале каждой артиллерийской перестрелки мы поглядывали на цвет разрыва и, увидев знакомую розовую дымку, которую давали австрийские снаряды, облегченно вздыхали». Это относится к периоду подготовки Брусиловского наступления 1916 г., или Луцкого прорыва. И действительно, австрийские войска во время Луцкого прорыва русских войск были охвачены буквально паникой. Генерал-квартирмейстер 8-й армии генерал-майор Н. Н. Стогов писал: «Толпа безоружных австрийцев различных частей бежала в панике через Луцк, бросая все на своем пути. Многие пленные показывали, что им приказано было для облегчения отступления бросать все, кроме оружия, но фактически они нередко бросали именно оружие раньше всего другого». Была замечена характерная черта австрийских пехотинцев. В целом они дрались с большим ожесточением, особенно в составе мелких подразделений, стреляли до тех пор, пока русские не подходили к ним вплотную, причем стреляли прицельно и результативно, но затем бросали ружья и относительно легко — также целыми подразделениями — сдавались в плен. Что касается результативности стрельбы австрийской пехоты, то офи-

церы русского Генерального штаба еще в 1912 г. отмечали, что австрийская армия «хорошо обучена, особенно стрелковому делу». Наиболее отчаянным противником, выдерживавшим ожесточенный ближний бой, среди австро-венгерских частей были венгерские. Но они же отличались и наибольшей жестокостью — тела замученных российских солдат, как правило, находили на участках, где действовали венгры. Наименее стойкими были чешские и словацкие части, откровенно не желавшие воевать за Дунайскую монархию — описаны случаи, когда чешские части сдавались без выстрела просто по предварительному договору через перебежчиков.

Пехота ведет бой

В наступлении

«Устав полевой службы» 1912 года, которым должны были руководствоваться войска русских армий, считался для своего времени лучшим среди уставов европейских армий. Однако за небольшой срок до начала войны положения нового устава не могли быть привиты войскам. Да и сам «Устав» при своем передовом в целом характере не мог все предусмотреть. Масштабы развернувшихся сражений превосходили весь предыдущий опыт и все ожидания. В Русско-японскую войну некоторые операции происходили на протяжении более 100 километров, Мукденское сражение длилось 21 день на фронте 155 км и на глубину до 80 км, с обеих сторон участвовало около 560 тыс. человек и 2,5 тыс. орудий. А Галицийская битва 1914 г. длилась 33 дня на фронте 320—400 км (фронт главного удара 32 км) на глубину до 280—300 км, с обеих сторон участвовало около 2 млн человек и 5 тыс. орудий.

Маневренный период

«Устав полевой службы» 1912 года подчеркивал, что «самым действительным средством для поражения неприятеля служит нападение на него». Поэтому стремление к наступательным действиям должно быть положено в основание при всякой встрече с неприятелем». И хотя в «Уставе» немало внимание уделялось огню артиллерии и стрелкового оружия, главным средством наступления оставалась живая сила пехоты. Ее ударную силу привычно измеряли в количестве «штыков», не вводя понятия огневой мощи. В классическом для русской армии «Учебнике тактики» генерала Драгомирова даже последней редакции 1906 г. действия пехоты в бою разделялись на «два перио-

В разведку

да: 1) период огнестрельный, 2) период удара в штыки, заключающий в себе движение в атаку и самый удар». Этот взгляд сохранялся в армии до начала войны. Слишком мало учитывалась необходимость преодоления пехотой огня обороны. Между тем значение огня и в наступлении, и в обороне проявилось с первых же сражений. Как и необходимость немедленно использовать его результаты.

Генерал А. А. Брусилов, командовавший в начале войны 8-й армией Юго-Западного фронта, так описывает одно из первых боевых столкновений с австро-венгер-

скими войсками 4 августа 1914 г.: «Для встречи подходящего к Городку противника наша пехота заняла густою цепью околицу села, а также поблизости находившуюся возвышенность, имея уступом за левым флангом Кавказскую казачью бригаду. Пулеметы же казачьей дивизии были поставлены на этом же фланге так, что могли обстреливать всю местность впереди залегшей пехоты. Конно-артиллерийский дивизион стал на позицию за селом, а Донскую казачью бригаду начальник дивизии взял к себе в общий резерв.

Австрийская конница, подходя к Городку, развернула сомкнутый строй и без разведки, очертя голову понеслась в атаку на нашу пехоту в столь неподходящем строю. Частью артиллерийский, а затем ружейный огонь встретил эту безумно храбрую, но бессмысленную атаку. Вскоре и пулеметы наши стали осыпать австрийцев с фланга, а кавказские казаки ударили по ним с фланга и тыла. При этих условиях, очевидно, результат австрийской атаки оказался весьма для них плачевным: трупы перебитых людей и лошадей остались лежать на поле битвы, одиночные люди и лошади бегали по полю по всем направлениям, а остатки этой дивизии бросились беспорядочной толпой наутек. Распоряжался этим боем с нашей стороны состоявший в моем распоряжении генерал-майор Павлов. Начальник же дивизии ограничился тем, что сидел при резерве и не допустил свежую бригаду резерва преследовать разбитого врага. По этой причине остатки австрийской дивизии с ее артиллерией и пулеметами благополучно ушли за ручей. Пришлось удалить этого незадачливого начальника, которого заместил генерал Павлов».

Инициативные же действия не раз приводили к успеху. А. И. Деникин описывал такой эпизод действия своей 4-й отдельной Железной стрелковой бригады 24 октября 1914 г.: «Я заметил некоторое ослабление в боевой линии противника, отстоявшей от наших окопов всего на 500 — 600 шагов. Поднял бригаду и без всякой артиллерийской подготовки бросил полки на вражеские окопы. Налет был так неожидан, что вызвал у австрийцев панику... Я пошел

со стрелками полным ходом в глубокий тыл противника, преодолевая его беспорядочное сопротивление. Взяли с. Горный Лужек, где, как оказалось, находился штаб группы эрцгерцога Иосифа. Когда я ворвался с передовыми частями в село и донес об этом в штаб корпуса, там не поверили, потребовали повторить — «не произошло ли ошибки в названии».

Противник тоже вел себя весьма активно, и отражение его контратак требовало сильного огня пехоты. Так, например, капитан Г. М. Пантелеймонов награжден Георгиевским крестом за доблесть в бою у Тарнавки 26 августа 1914 г., где лейб-гвардии Московский полк, потеряв большую часть своего состава, вместе с лейб-гвардии Гренадерским полком разгромил одну из дивизий германского корпуса генерала Войрша и захватил 42 орудия. Пулеметная команда капитана Пантелеймонова отбила все контратаки противника и удержала захваченные позиции. Подпрапорщик 71-го пехотного Белевского полка П. М. Рыжов был удостоен Георгиевского креста 4-й степени «за то, что в бою 24 сентября 1914 г. огнем пулеметов отбил несколько неприятельских атак». Георгиевский крест 2-й степени он получил уже «за то, что в бою 19 и 20 октября 1914 г. под сильным ружейным, пулеметным и орудийным огнем действием пулеметов выбил противника из окопов».

Пулеметы с первых же сражений проявили свое громадное значение и стали не только важными участниками, но и предметом противоборства. Подпрапорщик того же 71-го пехотного полка К. И. Алексеев получил Георгиевский крест 4-й степени «за то, что в бою 24 августа 1914 г. проявил личную храбрость и неустрашимость при отбитии захваченных неприятелем пулеметов, Георгиевский крест 3-й степени — за то, что во время боя 10 и 11 декабря 1914 г., руководя подчиненными, примером личной храбрости увлек их и спас оставленный в виду неприятеля пулемет». Спасение своих пулеметов под огнем и захват вражеских пулеметов непременно отмечались и потом. Так, юный солдат Константин Занолли, в 1914 году сбежавший из дома на фронт, был пред-

Галиция. Пехота на привале

ставлен к Георгиевскому кресту 4-й степени за то, что во время ночной разведки обнаружил в австрийском передовом окопе замаскированный пулемет (расчет выходил к пулемету только по тревоге), привязал к нему веревку и расчистил проход в проволочном заграждении. Через этот проход русские пехотинцы и вытащили пулемет к себе, огнем винтовок отгоняя австрийцев, пытавшихся его удержать.

О способах ведения пехотой наступления в начале войны можно судить по описанию Б. М. Шапошниковым атаки Сандомира силами 72-го Тульского пехотного полка и пограничников в конце августа 1914 г.: «Разведчики 72-го пехотного полка и пограничники весь день 30 августа изучали подступы к позиции противника и самую позицию. В первом часу ночи двинулись к исходным рубежам атаки как тульцы, так и пограничники. В ночной тишине 72-й пехотный полк развернул боевой порядок для атаки; охраняемые цепью дозоров в первой линии шли два батальона полка в строю поротно в две линии, из третьего батальона по две роты направились в резервы уступом за обоими флангами первой линии; роты всех батальонов находились в двух взводных колоннах.

Связь с пограничниками, установленная командиром 72-го пехотного полка, с началом движения стала все чаще прерываться. В пятом часу утра тульцы близко подошли к укрепленной позиции австрийцев, не подозревавших о готовящемся ударе. Настала решительная минута, и командир полка отдал приказание двинуться на штурм. Не открывая огня, в полной тишине тульцы бросились вперед. Разбивая прикладами, малыми топорами, лопатами и расталкивая руками провололочные заграждения противника, атакующие в мгновение были в первой линии окопов, уничтожая не успевших прийти в себя австрийцев. Сметая все на своем пути, в короткий промежуток времени тульцы решительным ударом овладели двумя линиями окопов и вели бой у костела, врываясь в самый город. Порыв атаки был настолько силен, что противник почти не оказывал сопротивления, падая под штыковыми атаками штурмующих тульцев. Выбив слабые охранения на Строхище, пограничники скоро оказались перед окопами австрийцев в предместье Краковка, где задержались, не имея связи с 72-м пехотным полком. Заполнив образовавшийся промежуток, две правофланговые роты 3-го батальона принуждены были выдвинуться в первую линию, а две резервные роты того же батальона, находившиеся за левым флангом, удлинени боевой порядок полка к северу. К 7 часам утра 31 августа у тульцев уже не было резерва, рассчитывать на какую-нибудь помощь, кроме артиллерийского огня, не приходилось. Сосед слева, части 8-й кавалерийской дивизии, вел обычную ружейную перестрелку с противником, а справа пограничники не подавались вперед. Оценивая создавшееся положение, раненый командир полка приказал закрепиться на захваченных позициях.

Ошеломленный первым ударом, противник уже начал приходить в себя. Подведя резервы, австрийцы остановили продвижение передовых частей тульцев в центр города, организуя в то же время контратаку из северо-западной части города против левого фланга полка. В восьмом часу утра в рассеивающемся тумане показались густые цепи австрийцев, решительно наступавшие против левого фланга полка.

Отбиваясь ружейным и пулеметным огнем, 72-й пехотный полк тщетно ждал поддержки огнем своей артиллерии: полевая батарея в это время лишь подходила к Лоевице, а артиллерия 8-й кавалерийской дивизии не открывала огня, безучастно относилась к разгоравшемуся пехотному бою. Тяжелые минуты переживали тульцы, безнаказанный огонь артиллерии противника усиливался, число убитых солдат возрастало. Тщетно офицеры полка умоляли солдат продолжать держаться до открытия огня нашей артиллерии. Ослаб порыв атаки, погасла вера в помощь других, и... тульцы начали отступать. Неся громадные потери, лишившись почти всех офицеров, оставляя раненых и убитых на поле боя, остатки 72-го пехотного полка в числе лишь 600 из 2200 человек, пошедших в атаку, к 9 часам утра 31 августа отошли в исходное положение, а затем и к Лоевице. Потеряв связь с тульцами, пограничники выбили противника из предместья Краковка, но дальше не продвинулись и к 9 часам утра также отошли в исходное положение, а затем и к Лоевице».

Здесь можно увидеть и построение боевого порядка полка в одну боевую линию и линию резерва, и расчет на внезапную ночную атаку, и обреченность на неудачу и большие потери при отсутствии артиллерийской поддержки и организации взаимодействия даже при кажущемся первоначальном успехе. И далее: «Кошмарно проходил день 31 августа на фронте у Сандомира. Оправившиеся и приведенные в порядок остатки 72-го пехотного полка, со случайно оставшимся живым адъютантом этого полка, начали снова выдвигаться вперед для подбора раненых. За тульцами пошли пограничники и части 8-й кавалерийской дивизии. Около наших убитых и раненых уже рыскали австрийские мародеры, шаря в карманах офицеров и солдат. При приближении наших солдат австрийцы поспешно убегали в город. Невольно закралась мысль об отходе австрийцев ввиду перехода гвардейских стрелков реки Сан у Чокай. На плечах отступающего противника части 8-й кавалерийской дивизии и пограничники с запада, драгуны 5-й кавалерийской дивизии с севера ворвались в город и захватили мост, потушив горевший на противоположном

берегу его пролет. Противник, боясь окружения в Сандомире, бросив орудия, оружие, запасы снарядов и патронов, склады продовольствия и другое имущество, спешно по мосту и двум бродам переправился на правый берег Вислы. В город были введены остатки 72-го пехотного полка, а 8-я кавалерийская дивизия и пограничники остались в занимаемых районах». Картина, увиденная в Сандомире: «...раненые уже были размещены в городских больницах и костелах, но убитые лежали еще на поле боя... Уже собранные у костелов, лежали трупы командира полка, всех батальонных командиров, большей части ротных командиров. Спокойно, с открытыми глазами лежал мужественный командир 72-го пехотного полка». О больших потерях в офицерах — командирах рот, батальонов и полков — в первых же сражениях войны и о драматических последствиях этого вспоминают многие ее участники.

Характерной чертой маневренного периода войны были часто возникавшие встречные бои. Стороны стремились решать свои задачи только наступлением, а встречный бой считался способом в любых условиях навязать свою волю противнику. Силы сторон, как правило, оказывались почти равными. Так, в начале Галицийской битвы в августе 1914 г. произошло встречное сражение 3-й русской и 3-й австро-венгерской армий. Частью этого сражения было столкновение 10-го русского и 12-го австро-венгерского корпусов на реке Золотая Липа. Силы их составляли:

Корпуса	Батальонов	Эскадронов	Пулеметов	Орудий		
				легких	полевых гаубиц	тяжелых
10-й русский	48,25	6	96	144	12	-
12-й австрийский	42	7	84	114	36	8

Как видно, перевес русских войск в пехоте и пулеметах компенсировался перевесом противника в количестве гаубиц и тяжелых орудий, и это вполне отражает общую ситуацию по фронту.

В ходе этих сражений русские войска проявляли свои высокие боевые качества. Так, 13 августа 1914 г. в ходе боя 31-й пехотной дивизии на ручье Гнилая Липа 123-й Козловский полк этой дивизии форсировал вброд ручей, но части австрийской 16-й пехотной дивизии успели занять высоты западного берега, и полк оказался в крайне невыгодном положении. Неся большие потери от огня противника и под угрозой охвата с обоих флангов, полк начал отходить на восточный берег ручья. Здесь 123-й полк закрепился и упорно держал оборону, обеспечив развертывание остальных частей дивизии. 121-й полк той же дивизии, вступив в бой, занял позиции юго-восточнее высоты Орне и вместе с 3-й артиллерийской батареей отразил атаки противника. Австрийская пехота, наступавшая в густых построениях, была буквально выкошена метким артиллерийским и пулеметным огнем русских частей. Когда на правом фланге дивизии создавалось тяжелое положение, начальник дивизии решил отвлечь от него часть сил противника, двинув вперед 121-й полк на левом фланге и направив туда же часть сил 122-го Тамбовского полка для охвата австрийцев с юга. Части полков втянулись в лес, где столкнулись со 2-м венгерским полком, наступавшим на северо-восток. В результате посреди леса произошла жестокая штыковая схватка. Шесть рот тамбовцев (122-го полка) стремительной атакой опрокинули противника и преследовали его до южной опушки леса, захватив много пленных. Этим был обеспечен левый фланг дивизии. На правом фланге обстановка изменилась в пользу русских, когда там появился 124-й пехотный полк. Командир полка принял решение атаковать противника с гребня высот восточного берега ручья Гнилая Липа. Полку пришлось наступать по отлогому скату под огнем австрийцев, занимавших высоты на западном берегу. Решительная атака частей полка вынудила австрийцев отступить, несмотря на равенство сил. Правда, командир полка решил, что слишком выдвинулся вперед (стремление «подравняться по соседям» было типично для того времени) и оттянул передовые роты назад, части окопались и выставили впе-

реди секреты. Тем не менее полк не только обезопасил правый фланг 31-й дивизии и занял выгодные высоты, но и помог соседней 5-й пехотной дивизии занять деревню Жуков и высоты западнее ее. Штыковые атаки, до которых нередко доводили дело войска, свидетельствовали о решительности действий с обеих сторон.

В ходе Лодзинской операции, 22 ноября 1914 г. состоялось примечательное столкновения частей 1-й сибирской дивизии и 49-й германской резервной дивизии к северо-

Стрелковая цепь залегла на поле

западу от Рзгова. Бой шел вокруг трех рядом расположенных холмов. На одном из них находилась батарея, захваченная русской пехотой днем ранее. Германский 228-й полк с утра атакой отбил батарею, но два других полка отстали, и 228-й полк оказался под огнем русских с фронта и с соседних холмов. Чтобы оказаться вне зоны перекрестного огня русских пулеметов, 228-й полк быстро продвинулся вперед под укрытие ската находившегося перед ним холма, но тут мог попасть под огонь своей артиллерии, а также быть отрезанным, и снова отошел на позицию батареи. Здесь подразделения полка залегли. Но в это время на его флангах по русским позициям открыли огонь пулеметы соседних 225 и 231-го пехотных полков.

1915 год. Пехота учится сближаться с противником под плотным его огнем

«Град пуль, осыпавший 228-й полк, — говорится в германском описании боя, — стал реже. Люди снова начали поднимать головы. Наступающий день приносил им новую жизнь. Теперь вдруг поднялся лейтенант Кулоу, единственный нераненый офицер 228-го полка. Подняв вверх винтовку с примкнутым штыком, он крикнул своим людям: «Вперед, товарищи, за мной! Встать, бегом, марш!»... Бойцы вскочили на ноги — их было всего человек сто — и, как ураган, вторично ринулись на обороняемый холм». Хотя заметного успеха на этом участке не добилась ни одна сторона, характерно значение, которое имело в этом бою противоборство пулеметчиков.

Встречные сражения связаны с неясностью обстановки и часто сопровождаются отсутствием данных о противнике. Считалось, что своими средствами «пехота, по своим свойствам, может разведывать противника и местность на расстоянии примерно до полуперехода от своих передовых частей». Но организацией ближней тактической разведки в русской пехоте часто пренебрегали. «И с первых дней получаем заслуженное возмездие, — писал генерал-майор А. А. Незнамов, — полк.

Комаров в Восточной Пруссии доверился сообщению сверху о наличии разведки у него на фланге, попал с полком неожиданно под огонь и сам смертельно ранен; а к-р Пултусского полка, доверившийся, что разведка выполняется распоряжением штаба дивизии, даже попал в плен с батальоном. Оба названных командира — не из запаса или отставки, оба офицеры генерального штаба». 8 декабря в ходе наступления 124-й пехотный Воронежский полк двигался вперед походным порядком, имея артиллерийскую батарею 31-й артбригады в середине колонны, без головного и фланговых дозоров, поскольку передвижение шло по территории, контролируемой русскими. Венгерским частям удалось просочиться сквозь редкую линию Русского фронта и нанести удар по воронежцам с фланга. Полк в замешательстве стал откатываться, причем артиллеристы бросили свои батареи, не успев их развернуть. Только через некоторое время офицерам удалось организовать людей и с помощью батальона 123-го полка, высланного из дивизионного резерва, батарею удалось отбить, а противника отбросить. Более того, лихой атакой воронежцы под командованием капитана Ангилеева захватили и вражескую батарею. Здесь офицеры смогли быстро взять в руки свои подразделения.

Порой незнание и отсутствие связи приводили к панике. Б. М. Шапошников, служивший в начале войны в штабе 14-й кавалерийской дивизии, вспоминал эпизод, произошедший 13 августа 1914 г. у Радома с батальоном 72-го пехотного Тульского полка, расположившегося к востоку от города: «...Губернатор покинул город, а за ним двинулась на подводах и полиция, оказавшись впереди колонны батальона. Когда полицейские с наступлением темноты въехали в лес, они встретили идущие по сторонам дороги к Радому с востока конные разъезды. Приняв их за немцев, полицейские открыли стрельбу и с криком «Немцы!» бросились бежать на восток. Их выстрелы и крики передалась и батальону, который подвергся панике и также обратился в бегство в сторону Ивангорода». Однако вскоре тульцы проявили уже совсем иные качества. Утром 17 августа командование

14-й кавалерийской дивизии, которой был придан 72-й пехотный полк, направило его вместе с одной батареей «на Сolec и далее на Садковице, причем в авангарде шел батальон, убежавший из Радома (ему приказали кровью смыть свой позор)... Три батальона тульцев вели решительную атаку от деревни Павловице на Павловска-Волю, которую с левого фланга начала охватывать 1-я бригада 14-й дивизии. Несмотря на сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника, наступающие быстро продвигались вперед. К 3 часам дня, взяв до 30 пленных, тульцы и 1-я бригада отбросили австрийскую пехоту, упорно оборонявшуюся за рекою Камена».

Во время боя на р. Золотая Липа 14 августа 1914 г. полки 60-й пехотной дивизии втянулись в лес урочища Зульнова. Столкнувшись в лесу с позициями противника, при неясной обстановке 238-й и 239-й полки дивизии стали отходить (следует учесть, что 60-я дивизия была второочередной, с еще плохо обученным личным составом). Часть отходящих батальонов удалось остановить и опять направить вперед. Однако, когда стало темнеть, началось общее отступление правого фланга дивизии к деревне Нестюки, где находился начальник дивизии со штабом. Возле деревни слышались выстрелы, и когда отходящие части показались из леса, по ним открыли огонь со стороны находившегося здесь дивизионного резерва и пехотного прикрытия артиллерийской батареи. Одновременно из леса выскочило несколько казаков из Оренбургской сотни (тоже, кстати, второочередной), которые двигались карьером с криками «Австрийцы!». Началась беспорядочная стрельба друг в друга со всех сторон и общий отход. Начальнику дивизии и штабу стоило большого труда привести части в порядок и расположить их фронтом на запад впереди Нестюки. Стоит отметить, что днем ранее 60-я дивизия также вела бой в этом лесу и тоже неудачно — стрелковые цепи теряли направление, разрывались, выходили в затылок друг другу. Неясность обстановки усугубилась стрельбой по русским подразделениям из некоторых хат д. Нестюки. Позже при обыске было извлечено из подвалов несколько вооруженных ре-

Штыковой бой между русскими и германскими разведчиками в лесу в районе Шмардена. 1916 г. Рисунок А.А. Пржецавского отражает обоюдную жестокость боя

вольверами местных жителей, которые тут же на месте были расстреляны. Так что нервное состояние солдат было понятно, и надо отдать должное офицерам, сумевшим быстро взять в руки части и вернуть их в бой.

О том, какое впечатление производил на необстрелянные еще войска даже ружейно-пулеметный огонь противника, особенно при бое в стесненных условиях, докладывал командир 9-го гренадерского Сибирского полка полковник Токарев, описывая бой в лесу у Томашева 13 августа 1914 г.: «Впервые нарвавшись на пулеметный огонь, необстрелянные части тем более были потрясены им, что собственные пулеметы левой группы, за выбытием в короткий срок офицерского состава и значительной убылью нижних чинов, недолго служили моральной поддержкой и были покинуты немногими уцелевшими людьми. Командиру III батальона подполк. Антоновичу стоило многих хлопот сформировать новую пулеметную команду (из запасных ротных пулеметчиков) и добиться от нее возобновления боевой работы. Следует добавить,

что стрельба противником велась в значительной мере разрывными пулями (очевидно, все же обычными, но дававшими в лесу многочисленные рикошеты. — С. Ф.), применение которых было настолько неожиданно, что первоначально каждый разрыв пули в лесу принимался за близкий выстрел, каковое обстоятельство, естественно, вызывало тревогу и смущение не только среди одних нижних чинов. Стрельба разрывными пулями создала иллюзию стрельбы с тыла. Если присоединить сюда стрельбу одиночных людей, отбившихся от своих рот и застрявших в разных местах леса, стрельбу через голову передних по невидимым целям, в разных направлениях, то станет ясной несколько хаотическая обстановка, в которой протекал бой». Тем не менее офицерам удалось удержать части. В течение дня некоторые роты ходили в штыковые атаки до трех раз, в результате австрийцы были выбиты из леса.

Нужно сказать, что части в целом были плохо подготовлены к ведению боя в лесу. Преждевременно развертываясь из взводных колонн в боевой порядок — стрелковые цепи, — они быстро теряли направление и резко замедляли движение (провести пехоту через лес всегда считалось большой проблемой). Так, в бою на Золотой Липе 14 августа 1914 г. 2-я бригада 9-й пехотной дивизии потратила 3 часа, чтобы пройти по лесу 2 км. Нужен был опыт командиров, чтобы научиться вести бой в особых условиях.

Кавалерии с первых же сражений войны тоже пришлось все чаще вести бой в пешем строю. Один такой эпизод боя 14-й кавалерийской дивизии, которой были приданы казаки и пограничники, 22 августа 1914 г. у польского города Липско описывает Б. М. Шапошников: «Высланные вперед боевые разъезды обнаружили, что из Липско на юго-восток продвигается до роты немцев. По-видимому, они шли к переправе у Юзефува. Медлить с решением не приходилось: направив казаков и пограничников в пешем строю на деревню Паперня, штаб дивизии бросил четыре эскадрона гусар в конном строю для преследования роты немцев. Последняя уже подходила к лесу и, заняв опуш-

ку, ружейным огнем встретила атакующих гусар. Быстро спешившись под огнем противника и примкнув штыки, гусары бросились в лес. Не выдержав натиска храбрых гусар, неся значительные потери, остатки роты немцев через лес начали отступать на Юзефув. В тяжелых условиях завязали бой казаки и пограничники, атаковавшие части немцев, отходившие из Липско по большой дороге на Паперплю и занявшие западную опушку леса. Однако при содействии огня 23-й батареи и пулеметов дивизии казаки и пограничники быстро справились со своей задачей, оттеснив противника с опушки леса и начав его преследование в направлении на Солец». И характерное заключение по поводу боя 25 ноября 1914 г. с германским батальоном, занимавшим деревню Ренкорай: «Спешив всех солдат и выдвинув в цепь станковые пулеметы, 14-я дивизия успешно выполнила задачу — взяла Ренкорай, захватив в плен до 20 немцев. Этот бой 14-я кавдивизия вела чисто по-пехотному, к чему она была приучена всем предыдущим периодом войны».

Русские уставы накануне войны уделяли внимание и ночным боевым действиям. Уже в начале войны были примеры весьма удачных ночных атак — при условии заранее проведенной разведки противника. Одну такую атаку, проведенную 8—9 сентября 1914 г. сводной 1-й бригадой 2-й гвардейской дивизии генерала Киселевского, описали капитаны Вениковский и Вольфман в «Военно-историческом журнале» (1939 г.): «По инициативе командира бригады на высоту восточнее Тарнавки была послана разведка, которая установила, что немецкие части отведены за обратный скат высоты для варки пищи в котелках (походных кухонь у германцев не было). Считая, что это является наиболее удобным моментом для того, чтобы застать противника врасплох, командир бригады решил продолжать атаку, но только без стрельбы, с расчетом на внезапность... Атака сильно укрепленной позиции противника была возложена на один <Московский лейб-гвардейский полк> (без двух рот), который наступал на фронте в 2 км... Однако план ночной атаки имел одно важное преимущество: он обес-

печивал быстроту и внезапность и поэтому сулил успех даже без перегруппировки.

Около 23 часов Московский полк, наступая без стрельбы, штыковой атакой уничтожил немецкое боевое охранение, выставленное на гребень высоты германскими частями, ушедшими обедать. Продвинувшись вперед еще на 100–200 м, русские части вышли к артиллерийским позициям германцев, где захватили врасплох всю прислугу, перебили ее и овладели орудиями.

1-й батальон 14-го гренадерского Грузинского полка идет в атаку под шрапнельным огнем противника. 1915 г.

После некоторого замешательства части 4-й германской ландверной дивизии пытались контратаковать Московский полк, уже занявший Тарнавскую высоту (гребень и восточную ее часть). Но подошедшим резервом сводной бригады контратака немцев была отбита, и русские части приступили к созданию системы обороны вокруг каждой из трех групп захваченных орудий. Понимая, что немцы будут продолжать попытки отнять потерянную артиллерию и позиции, командир бригады принял срочные меры по вывозу захваченных орудий в тыл и затребовал помощь от 3-го Кавказского корпуса. Он связался с командиром корпуса и получил войска

для усиления обороны; однако вывезти артиллерию в эту ночь полностью не удалось вследствие нежелания соседей помочь выделением артиллерийских запряжек.

В течение ночи противник несколько раз пытался овладеть окопами, занятыми бригадой, но каждый раз контратаками русских успешно отбивался. Около 5 часов утра 9 сентября они снова пошли в атаку от Тарнавки, но и на этот раз их усилия были тщетны. В 6 часов утра началась артиллерийская подготовка новой немецкой атаки, которая была проведена в 7 час. 30 мин. с направления г. д. в. восточнее Тарнавки. Атака также была отбита. Последний раз немцы провели артиллерийскую подготовку в 8 часов, но, видимо, окончательно потеряв надежду на овладение Тарнавской высотой, отказались от дальнейших попыток наступления.

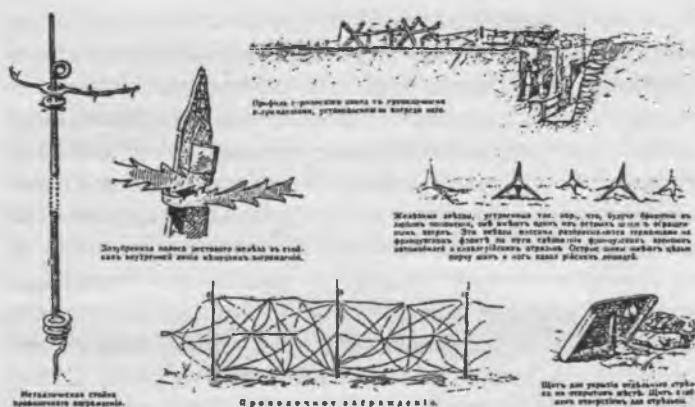
В результате ночной атаки бригады было захвачено 28 германских орудий, из них шесть 150-мм гаубиц. 4-я германская ландверная дивизия, понеся крупные потери, начала в беспорядке отходить на запад. Образовавшийся прорыв фронта обеспечил главным силам 4-й армии развитие дальнейшего успеха с утра 9 сентября».

Как уже отмечалось, все армии, вступившие в мировую войну в 1914 г., готовились к войне маневренной и скоротечной. А. А. Брусилов вспоминал: «После японской кампании, которая, как прообраз будущего, показала пример позиционной войны, критика всех военных авторитетов по поводу этой кампании набросилась на способ ее ведения. В особенности немцы страшно восставали и зло смеялись над нами, говоря, что позиционная война доказала наше неумение воевать и что они, во всяком случае, такому примеру подражать не станут». И первый период войны на Русском фронте характеризовался именно маневренными действиями. Но стремление к обходу флангов противника и решению задач встречными боями не было обеспечено маневренностью частей и огневых средств. Фронт растягивался, насыщался пулеметами и артиллерией, и фронтальные удары, к которым вынуждены были перейти противники, реже приводили к прорыву. «Позиционность, — писал М. В. Фрунзе, — создалась на почве

бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом. С другой стороны, объективные условия в виде ограниченной территории и богатейшей техники позволяли каждой стороне, отказавшись от скорого решения, перейти к обороне на неподвижных позициях. Результатом этих двух моментов и была позиционная тактика, с характеризующей ее неподвижностью и устойчивостью линий фронта». Отсюда ясно, почему на Русском фронте войны с его большей протяженностью и меньшей плотностью сил, а особенно — технических средств борьбы позиционный фронт установился позже, чем на Западе, а глубина действий была больше.

Германская армия к началу войны не планировала создавать глубокой обороны. Упор делался на огонь артиллерии, располагавшейся позади пехотных позиций для ведения перекрестного и фланкирующего огня, и пулеметов, ставящихся так, чтобы «фланкировать группы земляных работ». Сами позиции пехоты занимались по участкам, оборудовались окопами для стрельбы стоя или с колена, маскируемыми с фронта и прикрываемыми заграждениями из колючей проволоки. Передовых позиций, то есть позиций боевого охранения, не признавали, считая, что они будут мешать огню с главной позиции, поэтому готовили их редко. Контратаки планировали проводить только после остановки наступающего противника огнем. Важное значение германцы придавали организации взаимодействия пехоты с гаубичной и пушечной артиллерией (чего часто не наблюдалось у их австрийских союзников). Таким образом, расчет делался более на огонь, чем на глубину позиций и их инженерное оборудование.

Тем не менее уже в начале войны русским войскам пришлось на отдельных участках столкнуться с хорошо подготовленной в инженерном плане полевой обороной противника. «Армейский Вестникъ» описывал германские позиции к востоку от Ангесбурга (Восточная Пруссия) в сентябре 1914 г.: «Окопы защищены тремя рядами проволочных заграждений, водяными рвами и вертикальными проволочными стеками», И далее — о пози-

Виды германских заграждений и оборудование передовых окопов. 1915 г.

ции у Мазурских озер: «Озерные дефиле сами по себе составляют чрезвычайно благоприятную позицию для обороны, защищенные же окопами, рвами, проволоочными заграждениями, они превращаются в сильнейшие укрепленные позиции». Окопы здесь были в полный рост, с козырьками, бревенчатым бруствером с бойницами, с землянками в тылу окопов. «Зарываясь в землю, наши войска шаг за шагом теснят германцев, выбивая их из таких же земляных укреплений». То есть уже проявлялся дух позиционных боев, пока еще в форме «инженерной атаки», позаимствованной из крепостной войны.

Еще при наступлении 2-й русской армии в Восточной Пруссии 15-й корпус, следовавший на Куркен, столкнулся 10 августа 1914 г. с сопротивлением трех дивизий 20-го германского корпуса на укрепленной позиции Орлау-Франкенау, оборудованной «волчьими ямами» и проволоочными заграждениями (как раз такие полосы заграждения использовались в ходе Русско-японской войны). Начавшийся около 15.00 бой, в котором противник применял ручные гранаты и доводил дело до штыковых схваток, продолжался почти сутки. Несколько эпизодов этого боя. Части 2-й бригады 6-й пехотной дивизии предприняли последовательно две атаки на германские позиции,

но успехи атакующих ограничились тем, что к 19.00 они овладели деревней Гутфельд и вышли к позициям 150-го пехотного и 18-го ландверного полков у Франкенау. Командир 75-й русской пехотной бригады генерал Бекман подтянул к этому району свой резерв — 3-й батальон 150-го пехотного полка, однако вследствие ожесточенного артиллерийского и пулеметного огня русские не смогли приблизиться на дистанцию атаки и должны были залечь на расстоянии 400—600 м от германской позиции.

Около 15.30 два батальона 30-го Полтавского полка перешли из леса, расположенного севернее Грюнфлисса, в наступление на занимавшую деревню Орлау 12-ю роту германского 147-го пехотного полка. После короткого боя германская пехота оставила свою позицию и отошла на основную линию обороны, зажегши при этом мост через р. Алле. Авангард 1-й бригады 8-й дивизии, поддержанный 29-м Черниговским пехотным полком, по горящему мосту и вброд преодолел р. Алле и завязал бой на главной линии германских позиций с 1-й и 3-й германскими ротами егерей и частями 147-го пехотного полка. Германцы подтянули к этому участку подкрепление в виде трех батальонов из дивизионного резерва и предприняли контратаку. Она была встречена сильным огнем, и вплоть до 18.00, когда удалось восстановить прерванную связь с артиллерией, атакующим не удавалось добиться сколько-нибудь значительного успеха, несмотря на большие потери. Около 18.30 при поддержке двух артиллерийских батарей германская пехота преодолела р. Алле. Охватывая оба фланга боевого порядка 1-й русской бригады, германцы врываются в Орлау. Около 20.00 они появились уже на возвышенности южнее Орлау. Находившийся здесь командир 29-го пехотного Черниговского полка полковник А. П. Алексеев, видя отступающие цепи полков 1-й бригады, во главе знаменной полуроты под полковым знаменем лично бросился в контратаку на наступающего противника. В завязавшейся схватке Алексеев погиб. Одновременно с этим на правом фланге боевой линии бригады наступавшие здесь батальон 151-го германского пехотного полка и одна-две роты егерей были

контратакованы отрядом капитана Цимпакова (2,5 роты 29-го пехотного полка), находившегося здесь для обеспечения фронта бригады справа. В ожесточенной штыковой схватке германские части были отброшены, причем около 80 человек 151-го пехотного полка было взято в плен. Еще одним интересным эпизодом, остановившим успехи германцев на фронте 1-й бригады 8-й пехотной дивизии, была атака сборного отряда оружейного мастера 29-го пехотного полка Берникова из нестроевых обоза 1-го разряда того же полка, в охват правого фланга перешедших через р. Алле германцев. Все это, вместе взятое, подкрепленное сильным огнем батарей 1-го дивизиона 8-й артиллерийской бригады, привело к тому, что германская контратака была остановлена.

Также около 15.30 10 августа к Лана вышел авангард 2-й бригады 8-й русской пехотной дивизии (три роты 31-го Алексопольского и три роты 32-го Кременчугского полков) и атаковал занимавшие деревню 2-ю и 4-ю роты егерей. Охватив фланги германцев, русские после штыковой схватки выбили их с позиции и закрепились на северной окраине Лана. Потери бригады в этом бою были невелики — 360 нижних чинов убитыми и ранеными и 6 раненых офицеров.

Всего же 15-й корпус потерял в этот день около 2,5 тыс. человек, захватив много пленных, 2 тяжелых орудия и 2 пулемета. С подходом 13-го русского корпуса наметился успех в направлении на Остероде. Германский 20-й корпус начал отход.

Интересен бой трех русских полков (105, 106 и 108-го) 27-й пехотной дивизии 3 февраля 1915 г. за деревню Махарце близ Августова. Полки пошли в наступление, но и германский 138-й полк 42-й пехотной дивизии также двинулся в атаку, ведя пулеметный огонь. Русские части подтянули пулеметы в стрелковые цепи и их огнем заставили противника отступить в деревню, откуда он открыл интенсивный огонь, в том числе пулеметный. Русская пехота продвигалась к деревне под прикрытием своего пулеметного огня. По германской батарее близ деревни был открыт ружейный и пулеметный огонь с фланга,

в результате батарея потеряла почти всю прислугу и не смогла оттянуть орудия. Выбив противника из деревни в ходе штыкового боя, русские части заняли выгодные высоты за деревней и преследовали отступающего к лесу противника ружейным и пулеметным огнем. Два пулемета (пулеметный взвод), выдвинувшись вперед, заняли новую позицию и открыли огонь по правому флангу противника на опушке леса, заставив его отойти. То есть пулеметы продвигались за пехотными цепями на протяжении всего боя, поддерживая и прикрывая их своим огнем. Среди трофеев русских частей в этом бою были 13 орудий и 9 пулеметов.

Чаще же русским солдатам приходилось компенсировать недостаток пулеметов в своих частях личной храбростью, о чем свидетельствуют наградные документы. К примеру, фельдфебель 257-го пехотного Евпаторийского полка Н. М. Хведелянин был представлен к Георгиевскому кресту 1-й степени за то, что «в бою 7 марта 1915 г. под деревней Локиец во время наступления с полуротой, подойдя к неприятельским окопам, с криком «Ура!» первым бросился в неприятельские окопы. Его самоотверженность и мужество так повлияли на подчиненных нижних чинов, что они, невзирая на убийственный огонь противника, бросились все как один в неприятельские окопы, и благодаря этой дружной атаке неприятель был окружен и взят в плен». Даже с поправкой на патетический тон, свойственный описаниям подвигов, получается впечатляющая картина дружной и решительной пехотной атаки, которая одна только могла в тех условиях противостоять «убийственному огню» обороны противника.

Позиционный период

То, что в Русско-японскую войну показалось «случайностью», стало постоянным кошмаром на три года. Сплошные линии траншей с ходами сообщения и укрытиями, опоясанные колючей проволокой в несколько рядов и ошестинившиеся пулеметами, прикрытые артиллерийским огнем, образуют укрепленные полосы, кажется, неуязвимые для пехотных атак.

Позиционная война требовала лобового удара. «Искать решения боя», атакуя фланги противника, как предполагалось перед войной, часто уже просто невозможно — и дело не только в сплошной линии фронта (разрывы ее, конечно, были), но и ограниченной маневренности пехоты. А. А. Брусилов, командовавший тогда 8-й армией, описывал действия 2-го Кавказского и 23-го армейского корпусов в ходе неудавшегося контрудара на Любачув для остановки наступления германских войск в Галиции в мае 1915 г.: «Получалась лобовая атака противника, обладавшего громадной артиллерией и множеством пулеметов; у нас же ни орудий, ни пулеметов в достаточном количестве не было, да и артиллерийская атака, которая должна была подготовить пехотную и поддерживать ее, не могла состояться вследствие недостатка снарядов. Можно было вперед сказать, что этот недостаточный и несвоевременный кулак, пущенный в ход не в надлежащем месте, никаких осязательных результатов не даст. Нужно притом добавить, что эти два корпуса, сами по себе очень высоких боевых качеств, были плохо обучены, как и большинство войск, прибывавших к нам с севера, и атаку они произвели весьма несноровисто». Интересны отрывки из приказа Брусилова в связи с боями на фронте Любачув, Краковец 2—3 июня 1915 г.: «Технически наступление повели так, как дай Бог вести его испытанными, стойкими частями с надежными кадрами, то есть повели его редкими цепями, где каждый стрелок должен работать самостоятельно, по собственным соображениям; но было забыто главное, что ныне люди мало обучены, а офицеров мало. Теперь для успеха наступления надо вести его густыми цепями, а поддержки иметь в еще более густых цепях и даже в колоннах... Раз какие-либо части дрогнули, вперед не идут, а некоторые уже и поворачивают — место начальников впереди, а не на центральной телефонной станции, где можно оставить и адъютанта. Никаких оправданий в малом числе штыков быть не может: чем их меньше, тем легче перейти от управления к командованию... Мы начали отступать не по своей вине, но отступаем уже второй месяц.

Пора остановиться и посчитаться наконец с врагом как следует, совершенно забыв жалкие слова о могуществе неприятельской артиллерии, превосходстве его сил... Для малодушных, сдающихся в плен или оставляющих строй, не должно быть пощады... помнить, что дальше нам уходить некуда: подо Львовом мы должны удержаться» (правда, 9 июня Львов все же был оставлен). Густые цепи, за которыми следуют поддержки и резервы в еще

Представление о силе и плотности пулеметного и артиллерийского огня дает этот лес, сфотографированный после боев под Двинском в 1916 г.

более густых построениях (вплоть до колонн), переход от управления к командованию на поле боя, ужесточение наказаний — следствие падения уровня готовности и духа войск при отступлении, необходимости командирам срочно «взять в руки» части. Хотя в этом же приказе видно признание преимущества редкой стрелковой цепи («рассыпного строя», пропагандировавшегося в армии еще до войны «для лучшего поражения неприятеля огнем, для доставления стрелкам наибольших удобств при стрельбе и для уменьшения потерь в людях от огня противника»), а также даются рекомендации по совершенствованию обороны: «При обороне занимать передовые окопы наименьшим числом стрелков, располагая сзади

поддержки и резервы в несколько линий... не пугаться прорывов и обходов, прорывающихся брать в плен, а обходящих обходить в свою очередь, для чего иметь резервы... помогать соседям не только огнем, но и наступлением, памятуя, что оборонительный образ действий, принятый армией, не исключает, а требует развития самых энергичных активных действий на отдельных участках, в зависимости от обстановки, по инициативе ближайшего начальства».

Наступление теперь ведется медленно и «методично». Ударная сила русской армии в наступлении в 1915-м — начале 1916 г. все еще основывается на живой силе пехоты, и «методичное» наступление стоит больших жертв. «Русская армия кровью своих сынов искупала недостаток технических средств», — сетовал генерал Эверт.

Сближение с противником перед переходом в наступление производится постепенно с последовательным занятием рубежей и подготовкой их к обороне. В 1916 г. в книге «Опыт текущей войны» В. Буняковского это описывалось так: «От каждой части, по получении ею полосы наступления, выслать собственную разведку, гарантирующую успех ее действий независимо от результатов разведки, высланной старшим начальником. Разведка эта преследует цель тщательного изучения подступов, нахождения рубежей, удобных для обороны и в качестве стрелковых позиций, сбора сведений о группировке и силах передовых частей противника, а по отходе их — о свойствах позиции противника и характере укрепления ее на участке полосы наступления. Передовые части при сближении с противником должны действовать осмотрительно, не зарываясь... продвигаться от рубежа к рубежу, принимая меры к прочному утверждению на них приведением их в оборонительное состояние». Генерал Иванов в своих указаниях войскам Юго-Западного фронта в начале того же 1916 г. конкретизировал задачи наблюдателей при подготовке наступления: «Наблюдение ведется в течение всех суток — постоянным, напряженным наблюдением наблюдателей всех степеней от ротных, батарейных до офицеров генштаба в масштабе

дивизии. Наблюдение ведется из особых блиндажей. Задача его: а) изучение подступов к неприятельской позиции; б) изучение системы огня и структуры боевого порядка противника».

«По развертывании боевого порядка, — писал далее Буняковский, — прохождение зоны артиллерийского и ружейного огня производить, руководствуясь следующим: при наступлении под огнем тяжелой артиллерии необходимо принимать рассредоточенные построения — лучше всего двигаясь рядом цепей, на дистанции одна от другой не менее 30—40 шагов. При обстреливании редким, но метким огнем тяжелой артиллерии следует, заслышав звук приближающейся очереди снарядов, мгновенно залечь, а по разрыве — быстро вскочив, продолжать движение вперед». В самом деле, на фронте солдаты быстро учились по звуку определять подлетающие снаряды и даже тип орудия, а привычка при обстреле быстро залегать и передвигаться бросками между разрывами, судя по воспоминаниям, у многих доходила до автоматизма (как и отличать по звуку, скажем, стрельбу германских «Максимов» от своих). Методичность ведения огня вражеской тяжелой артиллерией «по квадратам по карте» породила способ преодоления участков ее заградительного огня: если нельзя было без существенных потерь преодолеть их перебежками группами или по одному, выждать переноса огня вглубь или на другой участок и наступать, «пользуясь площадями, уже обстрелянными противником».

Атака противника была теперь невозможна без предварительного преодоления многорядных искусственных препятствий. Если проходы не были проделаны артиллерией, пехоте — при хроническом недостатке саперов — приходилось выполнять эту работу собственными средствами, используя ножницы для резки проволоки, топоры, пироксилиновые патроны. Проходы рекомендовалось выполнять шириной в 25—30 шагов из расчета 3—4 прохода на батальон. Понятны рекомендации устраивать проходы «ночью или во время такого состояния атмосферы, когда кругозор стеснен», причем команды

*Воронка от германского тяжелого артиллерийского снаряда.
Вскоре поля боев будут изрыты такими воронками*

для проделывания проходов «должны быть вооружены, имея при себе по возможности и ручные гранаты для борьбы накоротке». Где было возможно, препятствия преодолевали, набрасывая на них фашины, соломенные маты, тюфяки, мешки, доски, плетни — благо, солдатская смекалка и привычка русского солдата к работе позволяли быстро заготавливать нужные приспособления.

Саму атаку (или «штурм», если речь шла об укрепленной позиции) рекомендовалось проводить в расчлененном боевом порядке, подводя пехоту к позициям противника «полуротными или даже взводными» колоннами. Любопытна рекомендация по поводу места командиров, приводимая в той же работе Буняковского: «Командному составу следует поделиться: часть должна следовать во главе штурмовых колонн; часть, имея при себе по несколько надежных бойцов, сзади для подталкивания впереди идущих, подбодрения более малодушных и возвращения в строй пытающихся уклониться от участия в бою». Учитывая построение вражеской обороны в несколько линий, каждая со своей полосой искусственных

препятствий, рекомендовалось, преодолев первую линию и «утвердившись на промежутке», «связаться ходами сообщений с тылом, дабы обеспечить безнаказанное усиление войск на новой позиции, нужных для дальнейшего преодоления искусственных препятствий и производства штурма». Впрочем, при поспешном отходе противника предпочтение отдавали продолжению атаки, чтобы «на плечах противника» ворваться в следующую линию укреплений и завязать бой там. Еще одна интересная рекомендация: при попытках сдачи противника в плен, «относиться к нему осторожно», поскольку были случаи, когда из-за спин поднявших руки солдат открывали кинжальный огонь пулеметы; при отсутствии же достаточных сил, атакующим просто не обращать внимания на сдающихся, дабы не ослаблять себя выделением солдат для конвоирования пленных в тыл.

Атака окопов и борьба в самих окопах требовала соответствующего подходящего состава атакующих подразделений и частей. В пехоте вновь появляются «гренадеры», необходимые в борьбе как за окопы, так и за «местные предметы», для разрушения закрытий и укрытий, «подавления» в ближнем бою огня противника. Шире применяются дымовые завесы. Кроме артиллерии (при наличии соответствующих снарядов), их постановкой занимается и сама пехота, используя дымовые шашки, поджигая ветви, мусор, стога сена.

Кроме команд «гренадеров», обильно снабженных ручными гранатами, в состав «штурмовых колонн» рекомендовалось включать саперов, снабженных лопатами, кирками, топорами и подрывным имуществом, а также команды «очистителей» с целью очищать траншеи и сооружения от спрятавшегося или затаившегося для внезапного удара противника (те же «чистильщики окопов», что и на Западном фронте). «Очистителей» рекомендовалось снабжать ручными гранатами, револьверами, винтовками, пиками и карманными электрическими фонарями. Массовое применение ручных гранат во всех видах боя в 1916 г. становится правилом — сказались усилия по их изготовлению. В бою накоротке ручные гранаты стали

грозным оружием. Так, во время отважных, но безнадежных атак русской гвардейской пехотой «Квадратного леса» у д. Бубнов (Владимир — Волынское направление) в сентябре — октябре 1916 г. потери от умелого применения противником ручных гранат доходили, как сообщалось, до 30 — 40 человек в сутки в каждой роте.

В случае захвата окопов противника пехота должна была: с одной стороны, немедленно начать расширение захваченного участка в глубину (продолжением атаки) и в сторону флангов, очищая окопы и захватывая соседние ударом с фланга и тыла; с другой — «обратить позицию в свою пользу», закрепившись на ней, для чего необходимо было сразу установить на позицию следующие за пехотой пулеметы и взводы артиллерии, подтянуть запасы инженерного имущества (рогатки, колья, доски и т.п.). Пример неудачи, связанной с неготовностью закрепить захваченную позицию, дает эпизод декабрьских боев 1915 года 2-го армейского корпуса на Стрыпе. Русские и австрийские позиции находились здесь на расстоянии 300 — 400 шагов. Ночью 25 декабря 3-я Туркестанская стрелковая бригада через заранее проделанные проходы в заграждения атаковала высоту 384. На флангах атаки располагались орудия и пулеметы, наведенные на те точки окопов противника, где были обнаружены его стрелки и пулеметы. Когда стрелки бригады были остановлены на проволочных заграждениях огнем австрийцев, по условному сигналу открыли огонь свои пулеметы и артиллерия, которые подавили огонь врага. После 20-минутного огня атака возобновилась, и к утру части заняли первые линии окопов противника, но дальше пройти не могли, наткнувшись на неподавленную тыловую позицию врага и отсечные позиции. Не имея возможности подтянуть свои огневые средства — прежде всего пулеметы — и укрепиться, они на следующий день были выбиты австрийской контратакой и отошли с большими потерями.

К концу 1916 г. в обороне германских и австро-венгерских частей и соединений четко проявляется стремление разредить боевой порядок пехоты в первой линии, перенести центр тяжести борьбы на вторые линии. Усиление

заграждений, насыщение пехоты ручными (германская) или значительно облегченными станковыми (германская и австро-венгерская) пулеметами, наличие в тактической зоне минометов и выдвинутых вперед пушек в сочетании с фланговым обстрелом из пулеметов участков впереди первой траншеи позволяли оставлять в ней лишь охранение и дежурные подразделения с пулеметами и отводить основные силы в убежища во второй траншее. Отсечные позиции оборудуют огневыми точками и пулеметными площадками. Такая тактика позволяла уменьшить потери при артиллерийской подготовке атаки (особенно при хорошей маскировке убежищ второй линии), задерживала атакующего, вынуждала разворачивать боевой порядок волн цепей и «подставляла» его под фронтальный огонь стрелков и фланговый и косоприцельный огонь пулеметов на второй линии.

Немалые выгоды дало германцам применение «выделенных пулеметов» для задержки продвижения наступающего. С этой тактикой пришлось столкнуться, например, 1-й Латышской стрелковой бригаде во время глубокого прорыва в районе Лесная Мангель 23—24 декабря 1916 г. (Митавская операция). Продвигаясь через лес, части бригады регулярно подвергались обстрелу пулеметами, без какой-либо системы разбросанными по лесу, примыкавшему к участку прорыва. При том, что латыши успели захватить германские батареи на этом участке, огонь выделенных пулеметов, открывавшийся внезапно и с малых дальностей, нанес им большие потери, чем при прорыве позиций накануне. Это сильно расстроило и дезорганизовало латышские части и облегчило контрудар слабых германских резервов. В результате удачный поначалу прорыв окончился отходом в исходное положение с большими потерями.

Во 2-й латышской стрелковой бригаде в ходе той же операции 23 декабря 1916 г. силами 7-го Бауского полка удалось осуществить прорыв германских позиций. Причем его командир, полковник Гоппер, находился непосредственно в боевых порядках полка. Подход полка к проволоке по заранее изученному подступу был обна-

ружен противником, открывшим ружейный огонь. Резчики проволоки во время движения сбились все к правому флангу. В этот критический момент полковник Гоппер скомандовал: «Весь полк на проволоку вперед!» Все имевшие при себе топоры и ножницы прорвали проволоку, и солдаты одним махом перескочили через бывший здесь забор-бруствер, захватив два пулемета в гнездах, устроенных в виде капонира для обстреливания подступов к брустверу. За бруствером у противника была проложена легкого типа узкоколейка, во время прорыва было слышно движение вагонеток в сторону лесн. Мангель. Затем полк. Гоппер, вскочив на бруствер, приказал людям немедленно разобратся по ротам. Рассвет уже начинался. Выслав вперед передовые цепи, полковник Гоппер быстро направил все силы полка (2 батальона) вдоль опушки леса в район отметки 12,8 и занял рошу, что восточнее этой отметки. Оттуда была организована разведка на Кальнцем и Граббе.

В это время германцы открыли пулеметный огонь со стороны Пулеметной горки вдоль прорванного забора-бруствера. Было уже светло, германский огонь велся прицельно, и следующим частям нельзя было проникнуть в прорыв массой, продвижение выполнялось небольшими группами перебежкой и переползанием. Проникавшие в прорыв части образовывали боевой порядок на юго-восток — юг с целью развить наступление в сторону лесн. Мангель. В дальнейшем бой развивался медленно, причем к концу дня был образован боевой порядок фронтом к лесн. Мангель, а для прикрытия фланга был выставлен небольшой заслон непосредственно у прорыва. Части, проникавшие в прорыв, произвели несколько попыток возобновить наступление в сторону лесн. Мангель, но успеха не имели. Кроме того, действия этих частей не были согласованы с действиями соседнего и 5-го Земгальского полков. Здесь видно, что даже решительный прорыв первой линии противника не приводил к успеху, если недостаточно было сил для подавления огня и прорыва второй, основной линии. Требовалось увеличивать количество волн и заранее выдвигать как можно ближе

к передовой артиллерию, чтобы обеспечить поддержку огнем на большую глубину.

Примером фронтального удара, подготовленного длительной артиллерийской подготовкой, может служить операция войск Северного и Западного фронтов у Двинска и оз. Нарочь 18—30 марта 1916 г. С 14 марта русские батареи, стоявшие на позиции, начали пристрелку своих орудий, продолжавшуюся 15—17 марта. 18 марта в 08.00 утра началась артиллерийская подготовка, которая продолжалась до 16.00 и велась весьма интенсивно. Но поскольку интенсивность достигалась за счет экономии снарядов на других участках, противник уже смог достаточно четко определить намеченный участок прорыва. Русским же бойцам, изготовившимся к атаке в своих окопах, казалось, что такой огонь вскоре проложит им дорогу к окопам противника, заставит его глубоко зарыться в землю и прекратить сопротивление. По окончании артподготовки 2-я русская армия, разделенная на три группы, перешла в наступление на германские позиции. «С 18 по 21 марта и затем еще раз 26 длились пехотные атаки, веденные, как всегда, смело, настойчиво, несмотря на тяжелые потери», — писал позже германский генерал-майор М. Гофман. В первый день на главном участке наступления был занят кусок земли 4 км по фронту и 2 км в глубину. Атаковавший Смоленский пехотный полк потерял три четверти своего состава, из 37 офицеров в строю осталось пять. 1-й армейский корпус потерял 50 офицеров и свыше 5600 нижних чинов, 1-й Сибирский корпус — 50 офицеров и свыше 5600 нижних чинов, 36-й армейский корпус — 19 офицеров и 2030 нижних чинов.

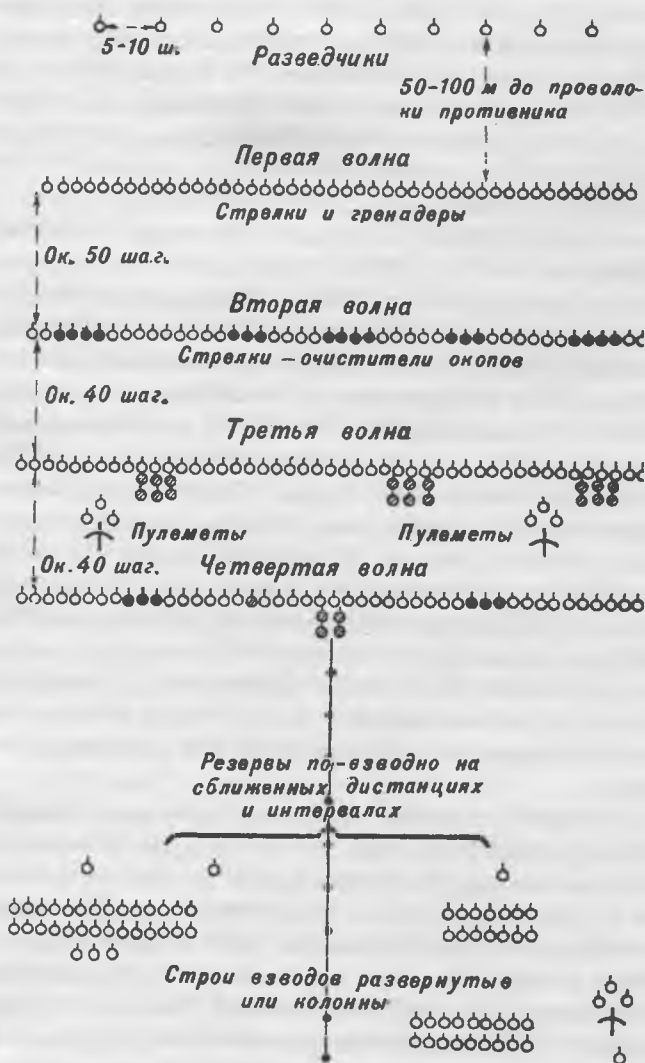
«Планомерная» атака здесь включала и такой элемент, как предварительная разведка позиций противника перед атакой — местная разведка боем. Так, на участке 22-й пехотной дивизии ее начальник по окончании артиллерийской подготовки направил к окопам противника рекогносцировочные цепи, чтобы проверить — не очистил ли противник передовые окопы и насколько нарушена его оборона. Рекогносцировочные цепи были встрече-

ны сильным пулеметным и ружейным огнем противника, что показало, что противник притаился и ждет атаки. К этому времени стало известно, что огонь артиллерии участка «по слабости калибров» привлеченных орудий оказался малодействительным: заграждения остались целы, блиндажи и пулеметные гнезда не разбиты.

21 марта в теснине между озерами Нарочь и Вишнев русские интенсивные атаки дали результат — были захвачены две линии обороны, в плен взято 18 офицеров, 1255 рядовых, захвачены гаубица, 18 пулеметов, 36 минометов. Этому способствовало неожиданное для германских войск применение русской артиллерией химических снарядов. Но и русские войска снова понесли тяжелые потери: в трех полках 1-й Сибирской дивизии оставалось в строю 262, 514 и 600 солдат соответственно, только в четвертом, стоявшем в резерве, — 2100. В ряде случаев захваченные германские окопы некому было закреплять и удерживать. К тому же наступление велось в условиях распутицы, подтягивать имеющуюся артиллерию было тяжело, окопы быстро заливались водой. Бойцы вынуждены были размещаться на земле возле окопов, несли тяжелые потери. Контратаки противника отбрасывали части в исходное положение, а оставшиеся на поле боя раненые замерзали раньше, чем до них добирались санитары.

Растет глубина боевых порядков. На смену разреженным или густым отдельным цепям приходят эшелонированные волны поставленных рядом цепей, следующие одна за одной из глубины. Новый боевой порядок был рассчитан на то, что следующие друг за другом волны, заменяя и «поддерживая» ослабленные передние, смогут преодолеть глубину позиционной обороны. Причем в «волнах» бойцы размещаются на небольших интервалах до 2 шагов. Движение совершается шагом для сохранения равнения, рекомендуется идти в ногу без стрельбы на ходу. Первые две волны — собственно «боевые», последующие — резервы и поддержки.

Вот как докладывал о применении тактики наступления волнами командир 7-го Туркестанского стрелкового

Вариант построения волн для атаки. 1916 г. Заметим редкую цепь разведчиков впереди, за ней — первая волна, составленная из плотных цепей стрелков и «гранадеров» (гранатометчиков), вторая волна — чистильщики окопов, третья волна — поддержки; за третьей волной движутся пулеметы

полка в бою 21 июня 1916 г. (Брусиловское наступление): «В настоящую войну — в бою 21 июня, полком впервые был применен способ атаки неприятельской укрепленной позиции волнами. Волны выходили из наших передовых окопов и стремительно следовали одна за другой на расстоянии около 100 шагов. Таких волн было 4. Волны эти оправдали свое название: первая волна набегала на противника, опрокидывала его и прокатывалась дальше, а последующие волны окончательно все смывали. За первыми 4 волнами шел полковой резерв, имея также впереди две волны. В течение 40 минут после окончания артиллерийской подготовки полк овладел 4 линиями неприятельских укреплений с проволочными заграждениями, большая часть которых находилась в лесу, почти нисколько не поврежденных огнем нашей артиллерии. Затем полк продвинулся вперед, смял подходившие резервы противника, забрав часть их в плен, а частью рассеяв, взял массу трофеев. Удачный прорыв фронта противника в глубину на семь верст и в ширину около 5 верст, а также большие потери, понесенные противником, сильно повлияли на него, парализовали его деятельность, и он ни в эти сутки, ни в следующие не осмелился переходить в контратаку на мой фронт. Этот прорыв приобретает еще большую ценность, если принять во внимание слишком короткий трехчасовой срок артиллерийской подготовки атаки, во время которой австрийцы были подавлены в передовых окопах только морально и тотчас же по прекращении нашего артиллерийского огня открыли по наступающим ружейный и пулеметный огонь. Что же касается окопов задних линий в лесу, то они почти не были повреждены огнем нашей артиллерии, но тем не менее были с налета взяты штыковым ударом героями-стрелками во главе со своими доблестными офицерами».

Боевой порядок в наступлении, сложившийся в 1916 г., схематично выглядит так: корпус обычно располагал свои дивизии в двух эшелонах; дивизии разворачивались в два, иногда в три эшелона, дистанция между которыми должна была составлять примерно 0,5 км. Каждый полк ставил два батальона в первый эшелон и два во второй, роты

в батальонах развертывались в одну-две линии. Дивизия должна была наступать на фронте около 2 км, полк около 1 км, батальон — около 0,5 км. Интервалы между бойцами в среднем — 5 м. Боевой порядок, столь простым геометрическим действием усиливающий и продлевающий «удар» пехоты, приобрел черты новой фаланги (собственно, в германской армии он и назывался «фалангой») и был рассчитан именно на фронтальный удар, ставший уже основной формой атаки. Он действительно имел увеличенную ударную силу, но был способен только на прямолинейное движение вперед, громоздок и уязвим от огня. Первая волна обыкновенно растворялась на полосе препятствий, вторая проходила ее и должна была овладеть первой линией окопов, резервы шли дальше. Но наращивания силы удара после прорыва не получалось. Низкий темп наступления, как уже было показано, давал противнику дополнительное время для переброски сил с неатакованных участков, дабы локализовать, а по возможности и ликвидировать прорыв.

М. А. Шолохов во второй книге романа «Тихий Дон» образно описал наступление соединений Юго-Западного фронта на Ковельском направлении уже в начале октября 1916 г.: «Сотни тысяч разнокалиберных снарядов в течение девяти дней месили пространство, занятое двумя линиями немецких окопов. В первый же день, как только начался интенсивный обстрел, немцы покинули первую линию окопов, оставив одних наблюдателей. Через несколько дней они бросили и вторую линию, перейдя на третью. На десятый день части Туркестанского корпуса, стрелки, пошли в наступление. Наступали французским способом — волнами. Шестнадцать волн выплеснули русские окопы. Колыхаясь, редая, закипая у безобразных комьев смявшейся колючей проволоки, накатывались серые волны людского прибою. А с немецкой стороны, оттуда, из-за обугленных пней сизого ольшаника, из-за песчаных сгорбленных увалов, рвало, трясло, взметывало и полыхало густым непрерывным гулом, трескучим пожаром выстрелов: Гууууу... Гууууу... Гук! Гак! Бууууу-м! Изредка прорывался залп отдельной батареи и снова полз,

Опыты преодоления пехотой проволочных заграждений проводятся в присутствии командования Западным фронтом. Начало 1916 г.

подступал, полонил многоверстную округу: Гууууу... Гууууу... Гууууу... Трррррааа-рррааа-та-та-та-та! — безумно спешили немецкие пулеметы. На пространстве с версту в поперечнике на супесной изуродованной земле вихрем рвались черные столбы разрывов, и волны наступающих дробились, вскипали, брызгами рассыпались от воронок и все ползли, ползли... Все чаще месили землю черные вспышки разрывов, гуще поливал наступающих косой, резучий визг шрапнели, жестче хлестал приникающий к земле пулеметный огонь. Били, не подпуская к проволочным заграждениям. И не подпустили. Из шестнадцати волн докатились три последних, а от изуродованных проволочных заграждений, поднявших к небу опаленные укрепления на скрученной проволоке, словно разбившись о них, стекали обратно ручейками, каплями... Девять с лишним тысяч жизней выплеснули в тот день на супесную неведомую землю неподалеку от деревни Свинюхи. Через два часа наступление возобновилось сызнова. Пошли части 2-й и 3-й дивизий Туркестанского стрелкового корпуса. Левее по щелям стягивались к первой линии окопов части 53-й пехотной дивизии и 307-я Сибирская стрелковая

бригада, на правом фланге туркестанцев шли батальоны 3-й гренадерской дивизии». Скромный успех — захват двух деревень — стоил больших потерь, несопоставимых с потерями противника. «Французский способ» давал и «французские» результаты (на Западном фронте такие фронтальные атаки стоили громадных потерь и при меньшем результате), но другого никто не мог предложить.

Для отвлечения внимания противника от районов планировавшихся ударов прибегали к демонстрациям. Неудачи большинства таких демонстраций объяснял А. А. Брусилов: «При условии, что артиллерийские снаряды следовало беречь, а устраивать разведчикам какие-либо особые поиски было нельзя, так как мы стояли почти по всему фронту с противником нос к носу, очевидно, что о сильных демонстрациях и разговаривать нечего было, и надуть противника было совершенно невозможно. Ведь это — азбучная истина, что демонстрация только тогда достигает своей цели, когда она ведется решительно и когда войска сами не знают, что это демонстрация, а не настоящая атака». Поэтому при подготовке наступления Юго-Западного фронта в 1916 г. Брусилов приказал готовить во всех армиях фронта по одному ударному участку, а кроме того, выбрать по ударному участку в некоторых корпусах и на всех начать земляные работы для сближения с противником. Скрыть производство таких работ было невозможно, но подготовка наступления одновременно на многих участках не позволяла противнику заранее определить место удара.

Тем временем многочасовые и многодневные артобстрелы делали поле боя трудно проходимым и для пехотинца. Пехота вырабатывала новые формы — волны распадались на «змейки», потом — «группы». Расчленение боевого порядка на группы по мере сближения с противником было лучшей формой маскировки и уменьшения потерь. Использование местных предметов и складок местности, приобретающее все большее значение по мере нарастания плотности огня противника, требовало от командиров тщательного предварительного изучения местности и карты для выбора необстреливаемых

со стороны противника подступов и определения полей невидимости. В то же время стрелковая цепь, даже разреженная и не обязательно держащая «идеально» прямую линию, не может маневрировать, чтобы использовать естественные закрытия, поэтому для сближения с противником под огнем она мало подходила. Увеличение глубины боевого порядка за счет волн цепей не устраняло сложности маневрирования и не уменьшало потери цепей от огня противника. Поэтому для сближения с противником предпочтительнее была «змейка» — колонна по одному (правда, с увеличенными интервалами и без равнения в затылок), перемещающаяся от укрытия к укрытию. Такой строй облегчал маневрирование, сохранение направления и управление, предоставлял противнику меньшую цель.

Сказалось и вошедшее в привычку войск использование воронок от тяжелых снарядов в качестве укрытия («в одну воронку снаряд два раза не падает») — попадая под обстрел, цепь разбивалась на «группы», скапливавшиеся в воронки, и эти «группы» теперь составляли боевой порядок. Группа от отделения до полувзвода формируется вокруг ручного или облегченного станкового пулемета, снабжается гранатами, передвигается от укрытия к укрытию. При наличии на поле боя местных предметов, могущих служить хорошим укрытием, за ними накапливались порой довольно большие группы. Для согласования их действий офицеру приходилось выдвигаться вперед, держа связь с группами через посыльных. Группы быстро «обживали» воронки, ямы, участки траншеи, приспособлявая их для обороны. Они могли быстро локализовать успех противника, прорвавшегося в глубь обороны, остановить его, взяв в «огневой мешок», не дать закрепиться. Складывается новая «групповая» тактика, пригодная и для атаки, и для обороны и вернувшая пехоте ее активную роль. В русской армии «группы» чаще действовали в поисках, «разведках», отдельных «стычках» подразделений, широкому же внедрению «групповой» тактики препятствовала острая нехватка автоматического оружия.

О значении наличия в мелких пехотных подразделениях автоматического оружия хотя бы в виде одного отделения ружей-пулеметов на роту свидетельствует такой пример. В ходе боев под Иллуkstом в октябре 1916 г. контратаки русских войск встречались германскими частями огнем в упор. Вот как писал об этом военный корреспондент «Русского слова»: «Ночью германцы подпускали наших на 15–10 шагов, били в упор, а потом ложились на землю и пропускали наших через себя. Наши пробегали через ряды лежащих... а сзади вдруг начинали хлестать германские пулеметы. Тогда наши вынуждены были днем громить

*Рисунок 1915 года «Ночной бой».
Бой ведется под осветительными снарядами*

сначала орудиями шаг за шагом линии германских окопов... Германцы тотчас же стягивают на третью и вторую линии все возможные резервы... Наши сначала за полосой своего огня, а потом и в открытую кидаются в атаку. Германцы со второй линии выбегают навстречу, наспех ставят готовые рогатки с проволокою. Но наши не дремлют, бегом на себе тащат пулеметы и поливают «проволочников». Дело доходит до штыков. Немцы дерутся яростно. Но наш огонь давно уже перешел вперед, бьет германцев во второй линии и мешает подходу свежих сил оттуда... Бой переходит

в свирепую драку, разбивается по кучкам и замирает одиночными схватками». Это задерживало контратаку и не давало завершить ее уничтожением противника.

Можно сравнить заданные уставами действия пехотной роты накануне войны и ближе к ее концу. Для первого воспользуемся «Наставлением для действия пехоты в бою» от 1914 г., вполне согласующимся с «Уставом полевой службы» 1912 г.

«Независимо от расстояния, на которое сошлись противники, атака должна начинаться с того времени, когда по цели действий, по обстановке и по достигнутым уже результатам настала минута броситься для удара в штыки, или когда заметно поколеблены нравственные силы атакующей стороны... Бросаться в атаку следует не только на ослабленного противника, но и на противника, сохранившего готовность к отпору, если этого требует достижение цели боя и выручка своих... Пехота бросается в атаку, расстреливая противника на ходу с ближайших дистанций ружейным и пулеметным огнем...

До развертывания роты в боевой порядок ротный командир организует и начинает разведку расположения и силы противника, против которого рота действует, и наиболее удобных подступов к нему, продолжая эту разведку во все время наступления.... Наступление в этот период ведется шагом; его быстрота достигается безостановочностью; перебежки применяются для прохождения открытых, особенно обстреливаемых мест... Когда роте выгодно открыть огонь — она должна быть развернута ротным командиром в боевой порядок соответственно плану действий. Во всяком случае, рота должна вступить в сферу ружейного огня неприятеля, уже развернувшись в боевой порядок...

Развертывание роты в боевой порядок состоит в расхождении взводов, назначенных в цепь, и ротного резерва, согласно отданным распоряжениям, по указанным местам в боевом порядке; оно должно исполняться сколь возможно укрыто от взоров противника...

Наступление взводных участков цепи должно идти от одной стрелковой позиции к другой; ротный резерв на-

ступает, пользуясь закрытиями и передвигаясь от одного закрытия к другому.

Под действительным огнем неприятеля наступление ведется перебежками с накапливанием взводных участков цепи на стрелковых позициях и ротного резерва, если он есть, за имеющимися закрытиями...

Перебежки частей цепи исполняются под прикрытием огня частей, остающихся на месте. Перебежавшие на новую стрелковую позицию должны немедленно открывать огонь по неприятелю...

Сплошного расположения, общего равнения или какой-нибудь постоянной последовательности наступления взводных участков цепи не требуется. Каждый взводный участок достигает указанной ему частной цели самостоятельно в пределах общей цели, поставленной роте...

Резерв в своих передвижениях не должен следовать в каком-либо определенном расстоянии за цепью; начальник резерва ведет его вполне самостоятельно и заботится о том, чтобы резерв был всегда готов поддержать цепь и следовал в надлежащем направлении.

Имеющиеся в роте пулеметы, до открытия ими огня, выгодно вести при ротном резерве, по возможности укрыто от взоров противника....

Пулеметы содействуют атаке, расстреливая противника с ближайших дистанций, для чего продвигаются на такие места, откуда удобно, не нанося вреда своим, поражать неприятеля, если возможно, косым или фланговым огнем...

В сфере действительного огня рота должна развить свой огонь по неприятелю и нанести ему возможно большие потери, не ослабляя в то же время решительности наступления, потому что только сочетанием действительного огня с решительным движением вперед можно поколебать нравственные силы и ослабить сопротивление неприятеля...

Наступление заканчивается атакой и штыковым ударом...

Атаку необходимо заканчивать энергичным преследованием и закреплением за собой того, что отнято. Цель

*Русские пулеметчики
с трофейным
германским
пулеметом MG.08
ведут бой*

преследования — добить неприятеля, не давая ему устроиться для нового отпора...

После атаки должно привести в порядок атаковавшие части, немедленно преследовать опрокинутого неприятеля и принять меры для прочного утверждения на отнятом у него. Рота преследует противника преимущественно огнем, а если возможно, то и движением».

«Наставление» проникнуто духом быстрого и энергичного наступления. Боевой порядок, дистанция открытия огня по противнику и броска в штыки, использование резерва и приданных пулеметов, предоставляются на усмотрение ротного командира.

На конец 1916 г. действия роты в наступлении виделись таким образом.

Походный порядок — 4 дозора (впереди, с боков, сзади), в дозоре — звено (4–6 человек). Ширина боевого участка роты по фронту (не включая высланных от нее дозоров) — ориентировочно 175–210 м (250–300 шагов). «Пулеметы, приданные роте, — гласил «Строевой пешотный устав» в редакции 1916 г., — до выяснения места и времени их применения находятся при ротном резерве,

или где будет указано, и выдвигаются в цепь для стрельбы по приказанию ротного командира» (базовые положения для действий пулеметов те же — ведь и ротам они придавались пока в тех же количествах).

Под артиллерийским огнем противника — перестройка повзводно. В двух верстах от противника (ружейный выстрел) — один взвод разворачивается в цепь, остальные остаются в резерве. Это составляет боевой порядок. В таком строю рота продолжает наступление до расстояния 1400 шагов, здесь останавливается, окапывается, получает

Русские пехотинцы с ружьем-пулеметом «Шоша»

боевую задачу, усиливает цепь еще одним взводом, завязывает перестрелку, пополняет патроны. Стрельба в цепи производится взводами по командам взводных командиров. Резерв может двигаться от закрытия к закрытию шагом, перебежками или ползком — в полном составе, или пошереножно, или, подобно цепи, частями и поодиночке. Дальнейшее движение цепи — перебежками, сначала взводами, потом отделениями и звеньями. В 800 шагах — снова остановка, окапывание, рота усиливает цепь еще одним-двумя взводами. Причем усиление может производиться как удлинение, когда взвод, усиливающий цепь, образует особый участок на одном из флангов прежней цепи, или как сгущение, когда взвод из резерва рассыпается в интервалы цепи. Движение далее — перебеганием поодиночке и даже переползанием с накопле-

нием отделений и взводов под прикрытием огня соседних взводов. Дойдя до последней стрелковой позиции (400 шагов), рота готовится для атаки. С 400 до 50 шагов движение преимущественно ползком и поодиночке, с 50 шагов «по команде ротного командира «Ура!» бросаются в атаку на неприятеля и бьют его, не давая ему времени опомниться» («Учебник молодого солдата пехоты», 1917 г.). Пулеметы при движении роты в атаку продолжают обстреливать противника, покадвигающиеся взводы не закроют им огня, после чего, если не последует особого приказа, они снимаются с позиции и следуют за ротой, чтобы быть наготове немедленно вновь открыть огонь, как только к тому представится возможность.

В случае захвата вражеской позиции, ротный командир либо отдает взводным командирам и начальнику приданных ему пулеметов приказ на продолжение наступления, либо собирает роту для приведения ее в порядок и закрепления захваченной позиции.

Заметим несколько остановок с обязательным самоокапыванием, положение которых четко оговорено — на расстоянии 1400 шагов от первой линии противника (действительный ружейный огонь), 800 шагов, 400 шагов. Движение медленное, методичное, перед броском в атаку ползком, бросок в атаку — с минимального расстояния. Требовалось, чтобы приданные пулеметы «на расстояниях действительного неприятельского огня» были «хорошо укрыты от взоров и выстрелов противника». И движение «вслед за ротой», и укрытие «от взоров и выстрелов» было непросто обеспечить с громоздкими станковыми пулеметами. Но в 1917 г. русская армия уже начала получать ружья-пулеметы, которые могли бы стать ротным групповым оружием.

В документах и литературе того времени можно найти целый ряд рекомендаций для защиты от обстрела противника при наступлении. Например — «защиты головы лопатой, держащейся в несколько наклонном положении, в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ аршина от лба» (18 — 36 см) (кстати, прикрывать голову лопатой предлагалось и при налете аэропланов противника. Видимо, такие рекомендации были следствием

Кавказский фронт. Привал пехоты на заснеженном склоне

недостатка стальных касок, но все же пехотная лопата была куда лучшей «защитой», когда использовалась по прямому назначению). При попадании цепи под внезапный пулеметный огонь рекомендовалось «мгновенно залечь лицом к пулеметам, плотно прижимаясь к земле и применив лопату для защиты головы», дожидаться перерыва в стрельбе (перемена ленты или перенос огня) и произвести перебежку «в заранее высмотренное, менее поражаемое место». А лучше — если пулемет находится на расстоянии перебежки — «немедленно атаковать его редкой цепью и, захватив, обратить в свою пользу».

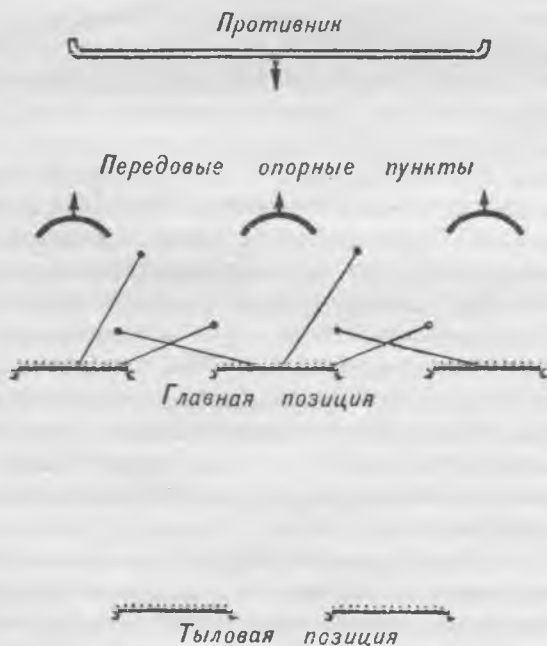
Любопытно, что в конце войны разрабатывали и тактику боев в городе. Но уже не с германцами или австро-венграми. Начальник 3-й пехотной дивизии генерал-майор В. А. Музеус, планируя возможные бои сводного отряда дивизии в Петрограде при «подавлении вооруженного восстания», писал в приказе от 28 октября 1917 г.: «Перейти город под прикрытием артиллерийского огня, имея впереди разведчиков и grenадер с ручными гранатами... В случае сопротивления из домов немедленно подтягивать орудия, пулеметы или же пускать вперед grenадер». Как видим, события в революционном Петрограде могли обернуться куда кровавее для населения и разрушительнее для города.

Оборона пехоты

Маневренный период

«Устав полевой службы» 1912 г. указывал, что основная цель обороны состоит в том, чтобы всеми способами и средствами расстроить неприятеля огнем и, подорвав его силы, перейти в наступление и разбить его. Полевую оборону дивизии накануне войны планировали строить в виде неглубокой полосы, включающей передовые опорные пункты, главную и тыловую позиции. Передовые опорные пункты играли роль передового охранения. Главная позиция представляла собой линию опорных пунктов, находящихся друг от друга на удалении 600—1200 м. Опорные пункты главной позиции могли выполняться как групповые стрелковые окопы, отдельные укрепления (до-

*Построение полосы обороны пехотной дивизии
русской армии в самом начале войны*

пускались даже редуты) или как приспособленные к обороне местные предметы. Промежутки между опорными пунктами прикрывались ружейно-пулеметным огнем, причем если стрелки обязательно располагались в опорном пункте, то пулеметы могли располагаться и между ними чуть позади. Промежутки прикрывались фланговым огнем. Фланги самой позиции обеспечивались уступным расположением опорных пунктов. Тыловая позиция оборудовалась на удалении до 1 км от переднего края, ее занимал общий (дивизионный) резерв.

Оборона деревни

Окопы располагались на боевом гребне или даже у подошвы высот. Пехоте до начала боя рекомендовалось окопы не занимать, а находиться скрытно вблизи них. Если укрытых мест не было, пехота располагалась в окопах и инженерных сооружениях. Ширина полосы обороны дивизии составляла 4—5 км. Глубина обороны достигала 1,5—2 км. Таким образом, оборона в начале войны строилась как очаговая, основу ее составляли отдельные опорные пункты, огонь стрелкового оружия и артиллерии. По своему назначению оборона являлась лишь противопехотной.

Германская тактика наступления того времени основывалась на идее фланговой атаки и предполагала подход к противнику, занимающему укрепленную позицию, в предбоевом порядке колонн, подтягивание пулеметов

и уничтожение заграждений под прикрытием артиллерийского огня. Затем — «всеобщий огонь» по противнику и одновременный бросок в атаку по сходящимся направлениям с целью сковать противника с фронта и охватить фланги. Основной ударной силой в германской и австро-венгерской армиях была та же пехота, но и кавалерия в начале войны посылалась в атаку на спешно организованную полевую оборону русских.

Последняя, правда, в начале войны вполне успешно справлялась с пехотными и кавалерийскими атаками. Германский автор В. Бренкен, описывая действия германской кавалерии против частей русской 2-й армии во время Лодзинской операции в ноябре 1914 г., признавал: «Конница сразу же из своих первых смелых атак на Восточном фронте должна была извлечь горькие уроки, что атаки крупных кавсоединений против современного автоматического огнестрельного оружия является абсолютно безнадежным предприятием». Хотя дело было не только в пулеметах. Б. М. Шапошников, описывая действия пехотных частей 1-го кавалерийского корпуса по прикрытию отхода 2-й армии за реку Равка 4 декабря 1914 г., писал: «Наши пехотинцы, особенно сибиряки, не боялись немецкой конницы. Встречая ружейный огонь даже небольших подразделений русской пехоты, немецкие конные разъезды быстро спешивались». А в бою под Сувалками в марте 1915 г. пулеметчики 256-го Елизаветградского пехотного полка массированным огнем отразили атаку германской кавалерии и помогли отстоять соседнюю батарею.

Однако неглубокая очаговая оборона не отличалась устойчивостью против массированных атак противника, поддержанных тяжелой артиллерией. Правда, окопы уже начали удлиняться, а их фланги загибались, чтобы предотвратить обход противником и обеспечить огневую связь с соседними участками. И уже в октябре — декабре 1914 г., в ходе встречных сражений Варшавско — Ивановгородской и Лодзинской операций, когда из-за больших потерь и растянутых коммуникаций войска вынужденно переходили к обороне, опорные пункты дополняют-

В окопах под Перемышлем. Позиции пока еще временные, окопы неглубокие, заграждений нет вовсе

ся соединяющими их сплошными линиями окопов. Так, в 9 и 32-й пехотных дивизиях 3-й армии, 21-й и 52-й пехотных дивизиях 4-й армии, 46-й и 73-й пехотных дивизиях 9-й армии и ряде других соединений в конце 1914 года на главной позиции стали оборудовать две сплошные линии окопов со вписанными в них взводными и ротными опорными пунктами, а на тыловой — одну-две линии. При этом удаление тыловой позиции от главной составляло уже 2—2,5 км.

Теперь противник вынужден вести фронтальные атаки. Осуществляемые густыми цепями, они только способствовали успеху фронтального огня, который пулеметы обороны в основном вели в начале войны (хотя преимущества флангового и перекрестного огня уже признавались перед войной). Германская армия, признавая на словах, что «атаковать — значит продвигать огонь вперед», в начале войны посылала пехоту в атаку как раз густыми цепями, желая совместить наибольшую плотность огня цепи и силу ее удара, а заодно сохранить управление и «поддержать связь» внутри боевого порядка. Очевидец так эмоционально описывал атаку германской пехоты на Русском фронте: «Эту колонну косят пулеметы, ужасающие пулеметы, вырывающие буквально целый строй, — первая шеренга падает, выступает вторая

и, отбивая такт кованым альпийскими гвоздями сапогом по лицам, по телам павших, наступает, как первая, и погибает. За ней третья, четвертая, а пулеметы трещат». В ходе Восточно-Прусской операции в сражении у Гумбинен 7 августа 1914 г. пехота 17-го германского корпуса не только остановлена сильным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем двух русских дивизий, но и в панике отступила, понеся тяжелые потери. В ходе Галицийской битвы 13 и 25-я австрийские пехотные дивизии, пытаясь 19 августа охватить фланг русского 19-го корпуса у Комарова, встречены мощным артиллерийским и пулеметным огнем и остановлены с тяжелыми потерями.

Иногда впереди главной позиции русские соединения создавали передовые пункты в качестве линии боевого охранения. Пытаясь овладеть ими, противник был вынужден преждевременно разворачиваться в боевой порядок, что замедляло темпы его наступления и позволяло обороняющемуся подготовиться к отражению атак. Главную позицию обороняли полки первого эшелона дивизии. Основная часть стрелков и пулеметы целиком расположены в первой линии окопов и распределены равномерно по фронту. Перед главной позицией могли оборудовать проволочные препятствия. На тыловой позиции размещался общий резерв, а между позициями — артиллерия. Глубина обороны дивизии возросла до 3,5 км, а полоса обороны достигала 10 — 12 км.

Можно взглянуть на состав войск к началу Лодзинской операции (конец октября 1914 г.):

Войска	Частей		Штыков и сабель	Орудий	Пулеметов	Человек на 1 пулемет
	пехотных батальонов	кавалерийских эскадронов				
Германские войска	250	240	271 200	1 424	650	417
Русские войска	376	247	351 000	1 320	770	456
На решающем участке (район Брезины, Ргов)						
Германские войска	35	50	34 500	200	100	345
Русские войска	65	65	45 000	180	100	450

Насыщенность войск пулеметами и орудиями пока различается незначительно. Наступление противника встречали ружейно-пулеметным огнем перед фронтом обороны, который дополнялся огнем артиллерии. Вклинившиеся в оборону вражеские группировки уничтожались или отбрасывались в исходное положение контратаками общего резерва. Можно взглянуть на бой 31-й пехотной дивизии 23 декабря 1914 г. Противник крупными силами атаковал части дивизии. Главный удар пришелся по боевому участку 2-й бригады, оборонявшейся на левом фланге дивизии. Несмотря на мужественное сопротивление 123-го Козловского и 124-го Воронежского пехотных полков, противнику после ряда яростных атак удалось овладеть их главной позицией и вклиниться в оборону дивизии. Создалось критическое положение. Противник уже начал выдвигать резервы, чтобы развить достигнутый успех. Но в этот момент перелом в ход боя внесли артиллеристы 5-й и 6-й батарей 31-й артиллерийской бригады, находившиеся на закрытой огневой позиции. Они быстро выкатили орудия на прямую наводку и открыли беглый огонь картечью по густым цепям наступающей германской пехоты. Врагу был нанесен огромный урон, в его рядах началась паника. Используя выгодно сложившуюся обстановку, командир дивизии ввел в бой свой резерв. Стремительной штыковой атакой 122-й Тамбовский пехотный полк, поддерживаемый несколькими подразделениями 2-й пехотной бригады и артиллерией, отбросил противника с большими для него потерями за передний край и восстановил ранее занимаемое положение.

В то же время германцы с начала войны начинают больше уделять внимания при своем наступлении поддержке прицельным огнем пулеметов и огню полевой тяжелой артиллерии. Внезапное массированное открытие огня этой артиллерии с началом наступления пехоты часто приносило им успех. Станковые пулеметы германские командиры нередко старались держать в стрелковых цепях, а при перебежках часто пулеметы первыми перебещались на новую позицию и своим огнем прикрывали перебегающих стрелков.

Еще один вариант быстрого устройства позиций в начале войны — просто наваленные деревья

Генерал Брусилов писал: «Нужно отдать справедливость немцам: они, предпринимая какую-либо операцию, бросали в выбранном ими направлении сразу возможно большие силы с некоторым риском и решительно приводили в исполнение принятый ими план действий; это давало им в большинстве случаев блестящий результат. У них была в распоряжении громадная артиллерия с массой орудий тяжелого калибра, мы же в этом отношении сильнейшим образом хромали и не только не увеличивали артиллерии в ударной армии, но даже не снабжали ее в достаточной мере огнестрельными припасами... Подготовка такой атаки должна была начинаться сильнейшим артиллерийским огнем, который должен был смести проволочные заграждения и уничтожить неприятельские укрепления с их защитниками. И затем атака пехоты, поддержанная артиллерийским огнем, должна была неизменно увенчаться успехом, то есть прорывом фронта и в дальнейшем расширением прорванного фронта». Он же описывает, как легко таким образом прорывалась тонкая линия обороны — к тому же при недостатке боеприпасов у обороняющегося — в ходе Горлицкого про-

рыва в мае 1915 г. Германские войска нанесли удар по 10-му корпусу, «который был вытянут в одну тонкую линию, имея только один ряд окопов, несовершенных и ни в какой мере не могущих укрывать войска от всеокрушающего огня противника. Ясно, что при таких условиях этот корпус легко был прорван и сломан, а многочисленные германские войска, хлынув в этот прорыв, начали его быстро расширять и поражать разрозненные части 3-й армии, которые отходили от своих позиций в полном беспорядке».

Позиционный период (борьба в окопах)

Опыт боев скоро показал весь вред слабой предвоенной подготовки пехоты к самоокапыванию и применению полевой фортификации. Применение полевой фортификации сразу же делало фронт обороны устойчивее, а самоокапывание хотя и уменьшало темпы наступления, но заметно снижало потери наступающего.

Надо признать, что к позиционным формам борьбы не была готова ни одна армия, в том числе русская. А. А. Брусилов так описывал отношение к окопам в начале войны на примере своей 8-й армии: «Японская кампания, как прообраз действий войск в позиционной войне, усиленно критиковалась военными авторитетами всех держав и, между прочим, нами; в особенности наши военные учителя, германские военные писатели, не находили достаточно слов, чтобы насмеяться над Куропаткиным и его системой изрыть всю Маньчжурию... Нужно признать, что ни начальники, ни сами войска терпеть не могли укрепляться и в лучшем случае ограничивались ровиками для стрелков. Зимой в Карпатах я приказывал основательно окапываться, имея не менее трех линий окопов с многочисленными ходами сообщения. В ответ я постоянно получал донесения о невозможности выполнения этого требования. После же настоятельных моих приказаний было донесено, что они выполняются; но когда после данного мною времени для осуществления укрепления позиций я стал объезжать корпуса, чтоб осмотреть выполненные работы, то оказалось, что, в сущ-

ности, почти ничего не сделано, а то небольшое, что было выполнено, было настолько основательно занесено снегом, что трудно было даже решить, где рылись окопы. На мои вопросы, как же будут заниматься укрепления в случае наступления противника, мне докладывали, что они их тогда вычистят. На мой естественный вопрос, полагают ли они, что противник согласится ждать, пока они будут приводить в порядок свои укрепленные позиции, мне сконфуженно объясняли, что в будущем постараются содержать свои окопы в лучшем порядке. Был случай в одном из корпусов, что ни сам командир корпуса, ни

Пехота обживает окопы. Теперь они стали глубже (для стрельбы стоя), появился толстый высокий бруствер. Обратим внимание на башлыки и накидки

начальник дивизии, ни командир бригады, ни командир полка, ни, наконец, начальник инженеров корпуса не могли мне указать на местности, где уже вырыты окопы; между тем мне был представлен весьма хорошо разработанный на карте план непрерывно укрепленной позиции всего корпуса с донесением, что работа уже выполнена и проверена. Конечно, при такой нелюбви к укреплению своих позиций не только в 8-й армии, но и вообще во всей русской армии трудно было отстаивать занятые нами позиции, когда пришлось защищать их, хотя бы только для выигрыша времени.

Наши укрепленные позиции в действительности представляли собой один лишь ров, даже без ходов сообщения в тыл. При усиленном обстреле артиллерийским огнем,

В окопах выполняют и убежища

в особенности огнем тяжелой артиллерии, этот кое-как сделанный ров быстро заваливался, а сидевшие в нем люди при ураганном огне уничтожались целиком или сдавались в плен во избежание неминуемой смерти... На Юго-Западном фронте к позиционной войне вперемежку с полевой мы перешли в конце 1914 года и уже окончательно перешли к позиционной войне летом 1915 года, после грандиозного наступления армий центральных держав. Что касается 8-й армии, то, когда мы отступали с Карпат на новые позиции южнее Перемышля, никакой заблаговременно подготовленной позиции у нас не было, и войска стали спешно окапываться лишь по прибытии на места. Окопы эти были весьма примитивного свойства, и надлежащим образом их усовершенствовать в дальнейшем не было никакой возможности, ибо приходилось вести чрезвычайно упорные бои, перекидывая войска, по мере надобности, с места на место».

Фронт просто не имел достаточно сил для подготовки нужных ему позиций. По мнению Д. М. Карбышева, в начале войны «из одной крайности, полного отрицания, мы впадаем в другую: в тылу без всякой системы нагромождается бесчисленное количество всевозможных ру-

бежей... все средства отдаются тылу, фронт же предоставлен своим силам». Когда войска выходили к таким «тыловым позициям», те, как правило, уже не отвечали текущим тактическим требованиям, и войска ими почти не пользовались.

В полевой обороне в 1915 г. главная позиция включала теперь уже три линии окопов, расстояние между которыми увеличилось до 200—300 м, а глубина главной позиции возросла, следовательно, до 400—600 м. Перед главной позицией в ряде случаев устанавливались проволочные заграждения в 2—3 ряда кольев, заграждения прикрывались ружейно-пулеметным огнем. На открытых местах в пределах главной позиции оборудовались ходы сообщения. Для предохранения находившегося в окопах личного состава от шрапнели устраивали блиндажи и козырьки. Обязательным условием стала организация огневого взаимодействия между линиями окопов. Общая глубина обороны дивизии достигала 5—6 км. Вид окопов все еще простейший. Получив задачу оборонять такую-то линию, пехотная часть часто рыла вдоль этой линии окоп в виде канавы. За недостатком пулеметов в таком окопе плотно размещали стрелков — буквально громоздили «забор из винтовок», чтобы достичь максимально возможной плотности огня перед фронтом обороны. Сразу за окопом в отдельных ячейках располагались командиры, руководившие боем.

Уже в январе 1915 г. Штаб Верховного Главнокомандующего сообщал, что на р. Бзуре «германцы теперь приступили к тому, что делается при осаде большой крепости, то есть под покровом осадной артиллерии стали продвигаться сапами и прикрываться стальными щитами». Сапы устраивали в полный рост. По мере продвижения германцы подтягивали «батареи осадной артиллерии».

Русская укрепленная Горлицкая позиция к апрелю 1915 г. носила смешанный характер: в центре — шахматный, на флангах — уступной. При этом фланги окопов были закруглены. Профиль окопов — «для стрельбы стоя со дна рва». Поскольку высокий уровень почвенных вод здесь не позволял довести окопы до полного профиля, бруствер наращивался мешками с землей, между кото-

рыми устраивались бойницы. Были созданы искусственные препятствия, заложены фугасы.

Однако позиции должны защищаться достаточными силами и средствами, а тактическая плотность в обороне русских войск была довольно низкой. Между тем для наступления в ходе Горлицкой операции германо-австрийцы обеспечивали себе подавляющее превосходство:

Сторона	Дивизии		Штыки и сабли	Орудия		Пулеметы	Минометы
	пехотные	кавалерийские		легкие	тяжелые		
Русские	18,5	6	219 000	675	4	600	-
Германо-австрийцы	31,5	3	357 400	1272	334	660	96

На участке прорыва в 35 км соотношение сил было еще хуже:

Сторона	Штыки и сабли	Орудия		Пулеметы	Минометы	На 1 км фронта			
		легкие	тяжелые			штыков и сабель	орудий	пулеметов	минометов
Русские	60 тыс.	141	4	100	0	1 714	4,1	2,9	0
Германо-австрийцы	126 тыс.	457	159	256	96	3 600	17,6	7,4	2,7

Превосходство германо-австрийцев в живой силе на участке прорыва — в 2 раза, в легкой артиллерии — в 4,5 раза, в тяжелой — в 40 раз, в пулеметах — в 2,5 раза. И это — при недостатке боеприпасов у русских войск. Почти каждое боевое донесение содержало ссылку на нехватку боеприпасов и просьбу доставить их в войска. 21 апреля главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта Н. И. Иванов дал директиву командующим армиями: «Прошу беречь винтовочные патроны с особой тщательностью». 7 мая Иванов докладывал начальнику штаба Верховного

Линии окопов. 1915 г. В первом окопе плотно расположились стрелки, за ними — ячейка для командира, вторая линия — окоп для частного резерва (поддержка). Здесь не видно ни загибов окопа на флангах, ни ходов сообщения

Главнокомандующего Янушкевичу, что остающийся в его распоряжении запас легких снарядов и ружейных патронов не покрывает даже четверти некомплекта их в войсках и в полевых парках. И получил такое же указание резко ограничить расход ружейных патронов. Превосходство противника в артиллерии, особенно тяжелой, и недостаток боеприпасов, может быть, и не были основной причиной неудач русских войск в Горлицкой операции и отхода войск из Галиции, но сыграли существенную роль.

По мере возможности русские части совершенствовали свою оборону. В. Г. Федоров так описывал позиции 85-го Выборгского пехотного полка на окраине Едвабно (Северо-Западный фронт) в июле 1915 г. «От живописного когда-то городка остались лишь печальные развалины. Враг находился всего в 120 шагах от передовых окопов. Даже невооруженным глазом можно было различить его бойницы в кладбищенской стене и верхнюю часть перископа. Из Едвабно русские саперы вели минные галереи навстречу неприятельским.

Все бойницы в окопах закладывались днем кирпичами и камнями. Я хотел было вынуть один из кирпичей, чтобы лучше рассмотреть расположение противника, но меня тут же остановили:

— Что вы делаете, нельзя! Немец немедленно всадит вам пулю в лоб.

*В окопах под Опатовом. Так выглядел «забор из винтовок»
в передовых русских окопах в 1914—1915 гг.*

Мне рассказали, что так погиб недавно офицер, приехавший из штаба. Неприятель имел особо искусных стрелков, снабженных винтовками с оптическими прицелами. То были первые снайперы, уже появившиеся в германской армии. Ничего подобного в царских войсках тогда не знали.

Бойницы можно было открывать лишь вечером. В них просовывали дула заряженных винтовок, и так всю ночь оружие находилось в полной готовности к отражению неприятельской атаки. С удовольствием отметил я хозяйскую заботливость полка о винтовках. Чтобы не прислонять их днем к стенкам окопов, вдоль бруствера были прибиты к кольям планки с полукруглыми вырезами для цевий лож, а для опоры прикладов — специальные доски. У каждой стойки находилась деревянная задержка в виде крючка, вращавшаяся на гвозде. Она предохраняла винтовку от падения. Подобное приспособление — просто роскошь!

— А это что такое? — спросил я сопровождавших, увидев странную надпись на полуразрушенном доме. «Верх нахальства» — было крупно написано на нем.

— Так мы называли полковую пекарню. Она печет ковриги в нескольких сотнях шагов от немцев, которые очень нуждаются в хлебе...

К моему приезду полк был полностью укомплектован, многие раненые офицеры и солдаты вернулись в строй. Командный состав принимал все меры для укрепления позиции. В центре Едвабно была построена цитадель. Из Осовца по просьбе полка привезли небольшие мортирки для стрельбы навесным огнем. Полк имел также осветительные пистолеты, приобретенные по собственной инициативе у каких-то частных лиц. Патроны к этим пистолетам получали также частным образом от артели из Новгорода...

...Помню, как седой командир полка, которого я сопровождал во время обычного обхода окопов, обратил мое внимание на лучи германских прожекторов, быстро скользившие по нашим укрепленным линиям.

— А у нас что? — с горечью спросил он и тут же добавил: — У нас одна только божья луна!

Тот же 1915 год. Для стрелков в бруствере сделаны перекрытые бойницы, бруствер пытаются маскировать. Но от артиллерийского огня такой окоп пока защищает слабо

Русские войска нередко проявляли в обороне большую активность. Так, в ходе Томашевского сражения 13–16 июня 1915 г. они не только упорно удерживали свои позиции, но и неоднократно переходили в контратаки, нанося противнику большой урон, несмотря на его превосходство в артиллерии.

Весьма упорно держались русские войска и в ходе Наревской оборонительной операции против германской 12-й армии. Русская укрепленная позиция состояла из двух линий обороны, отстоявших одна от другой на расстоянии 5–6 км, и тылового оборонительного рубежа, отстоявшего на 15–16 км от первой линии. Относительно подготовленной могла считаться только первая линия, включавшая окопы полного профиля, проволочные заграждения и различного рода убежища. Вторая линия обороны состояла только из окопов. Обеспеченность боеприпасами была еще хуже, чем в Горлицкой операции. Многие бойцы не имели винтовок.

30 июня 1915 г. германские снаряды обрушились на окопы первой линии. Интенсивная артподготовка продолжалась 4–5 часов и завершилась минометными залпами,

непосредственно подготовлявшими атаку ударных дивизий. Германская артподготовка вывела из строя до 30 % боевого состава русских дивизий 1-й армии, но борьба за первую линию обороны продолжалась почти весь день. Упорство и стойкость русских солдат приводили противника в изумление. В результате в ночь на 1 июля войска 1-й армии смогли отойти на тыловой оборонительный рубеж. Подготовка к его атаке заняла у германцев весь день 1 июля, 2 июля он возобновил наступление, атакуя 10 дивизиями 4,5 русской дивизии. Упорное удержание окопов здесь также сочеталось с контратаками, ожесточенная борьба велась за населенные пункты, где русские использовали для обороны прочные дома (хотя вообще населенные пункты приспособляли к обороне редко. «Селения — в нормальных условиях опасные соседи позиций», — писал Д. М. Карбышев). В результате попытка противника форсировать р. Нарев окончилась неудачей.

К началу германского прорыва севернее Вильно на стыке Северного и Западного русских фронтов 27 августа 1915г. соотношение сил на участке прорыва было следующим:

Войска	Частей		Штыков и сабель	Орудий	Пулеметов
	пехотных	кавалерийских			
Германская ударная группа	4 дивизии	4 дивизии	43 200	392	336 станковых 216 ручных
Русские отряды прикрытия	7 батальонов	4 дивизии	20 200	42	32

Даже с учетом того, что русские части представлены в основном кавалерией, видно, что насыщенность германских частей пулеметами и артиллерией к этому времени значительно больше, чем к началу 1915г.

В мае — сентябре 1915г., когда русская армия несла на себе главную тяжесть боев, русские войска вели в основном маневренную оборону. Частям и соединениям

нередко приходилось действовать в широких полосах — ширина полосы обороны дивизии иногда достигала 20—25 км. Понятно, что тактические плотности здесь были совсем низкими. Однако даже при недостаточных тактических плотностях и значительном огневом превосходстве противника русские войска показали искусство в ведении маневренной обороны, широко применяя контратаки с целью восстановления утраченного положения или же для срыва обходов и охватов противником русских частей.

Прикрытие отхода войск часто приходилось брать на себя небольшим пехотным отрядам с пулеметами. При отступлении 8-й армии с Карпатских гор ее командующий А. А. Брусилов приказал оставить в окопах полковые команды разведчиков с несколькими пулеметами, а остальным войскам скрытно отходить «в строгом порядке» с наступлением темноты. При отходе 1-й и 3-й Финляндских стрелковых дивизий с перевала Козювки к г. Стрию противник, заметив отход, пытался атаковать отходящие русские части, но был остановлен. Отход прошел беспрепятственно. Разведчики с небольшим числом пулеметов и орудий сутки сдерживали наступление противника в горных дефиле. Стойко держалась и дивизионная артиллерия. При отступлении 20-го корпуса в Августовских лесах, например, артиллеристы выдвинулись в боевые порядки пехоты и вели огонь в упор, ценой своей жизни обеспечив отход пехоты.

Свершать планомерный отход с одного рубежа на другой удавалось в 1915 г. далеко не всегда. Организации марша при стремительном отходе часто просто не было. Так, майор германской армии А. фон Шель вспоминал о действиях 77-й резервной дивизии, обходившей русские войска у Эйдкунена в феврале 1915 г. «Батальон дивизии подошел с севера к шоссе, идущему из Эйдкунена на восток. Точных данных об отходящих русских частях не было, но командир батальона отдал приказ «наступать в расчлененном порядке по направлению к этому шоссе и овладеть им, имея в первом эшелоне 3-ю и 4-ю роты по обе стороны от дороги, по которой мы сейчас идем. 1-й

Позиции в лесу с бревенчатым бруствером с бойницами, перекрытыми прочными козырьками

и 2-й ротам следовать по этой дороге в 500 м в тылу». Турман помог подойти к шоссе незаметно, но главное, что помогло германцам нанести удар и разгромить отходящие по шоссе обозы и артиллерию, — отсутствие русских боковых дозоров, несмотря на близость противника.

Нередко пехотные части и соединения оказывались под угрозой окружения. Собственно, с угрозой окружения русским частям пришлось сталкиваться еще в 1914 г. 27 ноября, например, во время боев в Венгрии 48-й пехотной дивизии пришлось отходить под ударами австро-германцев по горной дороге. Австрийцы перерезали путь у местечка Сины. Начальник дивизии Л. Г. Корнилов, собрав до батальона пехоты, произвел контратаку, обеспечив тем самым не только отход артиллерии дивизии, но и выход из окружения всей дивизии, да еще и с захваченными пленными. Правда, столь же решительные наступательные действия Корнилова в конце апреля 1915 г. в Галиции не помогли 48-й дивизии избежать окружения и разгрома — по-прежнему мужественно дравшиеся войска, имея очень мало боеприпасов, практически без

Окопы стали глубже, появляются ходы сообщения (по которым можно подтянуть стрелков и пулеметы), стрелковая ступень и т.д.

артиллерийской поддержки не могли сбить с позиций лучше вооруженного противника.

В ходе Чарторийской операции в октябре 1915 г. оказались под угрозой окружения вырвавшиеся вперед части 4-й стрелковой дивизии. «Полк. Марков, занимавший выдвинутое положение у Яблонки, — вспоминал начальник 4-й дивизии А. И. Деникин, — по телефону докладывал мне:

— Очень оригинальное положение. Веду бой на все четыре стороны. Так трудно, что даже весело!..

Не только Маркову, но и всей дивизии в течение двух суток (20 и 21 окт.) пришлось драться фронтом на все четыре стороны. И не только паники, ни малейшего паде-

ния духом, ни малейшего колебания не было в рядах моих славных стрелков. К утру 22 окт. распоряжением командира корпуса дивизия была отведена к с. Комарово».

Можно вспомнить и прорыв русского 20-го корпуса с целью избежать окружения в ходе сражения в Августовских лесах. 1 февраля 1915 г. корпус двинулся на юго-восток к деревне Махарце и далее на Сопецкин. Однако германцы успели занять Махарце к вечеру 2 февраля и перекрыть дорогу, по которой отходил русский корпус. Утром 3 февраля 27-я дивизия, двигавшаяся в авангарде корпуса, была встречена сильным огнем со стороны Махарце, занятой 42-й германской дивизией. Русские энергично атаковали противника, успешно работала русская артиллерия. Тут произошел любопытный эпизод. На участке 108-го пехотного полка германская пехота, распространившись по опушке леса южнее деревни, сильным ружейным и пулеметным огнем задерживала продвижение. Артиллерии было приказано направить весь огонь против германцев, задерживающих правый фланг полка. Артиллеристы нашли две русские пушки, брошенные отрядом 111-го полка, дравшимся здесь накануне. Пушки были исправны, с выстрелами в зарядных ящиках. Для одного орудия старший офицер 2-й батареи взял передок с упряжкой от своего пустого зарядного ящика и направился с этим орудием по шоссе для непосредственной поддержки наступающей пехоты. Почти не отставая от стрелковых цепей, орудие переменило несколько позиций и, несмотря на совершенно открытое движение и такие же позиции, успешно выполнило взятую на себя задачу. То есть в этих условиях орудие с успехом выполнило задачу сопровождения пехоты.

Интересны и действия 4-го батальона 108-го полка с двумя пулеметами непосредственно в цепях пехоты (организуя бой, командир полка приказал начальнику пулеметной команды все пулеметы с самого начала боя выдвинуть в стрелковые цепи, подобно тому, как это делала германская пехота). Подойдя к берегу оз. Сервы, батальон попал под сильный ружейный и пулеметный огонь.

Командир 13-й роты повел все силы (13, 14 и 15-я роты 4-го батальона, одна рота Ирбитского полка и пулеметы, с которыми был начальник пулеметной команды) бегом по еще крепкому льду озера. Спустившись на лед, пехотинцы оказались в мертвом пространстве, германские пули падали позади них. Выбравшись на противоположный берег, батальон оказался в д. Маловисте, восточнее которой германские подразделения занимали опушку леса. Выбив их с опушки и взяв несколько пленных, роты повернули на север и скоро оказались на фланге и даже в тылу германцев, еще державшихся западнее д. Махарце.

В это же время на левом фланге наступал 2-й батальон того же полка. Крайняя 5-я рота следовала вдоль опушки леса. При перебежке одной открытой высоты она потеряла почти половину состава от германского пулеметного огня, но часть роты во главе с ее командиром, успевшая перебежать благополучно, продолжала наступать. Около выхода из леса, на дороге в д. Тоболово, к 5-й роте присоединилось несколько десятков солдат 116-го полка. Увлекаемые командиром 5-й роты, пехотинцы ворвались с севера в д. Махарце и вышли на ее юго-восточную окраину. Невдалеке от деревни стояла германская батарея. Германцы старались ее увезти, но, попав под огонь русских стрелков и артиллерии, вынуждены были бросить ее и спастись бегством в лес.

В 15.00 противник был выбит из деревни, а его 42-я дивизия почти разгромлена (незадолго до этого ее части перебросили на Русский фронт из Франции), захвачено более 700 пленных, 13 орудий, 2 пулемета. Части 27-й дивизии начали окапываться на случай появления новых германских частей. Германская попытка прорваться к Махарце была остановлена несколькими выстрелами роты, поставленной заслоном на шоссе. Взятый в плен офицер на допросе в штабе дивизии спросил: «Вероятно, это наступает русская гвардия?» — и был удивлен, узнав, что это простые армейские полки.

Корпус продолжил движение на Сопецкин, а его арьергард, оставленный у Махарце, выдержал упорный бой с наседавшими с тыла германскими частями, задержав

их. Однако противник опережал движение корпуса, стягивая кольцо вокруг него. Только вечером 5 февраля выяснилось, что Сопоцкин уже занят противником и пробиться к нему невозможно. В течение пяти дней части корпуса (27, 28, 29-я и 53-я пехотные дивизии) вели упорные бои, пытаясь прорвать кольцо окружения. Голодные, не спавшие несколько ночей русские солдаты проявляли большое мужество и упорство. 113 и 114-му полкам удалось пробиться к Гродно. Главные силы корпуса, расстреляв к 8 февраля весь запас патронов и выстрелов, приведя в негодность артиллерию, пытались проложить дорогу штыками. К утру 9 февраля корпус практически растаял. Помощь перешедших в наступление навстречу ему 8 февраля частей 10-й русской армии запоздала. Однако мужественное сопротивление 20-го корпуса отвлекло внимание германского командования от решения главной задачи и сильно «ослабило» результативность германской Августовской операции. 10-я русская армия смогла избежать окружения и отойти к Неману за р. Бобр.

Осенью 1915 г. на Русском фронте воюющие стороны переходят к позиционной обороне, зарываясь в землю на виду друг у друга и совершенствуя свои позиции. Вообще на протяжении войны оборона непрерывно развивалась, если можно так выразиться, во всех трех измерениях — по фронту, в глубину фронта и в глубину грунта. Слова о том, что «войска все глубже зарывались в землю», не были просто красивым оборотом речи — траншеи действительно становились глубже, применявшиеся еще с Русско-японской войны противошрапнельные козырьки, навесы, ниши и подбрустверные блиндажи сочетались с заглубленными убежищами на группы и подразделения с перекрытиями для защиты от фугасных снарядов. Главная и тыловая позиции полосы обороны дивизии теперь включали две-три траншеи полного профиля, от внезапных нападений их обеспечивали провололочные заграждения в несколько рядов. Расстояние между траншеями составляло 100—150 м, между позициями — до 4 км. Основной задачей оборонительного боя считалось удер-

Узкий окоп позволял ставить пулемет на станке Соколова с опорой на тыльный траверс. Фотография 1916 г.

жание первой траншеи. Тыловая позиция по-прежнему служила исходным рубежом для контратак резервов.

Расположение окопов в 1915 г. — все еще на боевых гребнях или у подошвы скатов, окопы имеют открытый тыл, защищаются тяжелыми козырьками, только демаскирующими окопы. Но артиллерийский огонь противника, быстро наводимый на выявленные, четко видимые благодаря линейным начертаниям позиции, засыпает их шрапнелью, осколками и землей, разрушает футасными гранатами. В числе главных целей артиллерии оказываются пулеметы обороны. А. А. Свечин, вспоминая о действиях пулеметчиков 6-го Финляндского полка, которым командовал с августа 1915 г., пишет, что из-за артиллерийского огня противника у выдвинутых в первую линию на высоты пулеметов «наводчики... выбывали в каждом бою чуть ли не на 50 %, преимущественно убитыми; сильно страдала даже материальная часть: пробились кожухи и вытекала вода». Приходилось развивать

*В окопах пехотного полка. Пулеметное гнездо с козырьком.
На переднем плане — карабин обр. 1907 г. пулеметчика*

главную позицию обороны в глубину, постепенно отходя от линейной тактики и отказываясь от непосредственной установки огневых средств на высотах.

Получают распространение блиндажи и убежища. Ходы сообщения допускают маневр подразделений и тяжелым оружием пехоты (пулеметами, позднее — легкими минометами). После первых германских газовых атак начинает формироваться противохимическая оборона войск на позициях (об этом несколько ниже).

Оборудование позиций зависело еще от изобретательности самих войск. На отдельных участках пехота создавала полосу искусственных препятствий из подручных материалов. На фронте появлялись собственные «нештатные» варианты позиций и заграждений. Так, приказом от 10 мая 1915 г. войскам 5-й армии были рекомендованы к применению поднимающиеся решетки и объявлена благодарность их автору штабс-капитану Нищенскому. Решетки-рамы сколачивались на месте

из жердей, обтягивались сеткой из колючей проволоки и укладывались горизонтально на определенном расстоянии впереди первой траншеи. Когда противник, перейдя в атаку, подходил «на расстояние штыкового удара», решетки неожиданно поднимались из окопа канатами и задерживали его, подставляя под огонь стрелков. В то же время лежащие решетки не мешали собственному переходу в атаку.

Разумеется, развитая система траншей и заграждений образовывалась там, где войска надолго оставались на одном месте. Скажем, войска 8-й армии Юго-Западного фронта даже летом 1915 г. не могли создавать более чем «окопы примитивного свойства», поскольку перемещались с места на место. А. М. Василевский вспоминал об оборудовании позиций 409-го Ново-Хоперского полка в конце 1915 г.: «Первый батальон нашего полка, а с ним и моя вторая рота занимали позиции непосредственно западнее деревни Ржавенцы, где размещался штаб полка. Окопы производили самое жалкое впечатление. Это были обыкновенные канавы, вместо брустверов хаотично набросанная по обе стороны земля без элементарной маскировки по ней, почти без бойниц и козырьков. Для жилья в окопах были отрыты землянки на два-три человека, с печуркой и отверстием для входа, а вернее — для вползания в нее. Отверстие закрывалось полотнищем палатки. Укрытия от артиллерийского и минометного огня отсутствовали. Примитивны были и искусственные препятствия. Там, где вражеские окопы приближались к нашим на расстояние до ста и менее метров, солдаты считали их полевые заграждения как бы и своими». В то же время о позициях войск той же 8-й армии в условиях «стояния на месте» Брусилов писал: «В течение зимы 1915/16 года, стоя все время на одних и тех же позициях, мы их постепенно совершенствовали, и они стали приобретать тот вид, который при современной позиционной войне дает большую устойчивость войскам: каждая укрепленная полоса имела от трех до четырех линий окопов полного профиля и с многочисленными ходами сообщений».

Окопы в Галиции — с обшитыми деревом стенками, противошрапнельными козырьками, маскировкой бруствера и тыльного траверса окопа

Окоп с укрытием. 1915 г.

В окопах организовывались пулеметные гнезда и убежища. «Убежища вообще подвигались туго, их было очень мало, — писал Брусилов, — и, правду сказать, я не особенно наседали на их развитие, так как они представляли собой не только прикрытие от артиллерийского огня, но и ловушки: спрятанный в убежище гарнизон данного участка, в случае проникновения противника в окопы, почти неизбежно целиком попадал в плен. Нужно признать, что австрийцы и немцы укреплялись лучше нас, более основательно, и у них в окопах было гораздо удобнее жить, нежели в наших». «Оборонительные позиции врага выглядели неплохо оборудованными, в чем мы смогли убедиться, овладев ими, — вспоминал А. М. Василевский. — Русские солдаты, к сожалению, не имели таких условий. И от ливней, и от заморозков они спасались под своей шинелью. В ней и спали, подстелив под себя одну полу и накрывшись другою; на ней же зачастую выносили из боя раненых».

Иногда позиции противников оказывались друг перед другом в самых тяжелых условиях. Так, после отвода русских войск от Луцка дивизии 30-го корпуса развернулись против немецких в заболоченном Полесье, построив укрепления из поваленных деревьев, перевитых проволокой.

«Я попробовал перейти в атаку раз, потом еще раз, — писал генерал А. И. Деникин, командовавший 4-й Железной стрелковой дивизией в составе этого корпуса, — понеся потери, был отбит и убедился в невозможности одержать победу по болоту, против уже укрепившихся немцев, не имея артиллерии... Не находя возможным вести людей на верную гибель и считая операцию явно обреченной, я отмалчивался» (в ответ на приказы командира корпуса перейти в атаку). О том, как строилась оборона в этих условиях, рассказывал и А. А. Брусилов: «Весь 30-й корпус и три дивизии конницы, в сущности, зарыться в землю не могли так же, как и правый фланг 39-го корпуса; на участках расположения этих частей, вследствие сильной заболоченности этих мест, пришлось произвести огромные саперные работы. Пришлось устраивать бесконечные гати, массу мостов, окопы же не врывать в землю, а строить их из бревен, прикрытых с наружной стороны землею, так как углубляться в землю было невозможно по причине близости грунтовых вод. Материала для выполнения этих работ было сколько угодно, так как вся местность сплошь покрыта лесами».

В течение 1916 г. оборона становится более глубокой, способной противостоять массированным ударам противника, наносимым на узких участках фронта. Весной 1916 г. выходят «Указания по укреплению позиции Штаба Верховного Главнокомандующего», во многом копированные с французских наставлений. В основе лежали два принципа: а) сила артиллерийского огня так велика, а метод стрельбы настолько совершенен, что все, видное глазу артиллериста, будет разрушено; б) против позиций, прикрытых проволочной сетью, обороняемой продольным огнем, пехота бессильна. «Современный огонь, — говорилось в «Указаниях», — особенно пулеметный фланговый, в сочетании с искусственными препятствиями, является преградой настолько сильной, что в настоящее время установлено, как правило: против обороняемых огнем и защищенных искусственными препятствиями сооружений пехота сама по себе не имеет никакой наступательной силы».

Количественный и качественный рост германской артиллерии заставил увеличивать расстояние между позициями и глубину самих позиций. Первая и вторая позиция должны были создаваться на расстоянии от 15 до 30 км одна от другой, а каждая позиция — состоять из двух укрепленных полос на расстоянии 5—8 км друг от друга. В свою очередь, каждая укрепленная полоса состояла из трех траншей («линий окопов»): первая линия — окопы передовых рот, вторая — окопы на линии батальонных резервов и третья — окопы на линии полковых резервов. Основная линия обороны относится на обратный скат высот, на переднем же скате оставляется вспомогательная первая линия, играющая роль своего рода боевого охранения. Для усиления этих линий на случай прорыва и служила третья линия. Постепенно происходил отказ от сосредоточения сил в первой траншее — артиллерия противника быстро разрушала ее. Поэтому окопы второй и третьей линий по емкости должны были рассчитываться не только на укрытие резервов, но и на бойцов стрелковых подразделений, отходящих из окопов впереди лежащих линий. Расстояние между первой и второй линиями — от 200 до 300 м — должно было предотвратить поражение второй линии при стрельбе артиллерии противника по первой (с учетом рассеивания попаданий). Расстояние между второй и третьей линиями окопов — от 400 до 1000 м. То есть удаление траншей друг от друга не позволяло вражеской артиллерии при обстреле одной линии наносить поражения пехоте во второй, и в то же время из следующей траншеи можно было вести ружейно-пулеметный огонь перед впереди лежащей линией или непосредственно по ней, если ее захватит противник. Рота занимала по фронту 250—400 м, батальон — до 1300 м, полк — 2—4 км. На второй (тыловой) позиции располагался резерв дивизии. Ширина полосы обороны дивизии несколько сузилась и составляла теперь 8—10 км. Такое построение обороны позволяло войскам скрытно располагать резервы, предназначенные для наращивания усилий и проведения контратак.

Чтобы противник, ворвавшись в полосу, не мог распространиться в сторону флангов, идущие в тыл ходы со-

Перестрелка пулеметчиков 132-го пехотного Бендерского полка с противником на р. Двине. Октябрь 1916 г. Обратите внимание на коленчатое в плане начертание окопов, массивный бруствер, размещение пулеметов на поперечных насыпях, а также — на телефониста рядом с офицером

общения приспособляются к обороне в качестве отсечных позиций. Более важные в тактическом отношении участки и местные предметы должны были выделяться такими отчетными позициями в «центры сопротивления», которые становятся опорными пунктами этого нового типа позиций, призванными вести упорную оборону. От «центра сопротивления» требуют наличия в нем замкнутого укрепления на случай охвата. Этот тип, обычный для Западного фронта, на Русском фронте приобретает свои особенности. Прежде всего для подготовки и занятия такой позиции требуется большое количество технических средств и сил, а на Русском фронте их плотность была много ниже. При том, что размах боевых действий по фронту и в глубину был больше. Русская армия не имела технических средств для производства такого объема земляных работ, ручных пулеметов и легких минометов для обороны первой позиции малыми силами.

Поэтому основные усилия сосредотачиваются на удержании первой линии окопов, ходы сообщения редко превращаются в отсечные позиции.

В 1916 г. от позиций уже требуют тщательной маскировки не только от наземной, но и от воздушной разведки. Устройство противощрапнельных козырьков и отдельных бойниц по-прежнему предусмотрено, но теперь требуют, чтобы они не демаскировали позицию. Поэтому

*Окопы, оборудованные на склоне в лесу. 1916 г.
Заметим изломы в начертании окопов*

более выгодными признают глубокие — более человеческого роста — узкие окопы (чтобы уменьшить вероятность попадания снарядов, осколков и шрапнельных пуль) с проходом по дну. При выборе позиции рекомендуется избегать резко очерченных местных предметов, занимать местные предметы с учетом необходимости маскировки. Высота бруствера над поверхностью земли назначалась минимальной — 0,3 — 0,4 м, бруствер маскировали «задерживанием» или срезанной травой, также иногда прикрывали и тыльный траверс окопа. Бойницы, амбразуры пулеметов, щели наблюдательных пунктов, изгибы окопов прикрывались масками из веток и травы. Особое внимание уделяли маскировке пулеметов. В кру-

тости окопов врезались стрелковые ступени для стрельбы стоя и для отдыха в перерывах боя, ячейки, площадки для ведения огня и наблюдения.

Для сбережения стрелков и материальной части, кроме маскировки, использования укрытий и открытия ружейно-пулеметного огня только с дальности прямого выстрела, предлагалось использовать и «маневр» — перемещение подразделений или групп бойцов вдоль траншеи или во вторую линию — на менее обстреливаемый противником участок, если, конечно, занимаемый ими участок не подвергался атаке. Ходы сообщения рекомендовалось выполнять зигзагами или по дуге для защиты от продольного обстрела. Роты, находящиеся в резерве, старались располагать в лесах, лощинах, убежищах, селениях (при достаточном удалении последних от передовых позиций). При наличии времени и сил готовили ложные сооружения (окопы, препятствия, наблюдательные пункты).

В целом можно сказать, что в обороне, в силу ее «позиционного», стационарного характера, больше внимания уделяли технической маскировке, в наступлении — естественной маскировке и применению дымов.

Маскировке подвергали и проволочные препятствия. Так, разная высота кольев уже затрудняла противнику визуальную разведку препятствий. Удаление искусственных препятствий от передних окопов было 70—100 м, минимальное удаление определялось требованием, чтобы противник, задержанный у препятствий, не мог забросать обороняющихся гранатами, а сам обороняющийся мог прицельно расстреливать противника. Отсюда рекомендовалось удаление препятствий перед передовыми окопами не менее 60—80 шагов (42,5—57 м). Слишком близкое сближение окопов было уже опасным для обоих противников. И преимущество здесь имел противник, лучше оснащенный средствами ближнего боя — гранатами, огнеметами.

Оборона строилась, прежде всего, на широком использовании ружейно-пулеметного огня на средних и малых дальностях. Ручные гранаты в позиционной обороне применялись при производстве вылазок с целью унич-

тожения разведки противника или разрушения его сооружений, для действий «против команд неприятеля, пытающихся устраивать проходы», для отражения атаки теми бойцами, которые не участвовали «в огневом бою». В то же время поле боя продолжало «пустеть» — боевые порядки наступающей пехоты более расчлняются по фронту и в глубину, пехота начинает передвигаться мелкими подразделениями, перебежками, оставляя обороняющемуся меньше времени на прицеливание и поражение целей. Передовые траншеи противников оказывались друг от друга на расстоянии одного броска пехоты и находились под постоянным наблюдением и обстрелом. Все более широкое использование артиллерии и других «технических средств борьбы» только повышало значение ближнего боя пехоты. Тем более требовались скорострельность и быстрота маневра огнем оружия пехоты, чтобы успеть выпустить наибольшее количество пуль по целям, обнаруживающим себя внезапно и остающимся в поле зрения считанные секунды. Все это заставляло уделять больше внимания фланговому и перекрестному огню пулеметов и групп стрелков, который позволял прикрыть фронт меньшим числом огневых средств, при этом лучше замаскировать пулеметы. Соответственно, с увеличением глубины обороны пулеметы размещались не только в первой и второй линиях окопов, но и в глубине полосы обороны и ставились так, чтобы вести преимущественно фланговый или косоприцельный огонь. Стоит отметить, что русская армия стала уделять внимание такому огню раньше, чем ее союзники и противники. В то время как на Западе, по замечанию майора Вогер, еще в 1916 г. «значительное число пулеметов стреляло в направлении, перпендикулярном фронту», русские части уже в 1915 г. делали «изломы» в начертании траншей — именно для фланкирования позиций огнем, а также защиты подразделений от продольного обстрела. А в январе 1916 г. «Наставление для укрепления позиций» в 7-й русской армии, например, вводило изломы траншей как обязательное требование. Для тех же задач фланкирования позиций использовали вынесенные вперед и соединенные с траншеей ходом со-

общения пулеметные площадки и «блокгаузы» (по сути, ДЗОТы). Такие вынесенные вперед пулеметные точки (пулеметные «заставы»), в свою очередь, прикрывали проволочным заграждением и огнем стрелков из передовой траншеи. С переходом противника в атаку пулеметчики по замаскированным ходам выдвигались на «заставу» и открывали кинжальный огонь во фланг неприятельской пехоте. Прочные закрытые фортификационные сооружения, в том числе деревоземляные, для пулеметов и наблюдательных пунктов прочно вошли в практику. В отличие от австро-венгерской и германской армий, русская армия не использовала железобетонных конструкций — вместо этого строили глубокое убежище, прикрытое сверху несколькими рядами бревен с расчетом, чтобы такой потолок мог выдержать 152-мм снаряд.

Слабая обученность войск требовала упрощения схемы полосы обороны.

Попытки же некритичного перенесения форм полевой фортификации, принятых на Западном фронте, на Русский фронт вызывали протест со стороны войск. Иные тактические условия и технические возможности требовали и иных форм полевой фортификации для обеспечения пехоте необходимой устойчивости. Любопытное свидетельство «Военно-инженерного сборника» (кн.2): «Каждый корпус укрепляется, основываясь на случаях только своей боевой практики, и бывало, что окопы, отрытые одним полком, зарывались другим, как неграмотно, по мнению последнего, выбранные; одни считали необходимыми козырьки, бойницы, щели, другие — вредными; одни настаивали на 3 ходах сообщения в тыл от роты, другие делать не больше одного, чтобы люди не уходили в тыл самовольно; одни находили тяжелые блиндажи крайне необходимыми, другие — безусловно вредными и т. д.».

Для придания обороне большей активности в непроходимых и необстреливаемых противником местах рекомендовалось делать выходы из окопов вперед в виде коротких замаскированных ходов сообщения — через них должны были выходить разведчики, секретеры, совершаться вылазки, производиться частные контратаки

Выкачивание воды из окопов

и внезапные атаки во фланг атакующего окопы противника. Замаскированные окопы секретов выносились на удаление 20—40 м впереди проволочных заграждений, секреты выставлялись обычно на ночь. В таких ходах заранее готовились рогатки для быстрого их перекрытия. В искусственных препятствиях перед «активными» участками оставляли проходы, прикрываемые быстро разбирающимися заграждениями (рогатками, ежами). Выдвинутые вперед секреты, охранные подразделения, как и разведчики, могли снабжаться маскировочными халатами, маскировочными шлемами.

При ведении оборонительных действий войска переходят от равномерного, линейного распределения сил и огневых средств по фронту к сосредоточению основных усилий на наиболее важных направлениях (участках). Основой боевого порядка в обороне становится боевая группа пехоты в составе отделение — взвод, который, тесно взаимодействуя с приданными и поддерживающими огневыми средствами (пулеметами и траншейными орудиями), оборонял участок траншеи или опорный пункт. В обороне основы «групповой» тактики в русской армии складываются более определенно.

Контратаки против наступающего противника рекомендовалось производить силами резервов и поддержек

из второй линии окопов в момент перехода противника в штыковую атаку, в то время как стрелки в передовом окопе не выходили из него, встречая противника последним выстрелом в упор.

Существенно замечание одной из инструкций: «Во всех защитных сооружениях следует принять меры к отводу воды из них и к поддержанию санитарного благополучия. С последней целью необходимо устройство отхожих мест, лучше несколько поодаль, но обязательно с возможностью во время обстрела сравнительно безопасно пользоваться ими... Жилые помещения при длительном пребывании в них должны быть снабжены в достаточном количестве подстилочной принадлежностью: лучше всего с этой целью устраивать подстил из хвой, перекрытый сверху соломенными матами. В зимнее время необходимо хотя часть жилых помещений обеспечить печами».

Если в 1915 г. в обороне русских войск на 1 км фронта обороны пехотной дивизии приходилось в среднем 1,3—1,6 пехотного батальона, до 3 пулеметов и 4—5 орудий (с учетом приданных и поддерживающих), то в 1916—1917 годах — 1,6—2 пехотных батальона, 10—15 пулеметов и до 5—8 орудий. С насыщением обороны пулеметами и траншейной артиллерией в сочетании с развитием инженерного оборудования менялись ширина и глубина обороны. По опыту нескольких операций на Русском и Западном фронтах исследователи вывели следующие ориентировочные цифры развития обороны:

Оборона пехотной дивизии	1914			1915			1916		
	глубина	ширина фронта	количество пулеметов	глубина	ширина фронта	количество пулеметов	глубина	ширина фронта	количество пулеметов
Россия	от 100 м до 1,5 км	4—5	24—32	до 3,5 км	10—15 км	около 30	4—5 км	12 км	50—60
Франция	от 200 м до 1,5 км	-	24	3—6 км	-	24—30	8—10 км	5—6 км	120

Кстати, о французской армии. Как известно, в 1916 г. по просьбе союзников во Францию и Македонию были направлены русские особые пехотные бригады («пехота за вооружение», как говорили об этом соглашении). Маршал Р. Я. Малиновский, служивший в ту войну солдатом-пулеметчиком, не без оттенка зависти описывает французские позиции на июнь 1916 г., характерные для неподвижного «позиционного» фронта, насыщенного техническими средствами: «Убежища были оборудованы глубоко под землей. Вниз вели тридцать восемь ступенек, а там — крепкое дубовое крепление, как в шахте, по бокам деревянные клетки, обтянутые железной сеткой, а на них солдатские матрацы. Это — койки. Для начальника пулемета даже отдельная комната с одной койкой, столом, сбитым из досок, запасом ручных гранат и патронов в лентах. Из убежища два выхода — один от начальника пулемета прямо в траншею к стрелкам и другой — из общего помещения к пулеметному, крытому, хорошо замаскированному гнезду». И это только пулеметно-стрелковый «аванпост».

Русские войска недостаток технических средств и боеприпасов долго восполняли своей храбростью и жертвенностью. Упорство и стойкость, проявлявшиеся русскими солдатами в обороне, вызывали заслуженное уважение противника.

В ходе штурма турецкой крепости Эрзрум 1 февраля 1916 г. развернулся кровопролитный бой за форт Далангез, захваченный русскими войсками и оборонявшийся отрядом подполковника И. Н. Пирумова в составе 3-го батальона и двух рот 4-го батальона 153-го Бакинского пехотного полка. Поскольку потеря форта нарушала оборону позиции Девебойну, турки решили приложить все усилия к обратному овладению им. С рассвета 30 января они сосредоточили по форту Далангез и прилегающему к нему району и подступам к форту огонь более сотни орудий, которым отрезали форт от остальных частей 39-й пехотной дивизии. Все попытки в течение дня подвести подкрепления и подать снаряды и патроны к форту кончались неудачей. С 14.00 турки при поддер-

Еще окопы в лесу. Кроме глубины и начертания окопа, маскировки бруствера стоит отметить наличие убежища и касок Агриана. Любопытны также наличие шанцевого инструмента (лопаты, кирки) и «окопные вольности» в ношении снаряжения

жке сильного огня с фортов Узун-Ахмед и Чобан-деде перешли в наступление. Русская артиллерия не смогла задержать наступление турецкой пехоты. Однако части 153-го полка, подпустив турок на близкую дистанцию, встретили их организованным ружейным и пулеметным огнем, и турки поспешно отхлынули в исходное положение. За этой атакой последовал еще ряд яростных атак, поддерживавшихся огнем многочисленных батарей. Защитники форта, отрезанные от своих войск, несли, однако, большие потери; главное же, у них убывал запас патронов. Шестую атаку отбивали уже штыками. Седьмую атаку отражать приготовились все, кто еще мог стоять на ногах. Подпустив противника вплотную, русские с криками «Ура!» бросились в штыковую. Турки снова отступили, но в сумерки повели восьмую атаку. Но в это время к форту смог наконец добраться один подносчик с запасом патронов, навьюченным на осликов. Патроны быстро раздали оставшимся защитникам форта, до ра-

ненных включительно. Приблизившийся атакующий был встречен частым огнем и отброшен с большими потерями. С наступлением темноты атаки турок прекратились. Оказалось, что из 1400 нижних чинов и офицеров полтора батальонов 153-го полка осталось в строю около 300 человек, и то большей частью раненных. Но задача полком была выполнена. За ночь гарнизон форта был усилен, раненные эвакуированы. По сторонам форта местность была занята частями 39-й дивизии.

Если к началу войны оборона рассматривалась, прежде всего, как «противопехотная», то к ее концу первостепенными стали определения «противоартиллерийская», а также «противохимическая». Причем метод ведения противником атаки уже не давал обороне много времени на реакцию. Во время своего наступления под Ригой в 1917 г., например, германцы сокращали длительность артиллерийской подготовки, отказываясь от пристрелки и открывая огонь по исчисленным данным, вели огонь на подавление с широким использованием химических снарядов, воздействовали артиллерийским огнем на всю тактическую глубину обороны.

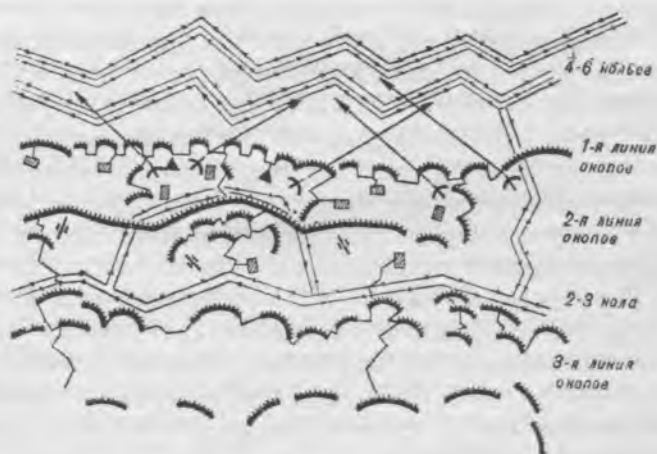
В ходе этой операции 8-й германской армии в августе 1917 г. против войск 12-й русской армии германским войскам пришлось столкнуться с оборонительными позициями, включавшими две укрепленные полосы. 19 августа около 04.00 германская артиллерия открыла массированный огонь химическими снарядами по русским позициям в районе Икскуля. Около 06.00 начался обстрел всей первой полосы. Участок одного только 742-го пехотного полка (186-й дивизии) подвергся 4-часовому обстрелу. Артиллерийская подготовка была проведена 120 тяжелыми и 120 легкими батареями по участку 8,5 км по фронту и 6,4 км в глубину. В результате из 2200 солдат и 200 офицеров 742-го полка к началу германской атаки уцелело 200 солдат и 4 офицера. Германцам помогло хорошее знание русских позиций, не менявшихся в течение почти 2 лет. Оборона 186-й пехотной дивизии была расстроена, а русские батареи подавлены. В 09.00 германцы перешли в атаку. Части 2-й германской гвар-

дейской дивизии, быстро форсировав Западную Двину, вклинились в оборону 186-й дивизии, продвинулись на глубину до 7,5 км, пока в результате контратак 743-го и части 741-го полков не были вынуждены отойти обратно к Двине. Попытка переправы 14-й баварской дивизии на участке 21-го корпуса не удалась. Русские полки оказывали упорное сопротивление и неоднократно переходили в контратаки. 20 августа германцы, достигнув эффекта внезапности, атаковали 6-й Сибирский корпус. Русские части вынуждены были отойти на тыловую позицию, где наступление противника было приостановлено. Наступление 2-й гвардейской дивизии противника встретило упорное сопротивление латышских стрелковых полков. Тем не менее в ночь на 21 августа русские войска оставили Ригу.

В Луцком прорыве

В начале книги уже говорилось, что в ней не будет разбора отдельных операций Первой мировой войны. Тем не менее особенности действий пехоты в наступлении Юго-Западного фронта летом 1916 г., известном как Луцкий прорыв, или Брусиловское наступление, стоит рассмотреть особо. Не только потому, что это самая знаменитая и изучаемая операция на Русском фронте той войны, но и потому, что в ней можно яснее всего увидеть реализацию накопленного русской армией боевого опыта, методы решения тактических проблем «позиционной» войны, а также применение пехотой новой системы вооружения и новых боевых порядков и приемов.

Перед армиями фронта стояла проблема штурма и преодоления тщательно подготовленной обороны. Оборона австро-венгерских войск готовилась не менее девяти месяцев, постоянно поправлялась и совершенствовалась. Позиция состояла, как правило, из трех полос глубиной до 10—12 км. В каждой полосе, имевшей глубину до 4 км, имелось 2—3 траншеи. При оборудовании позиций австрийцы широко пользовались опытом германской армии,

Условные обозначения

▤ Убежища

┆ Пушля

✕ Пулемет

▲ Лисья нора

— Проволока

Схема участка русской укрепленной позиции под Луцком. Стоит отметить плотность убежищ и «лисых нор» в первой линии окопов, ходы сообщения, проволочные заграждения как перед первой линией, так и между линиями окопов, расположение пулеметов и орудий

полученным на Западном фронте. Первую траншею старались проводить по командующим высотам. Траншея имела глубину 3,5—4 м, стрелковую ступень, траверсы, убежища. Вдоль траншей через 80—100 м выполнялись небольшие укрепленные оборонительные сооружения — чаще всего в виде железобетонных башенок для пулеметов, артиллерийских наблюдателей и орудий малого калибра (до 57 мм). Много было стальных щитов для наблюдателей и стрелков, лисьих нор (емкостью до взвода) и погребов с покрытием из железобетонных балок для хранения патронов и ручных гранат, целая система многочисленных ходов сообщения связывала передовые траншеи с тылом. Убежища, расположенные непосредственно за первой траншеей, были глубоко врыты в землю и рассчитаны на защиту от снарядов тяжелой артиллерии (152—203-мм бомб), имели перекрытия из не менее

чем двух рядов бревен, некоторые — с железобетонными конструкциями. Каждая землянка вмещала в себя до одного взвода, была оборудована нарами, печами, стены обшиты цинковками, в офицерских землянках имелись железные кровати, мебель, кафельные печи. В окопах весьма обильно были расставлены пулеметы (включая замаскированные пулеметы во всех исходящих и входящих углах траншеи), траншейные пушки, бомбометы, минометы с большим запасом боеприпасов. Окопы были сооружены с таким расчетом, чтобы подступы к позициям обстреливались перекрестным ружейным и пулеметным огнем. Кроме изломов в начертании траншей, для фланкирования позиций использовались выдвинутые вперед пулеметные капониры. Многие пулеметные гнезда имели бетонированные бойницы. Ходы сообщения между траншеями были приспособлены к обороне заранее подготовленными стрелковыми и пулеметными ячейками и окаймлением проволочным заграждением и представляли собой отсечные позиции, способные задержать распространение противника на соседние участки в случае его прорыва. Местные предметы, имевшие более-менее важное тактическое значение, были превращены в сильные опорные пункты, укрепленные лучше, чем промежутки между ними, фланкирующие друг друга огнем и приспособленные к длительной обороне. Каждая полоса была прикрыта 2—3 многорядными полосами проволочных заграждений (в 19—21 ряд кольев под Луцком, расстояние между полосами — 20—50 шагов одна от другой), а также самовзрывающимися фугасами (с чекой взрывателя, выдергиваемой при прикосновении или спотыкании о проволоку), камнеметами. Перед проволочными заграждениями передовых окопов иногда имелись окопы для полевых караулов, в свою очередь, прикрытые проволочным заграждением. Такие полевые караулы имели сообщение с передовыми окопами по ходам сообщения, проложенным под проволокой. Некоторые ряды проволочных заграждений были оплетены толстой стальной проволокой, плохо поддававшейся резке ножами; в некоторых местах проволочные заграждения

защищались сетками от забрасывания на них ручных гранат, на некоторых участках — электрифицировались. Иногда перед бруствером окопа устраивали волчьи ямы и рвы с проволоочной сетью на заостренных кольях, хотя в целом опыт войны показал неудобство таких препятствий — колья заваливались и разбивались при артиллерийской подготовке, после чего ямы и рвы становились готовым укрытием для противника прямо перед своими окопами.

Вторая траншея (линия окопов) была удалена от первой на 70—100 м, третья — еще на расстояние от 100 до 400 м (в зависимости от профиля местности). Вторая траншея была оборудована значительно слабее, но также имела полосу препятствий и многочисленные убежища. Интересно замечание А. М. Василевского, участвовавшего в Брусиловском наступлении: «Австрийские укрепления отличались от немецких той особенностью, что немцы вторую и третью линии обороны делали едва ли не сильнее первой, австрийцы сосредоточивали главные усилия именно на первой». При этом большие силы держались на первой позиции только днем, на ночь основная часть пехоты отводилась на отдых в прочные убежища второй и третьей линий, в первой линии оставлялись пулеметчики, наблюдатели и дежурные подразделения. Брусилов, однако, писал в приказе по войскам: «Нужно иметь в виду, что наш противник нормально основывает всю силу своей обороны на второй линии окопов, и задержка на первой линии подвергает войска сосредоточенному огню противника». Удержать первую линию австрийцы пытались не столько живой силой, сколько артиллерийским и пулеметным огнем, отводя при необходимости большую часть бойцов в убежища второй линии, дабы накопить силы для контратак. В третьей линии австрийских окопов располагались вторые эшелоны батальонов, частью — полков. На расстоянии 1—2 км от первой линии располагались прочные убежища для командиров и штабов с блиндированными наблюдательными пунктами. Австрийские позиции снабжались электрическим освещением, оснащались прожекторами, неплохо были

оборудованы в санитарном отношении. Недостатком была слабая маскировка пехотных позиций.

Взятый в плен в первый день наступления офицер австрийской 70-й дивизии на допросе заявил: «Наши позиции неприступны, и прорвать их невозможно. А если бы это вам удалось, тогда нам не осталось бы ничего другого, как соорудить грандиозных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии наших теперешних позиций и написать: «Эти позиции были взяты русскими, завещаем всем — никогда и никому с ними не воевать» (жаль, что столь здравые мысли быстро забываются).

Соотношение сил сторон в полосе Юго-Западного фронта к началу наступления:

Русские армии	Дивизии				Штыки и сабли				Орудия			
	пехота		кавалерия		штыки		сабли		легкие		тяжелые	
	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы	русские	австрийцы
8-я	15	13	7	3	202 125	137 600	22 819	9700	640	375	76	174
11-я	8,5	10	1	2	124 707	128 000	5914	4600	360	312	22	159
7-я	7	7	3	1	101 081	815 40	12 273	3000	322	264	23	62
9-я	10	9	4	4	145 394	101 000	19 030	10 000	448	350	47	150
Всего	40,5	39	15	10	573 307	448 140	60 036	27 300	1770	1301	168	545

Как видно, русским войскам предстояло вести наступление без значительного превосходства в силах и тем более в технических средствах. Только на участках прорыва армий удалось создать превосходство: в пехоте — в 2—2,5 раза, в артиллерии — в 1,5—1,7 раза. Для прорыва хорошо укрепленной полосы маловато.

Инженерная подготовка наступления велась с мая 1916г. Чтобы сохранить пехоту для лобового удара по столь хорошо подготовленной обороне, ее необходимо было скрытно подвести на расстояние до 200—300 шагов от переднего края обороны противника (а лучше еще ближе, в зависимости от местности), с которого она

В часы отдыха

могла бы броситься в атаку. Это требовало построения выдвинутых вперед инженерных плацдармов, которые обеспечивали: подведение атакующих частей скрытно на ближайшие дистанции к противнику, их развертывание перед атакуемыми объектами и одновременность их атаки; высокую степень защищенности личного состава, выходящего в исходное положение для наступления; скрытный подход свежих сил на усиление атакующих частей. В преддверии планировавшегося весной — летом 1916 г. наступления инженерные плацдармы готовились также и на Западном, и на Северном фронтах, но свою роль продемонстрировали именно в действиях Юго-Западного фронта.

Подготовка инженерных плацдармов велась постепенно. Пехотные части по ночам выдвигались из передовой траншеи на 100—200 шагов вперед и устраивали окопы, которые затем постепенно развивали в траншеи, обнося их рогатками с колючей проволокой. Такое выдвижение производилось перебежками, но это приводило к лишним потерям — не среди перебегающих, а среди оставшихся в траншее: перебежка выдавала нахождение в ней солдат, и австрийская артиллерия быстро наносила удар.

Убежище от тяжелых артиллерийских снарядов

Поэтому в 3-й Заамурской дивизии, например, предпочитали сблизаться с противником, прорывая в его сторону окоп — сапу (та самая «тихая сапа»). На плацдармах строилось несколько параллельных рядов окопов. Работы затруднялись тем, что весеннее таяние снега разрушило часть уже готовых окопов и заграждений, и приходилось ждать просыхания почвы для возобновления работ.

Подготовку инженерного наступательного плацдарма можно проследить на примере участка 2-го корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта. Участок атаки корпуса намечался шириной 7,5 км, причем для непосредственного прорыва были подготовлены два участка протяжением по фронту около 2 км каждый.

Плацдармы включали 6—8 параллельных траншей, а на непосредственных участках прорыва — 10—12 траншей. Траншеи отрывались на расстоянии 70—100 м одна от другой. Глубина траншей достигала 2,5—3 м, ширина по дну делалась не менее 1 м в расчете на то, что в траншее должны поместиться рядом две шеренги. Насыпь делалась небольшой, местами маскировалась, в ней делались бой-

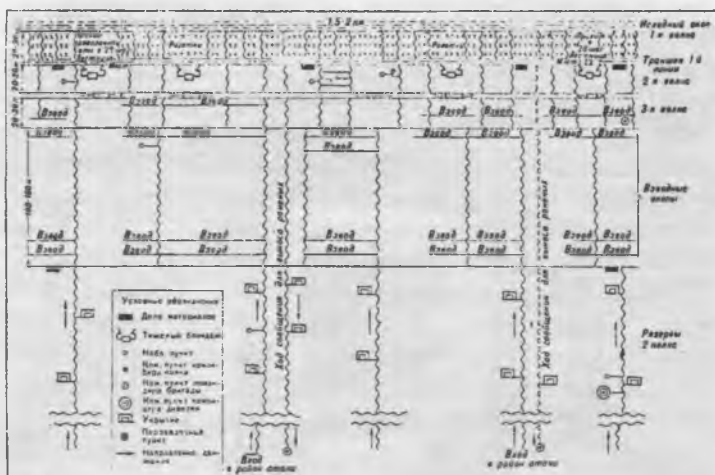

Схема работ, проводимых на инженерном плацдарме пехотной дивизии перед наступлением. Отметим распределение подразделений и наблюдательных пунктов, подготовку заграждений и проходов, склады («депо») инженерных материалов в передовых траншеях, количество ходов сообщения для прохода атакующих частей и для выноса раненых

ницы, обычно прикрываемые небольшими козырьками. Ближайшие к противнику окопы прикрывали рогатками. Вместе с пехотными подразделениями к первой траншее подтягивали и пулеметы. Так, по два станковых пулемета держали уже позади окопов передовой роты и по одному на фланге, часть пулеметов и бомбометов размещали в убежищах позади передового батальона. Пулеметы ставили и в вынесенных вперед гнездах перед первой траншеей. А. М. Василевский, вспоминая об оборудовании позиций передовых частей в мае 1916 г., описывает «пулеметные гнезда с трехсторонним обстрелом», на которые пулеметы ставились ночью, а днем скрывались в окопах. Перед первой траншеей имелись проволочные заграждения в несколько рядов. Через каждые 14—15 м устраивались траверсы, а местами — «шрапнельные ровики» (щели, прорытые от окопа перпендикулярно вероятному направлению обстрела) и блиндажи. На каждую роту, которой

предстояло участвовать в атаке, оборудовалось по одному убежищу. Траншеи были снабжены большим количеством указателей, обозначающих фланги рот. Все траншеи соединялись между собой разветвленной сетью ходов сообщения, достаточно глубоких для движения в них пехоты укрыто от взоров противника. Траншеи и ходы сообщения имели ступенчатые выходы или приставные лестницы для быстрого выскакивания. Все линии окопов инженерного плацдарма соединялись ходами сообщения с окопами основной позиции. Так, в 11-м корпусе таких ходов сообщения было выполнено по четыре на каждый батальон, причем два из них предназначались для движения вперед, а два — для выноса раненых и отхода назад. Корпусам были приданы гидротехнические отряды для постройки колодцев — большое количество войск, ожидавшееся количество раненых требовало больших запасов воды.

Всего на указанном участке было построено до 70 км окопов, ходов сообщения и траншей. Характерно, что параллельно инженерными войсками фронта велись большие работы по ремонту имеющихся и строительству новых дорог, колонных путей и мостов.

Вид окопа изнутри. В 1916 г. предпочтение отдается узкому глубокому окопу с низким бруствером, обшитыми досками и бревнами стенками

Централизация управления и необходимость оперативного контроля за обстановкой и реакции на ее изменения требовали «спускать» штабы в войска и их работы на тактическом уровне. Штабы всех частей и соединений и все командиры подразделений имели замаскированные командно-наблюдательные пункты. Для командира корпуса, командиров дивизий и полков командно-наблюдательные пункты строились с противоснарядными убежищами.

Для артиллерии кроме основных и запасных позиций, пороховых погребков подготовили большое количество наблюдательных пунктов, укрытий для телефонных станций. Артиллерийские наблюдательные пункты приближались к пехоте.

На центральном инженерном складе — в 5—6 км от передовой — заготавливались средства для преодоления проволочных заграждений. Имущество доставлялось в пять полковых инженерных складов. По данным, приводимым Д. М. Карбышевым, на складах размещались и были выданы войскам:

- 1) штыковые ножницы — по числу винтовок головных частей,
- 2) дымовые шашки — по 400 на полк,
- 3) земленосные мешки — по 2—3 на каждого бойца,
- 4) большие лопаты — по 500—1000 на полк,
- 5) ручные ножницы для резки проволоки — по 10 на головную роту,
- 6) кошки с тросами и другие приспособления для уничтожения препятствий,
- 7) легкие мостики, готовые соломенные маты, мостки, хворост, запас плетней, рогаток, ежей.

На каждую головную пехотную роту атаки готовились по две специальные команды для подрыва проволочных сетей — каждая из трех человек с пудовыми подрывными зарядами. Поскольку саперов для всех этих работ не хватало, резчиками проволоки, подрывниками становились пехотинцы, пехотные разведчики участвовали в уничтожении вражеских фугасов. То есть происходил процесс, известный как «частичное осаперивание пехоты».

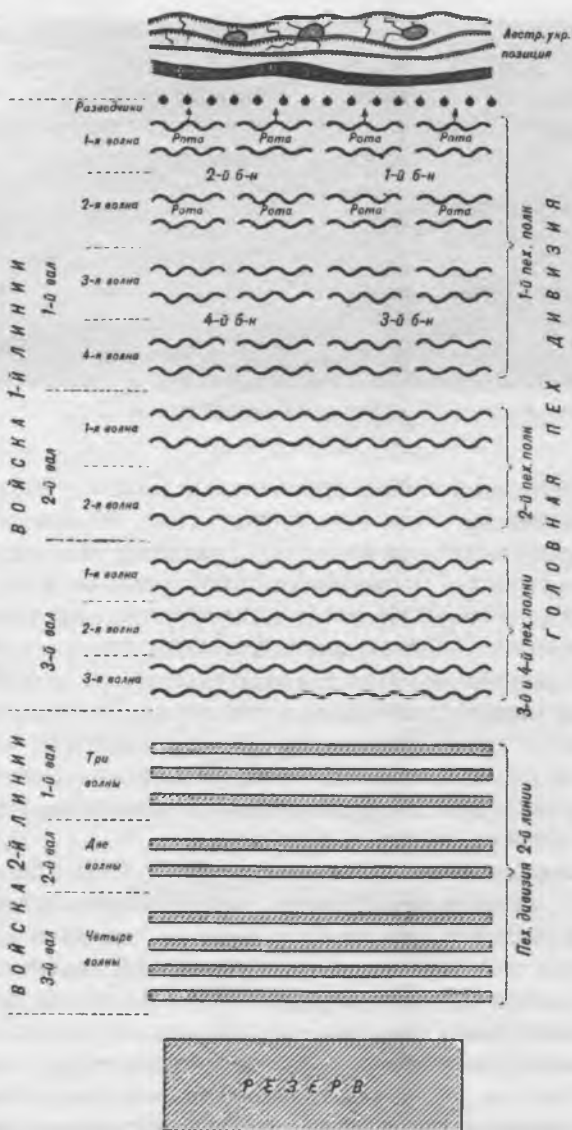

Расчистка секторов обстрела перед линией окопов

Перед атакой в своих проволочных заграждениях проделывались проходы коленчатого типа. Их принимали под охрану пехотные командиры на своих участках.

Скрыть столь масштабную подготовку наступления было невозможно. Поэтому, дабы скрыть от противника направления главных ударов, в каждом корпусе готовилось по два направления. На ряде участков были созданы ложные инженерные плацдармы схожих очертаний, но с глубиной траншей и ходов сообщения всего 20—35 см, устанавливались ложные батареи. Войска применяли маскировку своих позиций различными местными средствами, а также краскомаскировку.

Позиционная война не в меньшей, если не в большей степени, нежели маневренная, потребовала усложнения и централизации войсковой разведки. Составной ее частью была сеть заранее оборудованных наблюдательных пунктов пехоты и артиллерии в передовых окопах, постов подслушивания. Офицеры, включая высших начальников и офицеров Генштаба, проводили личную рекогносцировку местности. Проводились и поиски пехотных отрядов под командованием офицеров в неприятельское расположение. Причем пехотные разведчики, кроме прочего, получали специальные инструкции по инженерной разведке. Войска не выводили на передовые позиции, но командирская разведка с этих позиций велась непрерывно.

Командиров всех степеней старались снабдить картами масштабом 250 саженей в дюйме с подробными данными о расположении противника. Каждая перемена в расположении противника, новый окоп, вновь обнаруженный пулемет или бомбомет наносились на карты и планы.

Фронт атаки должен был быть не менее 10 км, чтобы атакующие части не попали «в тиски», а их боевые порядки не простреливались бы насквозь артиллерией и пулеметами противника с флангов.

Пехота должна была вести атаку волнами цепей. Предполагалось, что дивизия своими полками выстраивает не менее двух «валов». Пехотный полк эшелонирует свои батальоны и роты в них так, чтобы образовать три-четыре волны. Директива Брусилова № 1039 командующим армиями от 6 апреля 1916 г. в разделе «Атака пехоты» требовала: «Атакующие волны должны следовать одна за другой на дистанциях в 150—200 шагов. Первая и вторая волна должны быть снабжены ручными гранатами и приспособлениями для прострела проволочных заграждений. Кроме того, вторая и третья волна тянут с собой пулеметы для закрепления захваченных позиций противника. Вторая волна служит пополнением потерь первой волны; третья волна подпирает первые две и служит их ближайшей поддержкой, а четвертая волна является резервом командиров передовых полков».

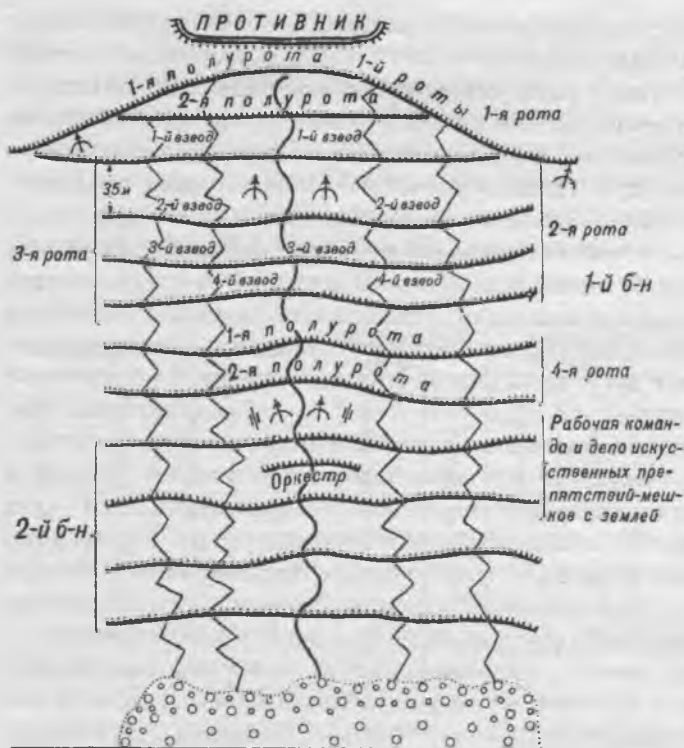
Впереди первой пехотной волны в редких цепях шли разведчики («рекогносцировочные цепи»). Батальоны полков первого эшелона либо развертывали все роты в одну линию, либо атаковали, имея две роты в первом эшелоне и две во втором. Передовая пехотная волна (волна атаки), в составе которой находились стрелки и «гренадеры», ворвавшись в первую линию вражеских укреплений, должна была не задерживаться на ней, а всемерно спешить захватить вторую линию окопов, где и закрепиться, не давая противнику превратить вторую линию в сильный рубеж обороны. Вторая должна была очистить от противника и закрепить захваченную позицию. Четвертая волна — резерв полков — призвана была атаковать следующую линию укреплений. Получал-

ся «глубокий» боевой порядок (для полка глубина боевого порядка составляла 400—600 м, для дивизий — около 1,5—2 км) с равномерным распределением сил без сосредоточения усилий на каком-либо определенном пункте или участке, требующий методичного и замедленного движения. Плотность сил в первых четырех волнах — в среднем один человек на 2 шага фронта.

За волнами следовали резервы для развития успеха или для повторения атаки свежими силами. На позиции резервы нужно было расположить так, чтобы они имели возможность подкрепить наступающие войска на направлении действий ударной группы, закрепить захваченное пространство и в случае нужды противодействовать неприятельским контратакам во фланг. Характерно, что перед атакующими волнами пехоты фактически не ставили задач захвата артиллерийских позиций противника — для этого служили «особо назначенные роты». Разрыва боевого порядка не допускалось. Выдвинувшаяся боевая часть должна была обеспечить «связь» с соседями, приняв боевой порядок уступом на фланге. «Особое внимание, — указывалось в директиве № 1039, — обращать на закрепление флангов, на сосредоточение к ним пулеметов для противодействия контрударам противника с флангов».

В наступлении два полка развертывались в первой линии на фронте 2—3 км. В затылок им развертывались два полка второй линии, на дистанции 0,5 км от полков первого эшелона. Каждый полк первого эшелона на своем участке шириной 1 км по фронту имел два батальона в первой линии и два во второй. Полки второго «вала» (эшелона) также обычно эшелонировали свои батальоны в глубину.

Соответственно принятому боевому порядку располагались передовые части на инженерном плацдарме перед атакой, что можно увидеть на примере 3-й Туркестанской стрелковой дивизии. В первой линии в четырех параллельных траншеях размещались рядом 20-й и 21-й пехотные полки, причем каждый занимал участок примерно 800 м по фронту и 400—700 в глубину. На позиции каждого полка в первой и второй траншеях располагались рядом передовые батальоны, имея все роты рядом

Условные обозначения

Щель Ход сообщения Средний ход сообщения

- Примечание:
- 1 Щели все были занумерованы с № 1, считая от противника, и обозначены надписями на углах ходов сообщений
 2. Во всех щелях были приспособления для выхода
 3. Через все щели перебрасывались мостицы для быстрого переноса раненых
 4. Средний ход служил для переноса раненых
 5. Расстояние между щелями = 35-45 м
 6. Часть пулеметов и бомбометов размещалась в убежищах

Подготовка инженерного плацдарма полка перед наступлением Юго-Западного фронта весной 1916 г.

(роты — во взводной колонне), в третьей и четвертой — два батальона второй волны в таком же порядке. Далее находилось еще 4 параллельные траншеи, в которых размещались 10-й пехотный полк (второй эшелон дивизии) и 9-й полк (резерв) с одной ротой саперного батальона.

О соотношении сил и средств на Юго-Западном фронте к началу наступления 22 мая 1914 г. можно судить по следующим таблицам (Ветошников Л. В. «Брусиловский прорыв», 1940 г.):

Армия	Пехотные дивизии		Кавалерийские дивизии		Батальоны		Эскадроны	
	русские	австрийские	русские	австрийские	русские	австрийские	русские	австрийские
8-я	15	13	7	3	224	180	171	68
11-я	8,5	10	1	2	134	171	49	48
7-я	7	7	3	1	112	92	99	24
9-я	10	9	4	4	160	131	128	92
Всего	40,5	39	15	10	630	574	447	232

Армия	Штыков		Сабель		Автопулеметные взводы	Пулеметы	Орудия легкие		Орудия тяжелые	
	русские	австрийские	русские	австрийские		русские	русские	австрийские	русские	австрийские
8-я	202 125	137 600	22 819	9 700	3	890	640	375	76	174
11-я	124 707	128 000	5914	4600	3 + Бельгийский дивизион	525	360	312	22	159
7-я	101 081	81 540	12 273	3 000	2	471	322	264	23	62
9-я	145 394	101 000	19 030	10 000	4	486	448	350	47	150
Всего	573 307	448 140	60 036	27 300	13	2 372	1770	1301	168	545

Заметим, что указанное в таблице число пулеметов составили не только штатные пулеметные команды пол-

ков, но и придававшиеся дивизиям отдельные команды. Скажем, 7-я армия для своих соединений получила 14 отдельных пулеметных команд «Кольт», 8-я армия — 18 команд «Кольт» и 1 ополченческую пулеметную команду, 11-я армия — 4 команды «Кольт», 9-я — 3 команды «Кольт» и 1 ополченческую команду. К тому же командиры полков и начальники штабов дивизий часто просто скрывали наличное число пулеметов (пополнявшееся трофейными), опасаясь, что сверхштатные пулеметы попросту отберут. Это позволило увеличить насыщенность войск пулеметами, считая до 30 — 40 на полк. Число бомбометов колебалось от 7 до 45 на пехотную дивизию.

Что касается боеприпасов, то их запасы оставались ограниченными. «20 млн патронов, безусловно, не будет, — писал Брусилов командующему 9-й армии генералу Лечицкому, — отпустится все, что возможно, но в значительно меньшем количестве». Уже в ходе наступления 5 июня Брусилову пришлось просить генерала Алексеева о присылке боеприпасов с Северного и отчасти с Западного фронта в связи с началом борьбы с резервами противника: «Было бы жестоко, — писал он, — остаться без ружейных патронов, и это грозило бы уже катастрофой». В войсках еще свежа была память о жестокой нехватке патронов в боях 1915 г.

О положении с боеприпасами можно судить по таким данным на 19 мая 1916 г.:

Армия	На винтовку		На пулемет	Выстрелов на легкое орудие		На горное орудие	На полевую легкую гаубицу
	Русские	Австрийцы		Русские	Иностранные		
8-я	246	352	12 000	1 002	1 075	725	623
11-я	254		12 000	882		817	511
7-я	245	293	11 200	878		670	475
9-я	243	524	12 000	895	1 015	457	396

Для 9-й армии, например:

		Патронов				Гранат: к полевым и горным пушкам (русским и японским)	Бомб
		к винтовкам		к пулеметам			
		русские	австрийские	русские	австрийские		
Требовалось по расчету штаба 9-й армии	На одну винтовку, пулемет, орудие	200	529	12 000	12 000	-	-
	Всего	30 000 000	-	5 700 000		300 000	122-мм гаубичн. — 5200 152-мм гаубичн. — 6000 152-мм пушечн. — 17 000 107-мм пушечн. — 500
Состояло ко 2 июня 1916 г.	На одну винтовку, пулемет, орудие	243	524	12 000	12 000	895	122-мм гаубичн. — 396 152-мм гаубичн. — 1105 107-мм пушечн. — 566
	Всего	21 000 000	-	5 700 000		99 900	122-мм гаубичн. — 7500 152-мм гаубичн. — 3300 152-мм пушечн. — 7380 107-мм пушечн. — 1698

В войсках и местных парках 8-й армии на 19 мая имелось: 6,4 млн австрийских винтовочных патронов, выстрелов к легким полевым пушкам — 156 900 русских и 52 000 японских, к горным пушкам обр.1909г. — 21 900, к гаубицам — 14 400. Некомплект русских винтовочных патронов составлял для армии 2,9 млн штук. Так что беспокойство Брусилова имело конкретное обоснование. Хотя потребность всегда считается «с запасом». А вот артиллерийские выстрелы приходилось экономить и в легкой, и в тяжелой полевой артиллерии.

За счет прибывающих пополнений постарались довести пехотные дивизии до штатной численности (15 500 бойцов), а кроме того — создать резерв в запасных частях. В каждой пехотной дивизии имелся запасной батальон в составе 6 рот по 250 человек. Так, укомплектования запасных для 11-го корпуса, находившихся в запасных частях дивизий и в армии, достигали 50 % от числа бойцов. Большая цифра, но опыт уже показывал, что штурм позиционной обороны противника может при затяжке операции привести к полному исчерпанию этого резерва. Все носимые и возимые запасы продовольствия к началу операции имелись полностью. Общих запасов продовольствия было на 2 месяца. Налицо было и достаточное количество санитарных средств. В пехотной дивизии были дивизионный перевязочный отряд, 2 лазарета и санитарно-дезинфекционный отряд, при войсках находились хорошо оборудованные и снабженные квалифицированным персоналом учреждения Красного Креста, Всероссийского земского союза и др. Так, при 11-й пехотной дивизии кроме штатных учреждений военного ведомства постоянно находились 12-й госпиталь Всероссийского земского союза, банно-прачечный отряд, гидротехнический отряд, на время операции был придан эвакуационный автомобильный отряд. В корпусе были 2 госпиталя, санитарно-гигиенический отряд, эвакуационный автомобильный отряд. Стоит отметить, что к тому времени старались более тщательно проводить

сортировку раненых и совершенствовать передовые госпитали, дабы уменьшить количество раненых, отправляемых в глубокий тыл. Не только из-за загрузки железнодорожного транспорта, но из-за увеличившегося «невозвращения» нижних чинов на фронт после излечения.

Пехотные подразделения и части обучали действиям по прорыву укрепленных позиций. В некоторых армиях строились учебные городки с участками позиций, оборудованных по типу тех, которые предстояло атаковать. Солдат и унтер-офицеров обучали разрушать и преодолевать заграждения, метать ручные гранаты, захватывать отдельные участки позиций, применять дымовые шашки, использовать противогазы. Из наиболее подготовленных солдат формировались штурмовые команды — по одной на роту.

Большое внимание уделяли организации взаимодействия пехоты и артиллерии. Задачи пехоте и артиллерии ставились на местности. Создавались артиллерийские группы поддержки, действовавшие в интересах конкретных дивизий и полков, причем в группах выделялись орудия для проделывания проходов в проволочных заграждениях, для разрушения неприятельских окопов, уничтожения пулеметов, подавления пехоты, для борьбы с артиллерией противника. Общее управление артиллерийским огнем на том или ином участке предлагалось организовать при начальнике, руководившем пехотной атакой в сфере непосредственного и личного наблюдения за полем боя. Глубина задач передовых дивизий определялась дальностью стрельбы артиллерийских батарей с исходных позиций, дабы обеспечить пехоте постоянную защиту артиллерии. Расстояние в 200 — 300 шагов от неприятельской передовой линии, на которое нужно было подвести атакующую пехоту, соответствовало и дальности безостановочного броска в атаку, и безопасному удалению от разрывов своих снарядов. Пехотная атака начиналась непосредственно за артиллерийской подготовкой. Не допускалось

какого-либо перерыва между артиллерийской атакой и атакой пехоты.

Для сопровождения пехоты выделяли те орудия, которые могли. Так, в 9-й армии для этого выделили все имевшиеся горные и траншейные пушки (передавались в подчинение командирам пехотных полков), по два взвода (взвод — два орудия) от каждого легкого, конного и мортирного (гаубичного) дивизиона. В 11-м корпусе использовали несколько трофейных 37-мм пушек.

Тщательно организовали связь между пехотой и артиллерией, между общевойсковыми начальниками, а также артиллерийскими. В большинстве случаев телефонные линии связи прокладывались в два провода, причем для этого либо прорывали специальные «телефонные ходы сообщения» (в основном для связи батарей с передовыми артиллерийскими наблюдателями), либо укладывали провода на особых стойках в стенках ходов сообщения. Среди солдат даже провели разъяснительную работу о значении сохранения телефонных проводов. Провода имели бирки для обозначения части, которой принадлежал провод. Передовые артиллерийские наблюдатели, находившиеся в тех ротах и батальонах, которые предназначались для атаки участков, разрушаемых соответственной батареей, всегда имели запасной провод. И все же из-за индукции, утечек, шума от артиллерийского огня, включения в немногочисленные центральные станции большого количества абонентов, не говоря уже о неизбежных разрывах проводов, использование телефона было затруднено. Связь часто поддерживалась посыльными и ракетами, но запас последних был невелик.

Дивизии, находившиеся в резерве, оставались в тылу, высылая для подготовки убежищ только рабочие партии, и то по ночам. Лишь за несколько дней до атаки начали выводить на исходные плацдармы войска, предназначенные для ее проведения, расставлять на замаскированные позиции артиллерию, чтобы она могла провести пристрелку целей.

Соотношение сил на участках главного удара составляло:

Армия, фронт прорыва	Штыков		Орудия легкие		Орудия тяжелые		Пулеметы	
	русские	австрийцы	русские	русские	австрийцы	австрийцы	русские	австрийцы
8-я, 20 км	106 000	40 000 – 45 000	286	180–200	118	50	85–90	
11-я, 10 км	29 365	13 000	74		34		127	
7-я, 13 км	44 245	21 540	152	89	28	12	206	193
9-я, 15 км	46 000	20 000	205	145	43	20	250	150

Таким образом, не имея значительного превосходства в целом, русские войска смогли создать более значительное превосходство (по пехоте — в 2–2,5 раза, по артиллерии — в 1,5–1,7 раза) на участках прорыва. Такое соотношение, тем не менее, в то время считалось недостаточным для прорыва укрепленной полосы. Однако русским удалось добиться внезапности в плане определения места прорыва и принять меры к тому, чтобы австро-венгерские войска не смогли быстро стянуть силы с неатакованных участков. Успех, достигнутый артиллерией и обеспечивший успех пехотной атаки 22 мая 1916 г., объяснялся отнюдь не количественным превосходством — русские войска уступали австро-венгерским в количестве тяжелых орудий (355 против 600) и запасе выстрелов, — а тщательной подготовкой первого удара и его внезапностью.

В директиве № 1039 говорилось: «Ни в коем случае не допускаю перерывов между артиллерийской атакой и атакой пехоты. С другой стороны, пехота не должна предъявлять артиллерии требование бесконечно долго обстреливать огнем атакуемый участок».

Артиллерийская подготовка наступления была сравнительно кратковременной, но интенсивной — выпущено было от одного до полутора боекомплектов. Но

выпущены спокойно и с большой пользой. Артиллерия справилась с задачей подготовки проходов в заграждениях (на пробитие каждого прохода выделялось в среднем по две легких полевых пушки) и частично-го разрушения передовых окопов противника, а огнем по укрепленным селениям позади окопов подготовила овладение ими пехотой. Так, батареи 15-й артиллерийской бригады проделали в проволочных проходах 23 прохода. В некоторых местах проходы, по свидетельству пехотных начальников, сливались в одну брешь. В 8-м армейском корпусе легкая полевая артиллерия проделала 38 проходов в проволочных заграждениях, а тяжелая разрушила почти всю первую линию окопов, местами совершенно сняв перекрытия в убежищах. 8-й корпус овладел одной, а местами двумя линиями окопов. В ходе артиллерийской подготовки практиковались ложные переносы огня. После переноса огня на вторую линию пехота противника выходила из убежищ в первую траншею, вновь попадала под обстрел, не видя атаки русской пехоты, возвращалась в убежища. На фронте 9-й армии, например, после двух ложных переносов огня мадьярская пехота приняла третий перенос также за ложный, и потому оставалась в убежищах, когда атака уже началась.

Пехота также приняла участие в создании проходов. Ее попытки до начала наступления разрушать проволочные заграждения противника бомбометами и ручными гранатами оказывались обычно безрезультатными. Но на участке 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (9-я армия), например, в ночь перед наступлением бойцы растаскивали проволоку различными приспособлениями, а с началом артиллерийской подготовки пехота делала проходы удлиненными пироксилиновыми зарядами на шестах. В полосе 7-й армии с 00.30 до 02.00 ночи 23 мая сильные разведывательные партии с саперами проверяют проделанные проходы и расчищают их удлиненными пироксилиновыми зарядами.

Сразу по окончании артиллерийской подготовки пехота переходит в атаку. Тут, несмотря на предвари-

тельное обучение, происходит ряд несогласованных действий. В частности, в 11-м корпусе 9-й армии пехота передовых полков поднялась из всех траншей сразу, пренебрегая передвижением по ходам сообщения, так что значительная часть пехоты, двигаясь в колоннах, попала под огонь австро-венгерской артиллерии и пулеметов прежде, чем подошла на расстояние атаки. Однако наступательный порыв пехоты поддерживается отличной работой артиллеристов. Ее движение в атаку поддерживается огневыми завесами подвижного заградительного огня («огневой вал») или постановкой на отдельных участках неподвижного заградительного огня. Бойцы идут в атаку быстрым шагом, по большей части без стрельбы, частью врываются в окопы, частью, как и было предусмотрено, — поверх, перескакивая через них или накладывая заранее приготовленные мостки.

О захвате передовых окопов Брусилов писал: «Многие убежища разрушены не были, но сидевшие там части гарнизона должны были класть оружие и сдаваться в плен, потому что стоило хоть одному гренадеру с бомбой в руках стать у выхода, как спасения уже не было, ибо в случае отказа от сдачи внутрь убежища металась граната, и спрятавшиеся неизбежно погибали без пользы для дела; своевременно же вылезть из убежищ чрезвычайно трудно и угадать время невозможно. Таким образом, вполне понятно то количество пленных, которое неизменно попадало к нам в руки». То же говорится в издании Австрийского министерства обороны и военного архива: «Русская пехота раньше пришла в австрийские окопы, чем австрийские солдаты выскочили из лисьих нор». Кстати, любопытно распоряжение по поводу пленных, данное командиром 32-й пехотной дивизии перед наступлением: «Пленным обрезать на брюках пуговицы и ремни, чтобы они могли идти, лишь «поддерживая брюки» (помните «старый солдатский способ» в кинокомедии «Беспокойное хозяйство»?).

На участке 2-й стрелковой дивизии 40-го корпуса 8-й армии австрийцы просто бросили первую линию окопов, разведчики немедленно проникли в окопы, захва-

тив брошенные противником стрелковые щиты, винтовки и ручные гранаты.

Огонь оживающих пулеметов противника вызвал большие потери в русской пехоте. Плотный боевой порядок постепенно разрежался, почти стихийно разбивался на группы, хотя в то время это считалось недопустимым. К тому же там, где передовые части пехоты, уже потрясенные огнем противника, сталкивались с его узлами сопротивления и атаковали его с нескольких сторон, происходило перемешивание частей. Это несколько ослабило наступательные возможности. Но гибкие действия общевойсковых командиров и артиллеристов позволили пехоте не только закрепить успех, но и продолжить продвижение. Сказалась заблаговременная подготовка. К тому же с начала атаки штурмовые, траншейные и часть легких полевых орудий двинулись в боевых порядках пехоты.

Разумеется, продвинуться удастся не на всех участках. Некоторые укрепленные пункты удерживаются противником весьма упорно. Так, в полосе 11-й армии 6-й армейский корпус смог овладеть отдельными высотами в районе расположения противника, но контратаками был отброшен в исходное положение, потеряв в повторных атаках, уже не имевших внезапности, до 50 % своего боевого состава. Характерно, что соседний 18-й корпус оправдывал неоказание помощи 6-му корпусу тем, что «снаряды, предназначенные для задач, израсходованы все». Между тем в полосе той же армии 17-й корпус прорвал и захватил три линии окопов. В полосе 9-й армии на участке 11-го корпуса упорно удерживалась австрийцами высота 272. В первый же день наступления роты 42-го Якутского полка неоднократно штурмовали высоту, передвигаясь ползком и перебежками, применяя ручные и ружейные гранаты против пулеметных гнезд и отдельных групп противника. Русская артиллерия не всегда могла поддержать их штурм, опасаясь поразить своих. Пехоте приходилось залегать и отходить под сильным огнем противника. Взять высоту 272 удалось только через несколько дней глубоким охватом с обоих флангов.

Движение пулеметов с пехотными подразделениями и «сопровождение колесами» пехотных частей артиллерией позволяло отражать решительные контратаки противника. Так, 22 мая около 16.00 у Добрунц австрийский кавэскадрон попытался в конном строю атаковать части 126-го полка, вырвавшиеся вперед и уже понесшие потери при штурме позиций мадяров. Но обстрелянные пулеметами и артиллерией австрийские кавалеристы вынуждены в беспорядке отступить обратно в Добрунц.

Тактические успехи войск не были развиты в оперативный, но этого план операции, собственно, и не предусматривал — войскам ставилась задача прорвать оборону противника и нанести ему по возможности наибольшие потери. Борьба за следующую полосу обороны должна была стать целью следующей операции.

Тактику обороны окопов противника и противопоставленную им тактику наступательного боя можно увидеть из описания боевых действий 6-го стрелкового полка с 22 мая по 2 июня 1916 г.:

«Бои у мест. Олыки

...В 4 часа 22 мая наша артиллерия, бомбометы и минометы открыли сильный огонь, продолжавшийся особенно интенсивно до 10 часов и уже реже весь день и ночь на 23 мая.

Метким огнем артиллерии к 16 часам 22 мая было разрушено проволочное заграждение перед первой линией окопов противника. Противник перешел во вторую линию своих окопов, оставив в первой линии небольшие группы защитников с пулеметами.

Около 16 часов командующий 16-й ротой прапорщик Лубенец с ведома командира батальона произвел разведку в расположение противника, проникнув с 8 стрелками своей роты в первую линию окопов противника, вернулся оттуда, получив необходимые сведения и принес с собою 15 австрийских щитов, несколько винтовок, гранат, ракет и ящик с патронами. Разведкой этой было установлено очищение первой линии окопов противника, оставление в них небольших групп с пулеметами, характер укреплений, найдено три хода сообщений, соединяющие

первые две линии окопов, из которых один был крытый, а также было установлено разрушение заграждений первой линии и части самых окопов.

Всю ночь огонь артиллерии и стрелков мешал противнику восстановить разрушенные искусственные препятствия, и лишь на некоторых участках ему удалось выбросить в сделанных проходах рогатки, которые, однако, утром 23 мая были снесены артиллерией.

23 мая. Утром 23 мая артиллерия наша, бомбометы и минометы вновь открыли сильный огонь по первым линиям окопов и заграждениям противника, продолжавшийся вплоть до 9 часов утра, то есть до атаки...

Ровно в 9 часов, словно по сигналу, выскочила из окопов первая линия (волна) стрелков, за ней, спустя минуту, вторая; их места тотчас же заняли 3-я и 4-я волны; последним было приказано поддержать первые сообразно обстановке.

Одновременно с появлением наших стрелков на бруствере огонь артиллерии был перенесен на третью и четвертую линии австрийских окопов. Первая и за ней вторая стрелковые волны стремительно бросились на первую линию окопов противника, заняли ее, при этом роты 4-го батальона в своем стремительном натиске, не останавливаясь на первой, второй, третьей и четвертой линиях окопов, сразу заняли позицию впереди четвертой линии, положительно считая все на своем пути. Пройдя через его батареи, роты эти заметили, что следовавшие вначале с ними рядом роты 5-го стрелкового полка остановились сзади на первой и второй линиях окопов противника, и таким образом правый фланг оказался обнаженным. Противник повел яростные атаки с целью отрезать выдвинувшийся слишком далеко вперед 4-й батальон и выручить свою батарею. Здесь батальону этому пришлось выдержать контратак противника. Роты же 5-го стрелкового полка, пользуясь продвижением вперед 4-го батальона, также продвинулись вперед и заняли четвертую линию окопов противника...

...Около 16 часов 1-му батальону было приказано поддержать атаку 4-й дивизии, действуя на левый фланг противника. В исполнение этого приказа 3-я рота

и полурота 1-й роты атаковали противника на участке против 4-й дивизии в тыл и захватили при этом в плен 15 офицеров, 400 нижних чинов и 1 пулемет, после чего противник, державшийся весь день в своих первых окопах, несмотря на прорыв 6-го стрелкового полка, бросился назад и, преследуемый 4-й дивизией и нами, отступил в беспорядке назад, местами настигаемый нашими ротами, массами стал сдаваться в плен...

Другая полурота 1-й роты, действуя левее 3-го и 4-го батальонов, вместе с ротами этих батальонов отбросили противника, прикрывавшего своим огнем батарею. Батарея эта была вторично взята полуротой 1-й роты, 10-й и 16-й ротами. После чего, заняв высоту, что юго-восточнее Покашевской рощи, полк стал окапываться, чтобы закрепить за собою захваченное пространство и на этой позиции провел ночь на 24 мая.

В бою на 23 мая у м. Олыки полк взял 6 орудий, 6 пулеметов, 2 миномета, 2 бомбомета и пленных 33 офицера и 1473 нижних чина, много снарядов, инженерного имущества и проч.

Все пройденное полком в этот день пространство и окопы противника были положительно усеяны горами убитых и раненых австрийцев.

На другой день полк преследовал противника, продвигаясь на запад через д. Покашево, Хорлупы и Романово, достигнув дер. Копче, остановился на ночлег, выставив в сторожевое охранение 3-й батальон и команду разведчиков на линии дер. Поддубце.

Бой у дер. Борухово

В дер. Копче полк получил приказание преследовать противника на другой день в с.-з. направлении, следуя через д. Поддубцы, Борохов, колонию Гуца.

В исполнение этого приказа полк выступил 25 мая, после ночлега, из дер. Копче в 4 ½ часа утра.

В 6 часов утра 1-й батальон, шедший в авангарде, тесня неприятельскую кавалерию и его сторожевое охранение, встретил сопротивление противника на линии дер. Борухово, Вишнево, где противник, очевидно, пытался остановить наше наступление, занял позицию и окопался.

Продвинувшись к противнику под их ураганным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем на дистанции 200 — 300 шагов и выслав затем для охвата левого фланга одну роту от 2-го баталиона и взвод разведчиков, командир 1-го баталиона повел баталион в атаку. Противник бешеным огнем своим пытался остановить атакующих, но дружной и энергичной атакой семь рот и команда разведчиков обратили его в бегство. Рота, высланная для атаки левого фланга противника, атаковала его с тыла, что окончательно сломило его упорство, и он почти целиком на участке 6-го стрелкового полка сдался в плен. Всего взято в этом бою в плен 16 офицеров и 953 нижних чина, один пулемет, много телефонного имущества, оружия и патронов. Поле боя было усеяно убитыми и ранеными австрийцами. Преследуя остатки разбитого противника и пройдя дер. Борухово, полк остановился на час, привел себя в порядок, после чего продолжал свое движение в западном направлении на колонию Гуца...

...Под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, цепи полка при содействии 2-й батареи 6-го стрелкового артиллерийского дивизиона, удачно бросавшей свои снаряды в окопы противника, подползли к укреплению на дистанцию 300 <шагов>, откуда около 18 — 19 часов бросились в атаку, подхваченную справа и слева другими частями и с тыла резервами. В несколько минут под ружейным и пулеметным огнем противника роты 1-го баталиона прорвались сквозь проволоочное заграждение и, опрокинув защитников укрепления, овладели им. Вслед за прорвавшимся 1-м баталионом хлынули остальные баталионы полка сквозь расположение противника. Прорвавшийся 1-й баталион и правее 2-й, прорвавшийся несколько позже, преследовали его дальше, захватив в плен 4 офицера, 423 нижних чина и 1 пулемет...

После этого прорыва австрийцы слева на участке против кол. Теремно большими массами хлынули в большом беспорядке назад к Луцку. По шоссе к Луцку во весь карьер неслись две артиллерийские запряжки лошадей с седоками, но без орудий, очевидно, брошенных противником ввиду прорыва и обхода нашего в тыл.

По отступающему слева в беспорядке противнику преследовавшие 1-й и 2-й батальоны открыли огонь залпами из пулеметов, что усилило его панику...

За период боев с 22 мая по 2 июня сего года в полку трофеи: пленных 53 офицера и 3024 н. ч. здоровыми и 3 офицера и 214 нижн. чина ранеными, 6 орудий, 7 зарядных ящиков, 8 пулеметов, 2 бомбомета, 2 миномета, 1 огнемет, много снаряжения, оружия, снарядов, патронов и инженерного имущества.

Потери: убито офицеров 4, нижних чинов 128, раненых офицеров 15, нижних чинов 1267.

Командующий полком генерал-майор Иванов».

О боях за окопы, сочетании рукопашных схваток с действиями «гренадеров» свидетельствует реляция командира 16-го пехотного Ладожского полка полковника Синкевича о боях полка за 27—29 мая июня 1916 г.: «... Ровно в 10 часов полк под прикрытием огневой завесы батарей участка перешел в наступление. Движение двух батальонов передовой линии началось двумя волнами, следовавшими одна за другой в соответствии с занимавшимся ими исходным перед атакой положением, причем с началом движения впереди первой волны были выдвинуты партии разведчиков с гренадерами. Одновременно с наступлением передовых батальонов за ними начал движение резервный батальон, имевший целью с очищением впереди идущими батальонами окопов исходного положения, занять последние.

Несмотря на тяжелые условия совершенно открытой местности, по которой приходилось наступать полку, несмотря на силу развитого противником по наступавшим ураганного артиллерийского, пулеметного, ружейного и минометного огня, в полном смысле косившего сотнями людей передовых батальонов, роты, воодушевляемые присутствием среди них своих начальников до командиров батальонов включительно, дружным натиском бросились на упорно державшегося врага и после кровопролитной схватки, сломив сопротивление, овладели первой линией окопов противника.

Ожесточение, с каким встретились друг с другом противники в штыковом бою, в первые минуты атаки не

находило себе выражения. Сотни трупов, проколотых штыками, заполнили окопы: люди били один другого штыками, прикладами, а молодцы-гренадеры, воспользовавшись моментом, когда австрийцы, дрогнув, пытались убежать, забросали их бомбами, десятками уничтожая бегущих. Лишь сотни две окруженных австрийцев, побросавших на виду у всех свое оружие, были оставлены полком в живых и отправлены в тыл...

Бой 27 мая 1916 года является одной из крупнейших операций, которые пришлось вверенному мне полку вести за время настоящей кампании, а по достигнутым в нем полком результатам, с одной стороны, и по силе проявленных в нем чинами полка доблести и беззаветной храбрости с другой, бой этот во много раз превосходит все бывшие до него, хотя и не менее удачные боевые действия ладожцев.

Данную ему задачу, во что бы то ни стало овладеть почти что неприступной высотой 389, полк, совместно с 13-м пехотным Белозерским полком, выполнил блестяще, не только заняв сильно укрепленные противником рубежи его позиции на названной высоте, но надежно упрочил за собою взятую твердыню, выдержав ряд настойчивых и яростных контратак противника, производившихся ими вновь подтянутыми свежими резервами численностью до двух полков пехоты в течение всего дня 29 сего мая».

О решительности действий войск свидетельствуют такие документы.

Описание подвига подпоручика 21-го Туркестанского стрелкового полка Шмаргуна: «В бою 24 мая с/г. командир 14-й роты 21-го Туркестанского стрелкового полка подпоручик Шмаргун, ведя свою роту в атаку на сильно укрепленную позицию неприятеля у дер. Новоселки-Яловец, шел впереди под губительным неприятельским огнем, ободряя и увлекая стрелков; прорвал 3 ряда проволочных заграждений и с криком «ура» бросился в штыки на окопы неприятеля; выбил его последовательно из 3 линий окопов и преследовал до д. Яловца, где и окопался.

В бою 25 мая с/г. подпоручик Шмаргун за выбытием командира 4-го батальона 21-го Туркестанского стрелко-

вого полка, приняв в бою командование над 4-м батальоном 21-го Туркест. стрелкового полка, повел его на Яловец; взяв его в штыковом бою и преследуя противника далее, зашел ему у дер. Бровары во фланг, где противник оказывал сильное сопротивление. Видя это, подпоручик Шмаргун бросил 4-й батальон на фланг противника, сбил его штыковым ударом и обратил его затем в беспорядочное бегство. Здесь же подпоручик Шмаргун захватил 2 пулемета, бомбометы и пленных. Преследуя противника далее, подпоручик Шмаргун дошел с 4-м батальоном до реки Стрыны, занял ее берег и окопался.

9-го Туркестанского стрелкового полка подпоручик Рейер».

Кроме решительных действий с обходами противника и ударами в штыки, стоит отметить, что прапорщикам приходилось водить в бой роты, а подпоручикам батальоны.

12 июля 1916 г. генерал Брусилов направил начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего представление на орден Георгия четвертой степени: «Командарм девятой доносит:

«В бою 15 сего июня 10-й пограничный Заамурский пехотный полк стремительной атакой выбил противника из окопов в районе местечка Гвоздец и продолжал преследовать австрийцев западнее этого местечка. У западной окраины селения Гвоздец (малый) полк попал под сильный ружейный <и> артиллерийский огонь противника с близкой дистанции. Командир полка полковник Семенов приказал безостановочно продолжать преследование. Командующий первым батальоном полка поручик Гусак, выйдя впереди селения на пригорок, увидел неприятельскую батарею в саду за дорогой, соединяющей Коломийское шоссе с деревней Турка. Поручик Гусак сейчас же направил 1-ю роту под командой своего сына прапорщика Гусака вправо от шоссе с целью перерезать дорогу батарее и не дать ей возможности уйти на деревню Турка. Видно было, как к батарее уже неслись карьером передки, как спешно батарея расстреливала свои последние снаряды, как открывала беспорядочную стрельбу рота прикры-

тия и как сами артиллеристы под влиянием страха быть отрезанными начали отстреливаться из револьверов и карабинов. Прапорщик Гусак лихим примером увлек свою роту, и она, преодолевая различные препятствия, быстро вышла на дорогу к деревне Турка, отрезав батарее путь отхода. Передки были уже у батареи. Прапорщик Гусак обстрелял батарею залпами и бросился с ротой в штыки. Прикрытие после короткой штыковой схватки побросало оружие и сдалось, а вместе с ним сдалась и батарея. Благодаря этому порыву прапорщика Гусака была взята 4-орудийная 15-сантиметровая неприятельская батарея с офицерами и прислугой и лошадьми с амуницией и рота прикрытия 150 человек... За проявленную инициативу, распорядительность и блистательный подвиг беззаветной отваги... ходатайствую о награждении прапорщика Гусака орденом св. Георгия четвертой степени... Генерал от инфантерии Лечицкий».

В описании боевых действий 61-го пехотного Владимирского полка 15 июня 1916 г. содержится интересный пример упорного боя выдвинувшейся вперед фактически отрезанной части с отражением ряда контратак, в том числе — ночной. Здесь же содержатся сведения о применении огневых средств при такой обороне, о решительных штыковых схватках, о приемах противника и о роли офицера в бою. Поэтому позволим себе довольно длинную цитату документа: «... В 10 час 36 мин увлекаемые примером своих офицеров, соперничавших в доблести, роты 4-го и 1-го батальонов лихо пошли в атаку, несмотря на ураганный артиллерийский (тяжелых и легких батарей) и сильный ружейный и пулеметный огонь с фронта и флангов, и в 4 минуты прошли сквозь проволоку. При этом особенно отличились командующий 4-й ротой подпоручик Шверин и 14-й ротой прапорщик Лапшин, которые, подавая пример своим ротам, первые вскочили в окопы противника, где Лапшин пал смертью храбрых, а подпоручик Шверин захватил миномет и бомбомет, оставленные при смене казанцам для стрельбы по противнику; командующий головной полуротой 13-й роты прапорщик Мищенко, подавая личный пример мужества, первый взбежал на

бруствер неприятельского окопа, захватив действующий пулемет, около которого упал, раненный в бок, и командующий 2-й ротой прапорщик Бибик, который, увлекая личным примером мужества свою роту, довел ее до удара в штыки и занял указанный ему участок позиции (прапорщик Чижев был ранен до атаки). Следом за головными полуротами ворвались и остальные полуроты, а также и роты батальонных резервов; последние начали распространяться вправо и влево, выбивая противника...

...При захвате неприятельских окопов и распространении прорыва вперед и в стороны отличился прапорщик Велеславов, который при атаке второй линии противника с беззаветным мужеством, увлекая за собой 6-ю роту и подавая ей пример, первый вскочил в окоп противника, где и пал, сраженный вражеской пулей, и 1-й роты подпрапорщик Никонов и старший унтер-офицер Файницкий, захватившие действующий пулемет, убив 2 пулеметчиков противника. Некоторые роты боевой части дошли до дороги Воробьевка—Цебров, где под ураганным огнем тяжелой и легкой артиллерии противника около 12 часов 40 мин отразили первую контратаку противника силою до батальона со стороны Цеброва при поддержке наших легких и тяжелых батарей...

Вторую контратаку противник повел в начале 14 часа со стороны Цеброва — силами около 3 батальонов. Атака была очень ожесточенная — противник, поддержанный ураганным огнем тяжелой и легкой артиллерии и пулеметами, дошел вплотную до наших рот, но молодцы-владимирцы, воодушевленные примером начальника участка подполковника Эше, ставшего на бруствер и лично руководившего боем, подпустили противника, в упор расстреливая его, а затем опрокинули его штыками. В отражении атаки принимали участие 2, 4, 5 и 6-я батареи 16-й артиллерийской бригады и 4-я тяжелая батарея...

Третья контратака велась противником при поддержке такого же огня, такими же примерно силами и с таким же ожесточением в конце 14 часа. В самом начале ее подполковник Эше, стоявший на бруствере, подавая пример личного мужества, был дважды ранен ружейной

пулей в руку и сдал командование баталионом поручику Мартысевичу...

...Положение баталионов на <высоте> 369 было очень тяжелое, так как подносить патроны было очень трудно, вследствие заградительного артиллерийского огня противника, воды для людей и пулеметов на 369 также оставалось мало. Почти все, подносившие патроны, гранаты и воду, были убиты или ранены при проходе через полосу заградительного огня противника.

В 17 час 30 мин начальник дивизии отдал приказание о смене с наступлением темноты владимирцев на 369 казанцами; это приказание было передано командиром полка капитану Николаеву и подполковнику Еленевскому, так как телефонная связь была на время восстановлена при ослаблении огня противника.

Самое тяжелое время настало для защитников редута у 369 с 18 часов и продолжалось до смены казанцами.

В начале 19-го часа противник открыл ураганный огонь тяжелой и легкой артиллерии по занятому нами редуту, и вскоре было обнаружено скопление австрийцев в ходах сообщения, ближайших к Цеброву, а немного позднее стало ясно, что австрийцы предпринимают четвертую контратаку в силах не менее 5 баталионов. Жалея патроны, которые пополнялись случайно находимыми небольшими складами патронов в австрийских окопах (еще раз отметим широкое использование австрийского трофейного оружия. — С. Ф.), владимирцы подпустили австрийцев на 100 — 120 шагов и только тогда открыли ружейный и пулеметный огонь по наступавшим цепям противника. Наши пулеметчики вылезли наружу из окопа на разных участках по приказанию прапорщиков Горохова и Габерлинга; оба эти офицера, стоя вне окопа, под сильным огнем противника лично руководили установкой и стрельбой пулеметов, указывая им цели.

Чтобы лучше было видно наступавших австрийцев, роты вылезли также вперед по примеру своих офицеров: поручика Мартысевича и прапорщиков Супруна и Балакина. Четвертая контратака была отбита ружейным и пулеметным огнем, и все офицеры и солдаты, побужда-

емые и ободряемые руководителем обороны капитаном Николаевым и командующим 4-м баталионом капитаном Сергеевым, явили пример истинной неустрашимости и грозной силы русского оружия; австрийцы, не выдержав нашего огня, отхлынули назад, оставляя по пути свое-го бегства убитых и раненых...

...Между тем австрийцы от Цеброва с фронта и справа начали пятую контратаку силами не менее 4 баталионов, поддерживаемую артиллерийским огнем тяжелых и легких батарей. Несмотря на огромные потери от нашего артиллерийского, пулеметного и ружейного огня, австрийцы, подкрепленные свежими силами, упорно хотели нас выбить. Поднесенных патронов от частой стрельбы оставалось мало; пулеметы без воды отказывались работать. Тогда по приказанию капитана Николаева люди в котелки собирали мочу, которая и вливалась в кожухи пулеметов (прием и позже выручавший расчеты «Максимов». — С. Ф.). До конца использованные капитаном Николаевым средства защиты дали возможность отбить огнем и пятую контратаку, но бросание бомб, ураганный артиллерийский огонь противника и огневая завеса восточнее 369 не прекратились, благодаря чему поднос патронов с линии застав совершенно прекратился.

Наша артиллерия значительно помогала огнем отбитию контратак противника, обстреливая те укрытые места севернее Цеброва, где скоплялись австрийцы. Тяжелая пятая контратака заставила командира полка отдать приказание батареям, обстреливающим выступ, атакуемый 3-м баталионом, перенести огонь на наступавшие цепи противника, которые обстреливались уже другими батареями...

В 22-м часу, пользуясь наступлением темноты, противник начал шестую контратаку в силах не менее 4 баталионов, поддержанную, как и раньше, ураганным огнем по реду и огневой завесой сзади редута. В этой контратаке приняли участие части противника, сидевшие в окопах на фланге. Противник наступал от Цеброва, с запада от Воробьевки и со стороны нашей позиции. С последнего направления австрийцы наступали с криком «свой», только осветительные ракеты дали возможность опре-

делить, что это за «свой». Капитан Николаев приказал 4-й роте занять окоп лицом на восток, а частью сил занял ход сообщения от первой линии окопов противника к его заставе, фронтом на север. Не имея почти патронов, но, будучи бодры духом, офицеры и солдаты решили не сдавать доставшегося дорогой ценой редута, надеясь еще на штыки... Насколько в 4-й и 5-й контратаках сильно сказалось действие наших пулеметов, настолько же в отбитии шестой контратаки помогли штыки. Эта контратака была отбита всеми оставшимися в ротах людьми, дружно ринувшимися на врага. Видя, что поднос патронов сквозь огневую завесу невозможен, капитан Николаев приказал всем броситься в штыки на атакующих австрийцев, с криком «ура» остатки рот выскочили из второй линии окопов противника и, имея впереди офицеров — капитана Сергеева, поручика Мартысевича и прапорщиков Супруна, Балакина и Лобанова, бросились вперед. Австрийцы, не ожидавшие такого маневра, бросились назад, а часть их первой цепи побросала винтовки и сдалась...

Наступила уже ночь, но артиллерийский и минный огонь противника продолжался. Найдя большой запас ракет в австрийских окопах, владимирцы держали всю местность впереди и на флангах под непрерывным освещением. Воспользовавшись сравнительным затишьем, капитаны Николаев и Сергеев послали письменное донесение о положении дел на 369-й командиру полка. Командир полка послал объявить, что баталион казанцев пошел на смену. Капитан Николаев приказал забаррикадировать все ходы сообщения ко второй линии австрийских окопов и отправил капитана Сергеева, чтобы он поторопил Казанский баталион.

Перед самым приходом казанцев противник, скопившийся в своей второй линии, очищенной нами, произвел после часу ночи седьмую контратаку в силах трех баталионов, которая была отражена исключительно тем, что наши совершенно без патронов выскочили на брус-твер с криком «ура» и приготовились встретить врага, но враг, испытавший всю силу владимирских штыков, бежал в свою вторую линию...

...Капитан Николаев был контужен и ушиблен, но не оставил строя, продолжая руководить вверенными ему частями, все время подвергаясь смертельной опасности.

Капитан Сергеев, принявший 4-й батальон после ранения подполковника Эше, тоже выказал присущие ему мужество, упорство и твердость. Он тоже был контужен, но не оставил строя и, подвергаясь опасности, подавал подчиненным пример личного мужества, успешно отражая контратаки противника...

Подвиги нижних чинов

Когда 2-я рота достигла 1-й линии австрийских окопов и хотела двигаться дальше, то оказалось, что за 1-й линией заложены фугасы. Невзирая на смертельную опасность, два сапера самоотверженно бросились вперед и перерезывали провода от фугасов, чем открывали путь для 2-й роты во главе с командующим ротой прапорщиком Бирик. Фамилии саперов: рядовые Ярошук и Слепченко.

Рядовой 13-й роты Ноздрачев был послан проверить, насколько разрушены заграждения противника нашей артиллерией. Пробираясь ползком, Ноздрачев случайно наткнулся на австрийский караул, который пытался его захватить. Ноздрачев не растерялся и, будучи совершенно один, открыл стрельбу по караулу, чем заставил вернуться австрийцев в свой окоп. Осмотрев заграждения, Ноздрачев вернулся обратно...

Когда после разрушения артиллерией заграждений противника были высланы рабочие команды с гранатами для расчистки проходов, то три рядовых 14-й роты: Иван Мальцев, Антон Быков и Тимофей Шитковский под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем противника, пренебрегая смертельной опасностью, стоя во весь рост, рассматривали и расчищали проходы...

Младший унтер-офицер 14-й роты Врублевский, видя, что прапорщик Мищенко, добравшийся до пулемета, ранен, один переколол всю прислугу у австрийского пулемета; кроме того, этот унтер-офицер отличался большой распорядительностью, служа во всем примером другим нижним чинам...

Санитар 1-й роты, ефрейтор Иван Андреев, под ураганным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, находясь в первых рядах, делал перевязки раненым и относил тяжелораненых в укрытое место...

Ефрейтор пулеметной команды Раздобудько, будучи раненым, продолжал подносить патроны через огневую завесу в лощине восточнее 369-й, пока не был убит.

Рядовой пулеметной команды Кирпичев, несмотря на сквозное ранение руки, продолжал стрелять из пулемета до вторичного ранения в бок.

Старший унтер-офицер пулеметной команды Бушуев под ураганным артиллерийским огнем собирал у убитых патроны, вкладывал их в ленты, руководил стрельбой пулеметов, все время находясь на бруствере.

Рядовой пулеметной команды Калякин, невзирая на огневую завесу противника, несколько раз приносил воду для пулеметов, будучи сильно контужен.

Несмотря на ураганный огонь тяжелой и легкой артиллерии противника при его контратаках, ефрейтор пулеметной команды Сухоруков выкатил пулемет свой на открытое место и оттуда стал скашивать наступавшие цепи австрийцев до тех пор, пока тяжелым снарядом не разбило пулемет в куски; при этом Сухоруков и прислуга при пулемете были убиты».

А вот выписка из «Списка лиц, удостоенных Думой Георгиевского оружия к награждению Георгиевским оружием за боевые отличия в делах с неприятелем: «...5-го стрелкового полка прапорщик Владимир Воскресенский за то, что в бою 23-го мая 1916 года у м. Олыка, командуя 4-й ротой и находясь в резерве 3-го батальона, двигался за этим батальоном под сильным ружейным и пулеметным огнем неприятеля; преодолев проволочные заграждения неприятеля, совместно с 3-м батальоном ворвался в первую линию неприятельских укреплений, затем во главе своей роты, увлекая за собой нижних чинов, бросился на вторую линию, куда, преодолев проволочные заграждения, рота ворвалась и после упорного штыкового сопротивления неприятеля 2-я линия также была взята; далее, видя, что влево нашим частям, уже ворвавшимся

в 3-ю линию неприятельских окопов на выс. 113,0, неприятель угрожал обходом правого фланга, прапорщик Воскресенский, потеряв младшего офицера и многих стрелков, несмотря на совершенно открытую местность и фланговый ружейный, пулеметный огонь, во главе остатков своей роты бросился вперед для противодействия обхода, причем при подходе к проволочным заграждениям 3-й линии неприятельских окопов, сраженный пулей врага, пал смертью храбрых».

Несмотря на действительно имевшийся недостаток боеприпасов, артиллерийское снабжение фронта в целом было налажено неплохо. После осуществления прорыва тактической обороны противника провели пополнение парков, в результате которого для стрелкового оружия и орудий полевой артиллерии имелось:

Армия	На винтовку		На пулемет	Выстрелов на легкое орудие		На горное орудие	На полевую легкую гаубицу
	Русские	Японские		Русские	Японские		
8-я	267	650	12 000	599	874	475	339
11-я	254		12 000	630	660	144	272
7-я	239	292	9 000	587	-	727	143
9-я	226	529		730	941	422	74

Заметим, что исчерпание боекомплекта в середине операции войскам не грозило, а также наличие большого количества у фронта японских винтовок и легких орудий.

Форсирование рек

Брусиловское наступление дает и примеры форсирования пехотными соединениями водных преград с боем. 9-й русской армии в ходе наступления пришлось форсировать реку Прут и овладеть г. Черновиц. Взглянем на действия здесь 11-го корпуса армии.

Несколько слов о соотношении сил на фронте от Снятынь до Вама, где производилось форсирование. С русской стороны здесь было развернуто в первом эшелоне 72 батальона, около 250 орудий и около 200 пулеметов против 24—30 австро-венгерских батальонов, 200 орудий, 150—200 пулеметов и около 32 кавалерийских эскадронов. Таким образом, на стороне русских войск на время форсирования реки было превосходство только в пехоте.

Во всех дивизиях 11-го корпуса форсирование Прута начинается 3 июня ровно в 24.00. Главная надежда — на ночь, внезапность и быстроту действий. Для последнего приняты все предосторожности. Внушает опасение только полная луна, хорошо освещающая спокойную поверхность воды. Австро-венгерская авиация почти не проявляет признаков деятельности, так что никаких мер «противовоздушной обороны» не принималось.

В первом эшелоне 11-й дивизии переправляются 41-й и 43-й полки, во втором — 44-й и 42-й. Батальон 43-го полка с командами разведчиков около 23.00 производит посадку на понтоны, заблаговременно и скрытно спущенные в приток р. Прут — р. Валувка, пользуясь кустами, прикрывающими южный берег этой речки. В 24.00 понтоны бесшумно и незаметно для противника начинают спускаться к реке. В то же время в Мамайовце Старе под прикрытием кустов на северном берегу р. Прут в полной тишине производится посадка на понтоны батальона 41-го Селенгинского полка. Около 01.00 ночи понтоны 43-го полка выходят в р. Прут. Противник начинает обстреливать их, полуразрушенный мост через Прут, а также Мамайовице Старе, где находятся почти вся артиллерия и штаб 11-й дивизии, сильным, но беспорядочным артиллерийским и пулеметным огнем. Это обстоятельство, а также последовавший затем огонь 46 русских орудий, частью открывших огонь без предварительной пристрелки по целям, засветло вскрытым разведкой, засечкам и пр., позволяют понтонам 43-го полка сравнительно с малыми потерями пристать к неприятельскому берегу у восточной окраины Стрелецки

Кут. Отсюда стрелки 43-го полка бегут на юг. Пробежав шагов 400 — 500 до подножия высот и оказавшись в мертвом пространстве, они вынуждены приостановиться.

Батальон 41-го полка пользуется прикрывающим его артиллерийским огнем, чтобы переправиться через реку и высадиться на ее южном берегу. Батальон доходит до северной окраины Стрелецки Кут, но дальше продвигаться также не может. Однако высадка этих батальонов и захват небольшого плацдарма на южном берегу реки позволяют приступить к наводке понтонных мостов у восточной окраины Стрелецки Кут и Мамайовце Старе. В результате героических усилий понтонеров около 04.00 оба понтонных моста после примерно полуторачасовой работы готовы. Тотчас же роты 41-го и 43-го полков повзводно пробегают по сильно обстреливаемым и повреждаемым мостам для поддержки уже переправившихся подразделений этих полков. Селенгинцам удастся пройти через Стрелецки Кут, но дальнейшее наступление на кручи, занятые австро-венгерцами, невозможно.

32-я пехотная дивизия того же 11-го корпуса в этот день овладела предмостным укреплением у ст. Зучка. Атаке двух ее полков предшествовала вместе с пристрелкой четырехчасовая артиллерийская подготовка 60 орудиями (из них — семнадцать 152-мм гаубиц), руководимая выдающимся русским артиллеристом подполковником Киреем. Около 17.00 127-й полк 32-й дивизии наносит главный удар по предмостному укреплению. 126-й и 128-й полки располагаются против западного и восточного фасов укрепления в готовности оказать помощь 127-му полку. Русская артиллерия организует неподвижный заградительный огонь в тылу защитников предмостного укрепления, для того чтобы отрезать их от мостов и резервов. Потеряв одного раненого, 127-й полк захватывает 1449 пленных 13-го полка 5-й австро-венгерской дивизии, 1 орудие, 16 пулеметов, лесной и инженерный склады с парком узкоколейной железной дороги. Часть уцелевших солдат противника бросается на мосты и впласть через Прут; последние тонут. Мосты — железнодорожный и шоссейный — австрийцы успевают взорвать, а остальные

два повредить. Но переправа по ним пехотинцев после незначительных работ все же возможна, тем более что противник на время прекращает стрельбу.

Здесь происходит прискорбный случай. Только что прекрасно проявивший себя 127-й полк не выполнил приказа начальника дивизии о переправе на южный берег, поскольку... обнаружил у ст. Зучка винный склад. Весь полк перепился (запись об этом оставил начальник штаба 32-й дивизии В. А. Барановский). Увы, такое сочетание мужества и решительности с мародерством и пьянством встречается не только на войне. И такие случаи ничуть не

Переход через реку по временному мосту

умаляют доблести и чести русской пехоты в целом. Полк пришлось заменить, но время было упущено, и южный берег Прута оказался сильно занятым противником.

Ночная переправа 32-й дивизии, которая должна была взять Черновиц, протекает в тяжелых условиях. На участке Приват-Камераль, ст. Зучка австро-венгерцы освещают впереди лежащую местность прожекторами и не дают возможности спустить понтоны. Последние разбиваются огнем с карнизов горных уступов и из садов.

Это вынуждает командира корпуса выдвинуть свой резерв — 1-ю бригаду 82-й дивизии к Любигореча для переправы здесь совместно со 2-й бригадой этой дивизи-

зии и для наступления затем во фланг австровенгерцев, сопротивляющихся 32-й дивизии. Форсирование реки 82-й и 103-й дивизиями облегчается тем, что австро-венгерцы восточнее Черновиц уже начали отход, оставив на позициях только свои арьергарды. Батальон 82-й дивизии после 24.00 переправляется через реку и захватывает передовой вражеский окоп. За ним следуют и остальные части дивизии. С помощью второго переправившегося батальона удастся овладеть выс. 253, после чего наводка моста затруднений уже не встречает. Вместе с тем под влиянием наступления 82-й дивизии противник на фронте 32-й дивизии сдает. 126-й полк в Приват-Каме-раль сначала переправляет десант, а затем наводит там мост. За ним на южный берег перебрасываются и роты 125-го полка.

В 103-й дивизии у Вама удастся переправить на понтонах две роты. На рассвете они подкрепляются еще тремя ротами. Эти пять рот атакуют австро-венгерскую бригаду ген. Паппа и захватывают часть ее позиций. Одновременно с этим 409-й полк, переправившись у Острица, сбивает слабые части противника и начинает продвижение на запад. Опасаясь обхода с тыла, австро-венгерский арьергард, занимающий Вама, после 05.00 начинает отход. К 07.00 5 июня обнаруживается отступление австро-венгерцев на всем фронте 12-го и 11-го корпусов. Настроение русских войск поднимается.

Но в 82-й и 103-й дивизиях из-за отсутствия переправочных средств может быть построено всего лишь по одному мосту. Это обстоятельство в связи с растянутыми участками этих дивизий приводит к тому, что переправа их задерживается на много часов. В 11-й и 32-й дивизиях происходит задержка в переправе артиллерии, отчасти вследствие трудности подняться на южный берег реки. Поэтому пехота двигается вперед с очень небольшим числом орудий. Остальные заканчивают переправу только к 16.00 5 июня.

В 12-м корпусе днем 4 июня у Завале против участка 3-й австрийской кавдивизии переправились вброд через Прут три роты 47-го полка. Тотчас же против них австро-

венгерцы перешли в контратаку с охватом обоих флангов. Роты при содействии артиллерии, а с наступлением темноты и при помощи 48-го полка, также приступившего к форсированию реки, удержались на правом берегу р. Прут. 18 июня к 12.15 на южном берегу р. Прут была почти вся 12-я дивизия, которая переправилась вброд по только что наведенному понтонному мосту, сбива противника на берегах р. Черемош и заняла Завале. Противник уходил на юго-запад и на юг. Артиллерия 12-й дивизии преследовала его огнем, а затем преследование продолжалось бригадой Терской казачьей дивизии, за которой на Сторожинец пошел авангард 12-й дивизии. В то же время 19-я дивизия перешла в Снятын. Для преследования направлены бригада Терской казачьей дивизии, сотня кубанцев и Текинский конный полк.

5 июня части 32-й и 82-й пехотных дивизий одновременно вошли в г. Черновиц, накануне эвакуированный австровенгерцами.

В приведенном ниже рапорте о действиях 6-го стрелкового полка содержится описание форсирования им реки Стыри:

«3-й и 4-й батальоны, переправившись около 5 часов 25 мая на левый берег Стыри, начали теснить противника в северо-западном направлении от г. Луцка, пытавшегося задержаться в этом городе, чтобы уничтожить существовавшие там склады.

Командующий 10-й ротой прапорщик Калашников, рота которого была на левом фланге боевого расположения, заметив влево от себя в предместьи гор. Луцка с. Красное горевший большой интендантский склад, по собственному почину бросился с ротою в с. Красное и перебил поджигателей и охранявших склад австрийцев. Овладев складом, 10-я рота и несколько человек команды разведчиков 4-й дивизии, подошедших к этому времени сзади, стали тушить пожар; затем, оставив при складе караул в 30 человек, при подпрапорщике, рота эта продолжала движение за своим батальоном. В 7 часов утра переправились на левый берег 1-й и 2-й батальоны. Справа переправа 8-го и 7-го стрелковых полков была

задержана противником, засевшим в заблаговременно устроенных окопах на левом берегу реки.

6-му полку в 8 часов утра было приказано, действуя во фланг противника на этом участке, способствовать переправе 8-го и 7-го стрелковых полков, для чего 6-му полку были приданы два батальона: один от 8-го, а один от 7-го стрелковых полков. Батальоны эти, переправившиеся по мосту 6-го полка, были посланы мною вперед, и под натиском их противник быстро отступил назад, часть же его, не успевшая отойти, около 700 человек, сдалась в плен батальону 8-го стрелкового полка.

Ночь на 26 мая полк провел на позиции, занятой к западу от колонии Княгининской».

Внезапная атака

Принятая по французскому образцу «методическая», тщательно подготовленная атака с длительной артиллерийской подготовкой не отменяла других форм. Скажем, во время Митавской наступательной операции 1916 г. Бабитская группа русских войск (6-й Сибирский корпус и Латышская стрелковая дивизия) атаковала противника на рассвете 23 декабря 1916 г. без артподготовки и длительной подготовки исходного плацдарма. Короткую артподготовку провели только на открытом участке Нейн, Пулеметная горка. Достигнутая таким образом внезапность принесла успех — перейдя в атаку в ночь на 23 декабря 1916 г., группа прорвала оборону 8-й германской армии в трех местах, к исходу дня ее части заняли районы Скудр, Грабе, Скангель. Здесь сыграла свою роль и подготовка войск, проведенная перед наступлением — были построены учебные городки, где проходили занятия по отработке способов ведения боевых действий ночью (сближение с противником, построение боевого порядка, преодоление проволочных заграждений, поддержание связи и т. д.). Из-за утери внезапности дальнейшие действия вылились в кровопролитную борьбу за овладение отдельными пунктами. И здесь тактический прорыв не

был развит в оперативный, но и сама операция носила ограниченный характер — «в смысле боевой практики для войск» и для спрямления линии фронта. Небольшой результат стоил до 23 тыс. убитых, раненых и попавших в плен, что, впрочем, для позиционной войны не было удивительным.

Об «ударниках»

Хорошо известно о применении на Западном фронте Первой мировой войны «штурмовых» отрядов и групп, предназначенных для прорыва позиционной обороны и отличавшихся специальным отбором и подготовкой личного состава, снабжавшихся легким автоматическим оружием, гранатами, подрывными зарядами, огнеметами, стальными касками, панцирями. Используя тактику «просачивания», они через любую найденную брешь проникали в глубь обороны и наносили внезапные сильные удары по узлам сопротивления с тыла и флангов, охватывая своими действиями всю полосу обороны противника. Такую тактику германцы пытались применить на Русском фронте уже в 1916 г. Один такой эпизод, имевший место зимой 1916 г. в Лесистых Карпатах (район западнее Селетин), описан в «Военно-историческом журнале» № 11 за 1940 г.: «На одну из рот 148-го пех. Каспийского полка была произведена атака штурмовой немецкой роты. 448-й Каспийский полк занимал позицию на широком фронте, почти не имея резервов. Окопы были оборудованы плохо, проволочные заграждения — в одну полосу, в 2—3 ряда кольев. Позиции противника располагались в 400—800 м от нашего переднего края; был довольно глубокий снег. После полудня немцы начали артиллерийский и минометный обстрел участка одного из батальонов полка. Как потом оказалось, огонь велся с целью пристрелки для последующей изоляции намеченного участка атаки и для создания укрытий в виде воронок атакующему немецкому подразделению. Перед заходом солнца на опушке леса, в 400 м от русских окопов, показались

солдаты противника. Артиллерия обрушилась на фланги и тыл одной из рот, и вслед за этим с исключительной быстротой противник буквально свалился в русские окопы. Атакуя по сплошным траншеям в стороны флангов с применением ручных гранат, немцы очистили значительную часть окопа первой линии от русских и отошли, захватив один тяжелый пулемет. Через несколько дней командир русского батальона в виде своего рода приманки на удобном для атаки противника участке выставляет макет станкового пулемета и выдвигает в засаду команду разведчиков перед передним краем. При попытке германской штурмовой роты совершить налет командир ее — лейтенант — был взят в плен. Вскоре после этого эпизода полк получил перевод немецкой инструкции о подготовке и тактике «штурмовых батальонов».

Создать подобные подразделения пытались и в русской армии, тем более что подобрать в нужном количестве храбрых, сметливых опытных солдат, достаточно молодых и крепких и инициативных офицеров можно было. Но дело упиралось в оснащение отрядов. Указанные выше «гренадеры» с большим запасом ручных гранат и топорами на длинных топорищах могли бы действовать только в составе обычных пехотных цепей или волн, прикрывая и помогая работе резчиков проволоки или саперов — справедливо потом «гренадеров» просто включили в пехотные подразделения. «Штурмовикам» или «ударникам», как их стали называть в русской армии, требовались стальные каски, большой запас ручных гранат, ручные пулеметы, средства сигнализации, дымовые, зажигательные. Все это начало поступать в русскую армию в более-менее заметных количествах к 1917 г. На это накладывалось начавшееся после Февральской революции 1917 г. стремительное разложение армии, в массе своей уже не желающей воевать. Возникает идея «ударных» частей как костяка, вокруг которого можно еще собрать армию и не только удержать ее на фронте, но и заставить наступать — Временное правительство продолжает требовать от армии наступления.

На 1-м съезде офицеров Юго-Западного фронта в Каменец-Подольске 7—20 мая 1917 г. капитан М. А. Муравьев предложил начать формирование «ударных частей». Идея «ударных батальонов» была поддержана подполковником Генерального штаба В. К. Манакиным и нашла горячую поддержку у генерала А. А. Брусилова. Он же указывал, что назначением этих частей было «отбор испытанных и надежных в смысле дисциплины войск, которые могли бы явиться опорой для власти, признавали бы ее и... действовали бы во имя спасения родины от анархии и развала».

19 мая капитан М. О. Неженцев предложил командующему 8-й армией Юго-Западного фронта генералу Л. Г. Корнилову с теми же целями сформировать ударный отряд из добровольцев и, получив соответствующий приказ, приступил к формированию 1-го ударного отряда 8-й армии, получившего 10 июня шефство генерала Корнилова и знамя.

Была разработана инструкция, изданная приложением к приказу по Особой армии (сформирована еще в июне 1916 г. из частей и соединений стратегического резерва Ставки Верховного Главнокомандующего) за № 320/48 от 1917 г. под названием «Наставление для ударных частей». Согласно этой инструкции, при каждой пехотной дивизии должен быть сформирован «ударный батальон» в составе трех стрелковых рот по три взвода каждая и технической команды, состоящей из пяти отделений: пулеметного, минометного, бомбометного, подрывного и телефонного. В каждой партии (отделении) гренадер у шести человек револьверы и у двух — винтовки. Кроме того, у каждого бойца — кинжал, тесак или иностранный штык-нож, штатная малая пехотная лопата или топор, 8—10 ручных гранат, противогаз, ножницы, стальная каска. Батальон должен был иметь 8 станковых пулеметов, 8 ружей-пулеметов, 4 миномета, 8 бомбометов, подрывного имущества (удлиненные заряды) на устройство восьми проходов в проволочных заграждениях плюс резерв, сигнальные ракеты, 7 телефонных аппаратов и 24 м провода.

Инструкцией на штурмовые батальоны возлагались следующие задачи: 1. При прорыве укрепленных позиций противника: а) штурм особо важных и особо сильно укрепленных участков; б) поддержка атаки пехотой первой линии и развитие успеха ее в траншеях (ликвидация задерживающего продвижение противника). 2. При обороне: а) бой с целью улучшения своего положения (захват отдельных пунктов); б) поиски для захвата пленных и для разрушения оборонительных сооружений; в) контратаки против ворвавшегося в оборонительную полосу противника. В соответствии с этими задачами инструкция требовала размещения ударных частей в тылу и вывода их на позиции лишь для выполнения боевых задач. Занимать ударными частями участки позиций для обычной обороны запрещалось. Бой ударных частей должен был вестись исключительно в траншеях, так называемый «открытый бой» в поле рассматривался как исключение. Обучение ударных частей должно было производиться по особой программе с практической отработкой ряда тактических тем на специально оборудованных позициях.

Боевые действия ударных частей при атаке укрепленных позиций противника должны были начинаться с тщательной разведки. Кроме изучения данных старшего начальника, обязательна была личная разведка самих ударных частей, для чего они должны были, пробыв несколько суток на участке намеченного удара, точно изучить местность и противника, включительно до обычного уклада его окопной жизни. Телефонное имущество батальона предназначалось не только для связи со своими окопами, но и для прослушивания переговоров противника в ходе разведки. Если атака намечалась в ночное время, то ударные части должны были провести скрытую ночную разведку противника в те же часы ночи, которые были избраны для атаки. Подготовка исходного плацдарма для атаки должна была вестись с соблюдением строгой маскировки.

Атака могла быть произведена после артподготовки или внезапно. Во втором случае артиллерия должна была быть готовой поддержать атаку после обнаруже-

ния ее противником. При этом право подачи сигналов об открытии артогня принадлежало не первой, а второй волне атакующих, исходя из соображения, что последняя лучше разберется в действительной необходимости подавления противника огнем. Боевой порядок для атаки мог быть групповым или волнами в зависимости от обстановки. В первой волне шли бойцы, предназначенные для устройства проходов через препятствия. Вторая волна состояла из гренадер, имеющих задачей захват передовых окопов противника и продвижение по ходам сообщения. Порядок продвижения этой волны должен был отвечать характеру укреплений позиции противника (числу, направлению и типу траншей и ходов сообщения). За второй волной шли телефонисты, сигнальщики, передовые артиллерийские наблюдатели. Третью волну составляли партии гренадер с особыми задачами (закрепление флангов, разрушение отдельных блокгаузов и пр.), а также пулеметные расчеты и резерв. Непосредственно за третьей волной двигался боевой тыл (санитары, подносчики боеприпасов). Траншейная артиллерия (минометы, бомбометы и малокалиберные пушки) участвовала в артподготовке и, кроме того, выполняла задачу непосредственного сопровождения пехоты и закрепления достигнутого успеха.

Таким образом, здесь закреплялся уже наработанный опыт штурма укрепленной полосы, но сведенный из масштаба полка или дивизии в батальон и подкрепленный лучшим техническим оснащением и подготовкой.

Приказ № 547 Верховного Главнокомандующего генерала Брусилова от 27 июня 1917 г. гласил: «Ввиду недоразумений, возникающих на почве смешения ударных частей (рот и батальонов смерти), формируемых в действующих войсковых частях и революционных батальонах, формируемых из волонтеров тыла и тоже иногда именуемых батальонами смерти, приказываю к руководству следующее: 1) Ударные части (роты и батальоны смерти) первой категории формируются в пехотных и конных полках из охотников данного полка и являются неотъемлемой частью этого полка. В пехотном полку формируется

от одной ударной роты до батальона, за исключением случаев, если весь полк изъявит желание быть ударной частью. Ударные части остаются в составе своих полков, имея задачей служить примером доблестного исполнения своего долга для остальной части полка и идти на штурм в голове своего полка. В особых случаях боевой обстановки ударные роты могут временно сводиться в особые батальоны при своих дивизиях, причем от каждого полка может быть назначено не больше одной роты. Люди этих рот по-прежнему остаются в составе своих полков. Снабжение ударных рот всем необходимым имуществом производится за счет и из средств данного полка и без особых отпусков от казны. В случаях расформирования по какому-либо поводу ударных рот люди их возвращаются обязательно в те же роты полка, из которых они были выделены...

2) Революционные же батальоны формируются согласно моего приказа от 13 июня 1917 г. за № 439 из волонтеров, юнкеров, солдат запасных полков и прочих тыловых частей Центра России и фронтов, и формирование этих частей отнюдь нельзя смешивать с ударными частями, формируемыми в составе частей Действующей армии». В действующей армии ударные команды, роты, батальоны организовались при многих полках. В них на добровольной основе шли те, кто еще сохранял дисциплину и готовность сражаться, либо просто хотел реализовать накопленный боевой опыт. Шанс проявить себя появился у «ударников» в ходе летнего наступления 1917 г. Тем более что оно было неплохо подготовлено в техническом отношении. Так, при подготовке наступательной операции Юго-Западного фронта плотность сил и средств удалось довести до 2—2,5 дивизии и 30—35 орудий на 1 км фронта (а на участке прорыва 7-й армии — 44 орудия на 1 км фронта, включая тяжелую артиллерию). В целом на участке прорыва русские войска превосходили противника: по людям — в три раза, по артиллерии — в два раза.

Боевое крещение Корниловского ударного отряда прошло здесь 26 июня 1917 г. весьма удачно — были прорваны австрийские позиции под деревней Ямшицы, благода-

ря чему 8-й армией был взят Калуш. Это было последнее яркое наступление русской армии: потеряв 352 офицера и 14 456 солдат, 8-я армия взяла в плен 800 офицеров и 36 тыс. солдат противника, захватила 127 орудий и минометов, 403 пулемета. Однако после германского прорыва 6 июля в полосе 11-й армии разваливающийся Юго-Западный фронт начал стремительный отход. «Ударников» это разложение, надо отметить, не затронуло. А 11 августа отряд (насчитывающий в своем составе к этому времени около 3 тыс. бойцов) был преобразован в четырехбатальонный Корниловский ударный полк.

Хотя «ударные» части и достигли ряда тактических успехов, сколько-нибудь существенной роли в целом они не сыграли. Действия «ударников» (если понимать под ними именно «штурмовиков») могли иметь реальный успех, если бы результаты их атак эксплуатировались и закреплялись «линейной» пехотой. Но как раз этого и не было.

«Я видел много раз ударников, и всегда — сосредоточенными, угрюмыми, — писал генерал Деникин. — В полках к ним относились сдержанно или даже злобно. А когда пришло время наступления, они пошли на колючую проволоку, под убийственный огонь, такие же угрюмые, одинокие, пошли под градом вражьих пуль и зачастую... злых насмешек своих «товарищей».

При подготовке наступления на Вильно 10-й армии на Западном фронте, которым тогда командовал Деникин, превосходство русских войск на направлении главного удара было: по людям — шестикратным, по артиллерии — трехкратным. Никогда ранее на русском фронте на участке прорыва не вводилось в действие столь мощных и многочисленных средств подавления. Артподготовка была проведена образцово. Вся система огня германской обороны была нарушена. 9 июля русская пехота перешла в атаку, которая проводилась под прикрытием огневого вала. Войска почти не встретили сопротивления, прошли 2—3 линии окопов, побывали на неприятельских батареях, сняли прицелы с орудий и... вернулись назад. Русская пехота в массе своей уже не хотела воевать, и ни рост

насыщенности в огневых средствах, ни организация, ни подготовка уже не могли переломить ход событий.

Деникин так рассказывал о наступлении войск Западного фронта в июле 1917 г. и об участии в нем «ударников» («штурмовиков») и отдельных офицерских подразделений: «Части 28-й пех. дивизии подошли для занятия исходного положения лишь за 4 часа до атаки, причем из 109-го полка дошло лишь две с половиной роты с 4 пулеметами и 30 офицерами; 110-й полк дошел в половинном составе; два батальона 111-го полка, занявших щели, отказались от наступления; в 112-м полку солдаты целыми десятками уходили в тыл. Части 28-й дивизии были встречены сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем и залегли у своей проволоки, будучи не в силах продвинуться вперед; только некоторым частям штурмовиков и охотников Волжского полка со взводом офицеров удалось захватить первую линию, но вследствие сильного огня им удержаться не удалось, и к середине дня части 28-й дивизии вернулись в исходное положение, понеся значительные потери, особенно в офицерском составе. На участке 51-й дивизии атака началась в 7 часов 5 минут. 22-й Горийский и 204-й Ардагано-Михайловский полки, а также две роты Сухумцев, штурмовая рота Сухумцев и штурмовая рота Потийского полка быстрым натиском прорвались через две линии окопов, перекололи штыками их защитников и в 7 часов 30 мин стали штурмовать 3-ю линию. Прорыв был настолько стремителен и неожидан, что «противник не успел открыть своевременно заградительного огня. Следовавший за передовыми полками 201-й Потийский полк, подойдя к первой линии наших окопов, отказался идти далее и, таким образом, прорвавшиеся части не могли быть своевременно поддержаны. Двигавшиеся вслед за потийцами части 134-й дивизии, вследствие скопления в окопах потийцев, а также вследствие сильного артиллерийского огня противника, задачи своей не выполнили и частью рассыпались, частью залегли в наших щелях. Не видя поддержки сзади и с флангов, горийцы и ардаганцы пришли в смущение, и некоторые роты, поте-

рявшие убитыми офицеров, начали медленно отходить, а за ними все остальные, однако без особого давления со стороны немцев, которые только при отходе наших частей открыли по ним сильный артиллерийский и пулеметный огонь... Части 29-й дивизии не успели своевременно занять исходное положение, так как солдаты, вследствие изменившегося настроения, шли неохотно вперед. За четверть часа до назначенного начала атаки правофланговый 114-й полк отказался наступать; пришлось двинуть на его место Эриванский полк из корпусного резерва».

В результате «ударников», по словам того же Деникина, «стали посылать бессменно изо дня в день и на разведку, и в охранение, и на усмирения — за весь полк, так как все остальные вышли из повиновения. Неудивительно, что вскоре и эти обреченные потеряли терпение. Право, скорее с грустью, чем с осуждением я перелистываю «протокол общего собрания штурмовой роты»; в полутрамотном по форме, но непосредственном по содержанию документе этом говорится: «В выступлении на позицию Путвильского полка, категорически отказать», ибо солдаты штурмовой роты «выступили не с той целью, чтобы сидеть на одном месте, не двигаясь вперед, и быть сторожами своих окопов... а идти вперед, на что мы были уже готовы; то мы только и имеем стремление работать там, где есть дружная работа. Пусть нам никто не ставит в укор, что мы своей сотней человек не берем такого укрепления, которое можно только штурмовать всем полком, и то дружно... Просим отправить нас туда, где идет дружная защита нашей Родины... в боях под Станиславом. А буде, что мы не получим удовлетворения, то будем вынуждены отправиться туда добровольно, как нас на то дело и призывали».

Использование в некоторых армиях ударных частей для «усмирения», хотя и помогло временно остановить несколько стихийных выступлений, еще более отделило «ударников» от остальной армии. В июне — июле 1917 г. начали формирование ударных батальонов из юнкеров (которых к этому времени образовался сверхкомплект),

предполагая направить их в действующую армию — уже только для наведения порядка.

Однако попытка создания в русской армии таких подразделений новой организации и тактики, несомненно, интересна.

Хотя под влиянием развала армии идея «ударников» как специальных «штурмовых» подразделений преобразовалась в движение «частей смерти» («ударных», «революционных» — это уже были только красивые слова). Они практически не отличались от обычных ни по вооружению, ни по организации, ни по тактике, зато присягали лозунгу «Войны до победного конца». Об этом свидетельствует приказ Верховного Главнокомандующего за № 634 от 15 июля 1917 г., где на «части смерти» возложен «тяжкий, но почетный долг умереть за родину, не зная сомнений и колебаний в борьбе с жестоким врагом», а в их списке кроме штурмовых рот и батальонов есть целые корпуса, дивизии, артиллерийские бригады и батареи, боевые корабли.

«Ударные» части получили особый отличительный знак: красно-черный шеврон, а вместо кокарды — «адамову голову» (череп с перекрещенными костями — христианский символ бесстрашия перед смертью и бессмертия духа, широко использовавшийся в Первую мировую войну «ударными» и «штурмовыми» частями и в России, и в Германии). Ударники Корниловского отряда получили еще и черно-красные погоны, нарукавную нашивку с черепом и скрещенными мечами. Согласно приказа Верховного Главнокомандующего от 8 июля 1917 г., такая вариация «адамовой головы» вводилась для всех «частей смерти».

В связи с упомянутыми «революционными батальонами из волонтеров тыла» стоит упомянуть и организацию «женских ударных частей».

В Петрограде, Москве и других крупных городах стали организовываться «Всероссийские женские военные союзы», которые летом 1917 г. начали активную агитацию по привлечению женщин на военную службу. Хотя агитация и велась под «революционными» лозунгами, тут

не было чего-либо «революционно» нового. Женщины-добровольцы участвовали в боях и ранее. В журнале боевых действий 1-й Сибирской дивизии за 21 марта 1916 г. (Нарочская операция) описан подвиг «добровольца» 3-го сибирского полка Евгении Воронцовой, дочери бухгалтера Голутвинской фабрики, прибывшей в полк в конце февраля из Москвы: «Воронцовой было всего 17 лет. Принимая во внимание ее молодость, ее зачислили в команду связи, но в день атаки она категорически заявила, что желает принять участие в атаке, и отправилась в 5-ю роту. Под сильным перекрестным огнем, пулеметным и ружейным, вместе со стрелками она достигла проволочных заграждений. Идя с винтовкой в руках, не обращая внимания на град пуль, сыпавшихся на наступающих со стороны противника, она своим спокойствием заражала всех окружающих. У проволочных заграждений атакующие цепи приостановились. Воронцова первая нашла проход на разрушенном участке проволочных заграждений противника и с криком: «Братцы, вперед!» устремилась к германским окопам. Многие последовали ее примеру. Но через несколько шагов юная героиня пала мертвой, сраженная вражеской пулей».

Теперь, в июле 1917 г., по представлению ГУТШ Военный совет разрешил формирование женских ударных батальонов. Сообщалось об организации при Александровском военном училище в Москве отделения для подготовки женщин-прапорщиков. К лету 1917 г. было сформировано 2 женских ударных батальона и 11 отдельных женских команд связи.

Один такой батальон под командованием прапорщика Бочкаревой даже принял участие в летнем наступлении на Западном фронте. Батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку. Но, попав под артиллерийский огонь, добровольцы тут же забыли, чему их обучали, забыли о рассыпном строю и укрытиях, «сжались в кучку» прямо на открытом поле, понесли потери. Собственно, такое происходило со многими необстрелянными частями. Но тут потери были особенно досадными, ибо ожидавшегося подъема боевого духа у солдат-

мужчин атака женского батальона не вызвала. «Бабий батальон» еще пытались использовать для остановки бегства частей с передовой, тоже безрезультатно. Так что «женское военное движение» никакого серьезного значения не имело, и дальнейшее формирование женских подразделений было прекращено, а имеющиеся батальоны и команды начали расформировывать.

О «партизанах»

В 1915 г. попытались возродить опыт партизан 1812 г., начав формировать на фронтах при кавалерийских и казачьих дивизиях «партизанские отряды» для действий в тылу противника. Однако, по мнению генерала А. А. Брусилова: «Если уже признано было нужным учреждать партизанские отряды, то следовало их формировать из пехоты, и тогда, по всей вероятности, они сделали бы несколько больше».

В ходе Митавской операции 24 декабря 1916 г. докладывали о таком эпизоде: «В XLIII корпусе отряд партизан особого назначения через Лисий Нос к 24 часам подошел к окопам противника севернее Виркне и пытался их атаковать, но был отбит и отошел к северу». То есть «партизан» при армейских корпусах тоже пытались использовать по аналогии с германскими штурмовыми ротами, применявшими тактику «просачивания».

А вот ночные нападения на ближайший тыл противника пеших отрядов с пулеметами бывали довольно удачны. Например, 27 февраля 1916 г. 600 пехотинцев под командованием капитана Щепетильникова (40-й пехотный Колыванский полк) при 16 пулеметах «Кольт» и 8 ружьях-пулеметах в темноте перешли по льду озера Нарочь, внезапным налетом захватили четыре германские батареи, привели в полную негодность 14 орудий, взяли пленных и смогли отойти под огнем к своим позициям, потеряв около четверти отряда.

Ночные налеты на небольшие гарнизоны противника удачно осуществляли команды охотников, например,

*Солдаты штурмового батальона 133-й пехотной дивизии.
Фото 10 июля 1917 г. Кроме символики, присвоенной «частям
смерти», отметим почти поголовное оснащение «штурмовиков»
стальными касками*

в полосе 5-й армии Северного фронта в 1916 г., сковывая передовые части и резервы германской 10-й армии.

Систематические рейды, вылазки и «диверсии» в ближнем тылу противника силами небольших пехотных отрядов принесли немалую пользу в специфических условиях Кавказского театра военных действий. При подготовке штурма турецкой крепости Эрзерум в январе 1915 г. вылазки и «диверсии» позволяли с небольшими потерями захватывать командующие высоты и селения. К примеру, 25 января отдельные полки 4-го Кавказского корпуса таким образом продвинулись на 25–30 км.

Огонь пехоты

Стрелковой подготовке в русской армии уделялось большое внимание. Однако «стрельбище» с тонкостями подготовки лучших стрелков для соревновательных стрельб, с тонкостями приемов стрельбы «редкой», «частой», «одной обоймой» превалировало над реальной так-

тической и стрелковой подготовкой. В насечке прицелов винтовок и пулеметов — до 3200 шагов — отражалось стремление вести огонь из стрелкового оружия, начиная от максимально возможных дальностей, где еще сохранялось убойное действие пули — это стремление, характерное тогда не только для русской армии, сохранится еще долго. Главное же — было слабым управление огнем со стороны командиров.

Война не просто подтвердила значение сочетания огня и движения, она потребовала усиления огневой составляющей. Опыт первых боев показал резкое возрастание значения огня. Прежде всего результат огневого воздействия обороны превзошел все довоенные предпо-

Оборона предместья Прасныша. Февраль 1915 г.

ложения. Преодоление огня обороны, даже слабо укрепившейся пехоты при наличии у нее пулеметов и артиллерийской поддержки, оказалось чрезвычайно трудной задачей. В ходе наступления русского 22-го корпуса на Иоганисбург, начальник 1-й финляндской стрелковой бригады попытался 24 августа 1914 г. атакой захватить город после короткого артиллерийского обстрела полевой артиллерии его окраин и одной батареи врага.

4-й финляндский стрелковый полк, ворвавшись, несмотря на вражеский артиллерийский обстрел, на окраину города, был встречен частями 1-й германской пехотной дивизии огнем из пулеметов, скрытых в домах, и вынужден был отойти. 1-й полк, пытаясь через высоту обойти противника, был также неожиданно встречен огнем пулеметов, сам охвачен с фланга и тоже отошел в исходное положение. Артиллерия, не имевшая связи с пехотой, подавить пулеметы противника не могла. Атака кончилась неудачей, и с наступлением темноты полки отошли на 13 км на восток.

Бороться с обороной противника, снабженной пулеметами, собственными средствами пехотные подразделения не могли. Вспомним, что если в вооружении, скажем, пехотного полка за время войны произошли существенные изменения — увеличилось количество пулеметов, появились зачатки полковой артиллерии, — то пехотная рота осталась с винтовками своих стрелков, дополненных, правда, ручными гранатами и, изредка, ружейными гранатами. Ручные пулеметы (ружья-пулеметы) появились в достаточном количестве только в самом конце войны.

Наставления предлагали для достижения огневого превосходства «занимать цепями по возможности охватывающее положение и вводить в бой сразу значительное количество стрелков» (много позднее, в начальный период Великой Отечественной войны, схожие требования появятся в приказах по Красной Армии), но признавали, что ружейный огонь «по неприятелю, занимающему окопы», может быть действенен только на небольших дальностях, а потому опираться лучше на огонь артиллерии и пулеметов. Артиллерия должна была разрушать укрепления, пулеметы — уничтожать или подавлять пехоту в окопах. В случае придачи пехоте «для ее сопровождения взводов артиллерии и пулеметов», пехота должна была «оказывать им всякое содействие, приняв на себя защиту их от покушений противника» (Буняковский В. «Из опыта текущей войны»). «Придача» пулеметов выражалась уже не просто в «согласовании» действий пулеметной команды с продвижением подразделений полка,

а в передаче пулеметов в батальонные и ротные участки с подчинением на время боя командирам подразделений. В наступлении пулеметы могли оказывать «содействие продвижению пехоты» с дальности 1000 шагов и ближе. Готовя атаку пехоты, станковые пулеметы должны были подавить стрелков и пулеметы противника на переднем крае его обороны. Для «приведения к молчанию» окопавшегося противника считалось необходимым создать плотность огня до 10 пуль на 1 м фронта в минуту. Таким образом, пулеметная команда могла подавить противника на фронте 300 — 400 м.

Для более эффективной поддержки огнем пулеметы предлагалось также «выбрасывать» вперед для обстрела наиболее опасных для пехоты целей, при этом пехотинцы, конечно, должны были «своим огнем содействовать выдвижению пулемета». Станковые пулеметы должны были занимать позиции позади стрелковых цепей для ведения огня в промежутки или через головы своих войск, выдвигаться в передовые линии, в основном для ведения фланкирующего огня по позициям противника перед броском своей пехоты в атаку. Менять позицию «станкачи» должны были реже, чем ружья-пулеметы, чтобы максимально использовать свой огонь

Продвижение подразделений на поле боя без постоянной огневой поддержки казалось немыслимым. Кроме передвижения частями, когда одна часть подразделения (например, отделение) перебегает, а другая прикрывает ее огнем, это привело к идее выделения наиболее мощных огневых средств подразделения (пулемет, гранатомет, легкий миномет) в отдельную группу. В РККА с развитием системы вооружения это привело к разделению в бою подразделений и частей на «сковывающую» и «ударную» группы. Характерно, что после войны стремились всячески увеличить «огневую самостоятельность» подразделений: в РККА каждое стрелковое отделение получало ручной пулемет и винтовочный гранатомет, рота — ротные минометы, батальон — станковые пулеметы, противотанковые пушки и батальонные минометы. Но вернемся ко времени Первой мировой.

Существенно изменились по ходу войны взгляды на применение ружейно-пулеметного огня в обороне. Если раньше большое значение придавалось ведению огня пехотой на большие дистанции (предлагались даже способы стрельбы на большие дальности из винтовок с закрытых позиций), то теперь, напротив, внимание сосредоточили на средних и малых дальностях. Приходилось учитывать могущество артиллерийского огня противника по позициям обороняющегося и не открывать эти позиции прежде времени. В обороне огонь по атакующему противнику с больших дальностей рекомендовалось начинать только

Фото 1915 г.: «Ожидают подходящего к реке неприятеля»

лучшим стрелкам и то «с участков, труднее разведываемых противником, или менее уязвимых от огня его артиллерии». Основная масса стрелков вступала в огневой бой на дальности прямого выстрела, пулеметы вели огонь на большие и средние дальности только с укрепленных, более-менее защищенных от артиллерийского огня позиций. А поскольку рассчитывать на прицельный огонь во время обстрела вражеской артиллерией не приходилось (многие стрелки попросту выпускали пули «куда-то в ту сторону»), рекомендовалось дожидаться переноса противником огня в глубину обороны и только тогда открывать

Отработка приемов залповой стрельбы на фронте

интенсивный огонь из винтовок и пулеметов. В обстреле атакующего противника принимали участие и стрелки из второй линии окопов. Предпочтение отдавалось «огневому охвату противника», созданию «огневых мешков» в глубине обороны.

Потребовалось готовить систему огня («план огневого боя») в обороне, с распределением секторов обстрела (для пулеметов), назначением рубежей открытия огня. Она включала участки сосредоточенного ружейно-пулеметного и артиллерийского огня перед передним краем, на флангах и стыках между частями и подразделениями, рубежи заградительного артиллерийского огня на подступах к переднему краю.

Система огня увязывалась с искусственными и естественными препятствиями. «Строевой пехотный устав» 1912 года требовал управления огнем со стороны взводного командира. Теперь управления огнем своего подразделения в ходе боя требовали от ротных и батальонных командиров. Впрочем, А. А. Незнамов считал, что в ходе боя «коллективный» огонь все равно будет «беспорядочным»: «Кое-какое управление могло еще

цельной стрельбы декомандовалась снабжать траншеи командного офицерского состава». Для ответа на это и с другим составом прямую обязанность выполнял младший винтовочник на него, а направили вверх. «Борьба с тем меньшей целью», присевшая за бруствером, не улавливая дуги, стреляла «представитель противника как можно не представляя его по мере приближения противника; ную стрельбу, часто вел ее с одним и тем же прицелом, ошибки стрелков: те, кто даже пытались вести прицельно обращались внимание на типичные в ходе огневого боя тактику стрелковых карточек подразделения. При этом или свистком. К концу войны вошли в широкую практику или «запашками» (по команде). Управление велось голосом но, при этом представлялось тщательное прицеливание) тогов. Огонь стрелки вел «одиночный» (самостоятельно) вопрос об уровне и значении унтер-офицеров и ефрей-прицеливанием, применением к местности). Снова — на стрельбу, свести за постановкой прицелов, верным так» требовал от старших звеньев передавать команды готовлены» (собственно тот же «Стрелковой пехоты» не под-иметь место в звеньях, но... начальники их были не под-

В часы перемирия. Стрелки и бойцы пулеметной команды в окопах в лесу. Большая часть пулеметчиков и стрелков — в касках Абрама

табличками с указанием заранее промеренных расстояний до различных рубежей.

Огонь пулеметов в обороне мог вестись «прицельный» и «заградительный» — под последним понимали обычно косоприцельный и перекрестный огонь в заранее определенных секторах, применяемый ночью, в туман, при дымовых завесах. Пулеметы, находящиеся в первой линии, должны были «встречать наступление врага огнем с самых дальних дистанций», как только огонь сможет нанести наступающему потери (но лучше примерно с 1000 шагов — увлечение «дальней» пулеметной стрельбой придет позже). Для поражения противника, прорвавшегося в глубь оборонительной полосы, часть пулеметов ставили в глубине — во второй линии окопов. Эти пулеметы либо ожидали атаки противника и «внезапно оживали» при его приближении, либо — если необходимо было поддержать первую линию — открывали огонь через головы своих подразделений или через промежутки. Правда, стрельба через головы своих войск требовала от пулеметчиков занимать позиции на командующих высотах или на флангах и хорошего наблюдения за результатами стрельбы.

Плотность огня в обороне росла. По опыту войны была выработана норма, согласно которой «для борьбы с хорошо организованной атакой» достаточно создать перед передним краем обороны плотность ружейно-пулеметного огня 5 пуль на 1 м фронта в минуту. По расчетам, для получения такой плотности на 1 км фронта нужно было разместить 1 батальон с 10 станковыми пулеметами в первой линии.

Война подтвердила огромное значение организации непрерывного снабжения войск огневыми припасами в ходе боя. Патронные двуколки из обоза первого разряда полагалось держать непосредственно при полках и по израсходовании патронов немедленно отправлять в тыл за новыми запасами. Пополнялись они из двуколок обоза второго разряда, которые для этого подтягивали как можно ближе к позиции полков, но вне зоны прицельного обстрела противника.

Были отработаны также определенные приемы организации огня в ночном бою (назначение секторов и дальностей стрельбы пулеметчикам и стрелкам, способы закрепления оружия на позиции после предварительной пристрелки в светлое время суток, стрельба в силуэт при освещении поля боя, порядок подачи сигналов и т. д.).

«Поддай огоньку!» (пехота и артиллерия)

Громадная роль, которую сыграла артиллерия во всех операциях, сражениях и боях Первой мировой войны, не позволяет обойти вопрос взаимодействия пехоты и артиллерии. Тем более что действия пехоты прямо зависели от возможностей и действий артиллерии. Встречая упорное сопротивление сильного противника, окопавшегося, хорошо оснащенного пулеметами и прикрытого проволочными заграждениями, пехота не может добиться успеха без поддержки огневыми средствами, прежде всего — артиллерией. С другой стороны, и в обороне пехота не может эффективно сопротивляться наступлению противника, оснащенного современными техническими средствами без помощи артиллерии различных типов и калибров.

В начале войны легкие скорострельные полевые пушки наносили наступающему противнику на открытой местности страшное поражение. Батарея 3-дм полевых пушек обр. 1902 г. давала возможность в несколько минут буквально уничтожить неосторожно открывшийся батальон пехоты или почти полк кавалерии. Не зря уже в самом начале войны русская «трехдюймовка» заслужила у противников прозвище «коса смерти». Русская полевая артиллерия действительно отличалась отличной подготовкой и развитой техникой стрельбы.

№ 67. Прикрытие пехотой артиллерии.

Прикрытие пехотой артиллерии на учениях накануне войны

Артиллерия спасала свою пехоту от огня вражеских орудий и пулеметов — ведь противник, как уже указывалось, стремился выдвинуть их вперед для организации фланкирующего и перекрестного огня. Так, в ходе Гумбиннен-Голданского сражения в начале августа 1914 г. 1-й дивизион 27-й артиллерийской бригады, поддерживая пехоту, сосредоточил огонь всех батарей по двум вражеским батареям на открытых огневых позициях. В течение нескольких минут расчеты германских орудий были уничтожены, что вынудило германскую пехоту к отходу. Русская пехота контратаковала и захватила 12 орудий. Уже 29 августа 1914 г. военному министру телеграфировали из Ставки: «Вся тяжесть современных боев — на артиллерии. Она одна считает смертоносные пулеметы противника и уничтожает его артиллерию. Пехота не нахвалится артиллерией, однако последняя достигает этого чрезмерным расходом патронов».

Генерал А. А. Брусилов писал, что того же 29 августа «получил телеграмму главнокомандующего, в которой впервые сообщалось, что тратить боевые припасы, в особенности артиллерийские снаряды, следует очень

осторожно, ибо в запасе их мало. На это я ответил, что при данной обстановке я совершенно отказываюсь объявить приказ об осторожном расходовании огнестрельных припасов и этим обескураживать войска, имеющие против себя многочисленного противника с более могущественной артиллерией, совершенно не жалеющего снарядов».

О трагичности положения пехотных частей, когда их артиллерия оставалась без боеприпасов, писали многие участники войны. Генерал А. И. Деникин описывал бои своей 4-й Железной стрелковой бригады, оказавшейся в начале марта 1915 г. у г. Одринь в полукольце австрийцев, занимавших командные высоты, и не имевшей возможности отвечать на их огонь огнем артиллерии: «Положение наше таково: за обедом пуля пробила окно и размозжила чью-то тарелку, другая застряла в спинке стула, а если кому нужно днем выйти из хаты, тот брал с собой пулеметный щит... Командир 13-го полка полк. Гамбурцев, входя на крыльцо нашей штабной хаты, тяжело ранен ружейной пулей. Все штаб-офицеры полка уже выбиты, и заменить их некем». Затем — бои Железной дивизии под Перемышлем в середине мая 1915 г.: «Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов вместе с защитниками их... И молчание моих батарей... Мы не могли отвечать, нечем было. Даже патронов на ружья было выдано самое ограниченное количество. Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку за другой... штыками или, в крайнем случае, стрельбой в упор. Я видел, как редели ряды моих стрелков, и испытывал отчаяние и сознание нелепой беспомощности. Два полка были почти уничтожены одним огнем... И когда после трехдневного молчания нашей шестидюймовой батареи ей подвезли пятьдесят снарядов, об этом сообщено было по телефону всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с облегчением».

Причем надо сказать, что интенсивность стрельбы артиллерии на Русском фронте мировой войны была

в среднем меньше, чем на Западном. Генерал Людендорф отмечал: «На востоке у нас никогда не было недостатка в боевых припасах. Мы всегда имели их столько, сколько транспорт мог доставить по плохим дорогам... На западе обстоятельства складывались иначе, и там чувствительно сказывался недостаток в боевых припасах». Австро-венгерская артиллерия находилась в худшем положении — уже в декабре 1914 г. еженедельная потребность составляла 240 000 снарядов при производстве 116 000, — но Австро-Венгрия пользовалась помощью Германии. На этом фоне кризис российской артиллерии с недостатком орудий и особенно боеприпасов выглядит особенно явным.

Меры, принимаемые военным ведомством по увеличению снабжения армии снарядами, давали свои результаты. Правда, успех в этом предпочитали приписывать себе «общественные деятели». Вдохновенно рассказывалось о появившихся в августе 1915 г. на фронте ящиках со снарядами с надписью «Снарядов не жалеть! Центральный военно-промышленный комитет». Между тем как раз от ЦВПК к этому времени ГАУ ни одного снаряда не получило (ЦВПК только сами ящики). А батареям все еще приходилось «жалеть снаряды». К тому же русская полевая артиллерия продолжала уступать противнику в насыщенности гаубицами и тяжелыми орудиями.

Выше уже упоминалось о подготовке Брусиловского наступления в плане артиллерийском. О работе артиллерии для подготовки и поддержки пехотной атаки Брусилов писал в своих воспоминаниях: «С рассветом 22 мая на назначенных участках начался сильный артиллерийский огонь по всему Юго-Западному фронту. Главной задержкой для наступления пехоты справедливо считались проволочные заграждения вследствие их прочности и многочисленности, поэтому требовалось огнем легкой артиллерии проделать многочисленные проходы в этих заграждениях. На тяжелую артиллерию и гаубицы возлагалась задача уничтожения окопов первой укрепленной полосы, и, наконец, часть

артиллерии предназначалась для подавления артиллерийского огня противника. По достижении одной задачи та часть артиллерии, которая ее выполнила, должна была переносить свой огонь на другие цели, которые по ходу дела считались наиболее неотложными, всемерно помогая пехоте продвигаться вперед. Вообще же огонь артиллерии имеет громаднейшее значение в успехе атаки, артиллерия начинает атаку и после ее надлежащей подготовки, то есть после того, как сделано достаточное количество проходов в проволочных заграждениях и уничтожены укрепления противника, его убежища и пулеметные гнезда, должна сопровождать атаку пехоты, препятствуя своим заградительным огнем подходу неприятельских резервов».

Дальнобойность орудий ограничивала глубину пехотной атаки, так что оборонительную полосу противника приходилось разбивать по глубине на ряд последовательных рубежей, отстоящих друг от друга на 2—4 км, и продвижение пехоты не простиралось далее назначенного рубежа, где она должна была задерживаться в ожидании подтягивания артиллерии. Только такой медленный методический способ обеспечивал тесное взаимодействие пехоты с артиллерией.

На пути к четкому взаимодействию пехоты и артиллерии часто вставало традиционное препятствие — плохое знание командирами свойств и возможностей другого рода войск. Не случайно Брусилов при подготовке наступления Юго-Западного фронта в 1916 г. требовал при постановке задач артиллерии исключать из боевого обихода войск бесцельный огонь. «Нужно помнить, что беспредельного количества огнестрельных припасов у нас нет, и, кроме того, нужно избегать чрезмерного изнашивания орудий. Дело не в ураганном огне, а в правильном и искусном управлении артиллерией и меткой ее стрельбе по точно и верно определенным задачам». Мнение боевого генерала подтверждает и бывший руководитель ГАУ Е. З. Барсуков, рассказывая, как уже после преодоления в 1916 г. «снарядного голода» русской полевой артиллерии пе-

хотные командиры начали требовать от нее «ураганного», «барабанного» и тому подобного огня, а артиллеристы, дабы «успокоить» пехоту, развивали такой темп стрельбы, что порой быстро и почти бесполезно выводили из строя орудия.

Другая проблема — связь пехоты с артиллерией и целеуказание. С удаленных наблюдательных пунктов командиров батарей невозможно было увидеть укрытые пулеметы противника и отдельные участки траншей, из которых противник вел огонь по наступающей пехоте. Равно и при обороне командир артиллерийской батареи не мог видеть все опасные для своей пехоты цели. В документах 1915 г. неоднократно указывалось на необходимость иметь при передовых частях пехоты передовых наблюдателей из артиллерийских офицеров, благодаря которым не только обеспечивается взаимодействие артиллерии с пехотой, но и облегчается отыскание неприятельских батарей, расположенных на закрытых позициях. Такие наблюдатели появились, и их применение целиком себя оправдало.

В ходе Брусиловского наступления, например, 4-я артиллерийская бригада поддерживала 101-ю пехотную дивизию, преследовавшую австрийцев. В качестве передового наблюдателя вместе с пехотой двигался ефрейтор Березовский. В числе первых он ворвался во вражеские окопы. Используя брошенный телефонный провод, он быстро установил связь с батареей. Обнаружив фланкирующий австрийский пулемет, он выдвинулся вперед и корректировал огонь. Пулемет был уничтожен, что обеспечило пехоте беспрепятственное продвижение вперед.

Телефонный провод от пехоты к артиллерийской батарее часто перебивался осколками, пулями, рвался своей же пехотой, иногда его просто не хватало. «Артиллерия, приданная атакующим колоннам, могла лишь до известной степени оказать содействие пехоте, — говорилось в одном из докладов о ходе Митавской операции в конце декабря 1916 г. — Опыт показал, что войсковой телефонный провод очень тонок

и постоянно рвется проходящими людьми, поэтому связь между передовыми наблюдателями и батареями постоянно прерывалась. Желательно снабжение войск бронированным проводом или, во всяком случае, войсковым телеграфным». Кроме телефона для связи пехоты с артиллерией использовали оптическую связь в виде сигналов цветными ракетами, фонарями (ночью) и иногда флагами (днем), изредка использовались также гелиографы и прожектора. Кстати, относительно связи ракетами в том же докладе сообщалось: «Если цветные ракеты и имелись в войсках, то в таком малом числе, что войска не могли ими воспользоваться в должной мере. Кроме того, выдаваемые войскам цветные ракеты вызывали нарекания на их плохое качество. Ракеты Рейнгарда часто отказывали в действии и выбрасывали цветные шарики лишь на три-четыре аршина, тогда как требуемая высота для сигнала должна быть около 4—5 сажений. Желательно, чтобы наши ракеты были бы с парашютом и отличались бы от более типичных противника».

Но и наличие связи с позициями артиллерийских батарей в тылу, плановой таблицы стрельбы, хороших карт, на которых обстановка нанесена одинаково пехотными и артиллерийскими командирами, не гарантирует постоянной артиллерийской поддержки. Пока данные дойдут до артиллерии, будут проверены, уточнены и реализованы, положение и противника, и своих частей может в корне измениться даже в ходе позиционного боя. Кроме того, пехотный командир обычно не настолько хорошо знает артиллерию, чтобы предсказать безопасное удаление своего подразделения от разрывов снарядов своей артиллерии, ведущей огонь из глубины. При подходе своей пехоты к противнику ближе 200—300 м легкие батареи в силу настильности траектории 3-дм пушки не могли вести огонь через головы своей пехоты без риска поразить ее. Подтягивание к пехоте гаубичных («мортирных») батарей представляло серьезную проблему. В результате в самый ответственный момент броска в атаку и штурма пере-

довых траншей противника пехота часто оказывалась без огневой поддержки и расстреливалась оживающими пулеметами противника.

Все это делало совершенно необходимой артиллерию сопровождения пехоты. Попытки придания наступающим пехотным частям легких полевых батарей с 3-дм полевыми пушками обр.1902г. делались с начала войны. Так, во время сражения на р. Золотая Липа во время боя 2-й бригады 9-й русской пехотной дивизии 27 августа 1914г. в лесу западнее Росхадув четыре орудия были выдвинуты на западную опушку леса, где русская пехота отражала атаки австрийцев, и открыли огонь с самых близких дистанций и даже на картечь. В результате австрийцы были вынуждены отойти. В ходе этого сражения вообще неоднократно легкая полевая артиллерия поорудийно или повзводно (два орудия) выдвигались в стрелковые цепи на открытые огневые позиции и поддерживали атаку рот и батальонов огнем прямой наводкой. Также огнем прямой наводкой артиллерия обеспечивала форсирование рек пехотой.

К этому прибегали и в более «обычных» полевых условиях. Русская пехота готовила свою атаку ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, при этом огонь стрелков и пулеметов помогал выдвигать вперед дивизионную артиллерию, которая расстреливала пулеметные гнезда противника.

Не менее удачно применялись в передовых рядах пехоты порой и горные пушки — там, где они имелись. В феврале 1915г. в Карпатах один из стрелковых полков, получивший задачу захватить Лупковский перевал и железнодорожный туннель, проходящий в перевале, наткнулся у туннеля на казарму-блокгауз и, встреченный оттуда ружейным и пулеметным огнем, вынужден был остановиться. Обратились за помощью к своей батарее горного дивизиона 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Взвод горной батареи, спустившись с горы, открыл огонь по блокгаузу-казарме с открытой позиции прямой наводкой с расстояния 350 — 400 м. После восьмого выстрела австрийцы

в блокаду сдались — как сказал их офицер, сдались «сумасшедшей русской батарее».

В наступательном бою 19-й пехотной дивизии 4 апреля 1915 г. одна 3-дм горная пушка обр.1909 г. была поставлена в окопы 76-го Кубанского пехотного полка рядом с пулеметом, всего в 800 шагах от противника. Эта пушка на другой день боя, 5 апреля, оказала полку весьма существенную поддержку. Находясь под сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем противника, пушка своим огнем разбила противлежащие окопы неприятеля и принудила противника очистить их. Окопы были взяты Кубанским полком, и в них оказалось много убитых артиллерийским огнем. Но командовавший горным орудием офицер был смертельно ранен.

Это был еще маневренный период войны. В условиях позиционной войны, когда приходилось атаковать сильно укрепленные, протяженные позиции противника с большим количеством огневых средств, выдвижение полевых пушек в передовые цепи пехоты было уже сильно затруднено немедленно открывавшимся по ним огнем противника. Между тем здесь отсутствие у пехоты артиллерии сопровождения сказывалось особенно болезненно. Пример тому — попытки прорыва австрийских позиций на участке 2-го армейского корпуса 7-й русской армии в ходе наступательной операции Юго-Западного фронта в декабре 1915 г. — первое крупное наступление русской армии в условиях позиционной войны.

2-й армейский корпус включал 26-ю и 43-ю пехотные дивизии и 3-ю Туркестанскую стрелковую бригаду, всего со 132 орудиями, что составляло 33 орудия на 1 км фронта или в среднем одно орудие на 30 м и одна гаубица на 166 м (под Ригой германцы создали плотность в 140 орудий на 1 км не считая минометов).

30 декабря 1915 г. (второй день боя) артиллерийская подготовка продолжалась лишь полчаса. Атака 26-й дивизии была отбита с большими потерями, так как проволочные заграждения оказались неповрежденными.

ми. На другой день, также после получасовой артиллерийской подготовки, атака повторилась и опять была отбита, хотя фронт атаки был сокращен до 2 км.

3 января решено было прорвать участок австрийской позиции протяженностью всего 800 м силами 43-й пехотной дивизии. Атаку подготавливала артиллерия дивизии — 18 полевых и 24 горных 76-мм пушек и вся приданная армии полевая тяжелая артиллерия — 24 гаубицы и 12 тяжелых полевых пушек. После методической артиллерийской подготовки с наблюдением каждого выстрела были сделаны проходы в двух полосах проволочного заграждения, и пехота прошла их, но остановилась перед третьей уцелевшей полосой и повернула назад.

Ввиду недостатка артиллерии решено было внезапно атаковать на рассвете 7 января Туркестанской стрелковой бригадой, еще сократив участок главного удара. Накануне тяжелая артиллерия и ночью саперы с помощью ножниц и пироксилиновых зарядов сделали до 30 проходов в проволочных заграждениях.

Стрелки бросились на штурм еще в темноте. Заранее пристрелявшаяся артиллерия перенесла огонь на фланкирующие построения противника. К 08.30 утра стрелки прошли три полосы заграждений, продвинулись вглубь, захватили пленных и 12 орудий. Но закрепить успех пехота не могла, оказавшись без поддержки своей артиллерии, которая не могла видеть своей пехоты, скрывшейся за перегибом ската. Между тем австрийская артиллерия и пулеметы с трех сторон из глубины позиции встретили огнем прорвавшихся стрелков; в то же время завеса артиллерийского огня преградила путь идущим на поддержку русским резервам, австрийские же резервы перешли в контратаку и заставили русских стрелков отступить.

При подготовке наступления 1916 г. на Северном фронте часть легких батарей придали командирам пехотных полков первого эшелона. А в ходе летнего наступления 1917 г. в 12-м корпусе 8-й армии, например, в каждой из четырех дивизий, действовавших

на направлении главного удара, были созданы артиллерийские группы поддержки пехоты с задачами подавления огня, разрушения узлов сопротивления, сопровождения пехоты в период атаки и дальнейшего наступления.

Атаке на участке 12-го корпуса предшествовала 2,5-часовая артиллерийская подготовка. Приказ командира корпуса гласил: «С движением дивизий к р. Павельче вслед за ними по пятам двигаться легкой артиллерии соответствующей группы, а затем и мортирным батареям». 25 июня в 11.00 пехота под прикрытием огня перешла в атаку. В это время батареи перенесли заградительный огонь на вторую линию, а затем последовательно с продвижением пехоты — на третью, четвертую и пятую линии. В результате атака была проведена энергично, противник поспешно отступал. 26 июня взвод 3-й батареи 19-й артиллерийской бригады под командой штабс-капитана Беякова, сопровождая 75-й пехотный полк, неоднократно выезжал непосредственно на линию цепей, вел стрельбу с открытых позиций, несмотря на интенсивный пулеметный огонь противника. Общий провал июньского наступления, связанный больше с развалом государства и армии, чем с подготовкой и тактикой, не делает ни менее интересными тактические успехи русских войск, ни менее значительной доблесть, проявленную русскими частями.

В обороне полевые 3-дм пушки выдвигались в передовые окопы или ставились прямо позади них для борьбы с неприятельскими орудиями ближнего боя или обстрела фланговым огнем важных подступов.

«Пехотной», «траншейной» артиллерией, как уже указывалось ранее, стали «траншейные» пушки для настильной стрельбы и бомбометы и минометы — для навесной. Относительно применения последних можно привести рекомендации из книги Буняковского «Из опыта текущей войны» (1916 г.): «Бомбометы с выгодой применяются: для борьбы с таковыми противника и внесения замешательства в ряды атакующе-

го, преимущественно моральным воздействием; для производства разрушения в наступательных сооружениях противника и с целью затруднения работ по их возведению (видимо, имеются в виду вместе и бомбометы с осколочными снарядами, и минометы с фугасными. — С. Ф.). Располагать их следует за местными предметами или на обратных скатах высот, а за неимением их — в специально устроенных рвах, причем в стороне от окопов и жилых сооружений позиций».

37-мм траншейную пушку обр.1915г. расчет мог перекачивать вслед за пехотными подразделениями, прикрываясь ее щитом, либо переносить, разобрав на три части. Ее боекомплект был достаточно легкий для перемещения вслед за пушкой по полю боя.

Взаимодействие артиллерии и пехоты заключалось еще и в охранении артиллерии пехотными частями. Такое охранение на походе и в бою составляло обязанность всякой пехотной части, находившейся в соседстве с артиллерией. «Устав полевой службы» 1912 года разрешал также назначать к артиллерии «отдельное прикрытие» не только для обеспечения ее безопасности, но и для оказания ей помощи при преодолении более трудных участков пути, при перемещении орудий и зарядных ящиков на руках, подготовке окопов. Выполнялось это не всегда. Так, в ходе боев на р. Сан в 37-й пехотной дивизии 15 сентября 1914г. полурота пехоты, расположившаяся в прикрытии 3-й батареи 37-й артиллерийской бригады, покинула окопы (бойцы, пользуясь затишьем, разбрелись накопать картошки на поле возле д. Залешаны). В результате две роты австрийцев смогли внезапно напасть на батарею. Артиллеристы отбивались картечным огнем, но вскоре все офицеры и большая часть прислуги были выведены из строя. От захвата батареи спасли пехотинцы одной роты подходившего к Залешаны русского 300-го пехотного полка. Они бросились в штыковую атаку, отбили батарею, часть австрийцев перебив, часть взяв в плен. Здесь можно увидеть и пример печального результата пренебрежения своими обязанностями (и,

видимо, плохого управления), и пример решительного прихода пехоты на помощь артиллерии.

Опыт маневренного периода показал, что артиллерии необходимо пехотное прикрытие, желательно с пулеметами. Прикрытие должно было располагаться на открытом фланге позиции артиллерии, высылать разведку в сторону, откуда возможно нападение противника. В позиционный период «Наставление для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г. не предусматривало необходимости особого охранения, поскольку считалось, что артиллерия прикрыта самим расположением войск на укрепленной полосе. Это положение, как и ряд других, было позаимствовано из французского наставления и не учитывало меньшей плотности и наличия разрывов фронта. И при прорывах австро-германцами участков фронта или при неудаче русских попыток прорыва были случаи потери орудий, оставляемых пехотой без прикрытия.

Такие случаи участились в 1917 г. в связи с разложением армии. Артиллерия и пулеметные части сохраняли в этих условиях большую устойчивость, и в результате порой оказывались единственными, кто остался на позиции вместе с немногочисленными не отошедшими пехотинцами. «Одной из причин сохранения относительной прочности артиллерии и отчасти других специальных родов оружия, — писал генерал А. И. Деникин, — было то обстоятельство, что в них процент потерь в сравнении с пехотой составлял не более $\frac{1}{20}$ — $\frac{1}{10}$ ». Даже при том, что в артиллерии и специальных, «технических» родах войск процент выходцев из рабочих и «разночинной интеллигенции» (наиболее «революционных» социальных слоев в тех условиях) был значительно выше, чем в пехоте, устойчивость их во время развала армии 1917 г. была значительно выше. И тут тоже возникали конфликты — описаны случаи, когда пехотинцы уходили с позиций в тыл и угрозами требовали того же от пулеметчиков и артиллеристов, либо рвали провода артиллерийских батарей и пулеметных команд, чтобы иметь повод уйти с позиций

под предлогом «отсутствия поддержки». В указанной обстановке 1917 года решено было сформировать при каждом артиллерийском дивизионе специально организационно связанную с ним пулеметную команду, которая служила бы ей постоянным прикрытием. В августе 1917 г., например, 212 станковых пулеметов «Кольт» было выделено для формирования таких команд для Кавказского фронта. Но до конца войны артиллерия своих пулеметных команд так и не получила. Однако позже вопрос решили несколько иным способом, не связывая пехоту и артиллерию таким образом — батареям придали ручные пулеметы.

«Противоаэропланная» оборона

Вопрос использования пехотного вооружения для борьбы с летательными аппаратами поднимался еще до войны. Незначительный опыт итало-турецкой войны 1911—1912 гг. не показал эффективности стрельбы пехоты по летательным аппаратам: «В Триполи по итальянскому аэроплану, пролетающему на высоте 600 м, был открыт турками ружейный огонь. В результате — пассажир легко ранен, в плоскостях и винте найдены пулевые отверстия. В дирижабле после обстрела его турками — при высоте 1000 м — следов попаданий найдено не было». Опыты стрельбы по привязным аэростатам, как при расположении на месте, так и при передвижении, были проведены в феврале — марте 1912 г. Офицерской стрелковой школой совместно с Офицерской воздухоплавательной школой. Об их результатах писал 19 апреля 1913 г. Генерал-квартирмейстер Генерального штаба начальнику воздухоплавательной части ГУГШ: «...2) При равных прочих условиях

Отработка залповой стрельбы по аэроплану. 1915 г.

результаты стрельбы из винтовок выше таковых при стрельбе из пулеметов. 3) По привязному аэростату, движущемуся на расстоянии около 2 верст от стрелков, результаты из винтовки — ничтожны, а из пулеметов и того хуже». Более того, последовал вывод, что «сама идея снабжения армии специальными орудиями» для стрельбы по воздушным целям «является нерациональной». От вывода этого откажутся очень скоро. Что же касается стрельбы из пулеметов, то, поскольку она велась со штатных наземных станков, а о специальных установках и прицелах даже не шла речь, неудивительно, что выводы оказались противоположными тому, что даст опыт войны.

Тем не менее начальник Офицерской стрелковой школы генерал-майор П. Д. Шрейдер и начальник Ружейного полигона школы генерал-майор Н. М. Филатов писали в ГУГШ 19 сентября того же 1913 г.: «Вопрос о применении пулеметов и ружей-пулеметов для стрельбы с каких-либо воздухоплавательных аппаратов и по воздухоплавательным аппаратам крайне интересный и имеет значение Государственной важности». Но до войны никаких приемов «зенитной» стрельбы выработано не было.

А уже в 1916 г. в инструкциях для войск рекомендовалось: «Для борьбы с воздушной разведкой... обстре-

Отработка залповой стрельбы по аэроплану. 1915 г.

Пулеметный взвод, выделенный для стрельбы по аэропланам, с пулеметами на импровизированных зенитных установках. Пулемет «Максим» крепился на установку на штатном станке. Обратим внимание на маскировку позиций

ливание летательных аппаратов ружейным, и в особенности пулеметным огнем, однако стараясь этим не обнаруживать местоположение большей части стрелков и пулеметов». Авиация противника стала прямой угрозой для пехоты.

Считалось, что пулеметный огонь по аэропланам может быть действительным на расстоянии не более 1 версты (1,067 км). Но поскольку летчикам противника приходилось снижаться на малые высоты, использование пулеметов в «противоаэропланной» обороне оказывалось достаточно эффективным — по крайней мере, они препятствовали ведению разведки и обстреливанию войск с аэропланов. Ставить такие зенитные пулеметы рекомендовалось в стороне от жизненно важных строений позиции и расположения войск, дабы не привлекать к ним внимания. Причем предлагалось два варианта позиции — в круглом окопе для лучшей защиты или на возвышенной точке (колокольня, высокий дом) для лучшего обзора и обстрела.

В войсках делались различные варианты импровизированных зенитных установок — легкие деревянные тумбы, поворотные «опоры» под станок Соколова и т. п. К станку Соколова была разработана стойка с обоймой для зенитной стрельбы, но она применялась ограниченно. Мастер Колесников осенью 1915 г. изготовил в мастерских Ружейного полигона треножный «пулеметный станок для стрельбы по воздушным аппаратам», дававший круговой обстрел и большие углы возвышения. Прочная высокая тренога обеспечивала устойчивость и достаточную меткость, наводка — свободная для стрельбы с рассеиванием по направлению и высоте, либо для стрельбы «в точку» с использованием зажима. На рукоятку затыльника пулемета мог крепиться приклад. 5-й (оружейный) отдел Арткома в Журнале № 411 от 20 декабря 1915 г. признал «желательным сообщить начальникам воздушной обороны местности об этом станке, указав, что... обращаться с запросами следует в Офицерскую стрелковую школу». Титулярный советник Федоров представил зенитную установку, легко

Трофейный пулемет «Шварцлозе», приспособленный с помощью высокой треноги для стрельбы по воздушным целям, при штабе генерал-адъютанта Мищенко. 1915 г.

изготавливаемую из подручных материалов: на деревянной крестовине ставился деревянный же стержень, на котором горизонтально крепилось колесо с наклонным столом. На стол крепился пулемет «Максим» со станком Соколова. Установка, доработанная вместе с капитаном Ковалевым, не удовлетворила специалистов, и весной 1916 г. Федоров представил улучшенный и упрощенный вариант. По результатам испытаний на ружейном полигоне Офицерской стрелковой школы 5-й отдел Арткома в Журнале № 130 от 5 апреля предложил «разослать для сведения копию настоящего журнала». Таким образом, «заготовление» зенитных установок передавалось на усмотрение войск и их местные возможности.

Ружейный огонь по летательным аппаратам допускался только при малой высоте полета и «когда нет других средств борьбы», поскольку вызывал большой расход боеприпасов и демаскировал расположение войск.

Огонь предлагался залповый, как «наиболее дисциплинированный», или частый одиночный — но только небольшим подразделением. В любом случае требовалось вести его под управлением офицера, пользующегося биноклем, дабы предотвратить обстреливание своих аппаратов.

«Газы, братцы!» (противогазовая оборона)

С самого начала войны поползли слухи о применении коварным противником «отравленного» оружия. Пехотинцы были уверены, например, что раны плохо заживают потому, что коварный «немец» использует то ли «отравленные пули», то ли «ядовитую шрапнель» (видимо, слухи были вызваны нахождением в ранах зажигательных веществ из специальных пуль). Реальность оказалась страшней, когда 18 мая (31 мая нов. ст.) 1915 г. в районе Болимова у Воли Шидловской против участков русских — 14-й Сибирской стрелковой и 55-й пехотной дивизий — с германской стороны было выпущено облако хлора (по другим данным — смеси фосгена с хлором) — результатом этой первой на Русском фронте газобаллонной атаки была потеря более чем 9000 человек, 1183 из которых умерли. Последовавшую за выпуском газа германскую атаку отбили ружейно-пулеметным огнем оставшиеся в строю солдаты 55-го и 53-го Сибирских и 217-го пехотного полков. Первым способом применения боевых ОВ на фронте стала газовая волна — пуском из батарей баллонов.

Применение противником химического оружия потребовало разработки ряда мероприятий противохимической защиты (именовавшейся в 1915 — 1922 гг. «противогазовой обороной»), сводившихся в две группы. Пер-

вая — предупредительные, включающие наблюдения и оповещение войск о начале химического нападения, вторая — защитные, а именно: разработка средств защиты и обеспечение ими войск, обучение войск мерам защиты, а также способам ликвидации последствий применения химического оружия.

Необходимость раннего предупреждения о газовой атаке стала ясна с самого начала. По свидетельству производивших расследование о германской газобаллонной атаке 24 июня (7 июля) 1915 г. в районе Воля-Шидловска против 6-й Сибирской и 55-й пехотной дивизий: «Атака была настолько энергична и таким густым облаком газа, что никаких общих, хотя и подготовленных мер осуществить не удалось; даже само надевание повязок оказалось слишком долгим по сравнению с быстротой отравления газами» (в 21-м Сибирском стрелковом полку осталась боеспособной только одна полурота).

А. А. Незнамов всего через 5 лет после войны писал: «Кто пережил с пехотой лето 1915 г., тот помнит, в каком «паническом» настроении было начальство и войска после первых двух крупных случаев выпуска немцами по теперешнему невинного газа. Полки завалены были известкою, керосином и брошюрами о пользе известкового молока, а как сделать, чтобы разлить это молоко как раз ко времени атаки и чтобы разлитое раньше не превратилось в бесполезные белые пятна, никто ничего сообщить не мог. Находились штукмейстеры, расставлявшие в 100 шагах впереди бутылки с этим молоком, чтобы разбить их пулями, когда появится газовое облако... Узнай немцы наше настроение, они могли нас прорвать, выпуская хотя бы дым от сжигания соломы».

О реакции войск на газовые атаки можно судить хотя бы по воспоминаниям А. М. Василевского о Брусиловском наступлении в 1916 г.: «В районе Нейтральной горы австрийцы произвели газобаллонную атаку, и в 412-м пехотном полку, как рассказывали, пострадало до сорока человек. Началась паника. Суток двое напряженно, до рези в глазах все вглядывались в сто-

Пораженные после газовой атаки

рону позиций противника. Принимали за газы каждое облачко или небольшой сгусток тумана и радовались, когда ветер дул не в нашу сторону».

Прозрачная газовая волна дополнялась дымообразующими веществами с целью увеличения стабильности волны. Но это позволяло также обнаружить подход волны. Кроме зрения и слуха (звуки подготовительных работ, шипение врывающегося из баллона газа), наблюдатели могли использовать и обоняние: присутствие хлора выдавал едкий и удушающий запах, фосгена — легкий запах перегноя или прелых листьев и т. п.

Химическое наблюдение организовывалось командирами подразделений, частей и штабами. В передовых траншеях выставлялись специальные посты («газовые дежурные») для круглосуточного наблюдения. Их задачей было выявить подготовку противника к применению химического оружия (газопуску) или начало

газопуска. Оповещение войск («газовые тревоги») осуществлялось на направлениях распространения газового облака. Изменение средств «газового нападения» — особенно начало применения боевых отравляющих веществ с помощью артиллерийских снарядов — потребовало совершенствования наблюдения и оповещения. Внезапные огневые налеты требовали организовать наблюдения не только перед передним краем, но и в районах расположения каждого подразделения на глубину обстрела. Средства оповещения должны были обеспечить максимально возможную оперативность, чтобы войска успели использовать средства защиты.

Противохимическая защита войск включала обеспечение их противогазами и накидками (индивидуальная защита) и оборудованием на позициях специальных укрытий и убежищ (коллективная защита). О разработке средств защиты и обеспечении ими войск сказано отдельно. С их поступлением выявилась необходимость практического обучения войск их применению. Наиболее эффективным способом подготовки являлось ознакомление с реальными ОВ путем демонстрации движения газового облака и преодоления его в средствах защиты — такой прием получил название «газового окуривания». С 1917 г. обучением войск противохимической защите занимались учебные противогазовые отряды.

Проникание ОВ в оборонительные сооружения и застой в них требовали организации и проведения мероприятий по дегазации. Основными способами в годы Первой мировой войны стали огневой (тепловой) и механический. Сущность огневого способа заключалась в вытеснении газообразных ОВ из окопов нагретым воздухом от костров. Костры разжигали и в ходе химического нападения — на пути движения газового облака. Этот простой способ пользовался у войск большим доверием и иногда действительно позволял «поднять» облако ОВ и уменьшить его концентрацию в воздухе у земли. Механический способ заключался в проветривании окопов и убежищ подручными средствами,

а также в снятии верхнего слоя земли и засыпке зараженных участков свежей землей. Дегазация с помощью химических растворов и веществ распространения не получила — промышленность не готова была обеспечить войска соответствующими веществами и средствами их применения.

17 июня 1916 г. германцы произвели газобаллонное нападение у Крево к западу от Молодечно против боевого участка 48-й пехотной дивизии. Газобаллонная атака была произведена при весьма благоприятных для нападающего топографических и метеорологических условиях, при удалении германских окопов от русских всего на 0,5 км, при ветре 2—4 м/с. Благодаря бдительности комсостава и своевременно принятым мерам защиты атака германцев не удалась. Выдвинутые к проволочным заграждениям секреты разведчиков из состава полковых газовых команд были соединены телефоном через передовые роты со штабами батальонов и полков и снабжены пустыми стаканами шрапнели для подачи звуковых сигналов. Газовые волны, выпущенные германцами в 02.00 ночи, были замечены разведчиком 189-го пехотного полка рядовым Кононовым, подползшим вплотную к германским проволочным заграждениям, которому удалось своевременно известить передовую роту о грозящей опасности. Вовремя были применены маски и противогазы, зажжены костры.

19 июня 1916 г. у местечка Сморгонь, к северу от местечка Молодечно, германцы произвели газобаллонное нападение на укрепленную позицию русского 26-го армейского корпуса (64, 65 и 84-я пехотные дивизии). Расстояние между германскими и русскими окопами не превышало 1000 м, местами окопы сближались до 200 м, местность была пологой в сторону русских позиций, так что условия благоприятствовали газобаллонной атаке. Подготовка атаки была выявлена русским командованием, войска предупреждены, снабжены масками (противогазами), в окопах и перед ними заготовлены материалы для костров, поставлены кадки с водой, выданы распылители и установлена

звуковая и световая сигнализация. Были произведены учебные газовые тревоги. В 03.15 германцы неожиданно открыли ураганный огонь по русским окопам, ходам сообщения и тылу, а вслед за ним через несколько минут из германских окопов показались облака газа. Как только облако было замечено, по условному сигналу на рожках были надеты маски, зажечь же костры не удалось из-за дождя. Вслед за газовым облаком показались редкие германские цепи, которым удалось дойти до русских проволочных заграждений, но были отброшены назад ружейно-пулеметным огнем. То есть к этому времени пехота была приучена не только защищаться с помощью масок и противогазов, но вести в них бой. Но после отражения этой первой атаки защитники окопов поторопились снять маски, германцы же с тех же пунктов вновь выпустили облака газов, но более интенсивные. За газовым облаком и на флангах были устроены дымовые завесы, за которыми двинулись в атаку четыре линии цепей в направлении главным образом в стык 253 и 254-го полков. Однако и эта атака сосредоточенным огнем русской артиллерии и ружейно-пулеметным была отбита, и на этом газовые атаки германцев прекратились. Большие потери, понесенные тут русскими войсками, определялись не столько эффективностью действий противника, сколько недостатком того, что позже назовут «газовой дисциплиной».

Во второй половине 1916 г. в соединениях и частях русской армии сначала по инициативе самих войск, а затем в официальном порядке стали создавать нештатные подразделения противохимической защиты. В дивизиях ввели нештатные должности начальников химической («противогазовой») обороны и нештатные химические команды для наблюдения и оповещения войск. В марте 1917 г. приказом Ставки вводились штатные заведующие противогазовой обороной и противогазовые команды. В сентябре 1917 г. все противогазовые (химические) команды были переименованы в химические роты.

Потери русской армии от газовых атак в 1915—1917 гг. (данные В. Аврамова):

Показатель	Офицеры	Солдаты	Всего
Пострадало от газов	1282	63 876	65 158
В том числе: – умерло при части	72	6268	6340
– осталось при части	684	15 974	16 658
– отправлено в лечебные учреждения	526	41 634	42 160

По другим данным, количество умерших составляет около 11 тыс.

Одной из попыток применения химического оружия с русской стороны стала газобаллонная атака, проведенная 9-й химической командой в начале Брусиловского наступления — 22 мая в 03.15 на фронте 9-й русской армии в районе Чарны Поток на участке 41-го и 42-го пехотных полков. Пуску газов благоприятствовали солнце, затруднявшее австрийцам наблюдение, и легкий утренний туман. Густое газовое облако навело панику в передовых окопах противника (42-я гонведная дивизия). Однако подувший с юга ветер направил часть газов на русские окопы. Хотя солдаты обоих русских полков были в противогазах, 54 солдата оказались отравлены, из них трое впоследствии умерли, большинство же вскоре возвратились в строй. Несмотря на панику, потери у противника были невелики — по свидетельству пленных, отравлено было 14 человек, умерли только двое. В целом атаку можно считать неудачной.

Более масштабная газобаллонная атака была произведена под Сморгонью, 6 сентября 1916 г. перед фронтом 2-й пехотной дивизии против участка германской позиции от р. Вилии у деревни Перевозы до деревни Боровая Мельница, протяжением 2 км. Несмотря на вновь имевшее место поражение части собственного личного состава, атаку в целом признали удачной, но попыток использовать ее результат переходом в наступление не делалось.

*Русский солдат с трофейным германским ранцевым
огнеметом типа «Кляйф»*

Попытки использования русской пехотой результатов газобаллонной атаки можно увидеть на примере русской атаки в районе Ст. Барановичи 25 октября 1916 г. Дождавшись устойчивого ветра нужного направления, «газопускатели» заняли позиции и подготовили газобаллонные батареи. Стрелки были отведены во вторую траншею, караулы сняты. Остались на позиции только пулеметчики и наблюдатели. Первый пуск произведен в 22.40. Противник, пытавшийся выбраться из своих передовых окопов при подходе газовой волны, «вгонялся огнем пулеметов в отравленные свои окопы и ходы сообщений». Ответный огонь противника по русским окопам скоро ослабел, тем более что русская артиллерия открыла огонь химическими снарядами. Затем были пущены вторая и третьи волны газов «для прикрытия и сгущения первой волны». К 01.15 ночи химики сообщили начальнику боевого участка, что передовые окопы очищены от остатков газа и пехота может перейти в них. Высланные вперед grenадеры-разведчики и резчики проволоки медленно, но верно продвигались к проволочным заграждениям. Однако заграждение насчитывало 20 рядов, работать в темноте на местности, зараженной газом, было трудно, и прорвать все ряды не удалось. Утром, заметив grenадер, противник открыл сильный ружейно-пулеметный огонь с флангов, и солдаты вынуждены были отойти под прикрытием огня своей артиллерии. Тем не менее значительные потери германцев позволили считать эту атаку удачной. Отсутствие продвижения пехоты в глубину обороны противника можно объяснить тем, что пехотная атака, по сути, не готовилась, артиллерия не делала проходов в заграждениях.

О другом примере вспоминал бывший офицер-метеоролог 4-й химической роты Н. О. Якоби. Речь шла о газобаллонной атаке под Ригой у мызы Олай 26 января 1917 г.: «В 17 часов 55 минут, когда были сняты находившиеся впереди газового участка заставы и секреты и пехота была переведена во вторую линию окопов, была подана командиром роты из моей землянки во все взвод-

ные участки команда — «газ»... Густое облако газа вначале поднялось до 3 — 4 метров высоты и как бы застыло на месте; затем оно стало медленно ползти по направлению к противнику, сохраняя, однако, определенные очертания... Выпуск продолжался 65 минут... На участке противника, пораженного газом, царила полная тишина, и даже перестали выпускаться ракеты... Было очевидно, что фронт противника, шириною около 1 версты, был прорван и оставалось лишь закончить столь успешно начатое дело...

Действие газа, кроме меня и командира роты, наблюдали собравшиеся около моей землянки начальники пехотных частей, одетые в белые халаты, которым командующим армией было поручено проявить свою инициативу в случае удачного выпуска газа. Мною было замечено, что газовая атака на них произвела чрезвычайное впечатление; затем они устроили совещание, на котором обсуждали вопрос, через сколько времени после выпуска газа можно идти в атаку без риска самим отравиться газом. Командиром роты и мною указывалось, что пехотная атака должна следовать сейчас же после выпуска газа; риска отравиться газом при этом нет, так как все люди снабжены масками. Совещание продолжалось очень долго, лишь под утро решено было послать пять разведчиков во главе с офицером, которые вернулись очень скоро с донесением, что были обстреляны противником. Сообщение это было встречено командирами частей без всякого признака неудовольствия». Фактический отказ пехоты использовать результат газовой атаки был, видимо, вызван не только «разложением командного состава», как считал Якоби, но и реальным недоверием к новому оружию.

Ранее уже упоминались химические ручные гранаты, нашедшие применение в русской армии. Они предназначались либо для «выкуривания» противника из убежищ в ходе атаки, либо быстрого создания химического загрязнения при отступлении.

«Химическая» война включала и применение огнеметного оружия как в атаке, так и в обороне. При

сближении окопов противника в несколько десятков метров даже громоздкие и несовершенные огнеметы наносили тяжелые потери. Пример тому — первая германская огнеметная атака 9 ноября (нов. ст.) 1916 г. в районе к северу от Барановичей. Позиция русских состояла здесь из трех линий окопов, причем удаление первой линии от германских окопов колебалось от 200 до 15 м, так что проволочное заграждение местами было общим, а в некоторых местах (участок 217-го пехотного полка) проволочное заграждение совершенно отсутствовало. Русские войска знали о наличии у германцев огнеметов. В некоторых ротах в передовых окопах командиры объяснили своим ротам устройство огнеметов и сущность их действия, поскольку были знакомы с ними, другие же ограничились простым предупреждением, которое, по утверждению А. Н. Де-Лазари, «не только не принесло пользы, но, наоборот, неизвестность нового оружия создала нервное настроение». С 12.00 до 14.00 германцы три раза пытались атаковать русские позиции, но ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем загонялись обратно в свои окопы. В 15.00 произведена четвертая атака с применением ранцевых огнеметов. Первоначальный выход огнеметчиков из германских окопов и их наступление ничем не отличались от обыкновенного начала движения пехоты в атаку, так что различить издали, идут ли это огнеметчики или гренадеры, в русских окопах не могли. Против сближенных участков огнеметчики сразу проявили себя, действуя непосредственно из своих окопов. Например, на участке 6-й роты 217-го полка расстояние между окопами было около 20 м, на участке 6-й роты 218-го полка — около 15 м. Это было в пределах дальности огнеметания, и на последнем участке пламя огнеметов достигло окопа, зажгло его обшивку и нанесло потери. На прочих участках огнеметчики по выходе из своих окопов устраивали перед собой дымовую завесу. С этой целью они направляли горящую струю из аппарата на землю, вследствие чего получался густой черный дым, почти совершенно скрывавший их

от взоров защитников; прикрываясь этой завесой, огнеметчики продвигались несколько шагов и потом снова повторяли то же самое, пока не доходили до русских окопов. Достигнув последних, огнеметчики направлялись вдоль них, поливая окопы и оставшихся защитников. Попадая на людей, а также на окопы, землю, струя продолжала гореть. Как пишет Де-Лазари, «высота на правом фланге 217-го полка («Фердинандов нос») была вся в огне». Тем не менее Е. З. Барсуков считал, что «огнеметы не оказали решающего значения для успеха германской атаки», значительно большую роль сыграл огонь артиллерии и минометов. Но вид обожженных или просто панически напуганных защитников передовых окопов, уходивших в тыл, заметно ухудшал моральное состояние остальных бойцов.

С другой стороны, в ходе войны и русская армия получила опыт применения своих огнеметов и зажигательных гранат.

Пехота и бронесилы

Первая мировая война породила и такое новшество, как «бронесилы» — постоянные части бронированных автомобилей, танков (на Западном фронте), бронепоездов. Их главной задачей было содействие пехоте. На Русском фронте — более подвижном и менее насыщенном техническими средствами — не было танков, но довольно активно действовали бронеавтомобильные части. Конечно, этот опыт никак не сопоставим с действиями на поле боя нескольких сотен танков в тесном взаимодействии с пехотными частями, тем не менее обходить его вниманием не стоит.

Приказанием Верховного Главнокомандующего № 7 от 11 февраля 1915 г. была введена в действие «Инструкция

Бронеавтомобиль «Руссо-Балт» с тремя пулеметами, 1914 г.

для боевого применения бронеавтомобилей». В отношении их взаимодействия с пехотой можно привести следующие отрывки: «...Пулеметная автомобильная часть получает задачи и подчиняется во всех отношениях непосредственно начальнику штаба того корпуса (армии или дивизии), к которому придана... На бронеавтомобилях возлагаются задачи по:

а) огневому содействию войскам, в особенности пехоте и коннице, в различных случаях;

б) выполнению самостоятельных поручений...

При наступательных действиях и встречных столкновениях войск бронеавтомобили назначаются для:

а) содействия производству разведки...

б) занятия перекрестков дорог, переправ, перевалов, теснин и иных важных пунктов, с целью обеспечения их от захвата противником до подхода своих войск...

г) самого интенсивного огневого содействия наружным флангам наших войск;

д) обстреливания противника, занимающего укрепленную позицию, для облегчения приближения к ней наших атакующих частей.

13. При оборонительных действиях войск броневых автомобилей назначаются для:

а) обстреливания действительным огнем выдвинувшихся или отделившихся частей противника, с целью облегчить переход в наступление наших войск;

б) замены нашего артиллерийского огня, прекращаемого непосредственно перед атакой... для поражения атакующего противника преимущественно фланговым (косым) огнем;

в) преследования наступающего противника — при удаче и прикрытия отступления своих частей — при неудаче... Броневые автомобили содействуют наступлению и обороне пехоты и кавалерии своим преимущественно фланговым ружейным или артиллерийским огнем... Наиболее желательное расположение броневых автомобилей при всякого рода боевых столкновениях — на флангах маневрирующих групп...». Инструкция признавала, что значительный вес и слабая проходимость броневых автомобилей делает его зависимым «от рода и качества дорог, допускает успешные действия названных автомобилей только по шоссированным путям, при хорошем их состоянии». Соответственно и взаимодействие пехоты с броневыми силами могло организовываться только на отдельных участках, где такие дороги имелись, почему соответствующие боевые примеры ограничиваются отдельными случаями.

4 июня 1916 г. в ходе наступления Юго-Западного фронта в полосе 33-го армейского корпуса у г. Латаг броневая машина «Цесаревич», выехав вперед пехотных цепей и открыв пулеметный огонь во фланг австрийцам, обеспечил 6-му Заамурскому полку захват вражеских окопов.

22 мая 1916 г. в полосе 11-го корпуса (та же операция Юго-Западного фронта) части 3-й Заамурской пехотной дивизии при содействии двух броневых автомобилей и при поддержке огня тяжелой полевой артиллерии ворвались в населенный пункт Окна. Но поддержка броневых автомобилей ограничена их привязкой к дороге, и когда со стороны противника части 5-й и 51-й гонведных дивизий

Автоброневой взвод поручика Колосова. Заметим наличие во взводе кроме бронеавтомобилей «Остин» легкового автомобиля и мотоцикла, а также вооружение чинов взвода пистолетами «Маузер» С/96 в жесткой кобуре на узком плечевом ремне

перешли в контратаку, бронеавтомобили смогли лишь прикрыть отход заамурцев в исходное положение.

Еще один пример содержится в следующем представлении о награждении орденом Св. Георгия 4-й степени: «В бою 20 июня 1916 года у дер. Трилисцы поручик Марианадзе, командуя бронированным автомобилем «Гром», под действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, пользующегося бронбойными пулями, после того как противник повел решительное наступление на левый боевой участок 24-й пех. дивизии и имел успех, благодаря чему положение становилось угрожающим, смело и решительно атаковал противника, прорвался в глубокий тыл, но, расстреливая фланг и тыл его, приостановил наступление и принудил к беспорядоч-

ному бегству, чем оказал решительный успех продвижению и овладению утерянных позиций нашими войсками, о чем свидетельствует донесение начальнику штаба 24-й пех. дивизии начальником левого боевого участка 24-й пех. дивизии полковником Глясе от 21 июня за № 48... Вр. командующий 20-м пулеметным автомобильным взводом поручик Краснопольский».

Наградной лист на старшего комендора 1-го Балтийского флотского экипажа П. Коробкина, служившего в 1-й автопулеметной роте на бронированном автомобиле с 37-мм автоматической пушкой, гласил, что 21 ноября 1914 г. он в бою под деревней Пабианице, «состоя наводчиком 37-мм пулемета, умело и спокойно управляя своим

Фото 1915 г.: «77-мм германское орудие Круппа на блиндированном автомобиле, взятое подпоручиком Световицовым»

орудием, нанес с близкого расстояния большие потери неприятелю, чем содействовал успеху пехоты», за что и удостоен Георгиевского креста 4-й степени. Георгия 1-й степени он получил за то, что в «бою 10 июля 1915 года на Пултусской переправе, у д. Хмелево, выдвинувшись под ураганным огнем легкой и тяжелой артиллерии немцев,

вперед наших проволочных заграждений со своим 37-мм пулеметом против наступавших цепей противника, отбил в упор несколько яростных атак противника на участок, дав этим возможность нашим войскам этого участка отойти назад и устроиться на новой позиции».

В приказе командующего войсками 11-й армии генерала В. В. Сахарова от 23 августа 1916 г. специально объявлялась благодарность «броневым, пулеметным и авиационным частям за помощь, оказанную пехоте»: «В бою 18 августа 1916 года на всем левом фланге вверенной мне армии большую помощь пехоте принесли своими действиями наши броневые пулеметные отделения, аэропланы и привязные аэростаты.

Первые — восемь раз выезжали вплотную к врагу для поддержки 52-го пехотного Виленского полка, стреляя в упор и наводя ужас на врага; такую же помощь оказывали броневые автомобили 133-му и 134-му полкам; при этом в бою 19 августа 2 броневых автомобиля 43-го броневого отделения, подбитые тяжелой артиллерией противника, кровью своего экипажа запечатлели свою доблесть и беззаветную преданность государю и родине...

От лица службы благодарю названных представителей вспомогательных войск, уверен, что в дальнейших боях дружное единение всех родов оружия будет увенчано полной победой».

Можно вспомнить и о том, что в годы Первой мировой войны закладывались основы — только основы — противотанковой обороны. Танки, как известно, на Русском фронте не применялись, но вопросы борьбы с изредка применяемыми противником бронеавтомобилями оказались достаточно актуальны.

Уже в первые два года войны были выработаны основные приемы борьбы с бронеавтомобилями противника. Меры эти делились на пассивные и активные. К первым относились заграждение путей движения или только подготовка к заграждению или разрушению пути (если они нужны были еще для своих войск) с прикрытием заграждений огнем. К активным мерам

борьбы с бронеавтомобилями кроме огня полевой артиллерии относили и «неожиданные, с самого близкого расстояния нападения пехотных засад с целью захвата их или опрокидывания». Для «опрокидывания» бронеавтомобилей пехотные части предлагалось снабжать слегами (толстыми жердями, не столь уж курьезное предложение для начальной стадии разработки проблемы), для разрушения — подрывными зарядами. Пехота могла применять также бронебойные винтовочные пули и ручные гранаты.

Данные разведки о германских работах над танками все же заставили русское командование принять меры к защите войск и против них. Как показали события, готовность и возможности Германии были заметно переоценены. Главную роль в борьбе с «тэнками» — будучи они появятся на фронте — справедливо отводилась артиллерии и фугасам. Но не забывали и о пехоте, на которую и были бы направлены атаки вражеских боевых машин. В приказе командующего войсками Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова № 0234 от 8 января 1917 г. указывалось: «Есть сведения на то, что германцы уже построили два типа «тэнк»... Приказываю предупредить всех без исключения нижних чинов о возможности появления неприятельских «тэнков» и объяснить доступным им языком их устройство, дабы выход этих чудовищ современной техники не мог бы быть для войск неожиданным... Главное средство борьбы — это артиллерийский огонь... Приобретает особое значение организация связи войсковой разведки и передовых окопов с наблюдательными артиллерийскими пунктами... Пехота выдержанная, стойкая, удерживающая окопы в своих руках и пропустившая «тэнки», неминуемо «приобретает их как славный и заслуженный трофей своего мужества».

В марте 1917 г., по инициативе штаба 7-й армии Юго-Западного фронта, отдельной брошюрой были выпущены «Указания по борьбе с танками». Против танков предлагалось использовать «кинжальные взводы», выделенные от батарей 76-мм полевых пушек, траншейные 57-, 47-

и 40-мм («Виккерс») скорострельные пушки (имевшие в боекомплекте бронебойные снаряды), 37-мм траншейные пушки обр.1915г. и МакКлена. Их дополняли фугасы, ручные гранаты, легкие мины, противотанковые рвы. То есть средства, имевшиеся в распоряжении пехоты, уже включались в общую систему противотанковой обороны.

Тогда же, в марте, начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютант В. М. Алексеев утвердил проект «Наставления для борьбы с неприятельскими сухопутными броненосцами». К уже перечисленным средствам здесь были добавлены огнеметы и применение стрелками и пулеметчиками бронебойных пуль. Рекомендовалось заблаговременно перегруппировывать на танкоопасные направления подвижные части — конницу с артиллерией, бронечасты, самокатчиков — то есть создавать мобильный противотанковый резерв с немногочисленной «мобильной» пехотой.

Любопытно предложение поручика Е. Лалетина, поданное еще 17 сентября 1915г. в Отдел Изобретений ЦВПК. Лалетин считал полезным использовать против бронеавтомобилей «наши крепостные ружья (20,32-мм ружья Гана обр.1877г. — С. Ф.)... сила их была рассчитана так, чтобы пробивать туры с земель» (имеется в виду пуля с твердым сердечником). Нетрудно увидеть здесь идею противотанкового ружья, высказанную много раньше, чем в Германии начали создавать первое в истории ПТР. Однако Отдел изобретений ЦВПК вынужден был констатировать, что «старых крепостных ружей уже в цейхгаузах не имеется». Уже упомянутая ранее фугасная шомпольная ружейная граната штабс-капитана В. А. Мгеброва (считавшегося ведущим специалистом по бронеавтомобилям) еще в конце 1914г. предлагалась изобретателем в том числе для стрельбы по бронеавтомобилям противника — едва ли не первое в истории предложение «противотанкового оружия пехоты». Но реальных случаев подобного ее применения неизвестно.

Таким образом, специалисты Русской армии, опираясь преимущественно на чужой опыт и некоторые общие

положения, выработали верную и действенную «противотанковую тактику», соответствующую как условиям войны, так и наличным возможностям армии. Причем сделали это за год до того, как крайне немногочисленные германские танки привели в замешательство английские и французские части на Западном фронте.

Некоторые итоги

Несмотря на значительное снижение в ходе войны удельного веса собственно пехоты в частях и соединениях армии, она оставалась самым массовым и главным родом войск, боевые качества и боевые действия которого определяют результат боя и операции.

Война подчеркнула, с одной стороны, необходимость тесного постоянного взаимодействия пехоты с другими родами войск, с другой — значение ее самостоятельности, способности в ряде случаев собственными силами и средствами решать стоящие перед ней задачи.

Кардинально изменилась система вооружения пехоты. В начале войны пехотный батальон практически везде представлял собой однородный организм из четырех пехотных рот, вооруженных магазинными винтовками. Немногочисленные пулеметы имелись только на уровне полка или бригады, батальонам могли придаваться как средства усиления на время боя. В ходе войны пехотный батальон получил на вооружение свои пулеметы — в основном ручные, хотя в России этот процесс начался только на конечном этапе войны, с началом массовых поставок ручных пулеметов из-за рубежа. В состав пехотного полка кроме пулеметной части вошли своя «траншейная» (минометы, бомбометы, «траншейные» пушки), химические подразделения. Пехотные подразделения получили ручные и ружейные гранаты. В снаряжение пехотинца введены стальной шлем и противогаз.

Красной Армии от старой русской осталось не только разнообразное оружие, но и большой опыт его применения и обучения войск. Об этом можно судить по руководствам и наставлениям, подготовленным русскими специалистами (Музей истории Учебного центра «Выстрел»)

Пехотные дивизии получили сокращенный состав, но при этом их огневая мощь возросла. Значительно усилились средства связи внутри пехотных соединений и связи пехоты с артиллерией.

Что касается изменений в вооружении, то пехоте Рабоче-Крестьянской Красной Армии от русской армии досталась весьма обширная номенклатура:

— револьверы «Наган» обр.1895 г., пистолеты «Браунинг», «Кольт», «Маузер»;

— трехлинейные винтовки обр.1891 г. и карабины обр.1907 г., а также полученные от союзников винтовки Арисака, Лебея, Гра, Гра-Кропачека, Веттерли-Витали, американские Винчестеры, трофейные винтовки Манлихера и Маузера, гражданская война добавила к этому винтовки Ли-Энфилд, Росса;

— станковые пулеметы «Максим» обр.1905 и 1910 гг., полученные от союзников и взятые в ходе гражданской войны «Виккерс», «Кольт», «Сент-Этьен», ружья-пуле-

меты «Мадсен», «Льюиса», «Шоша», трофейные пулеметы MG.08 и «Шварцлозе»;

— ручные гранаты обр.1912 и 1914 гг., гранаты Новицкого — Федорова, «германского образца», иностранные F.1, Лемона, Мильса, японская, трофейные германские и австрийские;

— минометы Лихонина, «Ф. Р.», бомбометы обр. 1915 г., «Г. Р.», Василевского, траншейные пушки Розенберга, МакКлена.

Советской Республике с самого начала досталась и большая часть еще действующей военной промышленности с поставленными на серийное производство или еще только готовящимися образцами вооружения и боеприпасов, и технические специалисты.

И что не менее важно — остался опыт войны. Не только в уставах и наставлениях, широко использовавшихся в первых уставных документах Красной Армии (включая «Полевой устав Красной Армии»), но и в лице носителей этого опыта. От непосредственно «окопников» — солдат, унтер-офицеров, армейских прапорщиков, поручиков, капитанов — до вчерашних командиров боевых соединений, офицеров Генштаба, специалистов управлений военного министерства и преподавателей академий, анализировавших и обобщавших этот боевой опыт.

Подготовка и обучение рядового и командного состава Красной Армии вели вчерашние генералы, офицеры и унтер-офицеры русской армии. «Всероссийская коллегия, — вспоминал А. М. Василевский о системе всеобщего (всеобщего военного обучения), — обратилась к специалистам военного дела, ко всем офицерам старой армии с призывом идти в РККА на командные должности... Уже к июню 1918 года в РСФСР было 1300 инструкторов всеобщего. Бывшие офицеры являлись преимущественно сотенными инструкторами; бывшие унтер-офицеры — взводными и отделенными инструкторами».

Характерный пример. Приказом Реввоенсовета Республики № 245 от 21 ноября 1918 г. в Москве на основе

кадров бывшей Офицерской стрелковой школы была учреждена Высшая стрелковая школа «Выстрел», назначением которой была «подготовка командного состава пехоты к самостоятельному выполнению обязанностей батальонных и ротных командиров, начальников пулеметных, бомбометных, минометных и других специальных команд», со сроком обучения 4—6 месяцев. По учебному плану Школы 1919 года можно судить, что считалось необходимым знать пехотному командиру по опыту мировой войны: тактика (наступательный бой, действия авангарда и арьергарда, разведка, походное движение, охранение); организация армии; топография; стрелково-пулеметное дело (винтовки и пулеметы всех имеющихся систем, баллистика, определение расстояний, сбережение, чистка и хранение оружия); траншейное дело (минометы и бомбометы, применение ручных гранат); артиллерия; саперное дело; газовая война и газооборона; связь. Первым начальником школы стал выдающийся русский специалист в области теории и практики стрельбы бывший генерал-лейтенант Н. М. Филатов. К преподаванию широко привлекали старые кадры. В частности, от Офицерской стрелковой школы начальником тактического курса стал А. М. Оржешковский, стрелкового — И. А. Панчишко, пулеметного — Г. А. Давыдов, траншейной артиллерии — В. Г. Дегтярев, полкового — М. В. Энвальд, опытного ружейного полигона — В. А. Ковровцев, школы оружейных мастеров — В. П. Середин. Из числа генералов и офицеров старой армии были также преподаватели Н. С. Триковский, В. К. Головкин, Б. Н. Ушинский, Н. Л. Федосеев. В качестве частных преподавателей привлекались бывшие профессора Академии Генерального штаба Сухов, Елизаров, Тарановский и др. (уже в 1922—1929 гг. курс тактики преподавал вернувшийся из эмиграции Я. А. Слащев, с 1936 г. на «Выстреле» преподавали бывший генерал-майор А. И. Верховский, бывший генерал-лейтенант колчаковской армии А. Г. Лигнау).

Непосредственно реализацией опыта мировой войны и его приложением к новым условиям гражданской

войны также занимались генералы и офицеры старой армии. В гражданскую войну, по данным Мобилизационного управления Всерогавштаба, с 29 июня 1918 г., когда декретом Совнаркома был объявлен первый призыв бывших генералов и офицеров, по 15 ноября по шести военным округам было принято в Красную Армию 20 488 человек, к концу 1918 г. — 22 295 чел. Всего считается, что с 12 июня 1918 г. по 15 августа 1920 г. в ряды РККА призвано 48 409 генералов и офицеров старой русской армии (военных специалистов, как их тогда называли). По данным, приводимым А. Г. Кавтарадзе, из 485 человек, побывавших в 1918 — 1920 гг. на должностях начальников 142 стрелковых и 33 кавалерийских дивизий Красной Армии, по крайней мере, 327 были военными специалистами, из них 209 — бывшими кадровыми офицерами. Из начальников штабов дивизий (всего — 524 человека), «военспецами» были, минимум, 173 человека, из них 87 — кадровых офицеров.

Значительная часть командиров Красной и Советской армий, включая и будущий высший комсостав, вышли из старой русской армии периода Первой мировой войны. Полковник Я. В. Пантелеев вспоминал такой характерный эпизод из истории работы курсов «Выстрел», где обучались тогда командиры, прошедшие гражданскую войну: «В конце августа 1921 года слушатели были выстроены на дороге у дачи Тиц. На правом фланге — курс командиров батальонов, рядом с ними наш курс <командиров рот>, а левее курсы пулеметчиков и оружейных мастеров. Строй поражал своим хорошим равнением, но это и неудивительно, так как в нем стояли бывшие солдаты, унтер-офицеры и младшие офицеры старой царской армии».

Многое из боевого опыта русской пехоты Первой мировой войны вошло в практику Красной Армии, к чему-то советской пехоте еще предстояло вернуться в годы Великой Отечественной войны — тут и траншейная система обороны, и залповая стрельба, и приемы «очистки» укреплений противника.

Первая мировая война резко выявила значение боевой подготовки пехоты, решающей боевые задачи в неизмеримо более трудной, нежели в прежних войнах, обстановке современного боя, когда «вся военная техника обрушится в первую очередь на голову пехотинца, которому очень и очень надо быть грамотным в этой самой технике». Обучить солдата и унтер-офицера за сокращенные сроки в военное время «с нуля», даже если он грамотен, невозможно. Насущной необходимостью обороны страны стало поднятие народного образования, введение всеобщей вневойсковой военной подготовки, «военизация» высших учебных заведений (для накопления командного состава запаса), физическое развитие населения и т. д. — но все это будет реализовано уже при Советской власти.

Приложения

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИНТОВОК

Модель	3-лин.ейная пехотная обр. 1891г.	3-лин.ейная драгунская обр. 1891г.	3-лин.ейная «Винчестер» обр. 1895г.	Тип 30 (1897 г.)	Тип 38 (1905 г.)	«Лебель- Бертье» Mle 1886/07
Страна	Россия	Россия	США	Япония	Япония	Франция
Патрон	7,62x54R	7,62x54R	7,62x54R	6,5x50SR	6,5x50SR	8,0x50 R
Масса оружия без патронов и штыка, кг	4,2	3,9	4,2	3,9	3,9	3,8
Масса оружия со штыком, кг	4,55	4,3	4,8	4,3	4,3	4,55
Длина оружия со штыком, мм	1734	1664	1375	1665	1670	1750
Длина оружия без штыка, мм	1304	1141	1175	1270	1270	1300
Длина ствола, мм	800	730	710	790	790	804
Число нарезов	4	4	4	6	6	4
Направление нарезов	прав.	прав.	прав.	прав.	прав.	лев.
Длина хода нарезов, мм	240	240	240	200	200	240
Начальная скорость пули, м/с	880	860	823	704	770	715
Прицельная дальность, м	2275 (3200 шагов)	2275 (3200 шагов)	2275 (3200 шагов)	2000	2400	2400
Емкость магазина, патронов	5	5	5	5	5	3

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИНТОВОК (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Модель	«Манлихер» M1895	G.98 «Маузер»	«Гра» Mle 1874	«Гра-Кропачек» Mle 1874/85	«Веттерли- Витали» мод. 1870/1887	«Бердан» №2 обр. 1870 г.
Страна	Австро- Венгрия	Германия	Франция	Франция	Италия	Россия
Патрон	8,0x50R	7,92x57	11	11	10,4	10,67
Масса оружия без патронов и штыка, кг	3,65	4,1	4,2	4,25	4,2	4,43
Масса оружия со штыком, кг	3,94	4,56	4,76	4,96	4,92	4,89
Длина оружия со штыком, мм	1525	1460	1778	1778	1889	1854
Длина оружия без штыка, мм	1270	1255	1244	1244	1367	1320
Длина ствола, мм	765	740	800	800		830
Число нарезов	4	4	4	4	4	6
Направление нарезов	прав.	прав.				прав.
Длина хода нарезов, мм	250	240				-
Начальная скорость пули, м/с	620	875	448	448	440	450
Прицельная дальность, м	2400	2000	2000	2000	1600	1065 (1500 шагов)
Емкость магазина, патронов	5	5	-	8	4	-

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУЛЕМЕТОВ И ДРУГИХ ТИПОВ АВТОМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ 1914-1918 ГГ.

Наименование модели, страна, год	Тип патрона	Масса «тепа» пулемета, кг	Длина пулемета, мм	Начальная скорость пули, м/с	Прицельная дальность, м	Темп стрельбы, выстр./мин.	Боевая скорострель- ность автоматическим огнем, выстр./мин.	Система питания	Емкость магазина (ленты), патронов
СТАНКОВЫЕ									
«Максим» обр.1905 г., Россия	обр.1891г. (7,62x54R)	28,25'	1086	617	1422 (2000 шагов)	500— 600	250—300	холщовая лента	250
«Максим» обр.1910 г., Россия	обр.1908г. (7,62x54R)	18,43'	1067	865	2270 (3200 шагов)	600	250—300	холщовая лента	250
M1895/1914 «Кольт», США (русский заказ), 1914 г.	обр.1908г. (7,62x54R)	16,1	1050	850	2300	500	200	холщовая лента	250
«Виккерс» модели 1909 г., Великобритания	303 «бритиш» (7,71x56)	18,1'	1156	745	3380 (3700 ярдов)	600	200	холщовая лента	250
MG.08, Германия, 1908 г.	7,92x57	18,35'	1200	892	2000	500— 550	250—300	холщовая лента	250
«Дрейзе» модели 08/15, Германия, 1915 г.	7,92x57	14,5'	1204	785	2000	500— 600	250	холщовая лента	250

MG.15 «Бергман», Германия, 1915 г.	7,92x57	18,0	1121	892	2000	480–600	300	холщовая лента	250
«Шварцлозе» M07/12, Австро-Венгрия, 1912 г.	8x51R	19,9	1066	625	2000	400	250	холщовая лента	250
Mle1907 «Сент-Этьен», Франция, 1907 г.	8x50R	25,73	1187	700	2400	400–600	Согласно установке регулятора	жесткая лента	24
Mle1914 «Гочкис», Франция, 1914 г.	8x50R	23,58	1940	725	2400	500	250	жесткая лента полужесткая лента	24 251
РУЧНЫЕ (РУЖЬЯ-ПУЛЕМЕТЫ)									
«Мадсен», Дания (русский заказ), 1902 г.	обр.1908г. (7,62x54R)	8,92	1120		1705 (2400 шагов)	400	180–200	коробчатый магазин	25
«Льюис» Mk.I, Великобритания, 1915 г.	.303 «бритиш» (7,71x56)	10,63	1280	747	1820 (2000 ярдов)	500–600	150	дисковый магазин	47, 97
«Гочкис» Mk I, Великобритания, 1915 г.	.303 «бритиш» (7,71x56)	12,25	1187	739	2000	500	/250	жесткая лента	30
«Гочкис» Mle1909, Франция, 1909 г.	8x50R	11,25	840	700	2000	400	250	жесткая лента	24
«Шоша», Франция, 1915 г.	8x50R	8,59	1170	650	2000	240–250	120	коробчатый магазин	20

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУЛЕМЕТОВ И ДРУГИХ ТИПОВ АВТОМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ 1914-1918 ГГ. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Наименование модели, страна, год	Тип патрона	Масса «тепла» пулемета, кг	Длина пулемета, мм	Начальная скорость пули, м/с	Прицельная дальность, м	Темп стрельбы, выстр./мин.	Боевая скоро- стрельность автоматическим огнем, выстр./мин.	Система питания	Емкость магазина (ленты), патронов
MG.08/15, Германия, 1915 г.	7,92x57	17,8 ¹	1400	895	1200	500	300	холщовая лента	100
MG.08/18, Германия, 1918 г.	7,92x57	14,5	1410	895	1200	500	100-300	холщовая лента	100
MG.15nA «Бергман», Германия, 1915 г.	7,92x57	11,83	1150	892	2000	550	300	холщовая лента	100, 250
«Дрейзе», Германия, 1918 г.	7,92x57	9,7		895	2000	550		коробчатый магазин	25, 50
«Шварцлозе» M07/12/16, Австро- Венгрия, 1916 г.	8x50R	17,2	945	530	2000	400	300	холщовая лента	100
РУЧНОЕ РУЖЬЕ-ПУЛЕМЕТ системы Федорова, Россия 1916 г.	6,5x50 SR	4,4	1045	660	2100 (3000 шагов)	600	75-100	коробчатый магазин	25

Примечания:

¹ без воды и патронов

² с пламегасителем

**ОСНОВНЫЕ ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУЧНЫХ ГРАНАТ,
СОСТОЯВШИХ НА ВООРУЖЕНИИ РУССКОЙ АРМИИ В 1914-1917 ГГ.**

Граната	Масса гранаты, г	Масса заряда, г	Время замедле- ния запала, с
Русская граната обр.1912 г.	1230	615	4
Русская граната обр.1914 г.	720	410 (тротил)	3,5-4
Русская тяжелая граната Новицкого и Федорова	2250	1650	12-14
Граната германского образца	820	145	4
Французская граната модели 1915 г. F.1.	570	50	3,5-4,5
Английская граната Лемона («круглая»)	625	128	4-5
Английская граната Мильса	550	85	4
Японская граната	613	34	Ударный запал

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИНТОВЧНЫХ (РУЖЕЙНЫХ) ГРАНАТ

Граната	Тип	Тип запала	Масса гранаты, г	Масса заряда, г	Диаметр корпуса, мм	Общая длина гранаты, мм	Максимальная дальность стрельбы (при угле возвышения 45°), м
Ружейная граната обр. 1915 г.	шомпольная	ударный	614	128 (аммонал)	56	414 (шомпола – 381)	169 (220 шагов)
Ружейная граната обр. 1915 г.	шомпольная	ударный	575	85,3 (порох)	56	414 (шомпола – 381)	169 (220 шагов)
Ружейная граната II образца	шомпольная	ударный	648	30 (аммонал)	32,5	697 (шомпола – 546)	200 (260 шагов)
Ружейная граната Мгеброва	шомпольная	ударный	477	72,5 (тетрил)	40	461 (шомпола – 315)	307 (400 шагов)
Ружейная граната Зеленского	шомпольная	ударный	925	51 (тротил)	51	870,5 (шомпола – 736)	270 (350 шагов)
16-пинейная чугунная ружейная граната Карнаухова, Павловского и Сегаль	к гладкоствольной дульной mortирке	дистанц.	537	81 (шнейдерит)	40,6	120	347 (450 шагов)

ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
(СОГЛАСНО СПРАВОЧНОЙ БРОШЮРЕ, ПОДГОТОВЛЕННОЙ ГАУ В 1916 Г.):

	Наибольшая дальность, м	Диаметр района освещения, м	Продолжительность освещения, секунд	Наименование приборов
Осветительные патроны 4-го калибра:				
– полковника Рдудовского	177,5	427	7	Пистолеты: системы полковника Рдудовского, по системе Смита и Вессона, французского образца и прибор Бирштейна
– братьев Лильпон	142	384	6	
– инженера Клочкова	213	427	8	
Осветительные патроны 12-го калибра	85–107	85–107	5–6	Охотничьи ружья 12-го калибра
Ручные осветительные ракеты:				
– капитана Лихонина	213	427	6	–
– системы Киевского ВПК	149	533	8	–

Примечание: в таблице шаги и сажени пересчитаны в метры

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРУДИЙ, ПРИМЕНЯВШИХСЯ ДЛЯ СОПРОВОЖДЕНИЯ ПЕХОТЫ

Орудие	Калибр, ствол/ мины, мм	Масса орудия в походном положении, кг	Масса орудия в боевом положении, кг	Масса снаряда (заряда), кг	Дальность стрельбы, м	Скоро- стрельность, выстр./мин.
Орудия легкой полевой артиллерии						
3-дм полевая легкая пушка обр. 1902 г.	76,2	2017	1092	6,5 (0,78)	6400–6500 (без дополни- тельных мер) 8500 (с подрыванием хобота)	10
3-дм горная пушка обр. 1909 г.	76,2	1084–1175	627	6,5 (0,78)	7000	10
Орудия специального назначения						
47-мм пушка «Гочис»	47	1146,5	966	1,7 (0,06)	4500	.
37-мм автоматическая пушка МакКлена	37	336	248,6	0,48 (0,015)	2670	100
Траншейная пушка обр. 1915 г. Розенберга	37	104	180	0,48 (0,02) 1,1 (картеч.)	3200 (граната) 200 (картечь)	8
3-дм пушка обр. 1913 г.	76,2	1230	620	6,5 (0,78)	7100	10

Орудия ближней обороны						
6-дм мортира Металлического завода и Путиловского завода	152	441,4	196,5 372,6	23 (4,3)	853	
89-мм миномет	89	—	737	80—81,4 (32,8)	850—1070	
58-мм миномет Ф.Р.	58/175—200	—	142—221 (в зависимости от лафета)	31,7 (10,4) чугун. 36,2 (16,4) железн.	350	2—4
47-мм миномет Лихонина	47/180	—	82—90	21(9,4) — 25,8 (9)	390—320	4
20-мм миномет Лихонина	20/70	—	16,4	4,5 (1,2) — 3,3 (0,34)	355—500	
9-см бомбомет Г.Р.	91	—	70,4	3,3 (0,72)	430—500	
3,5-дм бомбомет Аазена	89	—	24,6	1,1 (0,4)	280—350	

ХРОНОЛОГИЯ ВООРУЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ ОТ ПРИНЯТИЯ ПАТРОНОВ С БЕЗДЫМНЫМ ПОРОХОМ ДО КОНЦА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Год	Револьверы и пистолеты	Винтовки и карабины	Ручные пулеметы (ружья- пулеметы)	Станковые пулеметы	Гранаты	Орудия, минометы	События военной истории
1891		7,62-мм винтовки обр. 1891 г.: — пехотная, — драгунская, — казачья					
1895	7,62-мм офицер- ский и солдатс- кий револьверы «Наган»			7,62-мм пуле- мет «Максим- Виккерс»			
1898							«Боксерское восстание» 1898–1901 гг. в Китае
1902						76-мм полевая легкая пушка обр. 1902 г.	

1904							Русско-японская война 1904-1905 гг.
1905			7,62-мм ружье-пулемет обр.1902 г. («Мадсен») ²	7,62-мм станковый пулемет «Максим» обр.1905 г.	Ручная граната Лишина		
1907		Пистолеты: - 9-мм «Браунинг» 1903 г. («Браунинг II образца») ¹ , - 9-мм «Парабеллум» ¹	7,62-мм карбин обр.1907 г.				
1910				7,62-мм станковый пулемет «Максим» обр.1910 г. на станке Соколова		76-мм противостурмовая пушка обр.1910 г.	
1912					Ручная граната обр.1912 г.		
1913						76-мм короткая пушка обр.1913 г.	

ХРОНОЛОГИЯ ВООРУЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ ОТ ПРИНЯТИЯ ПАТРОНОВ С БЕЗДЫМНЫМ ПОРОХОМ ДО КОНЦА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Год	Револьверы и пистолеты	Винтовки и карабины	Ручные пулеметы (ружья-пулеметы)	Станковые пулеметы	Гранаты	Орудия, минометы	События военной истории
1914		6,5-мм и 7-мм винтовки и карабины «Арисака» ²			Ручная граната обр. 1914 г. Шомпольные ружейные гранаты; — I образца, — Мгеброва, — Зеленского, Ружейная мортирка Карнаухова, Павловского и Сегаль		Первая мировая война 1914–1918 гг.
1915	7,63-мм пистолет С-96 «Маузер» ²	Винтовки М1895 «Винчестер» ²	7,62-мм станковый пулемет «Максим» обр. 1910 г. на станке Колесникова	Зенитный станок Колесникова	Тяжелая ручная граната Новоцкого-Федорова	89-мм бомбомет Аазена 9-см бомбомет Г.Р. обр. 1915	

1915						<p>38-лин. бомбомет Василевского обр. 1915 г.</p> <p>47-мм миномет капитана Лихонина</p> <p>58-мм миномет Ф.Р.</p> <p>37-мм тран- шейная пушка обр. 1915 г. Розенберга</p>	
1916	<p>11,43-мм пистолет М1911 «Кольт»²</p> <p>7,65-мм пистолет «Испанский браунинг» («типа Виктория») ²</p>	<p>Винтовки²:</p> <p>– 11-мм «Гра» и «Гра-Кроп- чек»²</p> <p>– 8-мм «Лебель»²,</p> <p>– 10,4-мм «Веттерли- Витали»²</p>	<p>Ружья-пулеметы:</p> <p>– 7,62-мм и 7,71-мм «Льюис» 1915 г.,²</p> <p>– 8-мм «Шош» 1915 г. ²</p> <p>6,5-мм «ручное ружье-пулемет» Федорова</p>	<p>Зенитная уста- новка Федорова</p> <p>7,62-мм стан- ковый пулемет М1895/1914 «Кольт»²</p>	<p>Ручные гранаты:</p> <p>– F-12, – Лемона², – Мильса², – японская²</p>	<p>– 20-мм мино- мет капитана Лихонина</p> <p>– 37-мм автома- тическая пушка МакКлена ²</p>	
1917			<p>7,71-мм ружье- пулемет «Гочкис»²</p>	<p>7,62-мм стан- ковый пулемет «Виккерс»²</p>	<p>Ружейный гранатомет (мортирка) Дьяконова</p>	<p>– 58-мм мино- мет Дюмезиля</p>	

¹ Разрешены офицерам для покупки и «ношения в строю».

² Закупались за рубежом.

**НЕСКОЛЬКО СЛОВ СТОИТ СКАЗАТЬ О СИСТЕМЕ ЗВАНИЙ
И ОБРАЩЕНИЙ В РУССКОЙ АРМИИ**

Категория	Звание	Обращение
Генералы и офицеры	Полный генерал	Ваше Высокопревосходительство
	Генерал-лейтенант	Ваше Превосходительство
	Генерал-майор	----//----
	Полковник	Ваше Высокоблагородие
	Подполковник	----//----
	Капитан	----//----
	Штабс-капитан	Ваше Благородие
	Поручик	----//----
	Подпоручик	----//----
	Прапорщик	----//----
Начальники из нижних чинов	Подпрапорщик	Господин ...
	Фельдфебель	----//----
	Старший унтер-офицер	----//----
	Младший унтер-офицер	----//----
	Ефрейтор	
Рядовые	Рядовой	

Первичным было звание рядовой.

«Начальники из нижних чинов» — ефрейтор, младший унтер-офицер

Перечень источников

РГВИА:

ф.369, оп.3, дд. 18, 21, 22, 25, 26, 31, 34, 38, 48, 58, 72, 96, 102, 126, 138, 178, 185, 227, 252

ф.369, оп.18, дд. 60, 62, 108, 109

ф.369, оп.19, д.33

ф.369, оп.21, дд. 14, 77, 104, 110, 113, 166, 246, 247

ф.369, оп.23, дд. 12, 16, 25, 33, 35

ф.369, оп.28, д. 15

ф.391, оп.2, д. 241, 247

ф.409, оп.2, дд. 267, 236

ф.504, оп.7, дд. 269, 291, 368, 425, 433, 437, 444, 445, 451, 465, 469, 475, 512, 513, 532, 540, 598, 602, 604, 610, 618, 640, 624, 649, 693, 709, 727, 762, 800, 801, 804, 874, 885, 1120, 1129, 1134, 1136, 1144, 1146, 1150, 1160, 1171, 1174, 1187, 1188, 1190, 1192, 1195, 1196, 1197

ф.504, оп.10, дд. 16, 185, 306

ф.505, оп.1, д.94

ф.506, оп.2, дд. 61, 314, 322, 325, 343, 345, 389

ф.506, оп.3, дд. 113, 114, 115, 182

ф.802, оп.2, дд. 441, 449, 533, 544, 545, 553, 554, 555, 556

ф.802, оп.4, дд. 1266, 2496, 2892, 2903

ф.803, оп.1, дд. 1195, 1473, 1467, 1744, 1759, 1788, 1825, 1918

ф.917, оп.1, дд. 2, 5

ф.917, оп.3, дд. 2, 3

ф.1045, оп.1, д.18

ф.1345, оп.1, дд. 340, 492

ф.2000, оп.2, дд. 20, 29, 124, 156, 1150, 1545, 1553, 1556, 1583, 1732, 1733, 1740, 1767, 1768, 1791, 1793, 1796, 1798, 1873, 1979, 2023, 2139

ф.2000, оп.7, дд. 98, 100

ф.2011, оп.1, дд. 167, 168, 173, 196, 290, 317, 337

ф.2803, оп.2, д.77

ф.13251, оп.4, дд. 26, 38, 41, 69, 126, 137, 140, 345, 346, 1070, 1279, 1315, 1402.

Книги и спецвыпуски:

1. *Базаревский А.* Наступательная операция 9-й русской армии в июне 1916 г. — М.: Госвоениздат, 1937.
2. *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). тт. II, III. — М.: Воениздат, 1948—1949.
3. *Барсуков Е. З.* Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. — Москва — Ленинград: Госвоениздат, 1926.
4. *Барятинский М., Коломийц М.* Бронеавтомобили Русской армии 1906—1917, — М., Издательский центр «Техника — молодежи», 2000.
5. *Белолипецкий В. Е.* Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах. 1915 год. — М., «Воениздат», 1940.
6. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. — М., «Наука», 1986.
7. *Бойен Р.* Бельгийский корпус броневиков в Русской армии / / Последняя война Российской империи. Материалы Международной научной конференции 7—8 сентября 2004 г. — М., Издательство «Наука», 2006.
8. *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. — М., «Воениздат», 1983.
9. Будущая война на море и на суше. СПбг, «Новое время», 1913.
10. *Буняковский В.* Из опыта текущей войны. — Петроград, Издание Т-ва В. А. Березовский, 1916.
11. *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 1. — М.: Издательство политической литературы, 1988.
12. Великая война в образах и картинах. Выпуск III, — М. Издание Д. Я. Маковского, 1915.
13. *Ветошников Л. В.* Брусиловский прорыв. — М.: Воениздат, 1940.
14. *Верховский А. И.* Исторические примеры к курсу общей тактики. — М., Высший военный редакционный совет, 1924.
15. *Верховский А. И.* Общая тактика. — М., Военный вестник, 1927
16. Военная промышленность России в начале XX века (1900—1917). Документы и материалы. Под ред. Р. Ш. Ганелина. Т. 1. — М., «Новый хронограф», 2004.
17. Военный энциклопедический словарь. — М., «Воениздат», 1983.
18. «Выстрел» — полевая академия. Исторический очерк о Высших офицерских ордена Ленина Краснознаменных курсах «Выстрел» им. Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. — М., «Воениздат», 1969.
19. Генерал В. С. Михайлов 1875—1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. — М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

20. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. — М., «Вече», 2006.
21. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., «Советская энциклопедия», 1983.
22. Дегтярев В. А. Моя жизнь. — Тула, Областное книжное издательство, 1952.
23. Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914 – 1918 гг.. Краткий исторический очерк (Научная редакция и комментарий М. В. Супотницкого). — М., «Вузовская книга», 2008.
24. Деникин А. И. Очерки русской смуты. — Париж, 1921.
25. Деникин А. И. Путь русского офицера. — М., «Современник», 1991.
26. Жук А. Б. Стрелковое оружие. — М., «Воениздат», 1992.
27. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. — М. Государственное издательство художественной литературы, 1955.
28. Из боевого прошлого русской армии. Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров. Под ред. проф. Н. Коробкова. — М., «Воениздат», 1947.
29. Из истории русского военно-инженерного искусства. Сборник статей. — М., «Воениздат», 1952.
30. Известия Артиллерийской академии им. Дзержинского. Т. XXXI. — М.: Издание Академии, 1941.
31. История военного искусства. Сборник материалов. Выпуск III. Военное искусство эпохи империализма. — М., «Воениздат», 1952.
32. История Тульского оружейного завода 1712–1972. — М., Изд-во «Мысль», 1973.
33. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. — М., Издательство «Наука», 1988.
34. Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. — М., «Воениздат», 1963.
35. Карбышев Д. М. Избранные научные труды. — М., «Воениздат», 1962.
36. Каталог материальной части отечественной артиллерии. — Л., Артиллерийский исторический музей, 1961.
37. Керсновский А. А. История Русской армии. Т.4. — «Голос», 1994.
38. Ключко И. Живые силы войны. — М., «Военный вестник». 1926.
39. Князев М. С. Борьба в позиционных условиях. — М., «Госвоениздат», 1939.

40. Корицъ И. Г. Инструкция для метания ручныхъ бомбъ и гранатъ. Часть II. Описание гранатъ. — Петроградъ. Типография Штаба Петроградскаго военного округа, 1916.

41. Кулинский А. Н. Русское холодное оружие, тт. I и II. — Санкт-Петербург, «Атлант», 2001.

42. Лемке М. 250 дней в царской ставке. — Петроград, 1920.

43. Лигдель-Гарт Б. Правда о войне 1914—1918 гг. — М., «Госвоениздат», 1935.

44. Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. — Л., Издательство ЛГУ, 1984.

45. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. — М., Издательство «Дело», 2003.

46. Малиновский Р. Я. Солдаты России. — М., «Воениздат», 1969.

47. Маниковский А. А. Боевое снабжение Русской армии в мировую войну, изд. 2-е, переработанное и дополненное Е. З. Барсуковым. — М., «Госвоениздат», 1930.

48. Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. — СПб., «Полигон», 1995.

49. Материальная часть стрелкового оружия. Под ред. А. А. Благонравова, кн. 2. — М., «Оборонгиз НКАП», 1946.

50. Наставление для действий пехоты в бою. Высочайше утверждено 27 февраля 1914 г., — СПб, 1914.

51. Незнамов А. А. Пехота. Эволюция боевых форм. Современное вооружение, устройство, тактика, обучение и комплектование пехоты. — Петроград, 1923.

52. Описание материальной части пулеметов. Часть I. Пулемет Максима обр. 1905 и 1910 гг. — С-Пбг, Военная типография, 1912.

53. Описание материальной части пулеметов. Часть II. Установки. — С-Пбг, Военная типография, 1912.

54. Основания устройства стрелкового оружия. Под ред. В. Н. Зайцева. — М., «Воениздат», 1953.

55. Оськин Д. Записки солдата. — М., 1929.

56. Отечественная артиллерия. 600 лет. Под ред. Г. Е. Передельского. — М., «Воениздат», 1986.

57. Павлович М. (М. Вельтман). Мировая война 1914—1918 гг. и грядущие войны. — Ленинград, Государственное издательство, 1925.

58. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Репринтное воспроизведение изд. 1923 г. — М., «Политиздат», 1991.

59. Петухов С. И., Шестов И. В. История создания и развития вооружения и военной техники ПВО Сухопутных войск России, ч. 1. — М., Издательство «ВПК», 1998.

60. Пехота в бою. Сборник исторических примеров, составленный военно-историческим отделением пехотной школы армии США. — М., «Госвоениздат», 1936.
61. *Портнов М. Э., Слостин В. И.* Хроника развития отечественного вооружения. Выпуск первый. Стрелковое оружие. — М., «Армейский сборник», 1995.
62. *Португальский Р. М., Алексеев П. Д., Рунов В. А.* Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. — М., «Элакос», 1994.
63. *Прочко И. С.* История развития артиллерии. — С-Пбг., «Полигон», 1994.
64. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. — М., «Олма-Пресс», 2001.
65. *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. — М., «Наука», 1976.
66. Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков. Под ред. А. Г. Бескровного. — М., «Воениздат», 1960.
67. *Рыбин Д.* Лодзинская операция на русском фронте мировой войны в 1914 году. — М., «Воениздат», 1938.
68. *Свечин А. А.* Искусство вождения полка. — М.-Л., «Госиздат», 1930.
69. *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства. Том II. — М.-Л., «Военгиз», 1928.
70. *Сильников М. В., Химичев В. А.* Средства индивидуальной бронезащиты. — Санкт-Петербург, Фонд «Университет», 2000.
71. Советская военная энциклопедия. Т.1. — М., Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия», 1932.
72. *Спутник молодого командира.* — М., «Военный вестник», 1927.
73. Справочник по сухопутной военной технике иностранных государств. Ч.1, кн. II. Стрелковое оружие. — М., Издание IV Управления Штаба РККА, 1929.
74. *Сталин И. В.* Сочинения. Т.3. — М. Гос. издательство политической литературы, 1946.
75. Строевой пехотный устав. Высочайше утвержден 6 апреля 1908г. Исправлен и дополнен по 1 февраля 1916г. — Петроград, Издание Т-ва В. А. Березовский, 1916.
76. *Строков А. А.* История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма. — М. «Воениздат», 1967.
77. Тактика в трудах военных классиков. Т.2. Под ред. С. Лукирского. — Москва — Ленинград, «Госвоениздат», 1926.

78. Тау Моторизация и механизация армий и война. — М., «Госвоениздат», 1933.

79. Тихонов Е. Н. Ручное длинноствольное и среднествольное огнестрельное оружие (пособие для экспертов). — М., ВНИИСЭ, 1979.

80. Урланис Ц. Б. Война и народонаселение Европы. — М., Издательство социально-экономической литературы, 1960.

81. Устинов А. И., Портнов М. Э., Нацваладзе Ю. А. Холодное оружие. — М., «Арсенал-пресс», 1994.

82. Учебник молодого солдата пехоты. Составитель Добровольский С. А. — М., Издание военно-юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1917.

83. Фегоров В. Г. В поисках оружия. — М., «Воениздат», 1964.

84. Фегоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох. чч. 1–2. — Изд. Арт. академии РККА им. Ф. Э. Дзержинского, Л. — М., 1939.

85. Фегоров В. Г. Холодное оружие. — С-Пбг, 1905 г. Репринтное издание. — М., «Альпина Бизнес Бук», 2008.

86. Фегоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. Т.2. — М., «Воениздат», 1939.

87. Филатов Н. М. Краткие сведения об основаниях стрельбы из винтовок и пулеметов. — М., «Госвоениздат», 1937.

88. Хрестоматия по отечественной литературе (1914–1945 гг.). — М., Издательский центр ВЛАДОС, 1996.

89. Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. — М., «Воениздат», 1982.

90. Шафалович Ф. Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26–29 августа 1914 г.. — М., «Госвоениздат», 1938.

91. Широкопег А. Б. Отечественные минометы и реактивная артиллерия. Минск, «Харвест», — М., АСТ, 2000.

92. Эгере Ш., Истэн М. Химическое оружие и его токсическое действие. — М., «Госвоениздат», 1939.

93. Янчук А. М. Справочные баллистические и конструктивные данные стрелкового оружия. — М. — Л., Издание Артиллерийской академии РККА, 1935.

94. Bull S. Twentieth Century Arms & Armour. — London, Studio Editions, 1996.

95. Harold L. Peterson. The Remington Historical Treasury of American Guns, — New York, 1966.

96. Gander T. The Machinegun. A Modern Survey. — London, Patrick Stephens Ltd, 1993.

97. Gun Collector's Digest. Edited by J. J. Schroeder. DBI Books, 1999.

98. *Gun Digest Treasury*. Edited by H. A. Murtz. DBI Books, 1994.
99. *Hogg I., Adam R.* Guns Recognition Guide. Glasgow, Jane's/Harper Collins Publishers, 1996.
100. *Hogg I., Batchelor J.* The Machinegun. — London, Phoebus Publishing Co, 1976.
101. *Hogg I., Weeks J.* Military Small Arms of the 20-th Century. Northbrook, DBI Books, 1996.
102. *Myatt F.* The Illustrated Encyclopedia of 19-th Century Firearms. — NewYork, Crescent Books, 1994.
103. *Lugs J.* Handfeuerwaffen. bb.1,2. — Berlin, Military Verlag, 1982.
104. *Myatt F.* The Illustrated Encyclopedia of 19-th Century Firearms. — NewYork, Crescent Books, 1994.
105. *Pataj St.* Artyleria ladowa 1871—1970. — Warszawa, 1976.

Периодические издания:

1. *Асташов А. Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история, 2003, № 2.
2. *Бонч-Бруевич М. Д.* Конец царской армии // Военно-исторический журнал, 1989, № 6.
3. Броневые колесные щиты // Техника и вооружение, 1991 № 1.
4. *Бугаева Л.* Винтовки системы Мосина-Холодовского // Техника и вооружение, 1991, № 10.
5. *Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Чигарева Н. Г.* Военная медицина в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал, 2004, № 8.
6. *Виниковский, Вольфман* Ночная атака сводной бригады 2-й гвардейской дивизии у Тарнавки (8—9 сентября 1914 г.) // Военно-исторический журнал, 1939, № 2.
7. Военная мысль // 1950, № 9.
8. Военная мысль // 1951, № 4.
9. Военно-исторический архив // 1922.
10. Военно-исторический журнал // 1967, № 11.
11. Военно-исторический журнал // 1971, № 12.
12. Военно-исторический журнал // 1974, № 4.
13. Военно-исторический журнал // 1974, № 6.
14. Военно-исторический журнал // 1974, № 7.
15. Военно-исторический журнал // 1974, № 9.
16. Военно-исторический журнал // 1974, № 12.
17. Военно-исторический журнал // 1978, № 2.
18. Военно-исторический журнал // 1978, № 3.
19. Военно-исторический журнал // 1978, № 5.
20. Военно-исторический журнал // 1978, № 7.

21. Военно-исторический журнал // 1978, № 5.
22. Военно-исторический журнал // 1983, № 4.
23. Военно-исторический журнал // 1983, № 5.
24. Военно-исторический журнал // 1983, № 10.
25. Военно-исторический журнал // 1984, № 4.
26. Военно-исторический журнал // 1984, № 10.
27. Военно-исторический журнал // 1986, № 6.
28. Военно-исторический журнал // 1987, № 10.
29. Военно-исторический журнал // 1988, № 2.
30. Военно-исторический журнал // 1988, № 2.
31. Военно-исторический сборник, вып. 2, М. 1919.
32. Военный вестник // 1929, № 14.
33. Военный вестник // 1929, № 19.
34. Военный вестник // 1929, № 20.
35. Военный вестник // 1946, № 17 — 18.
36. Жилин А. Большая программа по усилению русской армии // Военно-исторический журнал. 1974, № 7.
37. Известия от 17 февраля 1921 г.
38. Иванов В. Пути развития и совершенствования ручных и ружейных гранат // Техника и вооружение. 1933, № 1.
39. Иоффе Х. В начале века // Радио, 1990, № 11.
40. Коротков А. Георгиевские кавалеры // Военно-исторический журнал // 1989, № 11.
41. Леонов О. Д. Мобилизация русской армии в августе 1914 г. и пополнение армии во время войны // Интернет-версия.
42. Летопись войны 1914 — 15 гг. // 1915, № 53.
43. Липатов П. Стальные шлемы 1914 года // Оружие. 2004, № 7.
44. Лопухин П. Из истории развития ручных и ружейных гранат // Военный вестник. 1950, № 12.
45. Мир оружия // 2005, № 2.
46. Мир оружия // 2005, № 10.
47. Московский журнал // 2004, № 10.
48. Нива // 1915, № 4.
49. Нива // 1915, № 5.
50. Нива // 1915, № 11.
51. Нива // 1915, № 30.
52. Нива // 1917, № 46 — 47.
53. Новый часовой // 1994, № 2.
54. Огонекъ // 1915, № 23.
55. Оружейный двор // 1995, № 1.
56. Оружие // 1999, № 6.
57. Оружие // 2000, № 6.
58. Природа и люди // 1914, № 38.
59. Природа и люди // 1915, № 35.

60. Природа и люди // 1916, № 9.
61. Природа и люди // 1916, № 14.
62. Природа и люди // 1916, № 18.
63. Природа и люди // 1916, № 38.
64. Природа и люди // 1916, № 39.
65. Природа и люди // 1916, № 43.
66. Природа и люди // 1916, № 52.
67. Смирнов А. Сибирский удар и саксонская сталь // Родина. 2004, № 9.
68. Таленский Н. А. Некоторые выводы из опыта войны 1914 – 1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1940, № 8.
69. Техника и вооружение // 1964, № 5.
70. Техника и вооружение // 1991, № 2.
71. Техника и вооружение // 1991, № 5.
72. Цейхгауз // № 24.
73. Якоби Н. О. Две газовые атаки, произведенные 4-й химической ротой в 1917 г. на Рижском фронте // Техника и снабжение Красной армии. 1924, № 117.
74. Якубов В., Скибинский Н. Из истории защиты от химического оружия // Военно-исторический журнал. 1983, № 1.
75. Guns & Ammo // 1996, № 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Часть 1

ВООРУЖЕНИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ, ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕХОТЫ

От сопок Маньчжурии до Галицийских полей	7
Производство, закупки, поставки	17
Самое массовое оружие	19
Пулеметы	104
«Автоматическая рота генерал-майора Федорова»	137
Револьверы и пистолеты	141
Ручные и ружейные гранаты	147
О новой системе вооружения	180
О холодном оружии	182
Содержание вооружения в войсках, ремонт	185
О вещевом довольствии	196
Средства индивидуальной защиты	206
Средства маскировки	231
Осветительные средства	232
Приборы наблюдения	236
Артиллерия и минометы	239
Об огнеметах	263
Шанцевый инструмент	265
Средства связи	270
Автомобили, мотоциклы, самокаты	273

Часть. 2

КОМПЛЕКТОВАНИЕ, БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА, ТАКТИКА ПЕХОТЫ. «ДУХ ВОЙСК»

О комплектовании	278
Об обучении и боевой подготовке	282
О формированиях	296
О тыловом снабжении	299
Продовольственное снабжение	302
Медицинское обеспечение	311
Потери и кризис в людях	325
Об отношении к солдату	329
Об отношении к войне	336
Об отношении к противнику	346
Пехота ведет бой	350
«Поддай огоньку!» (пехота и артиллерия)	503
«Противоаэропланная» оборона	516
«Газы, братцы!» (противогазовая оборона)	521
Пехота и бронесилы	532
Некоторые итоги	541
Приложения	547
Перечень источников	563

Первая мировая война привела не только к социальным революциям по всей Европе, но и к революционному перевороту в военном деле. И речь не только о боевой авиации, танках, газах и т.п. — в ходе войны радикально преобразился даже такой старейший род войск, как пехота: к традиционным винтовке и штыку прибавились принципиально новые системы вооружения и защиты, разительно изменились тактика и связь, снабжение и управление, боевая подготовка и способы взаимодействия войск, их облик и фронтовой быт. И все-таки, несмотря на все новшества и перемены, неизменным осталось главное — роль пехоты на поле боя: именно от нее по-прежнему зависел исход сражений, операций и целых кампаний, именно на ее плечи ложилась основная тяжесть боевых действий, именно пехота несла самые страшные потери, оставаясь «пушечным мясом» войны.

**Новая книга ведущего историка
вооружений — лучшее на сегодняшний день, самое полное и подробное,
беспрецедентное по охвату материала и глубине
анализа исследование боевого применения русской пехоты на всех фронтах
Первой мировой.**

ISBN 978-5-699-36759-7

9 785699 367597 >

